

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ
ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

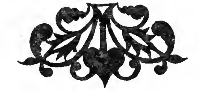

РУССКАЯ
НАРОДНАЯ
ПОЭЗИЯ

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1984

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1984

ББК 84.Р1
Р 89

Составление, подготовка текста,
вступительная статья,
предисловия к разделам и комментарии
В. ПУТИЛОВА

Оформление художника
Л. ЯЦЕНКО

Подбор иллюстраций
И. БОГУСЛАВСКОЙ

Р $\frac{4702010100-072}{028(01)-84}$ 37-84

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Эпический фольклор богат и многообразен — это мифы и сказки, предания и легенды, различные песни событийного характера. В эпосе нашли отражение самые разные стороны народной жизни: далекое прошлое и близкое настоящее, героическое и бытовое, трагическое и смешное, повседневное, реальное и исключительное, небывалое...

Русский классический фольклор знает два основных вида эпоса — прозаический и поэтический.

Первая и наиболее бросающаяся в глаза особенность русской народной эпической поэзии, резко отделяющая ее от литературных форм поэтического эпоса, состоит в том, что она всегда — поэзия песенная. Эпическое произведение в русском фольклоре не перекладывалось на музыку (как это иногда бывает с произведениями литературы), оно рождалось в музыкальной форме, выпевалось из уст сказителя в процессе его создания, а впоследствии — при каждом новом исполнении.

Это единство стиха и музыки восходит к фольклору первобытной эпохи, когда эпические формы складывались внутри различных обрядовых действий. В дальнейшем, когда эпос приобрел самостоятельное значение, именно песенная форма оказалась наиболее подходящей и эффективной для той главной общественной функции, какую он выполнял в жизни народа на протяжении столетий. Суть этой функции заключалась в том, что эпические произведения исполнялись певцом (или группой певцов) не для себя, но будучи обращены обязательно к какой-либо аудитории, которая была настроена на «эпическую волну» и воспринимала эпическую песню с глубокой верой в ее правдивость и с подлинным сочувствием к выражаемым ею идеям. Живой эпос был нужен народу как средоточие его исторической памяти и источник исторических знаний, как наиболее яркое и полное поэтическое выражение его героических, патриотических, социально-свободолюбивых устремлений. Вместе с тем он заключал в себе поэтическое отображение и осмысление широкого

течения обыденной народной жизни — в многообразии присущих ей в разные исторические эпохи противоречий, социальных конфликтов, семейных и бытовых драм...

Таким образом, живой эпос был на протяжении длительного времени важной частью традиционной духовной культуры народа, выражал существенные стороны нравственного народного кодекса.

Современному читателю приходится воспринимать русский народный эпос через книгу: живая эпическая традиция угасла, и лишь обращаясь к сделанным в свое время специалистами нотным записям, к некоторым произведениям русских композиторов да редким грампластинкам, можно частично представить, как звучали в живом исполнении былины или старшие исторические песни и баллады. Естественно, что с переходом в книгу эпический текст немало теряет: мы не слышим голосов певцов, не представляем себе специфических обстоятельств исполнения, реакции слушателей и т. п. Остается лишь, приняв печатный облик, слово, которое читатель по привычке готов уподобить слову поэта. Между тем текст фольклорного произведения сопротивляется инерции книжного восприятия, он заставляет нас искать пути к постижению его специфики.

Если в литературе каждое произведение отмечено печатью неповторимости, индивидуальности, то в фольклоре действует закон тождества, то есть стремление к единообразию способов и приемов художественного изображения, описания, организации повествования. Поэтика тождества наиболее полно осуществляется в текстах, относящихся к одному жанру,— собственно говоря, именно она обеспечивает жанровое единство. Вот почему мы имеем все основания рассматривать поэтический мир былин, баллад как относительно самостоятельные и в то же время обладающие очень высокой степенью внутреннего единства художественные системы. Былину, например, нетрудно узнать среди других произведений народной поэзии по композиции, сюжетным мотивам, по другим свойственным ей особенностям стиля. Со стороны собственно поэтической для русского песенно-стихотворного эпоса характерно отсутствие привычной стихотворной метрики: эпический стих, рассчитанный не на произнесение, а на пропевание, соотносится в своей структуре с ритмикой музыки. Созвучия — иной природы, чем литературная рифма,— образуются естественно и как бы попутно — как результат последовательной синтаксической организации и употребления разного рода грамматических повторов, однотипных суффиксов и т. п. Благодаря этому эпический стих обладает разветвленной звуковой инструментовкой, которая подчас поражает своей изысканностью.

Эпическая поэзия — поэзия повествовательная, событийная, потому важнейшую роль в эпических песнях играет сюжет. Именно через сюжет, то есть поэтический рассказ, организованный по определенным правилам, раскрывается смысл произведения, дается художественный анализ различных жизненных явлений. Хотя существует общий сюжетный фонд русского эпоса, но в разных жанрах — в былинах, балладах, исторических песнях, песнях сатирических, небылицах — сюжеты строятся и развиваются по-своему.

Общим для эпических сюжетов является их очевидное несоответствие реальной действительности. Так, в былинах описываются события, происшествия, ситуации, которые просто невозможно представить в жизни, персонажи их наделены качествами и способностями, какими обычные люди обладать не могли. Сюжетика былин полностью основана на фантастике, гиперболе, на допущении невозможного как реального. В исторических песнях эти черты появляются лишь эпизодически. Парадоксально, что исторические песни, создаваясь как непосредственный отклик на действительные события, в сюжетике своей подчас противостоят фактам истории. В балладах мотивы необычайного, неправдоподобного составляют густой пласт, ощутимо давая о себе знать даже в сюжетах, посвященных повседневным бытовым происшествиям, семейным конфликтам, причем мотивы эти удивительным образом взаимодействуют с подробностями и ситуациями вполне достоверными, пришедшими непосредственно из быта.

Одна из типичных граней эпической необычайности в сюжетах — это условность мотивировок: в объяснении поступков персонажей преобладают мотивы не столько достоверные — в бытовом, психологическом, социальном смысле,— сколько условные, подсказываемые логикой повествования, сюжетной заданностью. Отсюда на поведении эпических героев нередко лежит отпечаток недосказанности, загадочности (см., например, былины о Садко, о Михайле Потыке, исторические песни «Гнев Ивана Грозного на сына», «Платов в гостях у француза», баллады «Молодец и река Смородина», «Князь Роман жену терял...»).

Довольно часто встречается чисто поэтическая разработка различных ситуаций, в основе своей вполне бытовых: умирающий вдали от дома герой посылает родным прощальные слова с конем; солдаты отвечают на ультиматум врага обещанием приготовить ему «угощение»; конь спотыкается, предчувствуя беду, и вступает в диалог с хозяином...

Необычайность, условность, поэтизация составляют органические свойства эстетики эпоса, они относятся к числу наиболее важных способов художественного осмысления действительно-

сти, их нельзя рассматривать как нечто вторичное, как результат позднейшей работы народной фантазии. Художественный вымысел лежит у истоков любой песни, определяет характер сюжета, но вымысел этот подчинен законам эпического творчества и жанровой природе. Народное творчество осуществляет себя в рамках господствующей традиции, которая в новых исторических условиях, встречаясь с новыми жизненными проблемами, подвергается художественной переработке, трансформации. Но при этом традиция сохраняет в новом свои многочисленные и разнообразные следы — в виде отдельных образов и сюжетных мотивов, элементов характеристик персонажей, временны́х и пространственных примет и т. д. Этот традиционный пласт в любом сюжете очень важен, так как знание его позволяет прочитать текст песни с той глубиной, какая ему свойственна и какая выражена неявно. (Конкретные примеры такого прочтения предложены нами в статьях и примечаниях к разделам былин, исторических песен, баллад.) Читая любой песенный текст, следует помнить, что он рожден в процессе, в движении традиции, что для него естественны и неизбежны внутренние и внешние противоречия, сюжетные недосказанности, загадки, которые далеко не всегда поддаются надежному и тем более единственному разрешению.

Здесь как раз уместно сказать о такой существенной специфике фольклорных текстов вообще, эпических — в особенности, как вариативность: в отличие от литературы, где мы, как правило, имеем дело с одним, закрепленным текстом романа, повести, поэмы и т. д., эпическая поэзия такой закрепленности не знает, любая былина, песня существует в бесконечном множестве текстов, и все они равноправны по отношению друг к другу. Здесь пролегает водораздел между фольклором и литературой. Писатель, как правило, реализует свой художественный замысел в одном окончательном тексте, по отношению к которому все редакции и варианты занимают подчиненное место. В фольклоре, в частности в эпосе, художественный замысел никогда не получает единственного и законченного воплощения, он реализуется во множестве текстов, сюжет изначально как бы растекается по различным каналам, одни и те же ситуации получают разную трактовку, в вариантах могут отсутствовать или, напротив, появляться какие-то эпизоды, тем самым возникают как бы параллельные решения общей темы. К этому следует добавить, что длительное устное бытование песен, передача их от поколения к поколению еще более усиливает вариативные различия. Один и тот же былинный сюжет у разных сказителей может быть изложен по-разному.

Лишь совокупность множества вариантов дает более или менее

полное представление о сюжете в целом, в многообразии его трактовок и реализаций, в движении. В изданиях типа антологий, подобно нашему, восполнить отсутствие вариантов можно лишь в слабой степени, излагая сюжет или отдельные моменты его в примечаниях, приводя фрагменты из других вариантов и т. д. Во всяком случае, читатель должен знать, что предлагаемые ему в этой книге тексты былин, баллад, исторических песен не являются ни единственными, ни каноническими изложениями сюжетов, но лишь вариантами, отобранными с таким расчетом, чтобы дать возможно более четкое представление о разновидностях сюжетов в изложении подлинных мастеров фольклора.

В русском народном эпосе мы обнаруживаем массу сюжетов, которые встречаются и в фольклоре других народов. Былина «Добрыня Никитич, его жена и Алеша Попович» заставляет вспомнить «Одиссею» и узбекскую поэму об Алпамыше, где сюжеты строятся на тех же опорных моментах: муж уезжает, обязывая жену ждать его определенный срок; в его отсутствие к жене сватаются, муж успевает вернуться, попадает на свадьбу своей жены и восстанавливает свои права. Во всех трех произведениях есть некоторые поразительные совпадения (герой является неузнанным и затем обнаруживает себя и др.). Тема героического сватовства, сопровождаемого исполнением женихом трудных задач, столкновениями с другими претендентами, столь популярная в русском эпосе, принадлежит к числу «мировых тем», широко представленных в творчестве народов различных регионов света. «Мировыми» являются темы «бой отца с сыном» (былина «Бой Ильи Муромца с сыном»), «борьба героя с чудовищем» (былины «Добрыня и Змей», «Алеша и Змей Тугарин»), «герой в подземном мире» (былина о Михайле Потыке), «богатырский поединок» (историческая песня «Мастрюк Темрюкович»), «герою предсказана гибель» (удалая песня «Зловещий сон девицы»), «девушка в плену» (баллада «Брат спасает сестру из татарского плена»), «колдовское обращение девушки в дерево» (баллада «Девушка-рябинка») и другие. Можно говорить об общем сюжетно-тематическом фонде мирового эпоса. Наличие его обусловлено, во-первых, тем, что генетически многие сюжеты восходят к древнейшим традициям фольклора и мифологии первобытного общества, во-вторых, действием общих закономерностей народного творчества на сходных ступенях исторического развития, в-третьих, фактами взаимодействия между народами в процессе культурных контактов. Разумеется, каждый народ разрабатывал «мировые темы» по-своему, создавая произведения, отвечавшие его национальным традициям. Русская эпическая песня несет на себе

яркую печать самобытного народного начала — в содержании, в оценках, в изображении людей, в самом поэтическом языке. Вместе с тем она часто представляет собою национальную версию мировой сюжетной темы. Рассмотрение русского эпоса на фоне эпоса мирового, прочтение русских сюжетов в контексте мировой фольклорной сюжетики значительно обогащает наше понимание былин, исторических песен, баллад.

Сюжет — основа эпической песни, ее душа, но, чтобы сюжет воплотился в законченный текст, чтобы он сохранил свою устойчивость, необходимы столь же устойчивые, выработанные традицией нормы построения песни, развертывания повествования, ввода действующих лиц, их характеристик, согласования отдельных частей. Развертывание сюжета опирается на композиционные стереотипы, которых не так много, но которые в то же время поддаются варьированию. Так, в былинах есть свои устойчивые приемы для зачинов, для описания пира, где часто происходит завязка будущего конфликта, для ввода в действие главного героя-богатыря, для чередования речи «от певца» и прямой речи, для завершающих эпизодов.

В былинах повествование движется неторопливо, описания обстоятельны, песня фиксирует внимание на последовательно сменяющихся эпизодах, следя за тем, что происходит с главными героями. Таким же образом строятся некоторые старшие исторические песни и отдельные баллады, хотя описания в них не столь подробны, как в былинах, они более динамичны. О песнях этого типа мы вправе говорить как об эпических поэмах. Второй тип представлен рядом исторических песен и баллад: здесь все сосредоточено на одном эпизоде, который изложен более или менее обстоятельно; иногда ему предшествует экспозиция: кратко излагаются события, которые к этому эпизоду привели (в балладе «Мать князя Михайла губит его жену» сначала описан отъезд князя). Центральный эпизод, как правило, отличается драматизмом, напряженностью, он кульминация в ряду других событий, которые, однако, не описываются. Сюжет уподобляется айсбергу: в песне открыта лишь малая часть его, а многое, подчас очень важное, остается скрытым, спрятанным в подтексте. Третий тип песен отличается тем, что повествование в собственном смысле, то есть движение во времени и пространстве, отсутствует: дана статическая картина, рисующая состояние, к которому привел ряд событий и из которого события еще последуют, но ни тех, ни других в песне нет, мы их только можем вообразить. Сюжет в таких песнях можно воссоздать как некое обрамление к той картине, которая составляет предмет песни. Такова в нашем сборнике песня «Допрос разбойника». Граница между песней эпической и лирической здесь оказывается довольно зыбкой.

Многие народные лирические песни сюжетны — в том смысле как эпические песни третьего типа.

Разные типы развертывания сюжетов, разная степень повествовательной экспрессии, разные соотношения динамического и статического начала выражают различные способы художественного обобщения, различные возможности эпоса в подходе к тем или иным проблемам действительности.

Эпическая песня узнается не только по сюжету, по конструкции, но и по стилю. Былину, историческую песню, балладу отличает свойственный им поэтический язык — с присущим ему словарем, оборотами речи, грамматическими формами и построением фраз. Из песни в песню переходят стилистические приемы и выражения. Одни и те же ситуации, сюжетные подробности, описания предметов, действий, поступков получают единообразное стилистическое выражение — так появляются и получают широкое употребление эпические формулы, то есть готовые, отработанные долгой традицией стихи, части стихов, целые стихотворные блоки. В сущности говоря, любая эпическая песня сложена из массы таких формул. Разумеется, формулы не являются чем-то застывшим и неподвижным — они обладают способностью варьироваться, изменяться, расширяться или сокращаться. Так, разные певцы по-разному описывают княжеский пир, хвастовство гостей, скачку богатыря, поединок с врагом, красоту невесты и т. п., но всякий раз это будут приемы, выработанные традицией, и различия будут касаться частностей. Традиционны имена эпических персонажей, сочетание «Илья Муромец сын Иванович» естественно составляет в былине стих, легко соотносимый с музыкальной метрикой. Требованиям эпической поэтики соответствуют глаголы с приставками («распотешился», «принавезено», «принаполнились»), существительные с уменьшительными и ласкательными суффиксами («матушка», «Добрынюшка», «оконнички», «ествушки»), сочетания существительных с прилагательными («палаты белокаменны», «пшено да белоярово», «столики дубовые»). Во многом именно благодаря формульному языку, применяемому последовательно и регулярно, возникает у читателя (как прежде возникало у слушателя) ощущение цельного эпического мира, где все — персонажи, предметы, пространства — обладает устойчивыми, резко выделенными качествами, все изображается подчеркнуто экспрессивно, будучи окрашено гиперболой, ярким сравнением, идеализировано либо подано резко отрицательно.

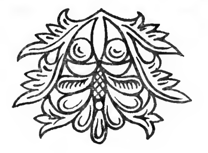
Особого внимания заслуживает синтаксическая упорядоченность эпических текстов, достигаемая тем, что ряды стихов строятся однотипно, симметрично, затем принцип построения меняется и идут новые симметричные ряды — и так на

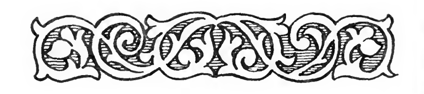
протяжении огромного текста, причем по-разному построенные ряды, периоды (тирады) удивительным образом взаимодействуют, переливаются друг в друга: так создается непрерывное организованное движение текста, тонко отлаженное, подобное узору сложного орнамента.

Поэтика песенного эпоса — результат коллективного творчества, в котором вековые традиции сплелись с работой поколений сказителей, среди которых было немало выдающихся мастеров, глубоко чувствовавших поэтическое слово.

Б. Путилов

БЫЛИНЫ

БЫЛИНЫ

Былины — термин книжный, народные певцы называли песни этого типа ста́ринами, тем самым подчеркивая их древность. Одна былина начинается так:

Кто бы нам сказал про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью Муромца?

Характерна глубокая вера творцов и хранителей былин в то, что в них поется о «бывалом», происходившем когда-то: и богатыри, наделенные необыкновенной силой, и их враги — человекоподобные чудовища, и чудесные кони, и вещие птицы, и волшебницы, змеи, туры златорогие,— все они были, населяли землю, совершали свои необыкновенные дела, и не где-то в сказочных странах, а в древнерусских городах — Киеве, Новгороде, Галиче, на просторах южно-русских степей, в дремучих северных лесах, у Днепра, Волги, на берегах северных морей...

Если какой-нибудь собиратель XIX века указывал на несоответствие подвигов богатырей реальным человеческим возможностям, сказитель объяснял это очень просто: «в наше время» подобное невозможно, но когда-то были такие богатыри. При этом заонежский крестьянин мог показать на клочок поля, очищенный от огромных валунов, и сказать, что поле очистил Илья Муромец.

Существует довольно распространенное мнение, согласно которому в основе любой былины лежит конкретное историческое событие, а большинство былинных персонажей имеет реальных исторических прототипов. Сначала народ будто бы создавал исторические песни о подлинных событиях и людях, но с течением времени они подвергались эпической переработке и принимали вид былин. При таком подходе содержание былин обедняется и упрощается, причем конкретно-исторические

толкования их неизменно изобилуют натяжками (например, в былине «Добрыня и Змей» усматривают отражение факта крещения русских при князе Владимире, при этом богатырь Добрыня Никитич соотносится с историческим лицом — дядей Владимира Святославича — Добрыней).

Гораздо более обоснованным является подход к былинам как к художественным произведениям, создававшимся в форме богатырских, фантастических по содержанию песен, не связанных с конкретными фактами истории и реальными лицами. Как и у других народов, находившихся на стадии распада первобытно-общинного строя, у предков русских были героические песни, воспевавшие родоначальников племен, великих воинов, мифологических героев. Песни этого типа нам хорошо знакомы по фольклору народов Сибири и Крайнего Севера, в их сюжетике очень много сходного с былинами (главные темы — героическое сватовство, борьба с чудовищами, кровная месть, защита племени от иноземных нашествий; главные персонажи — богатыри, женщины-богатырки, чудовища, вожди вражеских племен). Архаический эпос продолжал сохраняться и в фольклоре Киевской Руси. В процессе перерастания родоплеменного общества в феодальное, рождения государственности и формирования древнерусской народности он подвергался постепенной длительной эволюции; новая историческая действительность, новые понятия и общественные конфликты, новые идеалы определяли направление этой эволюции. Мифические и племенные герои приобретали черты богатырей-воинов, защищающих Киев, выполняющих поручения князя, совершающих подвиги в пределах Русской земли и в сопредельных землях; чудовища принимают вид исторических врагов Киевской Руси — степных кочевников, иноземных правителей и военачальников; появляется новый персонаж — князь Владимир, воплощающий народные понятия о государственности; город Киев предстает как исторический центр Русской земли. Старый родоплеменной эпос как бы поглощается новым, но не растворяется в нем, многие былинные сюжеты можно понять лишь через разгадку их прежнего смысла (см. комментарий к былинам о Добрыне, Садко и др.).

Таким образом, исторические реалии, с которыми мы время от времени встречаемся в разных былинах,— это не остатки прежних исторических песен, якобы превратившихся в фантастические повествования, а проявления поздней творческой работы: исконный слой в былинах — фантастический, мифологический, более поздний — исторический, но о двух слоях можно говорить лишь условно, так как в действительности они составляют одно целое. Так в богатыре Добрыне Никитиче есть и черты древнейше-

го мифологического героя и героя племенного, дружинника XI века, и воеводы князя Владимира Святославича, выполняющего важные государственные поручения. Но при всем том перед нами — цельный поэтический образ, который представляет собою, как и другие богатырские образы, прежде всего художественное обобщение, рожденное народным творчеством. Богатырство воплощает понятия народа о его собственных героических силах и возможностях. Богатыри служат общенародному делу, защите государства, отстаивают справедливость, помогают слабым. В богатыре слиты сила и добро, доблесть и нравственное начало, богатыри — активные носители народной морали, в их поведении воплощается народный нравственный кодекс. Не будем забывать, что мы имеем дело с бытом и нравами далекой древности, с «языческими» нормами и отношениями,— и тогда станут понятны жестокость, какую подчас проявляют богатыри («Иван Годинович»), строптивость и нежелание считаться с общепринятыми взглядами («Василий Буслаев»), особенная роль предсказаний, зловещих сновидений, колдовства и т. д. Но вместе с тем богатырство во многом сохраняет и для нас идеал поведения человека, восхищая и покоряя такими качествами, как безоглядная решимость отстаивать правое дело, как готовность говорить резкую правду в лицо государям, как глубина и верность сыновних и супружеских чувств. Не случайно главные богатыри русского эпоса входят в галерею национальных героев и прославленных персонажей русского искусства.

Былины — жанр монументальной народной поэмы, сюжеты их отличаются масштабностью, величавостью изложения, тщательностью поэтической разработки. Подавляющее число этих сюжетов создано на традиционно эпические темы, разрабатываемые в творчестве народов мира. Вместе с тем они характерны именно для русского эпоса и в такой форме нигде не повторяются. Любая былина прочитывается более или менее полно на фоне мировой эпической традиции, и даже многие частности того или иного сюжета можно понять, лишь привлекая инонациональный эпический материал, представляющий более ранние стадии разработки темы (см. комментарий к отдельным былинам).

До нас дошло около ста былинных сюжетов. Значительная часть их может быть сгруппирована в два основных цикла — былины киевские и новгородские. Новгородских былин сравнительно немного — о Садко, о Василии Буслаеве, Хотене, еще две-три. Возникали они скорее всего в XII—XV веках, когда Новгород был самостоятельным и сильным политическим и культурным центром Руси. Былины отразили ряд характерных особенностей социальной, бытовой и культурной обстановки в Новгороде (могущество его как торгового города, заморская торговля,

социальные столкновения различных сил, так называемые братчины, ушкуйничество и др.— см. комментарий к былинам). В то же время в новгородских былинах достаточно сильно ощутимы общие для русского эпоса мотивы и идеи.

Основные произведения русского эпоса составляют былины киевские. В эпосе в идеальной форме отразилась роль Киева как центра первого русского государства. В былинах Киев — место основных событий, отсюда богатыри направляются на подвиги. Киев — также арена боевых столкновений богатырей с чужеземными поработителями. Под Киевом совершается — вопреки действительным фактам истории — полный разгром татарского нашествия, причем победу одерживает небольшая богатырская дружина. Странно было бы видеть здесь поэтическое отображение Куликовской битвы. По былинам об отбитом татарском нашествии можно заключить, что эпос не искажает историю, но конструирует ее по-своему, в духе народных представлений, как бы исправляет ее ошибки. Если на самом деле между поражением под Киевом и победой на Куликовом поле протекли полтора столетия ига, то в эпосе все иначе: киевские богатыри не допустили татар до Киева и обратили их в бегство. Эпосу свойственно чувство исторического оптимизма, он не говорит о поражениях, тема бед народных в нем составляет лишь фон, перекрываемый утверждением неминуемой победы справедливости. Замечательна былина о богатыре Василии, принадлежащем самым низам киевского общества, одерживающем победу над Батыгой (или Кудреванкой в других вариантах), опираясь лишь на собственную силу и решимость.

В героических былинах нередко звучат социальные мотивы: богатырь, народный герой, оказывается в противоречии с князем, с боярами, иногда вынужден уехать из Киева, его заточают, пытаются унизить, он отстаивает свое достоинство, резко осуждает неблаговидные поступки князя или княгини, но он же и переступает через личную обиду, когда нужно встать на защиту Киева и киевлян.

Значительную тематическую группу составляют былины о героической борьбе богатырей с противниками: Илья Муромец и Соловей-разбойник, Илья Муромец и Идолище, Добрыня и Змей, Алеша Попович и Змей Тугарин и др.

Возможно, что в былинах преломились и какие-то факты и события, но они не имеют существенного значения для понимания этих былин, потому что на первом плане здесь — исторические обобщения, реализованные в фантастической форме. Важно не то, есть ли что-то конкретное за историей о Соловье-разбойнике, а вполне очевидный художественный смысл песни: богатырь отправляется в Киев, чтобы служить своей силой его безопасности, и по пути совершает воинский подвиг —

освобождает город Чернигов и побеждает чудовище, преграждающее дорогу к Киеву; в реальность подвига не верят князь и бояре («во глазах, мужик, ты насмехаешься»), свист Соловья повергает их в страх, былина завершается апофеозом Ильи Муромца и сценой принятия его в состав киевского богатырства. Все здесь предельно выпукло и ярко: характеристика темных сил, мешающих единству Киевской Руси; подвиг богатыря, приобретающий характер национального дела; жесткая оценка правящих сил Киева; утверждение богатырства как единственной надежной опоры русской земли. В том же духе, хоть и с меньшей масштабностью, изображаются подвиги Добрыни и Алеши, уничтожающих Змеев. Попытки найти за этими Змеями исторических персонажей (например, половецких ханов) фактически необоснованны и ничего не добавляют к прочтению былин в их общем художественном смысле.

Тема героического сватовства и борьбы за женщину — одна из самых популярных в русском эпосе. В былинах повторяются и варьируются некоторые ситуации, частично представляющие собою переработку архаического наследия, частью же обязанные истории Киевской Руси. Исходным для сюжетов о сватовстве является мотив суженой: богатырь ищет невесту, «предназначенную» ему, а девушка ждет «предназначенного» жениха; ситуация эта загадочна, так как в былинах не объясняется, почему именно эти персонажи предназначены друг другу. Перед нами тот случай, когда художественный мотив создается в результате переосмысления и многократной переработки некогда существовавших брачных норм. Согласно былинам, герой, чтобы подтвердить свое право на суженую, должен выполнить трудные задачи, разгадать загадки, победить соперников и т. д. С очень архаическим мотивом мы встречаемся в былине о Дунае: здесь суженая героя — сама богатырская дева, и жених должен победить ее в поединке. В былинах нередка ситуация, когда суженая принадлежит враждебному миру, она волшебница, фантастическая дева и т. д. («Михайло Потык»). В этих случаях борьба за невесту превращается в борьбу против нее («Добрыня и Маринка», «Иван Годинович»). Наконец, тема сватовства приобретает характер государственный: богатыри добывают жену для князя Владимира, попутно совершая героические подвиги. В более поздних былинах эти мотивы получают остро социальную окраску: князь Владимир, в нарушение всех принятых норм, пытается отнять для себя жену у богатыря, и на этой почве происходят драматические события, иногда — с трагической развязкой («Данила Ловчанин», «Князь Борис Романович»).

Былины на тему героического сватовства и борьбы за женщину дают исключительно яркие примеры того, как

эпическое творчество с необыкновенным искусством использует возможности, заложенные в традиционных, уходящих в глубокую древность мотивах и ситуациях, наполняя их новым и разнообразным историческим содержанием, разрабатывая их в социальном, бытовом, психологическом плане.

Заметный раздел русского эпоса составляют былины о состязаниях. В основе их сюжетов обычно лежит некая вполне условная ситуация: князь Владимир и богатырь Иван договариваются о состязании в конской скачке («Иван Гостиный сын»); жена Ставра должна перехитрить князя Владимира и его приближенных, доказать, что она — действительно посол чужой земли («Ставёр Годинович»); крестьянин Микула Селянинович предлагает дружинникам Вольги померяться с ним силой — поднять и убрать его соху («Вольга и Микула»); мотивы спора-состязания определяют сюжет былины о Дюке. Есть во всех этих былинах нечто общее: богатырь либо персонаж, на стороне которого симпатии певцов и который воплощает народное начало, выходит победителем, обнаруживая свое полное превосходство в силе, умении, ловкости, сообразительности; его победа неизменно заключает вывод о его нравственном превосходстве, соперники — чаще всего сам князь или приближенные князя — не только побеждены, но и посрамлены.

Вообще былинные сюжеты строятся таким образом, чтобы все внимание слушателей было сосредоточено на деяниях одного персонажа-героя. Былина — это всегда песня о подвиге, приключении, событии из жизни богатыря. Правда, не все персонажи русского эпоса могут быть названы в строгом смысле слова богатырями, поскольку не все они обладают богатырскими качествами — мощью, воинской доблестью, чудесными свойствами. Классический тип русского богатыря — Илья Муромец. В его облике, его эпической биографии отчетливо проглядывают черты, характерные для героев мирового эпоса: Илья Муромец чудесным образом получает силу, при этом ему предсказывают, что «смерть ему на бою не писана»; он добывает себе богатырского коня, который впоследствии помогает ему одерживать победы и даже спасает его в моменты смертельной опасности; эти мотивы явно восходят к эпосу архаическому. Подвиги Ильи Муромца также несут в себе архаические следы: он побеждает чудовищ, убивает злую волшебницу, губившую людей. Но главное в Илье Муромце — то, что он герой нового типа, богатырь, беззаветно служащий русской земле, защищая ее от врагов. Он возглавляет богатырскую дружину, выступает против врага, захватившего Киев, наконец, он организует отпор татарам и сам осуществляет разгром чужеземных полчищ. Ему присущи сознание своей силы, высокое чувство достоинства, чести и справедливости. Былины

подчеркивают крестьянское происхождение Ильи, и не случайно первый по времени его подвиг — очищение участка земли от камней и пней под пашню.

В изображении богатырей неизменно преобладают гипербола, идеализация: это герои, выступающие за всеобщее благополучие, за независимость родной земли, за справедливость. Отнесение их к тому или иному разряду русского общества в былинах обусловлено скорее сюжетными ситуациями, чем социальными мотивами: из былины трудно понять, например, к какому слою принадлежит Добрыня: иногда это свободный воин, поступающий по своему разумению, порою же он вынужден безропотно действовать по приказу князя. Есть богатыри — торговые люди, «гости», богатыри — боярские дети, богатыри — дружинники. Так или иначе былинные герои являются выразителями народных интересов и, служа Киевскому государству и князю, оказываются нередко в разладе с властью.

Рядом с Киевом упоминаются и становятся местом событий Новгород, Чернигов, Галич, Волынь, река Днепр, озеро Ильмень, море Верейское (то есть Балтийское); называются Индия, Корела, Литва, Орда в качестве сопредельных земель, откуда приходят враги или куда направляются богатыри; поразительны по размаху описания русской степи или русских лесов, болотистых пространств, длинных дорог. Очевидно, что за всем этим стоят реальный опыт, знания и географии, и истории... С другой стороны, если бы попытаться по данным былин нарисовать карту, она совершенно не совпала бы с картой подлинной — настолько смещены в былинах масштабы, передвинуты координаты, нарушены расстояния. Индия оказывается рядом с Корелой, и там же где-то находится Галич; богатырская застава расположена под Киевом, но окружена она — с одной стороны, бескрайней степью, с другой — необыкновенной высоты горами, с третьей — студеным морем, и т. д. Богатыри преодолевают пространства с удивительной легкостью, так что возникает впечатление, что пространства эти чисто декоративные. В былинах немало географических названий, которые напрасно будем искать на настоящих картах, либо эти названия так искажены, что о соответствиях приходится гадать: города Шахов и Ляхов, река Смородина, Буян-остров, земля Поленецкая, горы Сорочинские, Сафат-река и многие другие входят в эпос не как реалии, но как постоянные и условные места со своими устойчивыми значениями: земля Поленецкая и др.— это вражеские земли; Сафат-река — место встреч богатырей, и т. д.

Какое время изображено в былинах? Исследователи, изучавшие разнообразные приметы времени, отраженные в именах, географии, предметах быта, вооружении, в социальных и семей-

ных отношениях, в описаниях жилищ, крепостей, орудий труда и т. д., неизменно приходили к выводу о хронологической неоднородности их: что-то соответствовало эпохе Киевской Руси, что-то относилось к временам Московской Руси, находились и реалии совсем поздние, но многое вообще невозможно было датировать. Между тем, эпический мир предстает перед нами в художественном смысле цельным. Его невозможно определять *десятилетиями и даже столетиями*: он представляет собою грандиозную народно-поэтическую конструкцию. Народ воспел свою «эпическую эпоху» — время великих событий, богатырских деяний, консолидации русской народности, ранней государственности, время великих испытаний и возможностей. Эпоху эту он определил вполне ясно, поставив в центр событий Киев-град, но при этом не последовал за летописями, а создал *эпос*.

Русская былина сохранилась в северно-русских крестьянских формах. Вплоть до первой четверти XX века в Карелии, в русских селах Печоры, Мезени, беломорского побережья и в прилегающих районах многие поколения сказителей хранили, передавали, творчески развивали ста́рины; здесь существовали свои сказительские «школы», поддерживались традиции семейного сказительства; здесь певцы былин находили благодарную аудиторию. Отдаленность от центров, устойчивость быта, характер занятий, свобода от крепостного права способствовали живому бытованию эпоса. Разумеется, он не оставался неизменным, очевидно одно: северная былина продолжает и завершает многовековой процесс русского народного эпического творчества, наследуя такие важнейшие качества эпоса древнерусского, как его сюжетика, героические идеалы, круг персонажей, изображение «эпического мира».

Северно-русский сказитель — один из замечательнейших феноменов народного искусства. Стремясь как можно бережнее хранить былину, он постоянно вносил в нее нечто новое. Он владел сложнейшим искусством сохранения в своем творческом воображении и непосредственного воспроизведения огромных текстов в их музыкально-поэтической форме, богатстве их выразительных оттенков, искусством, неизменно заражавшим слушателей. Вот одно из немногих, к сожалению, описаний исполнения былины в северно-русской деревне в конце XIX века: «Утка (прозвище сказителя Никифора Прохорова.—*Б. П.*) далеко откинул назад свою голову, потом с улыбкой обвел взглядом всех присутствующих и, заметив в них нетерпеливое ожидание, еще раз быстро откашлянулся и нача́л петь. Лицо старика певца мало-помалу изменялось, исчезло всё лукавое, детское и наивное. Что-то вдохновенное выступило на нем: голубые глаза расширились и разгорелись, ярко блестели в них

две мелкие слезинки, румянец пробился сквозь смуглость щек, изредка нервно подергивалась шея.

Он жил со своими любимцами-богатырями, жалел до слез немощного Илью Муромца, когда он сиднем сидел тридцать лет, торжествовал с ним победу его над Соловьем-разбойником. Иногда он прерывал себя, вставляя от себя замечания. Жили с героем былины и все присутствующие. По временам возглас удивления невольно вырывался у кого-нибудь из них, по временам дружный смех гремел в комнате. Иного прошибала слеза, которую он тихонько смахивал с ресниц. Все сидели, не сводя глаз с певца, каждый звук этого монотонного, но чудного, спокойного мотива ловили они».

Былины, записанные от народных сказителей и ставшие достоянием книги, вошли в современную мировую культуру.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ли города из Муромля,
Из того ль села да Карочирова
Выезжал дородный добрый молодец,
А ведь старый казак Илья Муромец.
Он заутреню тую христовскую
А стоял во граде во Муромле
И хотел попасть к обедне в стольно
Киев-град.
Брал у батюшки, у матушки прощеньице,
А прощеньице-благословеньице,
Кладовал он заповедь великую —
Не съезжаться, не слетаться во чистóм полú
И не делать бою-драки-кроволития.
Так тут старый казак Илья Муромец
Заседлал тут своего добра коня,
А он малого бурушку косматого,
Выезжал в раздольице чистó поле.
Его путь-дорожка призамешкала,
Он не мог попасть ко городу ко Киеву,
А попал ко городу Чернигову.
Усмотрел под городом Черниговом —
Нагнанó там силушки черны́м чернó,
А черным черно как черна́ ворона́.
Хочут чёрных мужичков да всех повырубить,
Хочут церкви божии на дым спустить.
Разгорелось сердце у бога́тыря,
А у старого каза́ка Ильи Муромца,
Нарушúл он заповедь великую,
Просил себе да бога на́ помочь
Да пречисту пресвятую богородицу.

Припускал коня на рать-силу великую,
Стал он силу с крайчика потаптывать,
Конем топтать да из лука́ стрелять,
Стал рубать их саблей вострою,
Своим копьем да муржемецкиим *[1].
Притоптал он силу-рать великую.
Подъезжал ко городу Чернигову,
Отворялися ворота во Чернигов-град,
Выходят мужички черниговски
Да низко ему поклоняются:
«Ай же ты дородный добрый молодец!
А иди-ко ты ко мне да воеводою,
Воеводою да во Чернигов-град».
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же вы мужички черниговцы!
Не пойду я к вам да воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в Киев-град».
Говорят ему мужички черниговцы:
«Прямоезжая дорожка заколодела *,
Заколодела дорожка, замуравела *,
Замуравела дорожка ровно тридцать лет.
Как у той ли реченьки Смородинки,
Как у той ли грязи, грязи черные,
Как у той ли березыньки покляпоей *,
У того креста Леонидова
Сидит Соловей-разбойничек Дихмантьев сын
На семи дубах, в девяти суках;
Как засвищет Соловей по-соловьиному,
Закричит, собака, по-звериному,
Зашипит, проклятый, по-змеиному,
Так все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки отсыпаются,
А что есть людей вблизи — все мертвы́ лежат.
Прямоезжеей дорожкой есть пятьсот всех верст,
А окольною дорожкой-то всех тысяча».
Так тут старый казак Илья Муромец
Повернул коня богатырского
И поехал по раздольицу чисту́ полю́,
По той ли дорожке прямоезжеей.
Подъезжал ко реченьке Смородинке,
Ко той ли грязи, грязи черноей,

[1]* Слова, отмеченные звездочкой, объясняются в словаре в конце книги.

Ко той ли березыньке покляпоей,
Ко тому ли кресту Леонидову.
Как завидел его Соловей-разбойничек,
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Закричал, собака, по-звериному,
Зашипел, проклятый, по-змеиному.
Как все травушки-муравы уплеталися,
Все лазоревы цветочки осыпалися,
Мелки лесушки к земле да приклонялися,
А что есть людей вблизи — так все мертвы́ лежат.
А у старого каза́ка Илья Муромца
А конь на корзни́ * спотыкается.
Так тут старый казак Илья Муромец
Говорит коню да таковы слова:
«Ах ты волчья сыть *, травяной мешок!
Ты везти не мошь и идти не хошь.
Не слыхал что ль посвисту соловьего,
Не слыхал что ль покрику звериного,
Не слыхал что ль пошипу змеиного?»
Сам берет он в руки плеточку шелко́вую,
А он бил коня по тучны́м бедра́м,
Другой раз он бил меж ноги задния,
Третий раз он бил коня между́ ушей,
А удары давал да всё тяжелые.
Отстегнул свой ту́гий лук разрывчатый *,
Натянул тетивочку шелко́вую,
Наложил стрелочку каленую,
А он сам стрелке приговаривал:
«Ты просвисни, моя стрелочка каленая,
Попади ты в Соловья-разбойничка».
Сам спустил тетивочку шелковую
Во тую ль стрелочку каленую,
Тут просвиснула стрелочка каленая,
Попала в Соловья-разбойника,
Попала в Соловья да во лево́й висок,
Сбила Соловья да на сыру землю,
На сыру землю да во ковыль-траву.
Как тут старый казак да Илья Муромец
Подъезжал он к Соловью близёшенько,
Захватил он Соловья да за желты́ кудри́,
Сковал он Соловью да ручки белые,
Сковал он Соловью да ножки резвые,
Привязал ко стремечку булатному,
Сам поехал дорожкой прямоезжеей,
Прямоезжеей в стольно Киев-град.

Тут случилось старому казáку Илье Муромцу
Ехать мимо Соловьина гнёздушка.
У того Соловья-разбойничка
А было́ три дочери любимые.
Посмотрела в окошечко тут старша дочь,
Говорит она да таковы слова:
«Наш-то батюшка сидит да на добро́м кони,
А везет да мужика да деревенщину
У правого у стремечка приковано».
Посмотрела в окошечко тут средня дочь,
Говорит она да таковы слова:
«Наш-то батюшка сидит да на добро́м кони,
А везет да мужика да деревенщину
У правого у стремечка приковано».
Посмотрела тут в окошечко младша дочь,
Говорит она да таковы слова:
«Ай сестрёнушки мои родимые!
А ведь о́кушком вы есть тупёшеньки,
Умом-разумом вы есть глупёшеньки.
А сидит мужик да деревенщина,
А сидит мужик да на добро́м коне,
Наш-то батюшка на стремени приковано».
«Ай же му́жевья наши любимые!
А берите-ка рогатины звериные,
А бегите-тка в раздольице чисто́ поле́
И убейте-тка мужика да деревенщину».
Эти му́жевья любимые
Берут рогатинки звериные,
Скоро-наскоро бежат да во чисто́ полё,
Чтоб убить им мужика да деревенщину.
Как завидел их да Соловей-разбойничек,
Скричал да Соловей да громким голосом:
«Ай же зятевья мои любимые!
А бросайте-ка рогатинки звериные,
Подбегайте к добру молодцу близёшенько,
Берите-тка за рученьки за белые,
За его за перстни золоченые,
Ведите-тка в Соловье гнездышко,
Кормите его ествушкой саха́рнией,
Поите его питьицем медвяныим
И дарите ему да́ры драгоценные».
Эти зятевья ль любимые
Побросали рогатинки звериные,
Подбегают к добру молодцу близе́шенько,
Хочут брать его за рученьки за белые,

За его за перстни за злаченые.
Как тут старый казак Илья Муромец
А он выдернул свою саблю острую,
Отрубил он им да буйны головы,
Половину он роет [1] серы́м волкам,
А в другую половину чёрным во́ронам.
Сам поехал дорожкой прямоезжеей,
Прямоезжеей во стольно Киев-град.
Приезжал ко князю на широкий двор,
Сходил с коня на матушку сыру́ землю,
Сам идет в палаты белокаменны.
На пяту * он дверь да поразмахивал,
А он крест кладет да по-писа́нному,
А поклон кладет да по-ученому,
На четыре на сторонушки поклоняется,
А князю́ Владимиру в особину,
А его всем князьям да подколенныим *:
«Здравствуй, князь Владимир стольно-киевский!
Я приехал из города из Муромля
Послужить тебе верой-правдою,
Защищать я буду церкви божии,
Защищать я веру христианскую,
Защищать буду тебя, князя Владимира
Со своей Апраксей-королевичной».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ты откудашный дородный добрый молодец,
Ты с какой земли да из какой орды,
Ты какого отца да есть матери?
По имечки тебе можно место дать,
По отечеству тебя пожаловать».
А ведь князь Владимир стольно-киевский
Только что пришел из церкви божией,
От той ли от позднеей обеденки,
Сидят за столичком дубовыим,
На тех ли скамеечках окольныих [2],
Едят ествушки саха́рнии,
Пьют питьица медвяные.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты дородный добрый молодец,
Старый ты казак да Илья Муромец!
Ты какой дорожкой ехал в стольно Киев-град,
Прямоезжеей али окольноей?»

[1] Р ы т ь — бросать.
[2] С к а м е е ч к и о к о л ь н ы е — вокруг стола.

Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ехал я дорожкой прямоезжеей,
Прямоезжеей во стольно Киев-град».
Говорит князь Владимир стольно-киевский:
«Во глазах, мужик, ты надсмехаешься,
Хочешь ты пустым похвастаться —
Где тебе проехать дорожкой прямоезжеей,
Прямоезжеей во стольно Киев-град!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела да замуравела,
Замуравела да ровно тридцать лет.
Как у той ли реченьки Смородинки,
Как у той ли грязи, грязи черныей,
Как у той ли березыньки покляповой,
У того креста Леонидова
Сидит Соловей-разбойничек Дихмантьев сын.
Как засвищет Соловей по-соловьиному,
Закричит, проклятый, по-звериному,
Зашипит, проклятый, по-змеиному,
Так все травушки-муравушки уплетаются,
Все лазуревы цветочки осыпаются,
Мелки лесушки к земле да приклоняются,
А что есть людей — так все мертвы́ лежат».
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же князь Владимир стольно-киевский!
А теперь Соловей-разбойничек на твоем дворе,
На твоем дворе да на моем коне,
У правого стремечка приковано».
Так тут князь Владимир стольно-киевский
Со всеми князьями подколенными
Пошли на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойничка.
Так тут князь Владимир стольно-киевский
Одел шубку на одно плечо,
Одел шапочку соболью на одно ушко,
Поскорёшеньку выходит на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойничка.
Увидали Соловья-разбойничка,
Ужахнулись ихнии сердечушка.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же Соловей-разбойничек Дихмантьев сын,
Засвищи-тка, Соловей, да по-соловьиному,
Закричи, собака, по-звериному,
Зашипи, проклятый, по-змеиному».
Говорит тут Соловей-разбойничек:

«Ай же князь Владимир стольно-киевский!
Не у тя сегодня ел и пил —
Не тя сегодня я хочу послушаться;
Ел и пил я у каза́ка Ильи Муромца —
Его буду я и слушати».
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же Соловей-разбойничек Дихмантьев сын!
Засвищи-тка, Соловей, на полсвиста́,
Засвищи-тка, Соловей, на полкрика́,
Зашипи-тка, Соловей, на полшипа».
Говорит тут Соловей-разбойничек:
«Ай же ты старый казак Илья Муромец!
Запечатались мои кровавы ранушки
От того-то удара от тяжелого,
Ты налей-ка мне чару зелена вина,
Не малую стопу — в полтора ведра,
Разведи медами всё стоялыми,
Поднеси-тка мне, да Соловью-разбойничку».
Так тут старый казак Илья Муромец
Налил ему чару зелена вина,
Не малую стопу — в полтора ведра,
Поднес он Соловью-разбойничку.
Как тут выпил Соловей-разбойничек
Эту ль чару зелена вина,
Почуял скорую кончинушку,
Засвистел Соловей во полный свист,
Закричал, собака, во полный крик,
Зашипел, проклятый, во полный шип,
Так тут все травушки-муравушки уплетаются,
Все лазоревы цветочки отсыпаются,
Малы лесушки к земле да приклоняются,
А что есть людей вблизи — все мертвы́ лежат.
А из тех ли теремов высокиих
Все хрустальные стеколышки посыпались.
А Владимир-князь да стольно-киевский
А он по двору да в кружки бегает,
Куньей шубкой да укрывается.
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же Соловей-разбойничек Дихмантьев сын!
Что ж ты моего наказа не послушался?
Я тебе велел свистеть во полсвиста,
Закричать во полкрика,
Зашипеть во полшипа».
Говорит тут Соловей-разбойничек:
«Ай же старый казак Илья Муромец!

Чую я свою скорую кончинушку,
Оттого кричал я во полный крик,
Оттого я шипел во полный шип».
Как тут старый казак Илья Муромец
Расковал он Соловья да ножки резвые,
Ножки резвые да ручки белые,
Захватил его за рученьки за белые,
Захватил его за перстни золоченые,
И повел его на поле на Кули́ково.
Приводил на поле на Куликово,
Положил на плаху на дубовую,
Отрубил он Соловью да буйну голову.
Половину роет он серы́м волкам,
А вторую половину чёрным во́ронам.
С той поры ли стало времечко —
Не стало Соловья-разбойничка
На матушке святой Руси.
Да тем былиночка покончена.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Из того ли из города из Мурома,
Из того ли села да Карачаева
Бы́ла тут поездка богатырская,—
Выезжает оттуль да доброй мо́лодец,
Старыи казак да Илья Муромец,
На своем ли выезжает на добром кони,
И во том ли выезжает во кованом седле.
И он ходил-гулял да добрый молодец,
Ото младости гулял да он до старости.
Едет добрый молодец да во чистом поли,
И увидел добрый молодец да латырь-камешок,
И от камешка лежит три росстани *,
И на камешке было подписано:
«В первую дороженку ехати — убиту быть,
Во дру́гую дороженку ехать — женату быть,
Третьюю дороженку ехать — богату быть».
Стоит старенькой да издивляется,
Головой качат, сам выговариват:
«Сколько лет я во чистом поли гулял да езживал,
А еще такова́го чуда не нахаживал.
Но начто поеду в ту дороженку, да где богату быть?
Нету у меня да молодой жены,

И молодой жены да любимой семьи,
Некому держать-тощить [1] да золотой казны,
Некому держать да платья цветного.
Но начто мне в ту дорожку ехать, где женату быть?
Ведь прошла моя теперь вся молодость.
Как молодинка ведь взять — да то чужа корысть,
А как старая-та взять — дак на печи лежать,
На печи лежать да киселем кормить.
Разве поеду я ведь добрый молодец
А й во тую дороженку, где убиту быть.
А й пожил я ведь, добрый молодец, на сем свети,
И походил-погулял ведь, добрый молодец,
во чистом поли».
Но поехал добрый молодец в ту дорожку, где убиту быть.
Только видели добра молодца ведь сядучи,
Как не видели добра молодца поездучи.
Во чистом поли да курева * стоит,
Курева стоит да пыль столбом летит.
С горы на гору добрый молодец поскакивал,
С холмы нá холму добрый молодец попрыгивал,
Он ведь реки ты, озера меж ног спущал,
Он синú моря ты на окóл [2] скакал.
Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую,
Не доехал добрый молодец до Индии до богатыи,
И наехал добрый молодец на грязи на смоленские,
Где стоят ведь сорок тысячей разбойников
И те ли ночные тати-подорожники *.
И увидели разбойники да добра молодца,
Старого казáку Илью Муромца,
Закричал разбойнический атаман большой:
«А гой же вы мои братцы́-товарищи,
И разудаленькие вы да добры молодцы!
Принимайтесь-ко за добра молодца,
Отбирайте от него да платье цветное,
Отбирайте от него да что ли добра коня».
Видит тут старыи казак да Илья Муромец,
Видит он тут, что да беда пришла,
Да беда пришла да неминуема.
Испроговорит тут добрый молодец да таково слово:
«А гой же вы, сорок тысяч разбойников,
И тех ли татéй ночных да подорожников!
Ведь как бить-трепать вам будет стара некого,
Но ведь взять-то будет вам со старого да нечего.

[1] Держать-тощить — тратить, опустошать.
[2] На окóл — кругом.

Нет у старого да золотой казны,
Нет у старого да платья цветного,
А и нет у старого да камня драгоценного,
Столько есть у старого один ведь добрый конь,
Добрый конь у старого да богатырскии,
И на добром коне ведь есть у старого седе́лышко,
Есть седелышко да богатырское,
То не для красы, братцы, и не для басы *,
Ради крепости да богатырскии,
И что можно́ было́ сидеть да добру молодцу,
Биться-ратиться добру молодцу да во чистом поли.
Но еще есть у старого на кони́ уздечка тесмяная,
И во той ли во уздечике да во тесмяныи
Как зашито есть по камешку по яфонту,—
То не для красы, братцы, не для басы,
Ради крепости богатырскии.
И где ходит ведь, гулят мой доброй конь,
И среди ведь ходит ночи темныи,
И видно́ его да за пятнадцать верст да равномерныих.
Но еще у старого на головушке да шеломчат колпак,
Шеломчат колпак да сорока пудов,—
То не для красы, братцы, не для басы,
Ради крепости да богатырскии».
Скричал-сзычал да громким голосом
Разбойнический да атаман большой:
«Ну что ж вы долго дали старому да выговаривать!
Принимайтесь-ко вы, ребятушка, за дело ратное».
А й тут ведь старому да за беду стало,
И за великую досаду показалося,
Снимал тут старый со буйной главы да шеломчат колпак,
И он начал, старенький, тут шело́мом помахивать.
Как в сторону махнет — так тут и улица,
А й в дру́гу о́тмахнет — дак переулочек.
А видят тут разбойники, да что беда пришла,
И как беда пришла и неминуема,
Скричали тут разбойники да зычным голосом:
«Ты оставь-ка, добрый молодец, да хоть на семена».
Он прибил-прирубил всю силу неверную
И не оставил разбойников на семена.
Обращается ко камешку ко латырю,
И на камешке подпись подписывал:
«И что ли очищена тая дорожка прямоезжая».
И поехал старенький во ту дорожку, где женату быть.
Выезжает старенький да во чисто поле,
Увидал тут старенький палаты белокаменны,

Приезжает тут старенький к палатам белокаменным,
Увидала тут да красна девица,
Сильная поляница * удалая,
И выходила встречать да добра молодца:
«И пожалуй-кось ко мне, да добрый молодец!»
И она бьет челом ему, да низко кланяйтся,
И берет она добра молодца да за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
И ведет ведь добра молодца да во палаты белокаменны,
Посадила добра молодца да за дубовый стол,
Стала добра молодца она угащивать,
Стала у добра молодца выспрашивать:
«Ты скажи-тко, скажи мне, добрый молодец,
Ты какой земли есть, да какой орды,
И ты чьего же отца есть, да чьеё матери,
Еще как же те́бя именем зовут,
А звеличают те́бя по отчеству?»
А й тут ответ-то держал да добрый молодец:
«И ты почто спрашиваш об том, да красна девица?
А я теперь устал, да добрый молодец,
А я теперь устал да отдохнуть хочу».
Как берет тут красна девица да добра молодца,
И как берет его да за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Как ведет тут добра молодца
Во тую ли во спальню богатоубрану,
И ложи́т тут добра молодца
На ту кроваточку обмансливу.
Испроговорит тут молодец да таково слово:
«Ай же ты душечка да красна девица!
Ты сама ложись да на ту кроватку на тисовую».
И как схватил тут добрый молодец да красну девицу,
И хватил он ей да подпазушки,
И броси́л на тую на кроваточку,
Как кроваточка-то эта подвернулася,
И улетела красна девица во тот да во глубок погреб.
Закричал тут ведь старый казак да зычным голосом:
«А гой же вы, братцы мои да вси товарищи,
И разудалые да добры молодцы!
Но и́май, хватай, вот и сама идет».
Отворяет погреба глубокие,
Выпущает двенадцать да добрых молодцев,
И все сильниих могучих богатырей,
Едину́ оставил саму да во погребе глубокоём.
Бьют-то челом да низко кланяются

И удалому да добру молодцу,
И старому каза́ку Ильи Муромцу.
И приезжает старенький ко камешку ко латырю,
И на камешке-то он подпись подписывал:
«И как очищена эта дорожка прямоезжая».
Но направляет добрый молодец да своего коня
И во тую ли дороженьку, да где богату быть.
Во чистом поли наехали на три погреба глубокиих,
И которые насыпаны погреба златым серебром,
Златым серебром, каменьем драгоценныим.
И обирал тут добрый молодец все злато это, серебро,
И раздавал это злато, серебро по нищей по братии,
И раздал он злато, серебро по сиротам да бесприютным.
Но обращался добрый молодец ко камешку ко латырю,
И на камешке он подпись подписывал:
«И как очищена эта дорожка прямоезжая»...

БОЙ ИЛЬИ МУРОМЦА С СЫНОМ

Кабы жили на за́ставы бога́тыри,
Недалёко от города — за двенадцать верст,
Кабы жили они да тут пятнадцать лет,
Кабы тридцать-то их было да со богатырём,
Не видали ни конного, ни пешого,
Ни прохожого они тут, ни проезжого;
Да ни серой тут волк не прорыскивал,
Ни ясен сокол не пролетывал,
Да ни русский богатырь не проезживал.
Кабы тридцать-то было богатырей со богатырём:
Атаманом-то стар казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Податаманьём Самсон да Колыбанович;
Да Добрыня-то Микитич жил во писарях,
Да Алеша-то Попович жил во поварах,
Да и Мишка Торопанишко жил во конюхах;
Да и жил тут Василий сын Буслаевич,
Да и жил тут Васенька Игнатьевич,
Да и жил тут Дюк да сын Степанович,
Да и жил тут Пермя́ да сын Васильевич,
Да и жил Родивон да Превысокие,
Да и жил тут Микита да Преширокие,
Да и жил тут Потанюшка Хроменький,

Затем По́тык Михайло сын Иванович,
Затем жил тут Дунай да сын Иванович,
Да и был тут Чурпло блады * Пленкович,
Да и был тут Скопин сын Иванович,
Тут и жили два брата два родимые —
Да Лука, да Матвей, дети Петровыя.
На зачине-то было светла деничка,
На зори-то тут было да нонче на утрепной,
На восходе-то было да красна солнышка,
Тут ставаёт старо́й да Илья Муромец,
Илья Муромец ставаёт да сын Иванович,
Умывается он да ключевой водой,
Утирается он да белым полотном,
А ставаёт да он нонь перед Господом,
А молится он да господу богу,
А крест-от кладет да по-писа́нному,
А поклон-от ведет да как ведь водится,
А молитву творит полну Исусову.
Сам надернул сапожки да на босу ногу,
Да и кунью шубейку да на одно плечо,
Да пухов-де колпак да на одно ухо.
Да и брал он нынь трубочку подзорную,
Да выходит старо́й да вон на улицу,
Да и зрел он, смотрел на все стороны:
Да смотрел он под сторону восточную —
Да и стоит-то-де наш там стольнё Киев-град;
Да смотрел он под сторону под летную [1] —
Да стоят там луга да там зеленые;
Да глядел он под сторону под западну —
Да стоят там да лесы темные;
Да смотрел он под сторону под северну —
Да стоят-то-де там да ледяны горы;
Да смотрел он под сторону в полуночу —
Да стоит-то-де нашо да синё морё,
Да и стоит-то-де нашо там чисто полё,
Сорочинско-де словно наше Кулигово,
В копоти-то там, в тумане не знай зверь бежит,
Не знай зверь там бежит, не знай сокол летит;
Да Буян ле славный остров там шатается,
Да Саратовы ле горы да знаменуются [2], —
А богатырь ле там едёт да потешается,
Попереди-то его да бежит серый волк,

[1] Летная — летняя, южная.
[2] Знаменоваться — видеться, показываться.

Позади-то его бежит черной вожлок [1],
На правом-то плече знать воробей сидит,
На левом-то плече да знать белой кречет;
Во левой-то руке да держит тугой лук,
Во правой-то руке стрелу каленую,
Да каленую стрелочку, перёную —
Не того же орла да сизокрылого,
Да того́ же орла да сизокамского,
Не того же орла, который на дубу сидит,
Да того же орла, который на синём море
Да гнездо-то он вьет да на серой камень;
Да подверх богатырь стрелочку подстреливат,
Да и на пол он стрелочку не ураниват,
На полете он стрелочку подхватыват.
Подъезжает он ныне ко белу шатру,
Да и пишот нонь сам да скору грамотку:
На правом-то колене держит бумажечку,
На левом-то колене держит чернильницу,
Во правой-то руке да держит перышко,
Сам пишот ярлык * да скору грамотку,
Да подметывал ярлык да скору грамотку
Да к тому же шатру да к белобархатному.
Да берет-то стар казак Илья Муромец,
Да и то у него тут написано,
Да и то у него тут напечатано:
«Да и еду я нонь да в стольнёй Киев-град,
Я грометь-шурмовать да в стольнё Киев-град,
Я соборны больши церквы я на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печатны больши книги да во грязи стопчу,
Чудны образы-иконы на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгиню да за себя возьму».
Да заходит тут стар тут во белой шатер:
«Ох вы ой есь, вы дружинушка хоробрая,
Вы хоробрая дружина, да заговорная!
Уж вам долго ле спать, да нынь пора вставать.
Выходил я, staро́й, вон на улицу,
Да и зрел я, смотрел на все стороны:
Да смотрел я под сторону восточную —
Да и стоит-то-де наш там стольнё Киев-град...»
Тут скакали нынь все русские богатыри,
Говорит-то-де стар казак Илья Муромец:

[1] **Вожлок** — выжлок, охотничья собака, гончая.

«Да кого же нам послать нынь за богатырём?
Да послать нам Самсона да Колыбанова,—
Да и тот ведь он роду-то сонливого,
За неви́д [1] потерят свою буйну голову;
Да послать нам Дуная сына Иванова,—
Да и тот он ведь роду-ту заплывчива *,
За невид потерят свою буйну голову;
Да послать нам Алешеньку Поповича,—
Да и тот он ведь роду-ту хвастливого,—
Потеряет свою буйну голову;
Да послать-то нам ведь Мишку да Торопанишка,
Да и тот он ведь роду торопливого,
Потеряет свою буйну голову;
Да послать-то нам два брата два родимыя,
Да Луку-де, Матвея, детей Петровичей,—
Да такого они роду-то ведь вольного,
Они вольного роду-ту, смирённого,
Потеряют свои да буйны головы;
Да послать-то нам Добрынюшку Микитича,—
Да и тот он ведь роду он ведь вежлива,
Он вежлива роду-ту, очестлива *,
Да умеет со мо́лодцом соехаться,
Да умеет он со молодцом разъехаться,
Да имеет он ведь молодцу и честь воздать».
Да учуло тут ведь ухо богатырскоё,
Да завидело око да молодецкоё,
Да и стал тут Добрынюшка сряжатися,
Да и стал тут Добрынюшка сподоблятися *,
Побежал нынь Добрыня на конюшен двор,
Да и брал он коня да всё семи цепей,
Да семи он цепей, да семи розвезей,
Да и клал на коня да плотны́ плотнички *,
Да на плотнички клал да мягки войлочки,
Да на войлочки седелышко черкальскоё *,
Да двенадцать он вяжет подпруг шелковых,
Да тринадцату вяжет черезхребетную,
Через ту же он степь [2] да лошадиную,—
Да не ради басы да молодецкоей,
Ради крепости вяжет богатырскоей.
Тут он приснял он-де шапочку курчавую,
Он простился со всеми русскима богатырьми.
Да не видно поездки да молодецкоей,

[1] З а н е в и́ д — не из-за чего, из-за пустяков.
[2] С т е п ь — хребет конской шеи вдоль гривы.

Только видно, как Добрыня на коня скочил,
На коня он скочил да в стремена ступил,
Стремена те ступил, да он коня стегнул;
Хоробра была поездка да молодецкая,
Хороша была побежка лошадиная,
Во чистом-то поле видно — курева стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплются,
Из ноздрей у коня пламё мечется,
Да и сива-де грива да расстилается,
Да и хвост-то трубой да завивается.
Наезжаёт богатырь на чистом поле,
Заревел тут Добрыня да во первой након *:
«Уж я верный богатырь — дак нынь напуск * держу,
Ты неверный богатырь — дак поворот даешь».
А и едёт татарин да не оглянется.
Заревел тут Добрынюшка во второй након:
«Уж я верный богатырь — дак нынь напуск держу,
Ты неверный богатырь — дак поворот даешь».
А и едёт татарин да не оглянется.
Да и тут-де Добрынюшка ругаться стал:
«Уж ты гадипа едешь, да перегадина,
Ты сорока ты ле́тишь да белобокая,
Да ворона ты летишь да пустоперая,
Пустопера ворона да по загуменью.
Не воротишь на заставу караульную,
Ты уж нас, молодцов, видно, ничем считашь».
А и тут-де татарин да поворот дает,
Да снимал он Добрыньку да со добра коня,
Да и дал он на .... по отяпышу,[1]
Да прибавил на .... по алябышу [2],
Посадил он назад его на добра коня:
«Да поедь ты, скажи стару казаку —
Кабы что-де старой тобой заменяется?
Самому ему со мной еще делать нечего».
Да поехал Добрыня да едва жив сидит,
Тут едёт Добрынюшка Никитьевич
Да к тому же к своему да ко белу шатру,
Да встречает его да нынче стар казак,
Кабы стар-де казак да Илья Муромец:

---

[1] Отяпыш — шлепок.
[2] Алябыш — блин, здесь: в том же значении, что и «отяпыш».

«Ох ты ой еси, Добрынюшка Никитич блад!
Уж ты что же ты едёшь не по-старому,
Не по-старому ты едёшь, да не по-прежному,
Повеся́ ты держишь да буйну голову,
Потопя ты держишь да очи ясные?»
Говорит-то Добрынюшка Никитич блад:
«Наезжал я татарина на чистом поле,
Заревел я ему да ровно два раза,
Да и едёт татарин да не оглянется.
Кабы тут-де-ка я ровно ругаться стал,
Да тут-де татарин да поворот дает,
Да сымал он меня да со добра коня,
Да и дал он на .... да по отяпышу,
Да прибавил он еще он по алябышу,
Да и сам он говорит да таковы речи:
„Да и что-де старой тобой заменяется?
Самому ему со мной да делать нечего“»
Да и тут-де старому да за беду стало,
За великую досаду да показалося,
Могучи его плеча да расходилися,
Ретиво его сердцё разгорячилося,
Кабы ровно-неровно — будто в котли кипит.
«Ох вы ой еси, русские богатыри!
Вы седлайте, уздайте да коня доброго,
Вы кладите всю сбрую да лошадиную,
Вы кладите всю приправу да богатырскую».
Тут седлали, уздали да коня доброго.
Да не видно поездки да молодецкоей,
Только видно, как старой нынь на коня скочил,
На коня он скочил да в стремена ступил,
Да и приспял он свой да нонь пухов колпак:
«Вы прощайте, дружинушка хоробрая,
Не успеете вы да штей котла сварить,—
Привезу голову да молодецкую».
Во чистом поле видно — курева стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплются,
Из ноздрей у коня пламё мечется,
Да и сива-де грива да расстилается,
Да и хвост-от трубой да завивается.
Наезжает татарина на чистом поле,
От того же от города от Киева
Да и столько-де места — да за три поприща [1],

[1] Поприще — мера длины (115 шагов).

Заревел тут старой да во первой након:
«Уж я верный богатырь — дак я напуск держу,
Ты неверный богатырь — дак поворот даешь».
А и едёт татарин да не оглянется.
Да и тут старой заревел во второй након:
«Уж я верный богатырь — дак я напуск держу,
Ты неверный богатырь — дак поворот даешь».
Да и тут-де татарин да не оглянется.
Да и тут-де старой кабы ругаться стал:
«Уж ты гадина едёшь, да перегадина,
Ты сорока ты ле́тишь да белобокая,
Ты ворона ты летишь да пустоперая,
Пустопера ворона да по загуменью,
Не воротишь на заставу караульную,
Ты уж нас, молодцов, видно, ничем считашь».
Кабы тут-де татарин поворот дает,
Отпустил татарин да нынь сера волка,
Отпустил-то татарин да черна вожлока,
Да с права он плеча да он воробышка,
Да с лева-то плеча да бела кречета.
«Побежите, полетите вы нынь прочь от меня,
Вы ищите себе хозяйна поласкове,
Со старым нам съезжаться — да нам не брататься,
Со старым нам съезжаться — дак чья божья помочь».
Вот не две горы вместо да столканулися —
Два богатыря вместо да тут соехались,
Да хватали они сабельки нынь вострые,
Да и секлись, рубились да целы суточки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Вострые сабельки их да изломалися,
Изломалися сабельки, исщербилися;
Да бросили тот бой [1] да на сыру землю,
Да хватали-то палицы боёвые,
Колотились, дрались да целы суточки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Да боёвые палицы загорелися,
Загорелися палицы, распоелися [2],
Да бросали тот бой на сыру землю,
Да хватали копейца да бурзомецкие,
Да и тыкались, кололись да целы суточки,

[1] Бой — здесь: оружие.
[2] Распоелися — распаялись.

Да не ранились они, да не кровавились,
По насадке копейца да изломалися,
Изломалися они, да извихнулися *,
Да бросили тот бой да на сыру землю,
Да скакали они нонь да со добрых коней,
Да хватались они на рукопашечку.
По старо́му да по бесчестью да по великому,
Подоспело его слово похвальноё,
Да лева его нога да оскользнулася *,
А права-то нога и подломилася,
Да и падал старой тут на сыру землю,
Да и ровно-неровно будто сырой дуб.
Да заскакивал Сокольник на белы груди,
Да и разорвал лату да он булатную,
Да и вытащил чинжалище, укладен * нож,
Да и хочет пороть да груди белые,
Да и хочет смотреть да ретиво сердцё.
Кабы тут-де старой да нынь расплакался:
«Ох ты ой есть, пресвята мать богородица!
Ты почто это меня нынче повыдала?
Я за веру стоял да Христовую,
Я за церквы стоял да за соборные».
Вдруг не ветру полоска да перепахнула *,
Вдвое-втрое у старого да силы прибыло,
Да свистнул он Сокольника со белых грудей,
Да заскакивал ему да на черны груди,
Да и разорвал лату да всё булатную,
Да и вытащил чинжалище, укладен нож,
Да и ткнул он ему да во черны груди,—
Да в плечи-то рука и застоялася.
Тут и стал-де старой нынче выспрашивать:
«Да какой ты удалой да доброй молодец?»
У поганого сердцо-то заплывчиво:
«Да когда я у те был да на белых грудях,
Я не спрашивал ни роду тя, ни племени».
Да и ткнул старой да во второй након,—
Да в локти-то рука да застоялася.
Да и стал-де старой да опять спра̀шивать:
«Да какой ты удалой да доброй молодец?»
Говорит-то Сокольник да таковы речи:
«Да когда я у те был на белых грудях,
Я не спрашивал ни роду тя, ни племени,
Ты еще стал роды у мня выспрашивать».
Кабы тут-де старому да за беду стало,
За великую досаду да показалося,

Да и ткнул старой да во третей након,—
В заведи́-то[1] рука да застоялася.
Да и стал-то старой тут выспрашивать:
«Ой ты ой еси, удалой доброй молодец!
Да скажись ты мне нонче пожалуйста,
Да какой ты земли, какой вотчины,
Да какого ты моря, коя города,
Да какого ты роду, коя племени,
Да и как тя, молодца, именём зовут,
Да и как прозывают по отечестви».
Говорит-то Сокольник да таковы речи:
«От того же я от камешка от Латыря,
Да от той же я девчонки да Златыгорки,—
Она зла поленица да преудалая,
Да сама она была еще одноокая».
Да скакал-то старой нонь * на резвы ноги,
Прижимал он его да ко белой груди,
Ко белой-де груди, да к ретиву сердцу,
Целовал его в уста да нынь сахарные:
«Уж ты чадо ле, чадо да мое милоё,
Ты дитя ле мое, дитя мое сердечноё!
Да съезжались с твоей да мы ведь матерью
Да на том же мы ведь на чистом поле,
Да и сила на силу прилучилася[2],
Да не ранились мы, да не кровавились,
Сотворили мы с ней любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили.
Да поедь ты нынь к своей матери,
Привези ей ты нынь в стольно Киев-град,
Да и будешь у меня ты первой богатырь,
Да не будёт тебе у нас поединщиков».
Да и тут молодцы нынь разъехались.
Да и едёт Сокольник ко свою двору,
Ко свою двору, к высоку терему,
Да встречат его матушка родимая:
«Уж ты чадо ле, чадо мое милоё,
Уж ди́тя ты мое, дитя сердечноё,
Уж ты что же нынь едешь да не по-старому,
Да и конь-то бежит не по-прежному,
Повеся ты держишь да буйну голову,
Потопя ты держишь да очи ясные,

[1] Заведь — сочленение руки между кистью и предплечьем.
[2] Прилучилась — пришлась.

Потопя ты их держишь да в мать сыру землю?»
Говорит-то Сокольник да таковы речи:
«Уж я был же нынь-нынче да во чистом поле,
Уж я видел стару коровушку базыкову *,
Он тебя зовет ...., меня ....».
Говорит-то старуха да таковы речи:
«Не пустым-де старой да похваляется,—
Да съезжались мы с ним да на чистом поле,
Да и сила на силу прилучилася,
Да не ранились мы, да не кровавились,
Сотворили мы с ним любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили».
А и тут-де Сокольнику за беду стало,
За великую досаду показалося,
Да хватал он матушку за черны кудри,
Да и вызнял * он ей выше могучих плеч,
Опустил он ей да о кирпищат пол,
Да и тут-де старухе да смерть случилася.
У поганого сердцё-то заплывчиво,
Да заплывчиво сердцё-то, разрывчиво,
Да подумал он думу да промежду собой,
Да сказал он нынь слово да нынче сам себе:
«Да убил я топеря да родну матушку,
Да убью я, поеду, да стара казака,
Он спит нынь с устатку да ночь с великого».
Да поехал Сокольник в стольнё Киев-град,
Не пиваючись он да не едаючись,
Не сыпал-де он нынече плотного сну,
Да разорвана лата да нынь булатная,
Да цветно его платьё да все истрепано.
Приворачивал он на заставу караульную,
Никого тут на заставы не случилося,
Не случилося-де нынь, не пригодилося [1],
Да и спит-то один старой во белом шатру,
Да храпит-то старой, как порог шумит.
Да соскакивал Сокольник да со добра коня,
Да заскакивал Сокольник да нынь во бел шатер,
Да хватал он копейцо да бурзамецкое,
Да и ткнул он старому да во белы груди.
По старому-то по счастью да по великому,
Пригодился ле тут да золот чуден крест,—
По насадке копейцо да извихнулося.

[1] Не пригодиться — не оказаться на месте.

Да и тут-де старой да пробужается,
От великого сну да просыпается,
Да скакал-де старой тут на резвы ноги,
Да хватал он Сокольника за черны кудри,
Да и вызнял его выше могучих плеч,
Опустил он его да о кирпищат пол,
Да и тут-де Сокольнику смерть случилася.
Да и вытащил старой его вон на улицу,
Да и руки и ноги его он оторвал,
Рассвистал * он его да по чисту полю,
Да и тулово связал да ко добру коню,
Да сорокам, воронам да на расклеваньё,
Да серым-де волкам да на растáрзаньё.

ИЛЬЯ В ССОРЕ С ВЛАДИМИРОМ

А тот ли-то князь да стольнё-киевской
А й сделал как, задёрнул * свой почестный пир
Для князей, для бояр да для богатырей,
А для тых богатырей да русскиих,
Чтобы всяко званиё да шло туды,
А на тот, на тот да на почестный пир
А к стольнему князю ко Владимиру.
Да забыл он позвать да что лучшего,
А что лучшего да лучшего богáтыря,
А старого казака Илью Муромца.
Да тут-то ведь к Ильюше не к лицу пришло,
А не к лицу пришло, стало похабно [1] есть,
И тут-то Илья да раззадорился,
А тут-то Илья да разретивился,
Как скоро натянул он свой тýгой лук,
А клал он тут стрелочку каленую,
А тут-то сам Ильюшенка раздумался:
«А что мне, молодцу, будé поделати?
А я нынь молодец е разгневанный,
А я нынь молодец есть раздрáженный».
Как он-то за тым тут повыдумал,
А стрелил-то он тут по божьúм церквам,
А по тым стрелил по чуднúм крестам,
А по тым маковкам да золоченыим.
Да пали тут тыи маковки,

[1] Похабно — оскорбительно.

Да пали тут, отпали на сыру землю,
Да сам он закричал тут во всю голову:
«Да ай же вы были голи * мои,
А голи мои вы кабацкие,
А доброхоты-то * вы еще царские!
А собирайтесь-ко вы да сюда-то вси,
А обирайте маковки вси золочёные,
А подёмте-ко вы да со мной еще
А тот-то на тот да на царев кабак,
Как станем нунь пить да зелена́ вина.
Да станем-то̀ пить да заодно со мной».
Да как тут-то эти да голи были,
А голи были они кабацкие,
А доброхоты всё были царские,
Обирали маковки тыи золочёные,
Сами они к ему да прибегают все:
А батюшко ты да отец наш был!»
А пили тут они да зелено вино,
Как пили тут они да заоднёшенько.
Да как видит-то князь, что беда пришла,
А беда-то пришла да неминучая,
Да как тут-то он да е скорым-скоро,
А скорым-скоро́, скоро́-скоре́шенько,
А сделал он, задернул тут почёстный пир
А для старого казака Ильи Муромца.
Да тут-то ведь князь да стольнё-киевской
Да тут-то ведь он еще думал есть
Со князьями, со бояры со руснйскима,
А со тыма со могучима богатырмы:
«А думайте-тко, братцы, вы нунь думушку,
А думайте-тко, братцы, думу крепкую,
А думайте думу, не продумайте,—
А нам кого буде́т послать да Илью позвать,
А позвать сюды к нам на почестный пир
А старого казака Илью Муромца?»
А как тут-то они да думу думали:
«А нам-то есть кого послать Илью позвать,—
А пошлем-ко мы Добрынюшку Микитича,
Он ёму да ведь брат крестовыи,
А крестовыи-то братец да названыи,
Дак он-то, быват, его послушает».
Как тут-то Добрынюшка Микитинич
А приходит-то он братцу да крестовому,
Да как здравствует он братца да крестового:
«А здравствуй-ко, братец мой крестовыи,

А крестовыи братец мой, названыи!»
Да как старыи казак Илья Муромец
Да как он-то его да также здравствует:
«Да здравствуй-ко, брат мой крестовыи,
А молодой Добрынюшка Микитинич!
Ты зачем же пришел да загулял сюда?» —
«А пришел-то я, братец, загулял к тебе,
А о деле-то пришел да не о малоем.
Да у нас-то с тобой было раньше того,
А раньше того дело поделано,
А написи были писаные,
А заповеди были пополо́жоные,—
А слушать-то брату да ме́ньшому,
А ме́ньшому слушать брата бо́льшого.
Да еще-то как у нас да е́сте с тобой
А слушать-то брату ведь бо́льшому,
А й большому слушать брата меньшего».
Да тут го́ворит Илья таково слово:
«Ах ты братец да мой да был крестовыи!
Да как нунечку-топеречку у нас с тобой
А все-то написи да были ведь написаны,
А заповеди были попо́ложены,—
А слушать-то брату ведь меньшому,
А меньшому слушать да большего,
А большому слушать брата меньшего.
Кабы не братец ты крестовый был,
А никого бы я не послушал зде.
Дак послушаю я братца нунь крестового,
А крестового братца я названого,
А тот ли-то князь стольне-киевский
А знал-то, послать меня кого позвать!
Когда ты меня, Добрынюшка Микитинич,
Меня позвал туды да на почестный пир,
Да я тебя, братец же, послушаю».
Да приходит он к князю к Володимиру,
Да тот старыи казак да Илья Муромец
А со тым с Добрынюшком с Микитичем,
А со братом со своим да со крестовыим,
А давают ему тут место не ме́ньшое,
А не меньшое место было — бо́льшое,
А садят-то их во больший угол,
А во большой угол да за большой-от стол.
Да как налили тут чару зелена вина,
А несли эту чару́ рядо́м [1] к ему,

[1] **Рядом** — по ряду, по очереди, согласно правилам пира.

А к старому казаку к Ильи к Муромцу.
Да как принял он чару единой рукой,
А выпил он чару во единой здох.
А другу наливали пива пьяного,
А несли эту чару рядо́м к ему,
А принял тут Ильюша единой рукой,
Еще выпил он опять тут во единой здох.
Как третью наливали меду сладкого,
Да принял молодец тут единой рукой,
Еще выпил он опять тут во единой здох.
Тут наелися, напились вси, накушались,
Да стали тут они да вси пьянёшеньки,
А стали тут они вси веселешеньки.
Как говорит Илья тут таково слово:
«Ай же ты князь стольнё-киевской!
А знал-то, послать кого меня позвать,—
А послал-то братца ко мне ты крестового,
А того-то мни Добрынюшка Никитича.
Кабы-то мни да ведь не братец был,
А никого-то я бы не послухал зде,
А скоро натянул бы я свой тугой лук,
Да клал бы я стрелочку каленую,
Да стрелил бы ти в гридню * во столовую,
А я убил бы тя, князя со княгиною.
За это я тебе-то нунь прощу
А этую вину да ту великую».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Как Владимир-князь да стольнё-киевской
Поразгневался на старого каза́ка Илью Муромца,
Засадил его во погреб во глубокии,
Во глубокий погреб во холодныи
Да на три-то году поры-времени.
А у славного у князя у Владимира
Была дочь да одинакая [1],
Она видит — это дело есть немалое,
А что посадил Владимир-князь да стольнё-киевской
Старого каза́ка Илью Муромца
В тот во погреб во холодныи,—
А он мог бы постоять один за веру, за отечество,

[1] Одинакая — единственная.

Мог бы постоять один за Киев-град,
Мог бы постоять один за церкви за соборные,
Мог бы поберечь он князя да Владимира,
Мог бы поберечь Опраксу-королевичну.
Приказала сделать да ключи поддельные,
Положила-то людей да потаенныих,
Приказала-то на погреб на холодныи
Да снести перины да подушечки пуховые,
Одеяла приказала снести теплые,
Ена ествушку поставить да хорошую,
И одежу сменять с нова на́ ново
Тому старому каза́ку Илье Муромцу.
А Владимир-князь про то не ведаёт.
И воспылал-то тут собака Калин-царь на Киев-град,
И хотит ён ро́зорить да стольний Киев-град,
Чернедь-мужичков * он всех повырубить,
Божьи церквы все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да голова срубить
Да со той Опраксой-королевичной.
Посылает-то собака Калин-царь посланника,
А посланника во стольний Киев-град,
И дает ему ён грамоту посыльную,
И посланнику-то он наказывал:
«Как поедешь ты во стольний Киев-град,
Будешь ты, посланник, в стольнеём во Киеве·
Да у славного у князя у Владимира,
Будешь на него на широко́м дворе,
И сойдешь как тут ты со добра коня,
Да й спущай коня ты на посыльный двор,
Сам поди-тко во палату белокаменну.
Да пройдешь палатой белокаменной,
Да й войдешь в его столовую во горенку,
На пяту ты дверь да поразмахивай,
Не снимай-ко кивера́ с головушки,
Подходи-ко ты ко столику к дубовому,
Становись-ко супротив князя Владимира,
Полагай-ко грамоту на золот стол,
Говори-тко князю ты Владимиру:
„Ты Владимир-князь да стольне-киевской,
Ты бери-тко грамоту посыльную
Да смотри, что в грамоте написано,
Да гляди, что в грамоте да напечатано,—
Очищай-ко ты все улички стрелецкие,
Все великие дворы да княженецкие
По всему-то городу по Киеву;

А по всем по улицам широкиим
Да по всем-то переулкам княженецкиим
Наставь сладкиих хмельных напиточек,
Чтоб стояли бочка о бочку близко-поблизку,
Чтобы было у чего стоять собаке царю Калину
Со своими-то войскамы со великима
Во твоем во городе во Киеве"».
То Владимир-князь да стольне-киевской
Брал-то книгу он посыльную,
Да и грамоту ту распечатывал,
И смотрел, что в грамоте написано,
И смотрел, что в грамоте да напечатано,—
И что велено очистить улицы стрелецкие
И большие дворы княженецкие,
Да наставить сладкиих хмельных напиточек
А по всем по улицам широкиим
Да по всем-то переулкам княженецкиим.
Тут Владимир-князь да стольне-киевской
Видит — есть это дело немалое,
А немало дело то — великое,
А садился-то Владимир-князь да на черленый стул,
Да писал-то ведь он грамоту повинную:
«Ай же ты собака да и Калин-царь!
Дай-ка мне ты поры-времечки на три́ году,
На три го́ду дай и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня,
Мне очистить улицы стрелецкие,
Все великие дворы да княженецкие,
Накурить мне сладкиих хмельных напиточек
Да й наставить по всему-то городу по Киеву,
Да й по всем по улицам широкиим,
По всем славным переулкам княженецкиим».
Отсылает эту грамоту повинную,
Отсылает ко собаке царю Калину,
А й собака тот да Калин-царь
Дал ему он поры-времечки на три́ году,
На три го́ду дал и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня.
Еще день за день ведь, как и дождь дождит,
А неделя за неделей, как река бежит,
Прошло поры-времечки да на три́ году,
А три году да три месяца,
А три месяца и еще три-то дня.
Тут подъехал ведь собака Калин-царь,
Он подъехал ведь под Киев-град

Со своими со войскамы со великима.
Тут Владимир-князь да стольнё-киевской
Он по горенке да́ стал похаживать,
С ясных очушок он ронит слезы ведь горючие,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир-князь да таковы слова:
«Нет жива́-то старого каза́ка Ильи Муромца,
Некому стоять теперь за веру, за отечество,
Некому стоять за церкви ведь за божие,
Некому стоять-то ведь за Киев-град,
Да ведь некому сберечь князя Владимира
Да и той Опраксы-королевичной!»
Говорит ему любима дочь таковы слова:
«Ай ты батюшко Владимир-князь наш
стольне-киевской!
Ведь есть жив-то старыя казак да Илья Муромец,
Ведь он жив на погребе на холодноем».
Тут Владимир-князь-от стольне-киевской
Он скорешенько берет да золоты ключи
Да идет на погреб на холодныи,
Отмыкает он скоренько погреб да холодныи,
Да подходит ко решеткам ко железныим,
Растворил-то он решетки да железные,
Да там старыя казак да Илья Муромец
Он во погребе сидит-то, сам не старится;
Там перинушки, подушечки пуховые,
Одеяла снесены там теплые,
Ествушка поставлена хорошая,
А одежица на нем да живет сменная.
Ён берет его за ручушки за белые,
За его за перстни за злаченые,
Выводил его со погреба холодного,
Приводил его в палату белокаменну,
Становил-то он Илью да супротив себя,
Целовал в уста его сахарние,
Заводил его за столики дубовые,
Да садил Илью-то ён подли себя,
И кормил его да ествушкой сахарнею,
Да поил-то питьицем да медвяныим,
И говорил-то он Илье да таковы слова:
«Ай же старыя казак да Илья Муромец!
Наш-то Киев-град нынь в полону стоит,
Обошел собака Калин-царь наш Киев-град
Со своима со войскамы со великима.
А постой-ко ты за веру, за отечество,

И постой-ко ты за славный Киев-град,
Да постой за матушки божьи́ церкви,
Да постой-ко ты за князя за Владимира,
Да постой-ко за Опраксу-королевичну».
Так тут старыя казак да Илья Муромец
Выходил он со палаты белокаменной,
Шел по городу он да по Киеву,
Заходил в свою палату белокаменну,
Да спросил-то как он па́робка * любимого,
Шел со паробком да со любимыим
А на свой на славный на широкий двор,
Заходил он во конюшенку в стоялую,
Посмотрел добра коня он богатырского.
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же ты мой паробок любимыи,
Верной ты слуга мой безызменныи!
Хорошо держал моего коня ты богатырского».
Целовал его он во уста сахарние,
Выводил добра коня с конюшенки стоялыи
А й на тот на славный на широкий двор.
А й тут старыя казак да Илья Муромец
Стал добра коня он заседлывать:
На коня накладывает потничек,
А на потничек накладывает войлочек,
Потничек он клал да ведь шелковенький,
А на потничек подкладывал подпотничек,
На подпотничек седелко клал черкасское,
А черкасское седёлышко недержано,
И подтягивал двенадцать подпругов шелко́вых,
И шпилёчики он втягивал булатние,
А стремяночки покладывал булатние,
Пряжечки покладывал он красна золота,
Да не для красы-угожества —
Ради крепости всё богатырскоей,—
Еще подпруги шелковы тянутся, да оны не́ рвутся,
Да булат-железо гнется, не ломается,
Пряжечки ты красна золота
Они мокнут, да не ржавеют.
И садился тут Илья да на добра коня,
Брал с собой доспехи крепки богатырские,
Во-первы́х брал палицу булатнюю,
Во-вторых брал копье боржамецкое,
А еще брал свою саблю вострую,
Ай ще брал шалыгу * подорожную,
И поехал он из города из Киева.

Выехал Илья да во чисто поле,
И подъехал он ко войскам ко татарскиим
Посмотреть на войска на татарские:
Нагнано-то силы много множество,
Как от покрику от человечьего,
Как от ржанья лошадиного
Унывает сердце человеческо.
Тут старыя казак да Илья Муромец
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Не мог конца-краю силушку наехати.
Он повыскочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую,
Конца-краю силы насмотреть не мог.
И повыскочил он на́ гору на другую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Конца-краю силы насмотреть не мог.
Он спустился с той со го́ры со высокии,
Да он ехал по раздольицу чисту́ полю
И повыскочил на третью гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную ведь сторону,
Насмотрел он под восточной стороной,
Насмотрел он там шатры белы
Й у белыих шатров-то кони богатырские.
Он спустился с той горы высокии
И поехал по раздольицу чисту полю,
Приезжал Илья ко шатрам ко белыим,
Как сходил Илья да со добра коня
Да у тых шатров у белыих,
А там сто́ят кони богатырские,
У того ли полотна стоят у белого,
Они зоблют-то * пшену да белоярову.
Говорит Илья да таковы слова:
«Поотведать мне-ка счастия великого».
Он накинул поводы шелковые
На добра коня да й богатырского
Да спустил коня ко полотну ко белому:
«А й допустят ли-то кони богатырские
Моего коня да богатырского
Ко тому ли полотну ко белому
Позобать пшену да белоярову?»
Его добрый конь идет-то грудью к полотну,
А идет зобать пшену да белоярову.
Старыя казак да Илья Муромец
А идет ён да во бел шатер,

Приходит Илья Муромец во бел шатер,—
В том бело́м шатри двенадцать-то бога́тырей,
И богатыри всё святорусские,
Они сели хлеба-соли кушати,
А и сели-то они да пообедати.
Говорит Илья да таковы слова:
«Хлеб да соль, богатыри да святорусские,
А и крестный ты мой батюшка,
А й Самсон да ты Самойлович!»
Говорит ему да крестный батюшка:
«А й поди ты, крестничек любимыи,
Старыя казак да Илья Муромец,
А садись-ко с нами пообедати».
И он выстал ли да на резвы ноги,
С Ильей Муромцем да поздоровкались,
Поздоровкались они да целовалися,
Посадили Илью Муромца да за единый стол
Хлеба-соли да покушати.
Их двенадцать-то бога́тырей,
Илья Муромец да он тринадцатый.
Оны поели, попили, пообедали,
Выходили с-за стола из-за дубового,
Они господу богу помолилися.
Говорил им старыя казак да Илья Муромец:
«Крестный ты мой батюшка Самсон Самойлович!
И вы русские могучие богатыри!
Вы седлайте-тко добрых коней,
А й садитесь вы да на добрых коней,
Поезжайте-тко да во раздольицо чисто́ поле,
А й под тот под славный стольний Киев-град.
Как под нашим-то под городом под Киевом
А стоит собака Калин-царь,
А стоит со войскамы великима,
Ро́зорить хотит ён стольний Киев-град,
Чернедь-мужиков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да со Опраксой-королевичной
Он срубить-то хочет буйны головы.
Вы постойте-тко за веру, за отечество,
Вы постойте-тко за славный стольний Киев-град,
Вы постойте-тко за церквы ты за божие,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той Опраксой-королевичной».
Говорит ему Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимыий,

Старыя казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольний Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой-королевичной.
У него ведь есте много да князей, бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
Говорит-то старыя казак да Илья Муромец:
«Ай же ты мой крестный батюшка,
А й Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее,—
Как собака Калин-царь он розорит да Киев-град,
Да он чернедь-мужиков-то всех повырубит,
Да он божьи церквы все на дым спустит,
Да князю Владимиру с Опраксой-королевичной
А он срубит им да буйные головушки.
Вы седлайте-тко добрых коней
И садитесь-ко вы на добрых коней,
Поезжайте-тко в чисто поле под Киев-град,
И постойте вы за веру, за отечество,
И постойте вы за славный стольний Киев-град,
И постойте вы за церквы ты за божие,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той с Опраксой-королевичной».
Говорит Самсон Самойлович да таковы слова:
«Ай же крестничек ты мой любимыий,
Старыя казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольний Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой-королевичной.
У него ведь есте много да князей, бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
Говорит-то старыя казак да Илья Муромец:
«Ай же ты мой крестный батюшка,

Ай Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее.
Вы седлайте-тко добры́х коней,
И садитесь-ко вы на добры́х коней,
Поезжайте-тко в чисто поле под Киев-град,
И постойте вы за веру, за отечество,
И постойте вы за славный стольний Киев-град,
И постойте вы за церквы ты за божие,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той с Опраксой королевичной».
Говорит ему Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимыий,
Старыя казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добры́х коней,
Не поедем мы во славно во чисто́ поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольний Киев-град,
Да не будем мы стоя́ть за матушки божьи́ церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой-королевичной.
У него ведь есте много да князей, бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
А й тут старыя казак да Илья Муромец
Он как видит, что дело́ ему не по́ люби,
А й выходит-то Илья да со бела шатра,
Приходил к добру коню да богатырскому,
Брал его за поводы шелковые,
Отводил от полотна от белого,
А от той пшены от белояровой,
Да садился Илья на добра́ коня,
То он ехал по раздольицу чисту полю,
И подъехал он ко войскам ко татарскиим.
Не ясён сокол да напущает на гусей, на лебедей,
Да малых перелетных на серых утушек;
Напущает-то бога́тырь святорусския
А на тую ли на силу на татарскую.
Он спустил коня да богатырского,
Да поехал ли по той по силушке татарскоей.
Стал он силушку конем топтать,
Стал конем топтать, копьем колоть,
Стал он бить ту силушку великую,
А он силу бьет, будто траву косит.
Его добрый конь да богатырскии

Испровещился языком человеческим:
«Ай же славныи богатырь святорусскии!
Хоть ты наступил на силу на великую,
Не побить тоби той силушки великии:
Нагнано у собаки царя Калина,
Нагнано той силы много множество,
И у него есте сильные богатыри,
Поляницы есте да удалые.
У него, собаки царя Калина,
Сделаны-то трои ведь подкопы да глубокие
Да во славноем раздольице чистом поли.
Когда будешь ездить по тому раздольицу чисту полю,
Будешь бить-то силу ту великую,
Как просядем мы в подкопы во глубокие,
Так из первых подкопов я повыскочу
Да тобя оттуль-то я повыздыну;
Как просядем мы в подкопы ты во други́е,
И оттуль-то я повыскочу
И тобя оттуль-то я повыздыну;
Еще в третьии подкопы во глубокие,—
А ведь тут-то я повыскочу,
Да оттуль тебя-то не повыздыну,
Ты останешься в подкопах во глубокиих».
Ай ще старыя казак да Илья Муромец —
Ему дело то ведь не слюбилося,
И берет он плетку шелкову в белы́ руки,
А он бьет коня да по крутым ребрам,
Говорил ён коню таковы слова:
«Ай же ты собачище изменное!
Я тобя кормлю, пою да и улаживаю,
А ты хочешь меня оставить во чистом поли,
Да во тых подкопах во глубокиих!»
И поехал Илья по раздольицу чисту́ полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть.
И он бьет-то силу, как траву косит,—
У Ильи-то сила не уменьшится.
Ён просел в подкопы во глубокие,—
Его добрый конь оттуль повыскочил,
Он повыскочил, Илью оттуль повыздынул.
Ён спустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту́ полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть,

И он бьет-то силу, как траву косит,—
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья — не старится.
Ён просел с конем да богатырскиим,
Ён попал в подкопы-то во дру́гие,—
Его добрый конь оттуль повыскочил,
Да Илью оттуль повыздынул.
Ён спустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту́ полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть,
Ён бьет-то силу, как траву косит,—
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья — не старится.
Ён попал в подкопы-то во третьии,
Он просел с конем в подкопы ты глубокие,—
Его добрый конь да богатырскии
Еще с третьиих подкопов он повыскочил,
Да оттуль Ильи он не повыздынул,
Сголзанул * Илья да со добра коня,
И остался он в подкопе во глубокоем.
Да пришли татары-то поганые,
Да хотели захватить они добра коня,—
Его конь-то богатырскии
Не сдался им во белы́ руки,
Убежал-то доброй конь да во чисто́ поле.
Тут пришли татары ты поганые,
А напа́дали на старого каза́ка Илью Муромца,
А й сковали ему ножки резвые,
И связали ему ручки белые,
Говорили-то татара таковы слова:
«Отрубить ему да буйную головушку».
Говорят ины татара таковы слова:
«А й не надо рубить ему буйной головы,
Мы сведем Илью к собаке царю Калину,
Что он хочет, то над ним да сделает».
Повели Илью да по чисту полю
А ко тым палаткам полотняныим,
Приводили ко палатке полотняноей,
Привели его к собаке царю Калину,
Становили супротив собаки царя Калина,
Говорили татара таковы слова:
«Ай же ты собака да наш Калин-царь!
Захватили мы да старого казака Илью Муромца
Да во тых-то во подкопах во глубоких,

И привели к тобе, к собаке царю Калину,—
Что ты знаешь, то над ним и делаешь».
Тут собака Калин-царь говорил Илье да таковы слова:
«Ай ты старыя казак да Илья Муромец!
Молодой щенок да напустил на силу на великую,
Тобе где-то одному побить моя сила великая!
Вы раскуйте-тко Илье да ножки резвые,
Развяжите-тко Илье да ручки белые».
И расковали ему ножки резвые,
Развязали ему ручки белые,
Говорил собака Калин-царь да таковы слова:
«Ай же старыя казак да Илья Муромец!
Да садись-ко ты со мной а за единый стол,
Ешь-ко ествушку мою сахарнюю,
Да и пей-ко мои питьица медвяные,
И одежь-ко ты мою одежу драгоценную,
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью,
Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину».
Говорил Илья да таковы слова:
«А й не сяду я с тобой да за единый стол,
Не буду есть твоих ествушек сахарниих,
Не буду пить твоих питьицев медвяных,
Не буду носить твоей одежи драгоценныи,
Не буду держать твоей бессчетной золотой казны,
Не буду служить тобе, собаке царю Калину,
Еще буду служить я за веру, за отечество,
А й буду стоять за стольний Киев-град,
А буду стоять за церкви за господние,
А буду стоять за князя за Владимира
И со той Опраксой-королевичной».
Тут старой казак да Илья Муромец
Он выходит со палатки полотняноей,
Да ушел в раздольицо в чисто поле.
Да теснить стали его татары ты поганые,
Хотят обневолить они старого каза́ка Илью Муромца.
А у старого казака Ильи Муромца
При соби да не случилось-то доспехов крепкиих,
Нечем-то ему с татарами да попротивиться.
Старыя казак да Илья Муромец
Видит ён — дело немалое,
Да схватил татарина ён за ноги,

Тако стал татарином помахивать,
Стал ён бить татар татарином,
И от него татара стали бегати.
И прошел ён скрозь всю силушку татарскую,
Вышел он в раздольицо чисто́ поле,
Да он бросил-то татарина да в сторону,
То идет он по раздольицу чисту полю,
При соби-то нет коня да богатырского,
При соби-то нет доспехов крепкиих.
Засвистал в свисток Илья он богатырскии,
Услыхал его добрый конь да во чисто́м поле,
Прибежал он к старому каза́ку Илье Муромцу.
Еще старыя казак да Илья Муромец
Как садился он да на добра коня
И поехал по раздольицу чисту полю,
Выскочил он да на гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную он сторону,—
А й под той ли под восточной под сторонушкой,
А й тых ли у шатров у белыих
Стоят добры кони богатырские.
А тут старый-от казак да Илья Муромец
Опустился ён да со добра коня,
Брал свой ту́гой лук разрывчатый в белы́ ручки,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Наложил он стрелочку каленую,
Ён спущал ту стрелочку во бел шатер,
Говорил Илья да таковы слова:
«А лети-тко, стрелочка каленая,
А лети-тко, стрелочка, во бел шатер,
Да сыми-тко крышу со бела шатра,
Да пади-тко, стрелка, на белы груди
К моему ко батюшке ко крестному,
И проголзни-тко по груди ты по белыи,
Сделай-ко ты сцапину да маленьку,
Маленькую сцапинку да невеликую.
Он и спит там, прохлаждается,
А мне здесь-то одному да мало можется».
Ён спустил как эту тетивочку шелко́вую,
Да спустил он эту стрелочку каленую,
Да просвистнула как эта стрелочка каленая
Да во тот во славныи во бел шатер,
Она сняла крышу со бела шатра,
Пала она, стрелка, на белы груди
Ко тому ли-то Самсону ко Самойловичу,
По белой груди ведь стрелочка проголзнула,

Сделала она да сцапинку-то маленьку.
А й тут славныя богатырь святорусскии,
А й Самсон-то ведь Самойлович,
Пробудился-то Самсон от крепка сна,
Пораскинул свои очи ясные,—
Да как снята крыша со бела́ шатра,
Пролетела стрелка по бело́й груди,
Она сцапиночку сделала да на бело́й груди.
Ён скорешенько стал на резвы́ ноги,
Говорил Самсон да таковы слова:
«Ай же славные мои бога́тыри вы святорусские!
Вы скорешенько седлайте-тко добры́х коней,
Да садитесь-тко вы на добры́х коней.
Мне от крестничка да от любимого
Прилетели-то подарочки да нелюбимые.
Долетела стрелочка каленая
Через мой-то славный бел шатер,
Она крышу сняла ведь да со бела́ шатра,
Да проголзнула-то стрелка по бело́й груди,
Она сцапинку-то дала по бело́й груди,
Только малу сцапинку-то дала, невеликую:
Погодился мне, Самсону, крест на вороте,
Крест на вороте шести пудов,—
Есть бы не был крест да на моёй груди,
Оторвала бы мне буйну голову».
Тут бога́тыри все святорусские
Скоро ведь седлали да добры́х коней,
И садились молодцы да на добры́х коней
И поехали раздольицем чисты́м полем
Ко тому ко городу ко Киеву,
Ко тым они силам ко татарскиим.
А со той горы да со высокии
Усмотрел ли старыя казак да Илья Муромец,—
А то едут ведь бога́тыри чисты́м полем,
А то едут ведь да на добрых конях.
И спустился ён с горы высокии,
И подъехал ён к бога́тырям ко святорусскиим:
Их двенадцать-то бога́тырей, Илья тринадцатый.
И приехали опи ко силушке татарскоей,
Припустили коней богатырскиих,
Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тут всю силушку великую,
И приехали к палатке полотняноей.
А сидит собака Калин-царь в палатке полотняноей.
Говорят-то как бога́тыри да святорусские:

«А срубить-то буйную головушку
А тому собаке царю Калину».
Говорил старой казак да Илья Муромец.
«А почто рубить ему да буйная головушка?
Мы свеземте-тко его во стольний Киев-град,
Да й ко славному ко князю ко Владимиру».
Привезли его, собаку царя Калина,
А во тот во славный Киев-град,
Да ко славному ко князю ко Владимиру,
Привели его в палату белокаменну
Да ко славному ко князю ко Владимиру.
То Владимир-князь да стольнё-киевской
Он берет собаку за белы́ руки
И садил его за столики дубовые,
Кормил его ествушкой саха́рнею,
Да поил-то питьицем медвяным.
Говорил ему собака Калин-царь да таковы слова:
«Ай же ты Владимир-князь да стольнё-киевской!
Не сруби-тко мне да буйной головы.
Мы напишем промеж собой записи великие,
Буду тебе платить дани век и по́ веку,
А тобе-то, князю я Владимиру».
А тут той старинке и славу́ поют,
А по тыих мест старинка и покончилась.

ВАСЬКА-ПЬЯНИЦА И КУДРЕВАНКО-ЦАРЬ

Да уж как плыли туры через океан-морё,
Выплывали туры да на Буян-остров,
Они шли по Буяну славну острову,
Им навстречу турица златорогая,
Златорогая им турица, одношорстная,
Уж как та ихна матушка родимая.
Говорила тут турица златорогая,
Говорила турица таково слово:
«Уж вы здравствуйте, туры вы златорогие,
Златороги туры вы, одношорстные,
Уж вы здравствуйте, деточки родимые!
Уж вы где-ка, туры, были, где вы побыли?»
Говорят тут туры да златорогие:
«Уж ты здравствуй, наша матушка родимая,
Уж ты та же турица златорогая,
Златорога турица, одношорстная!

Уж мы были где, маменька, во Шахове,
А служили мы, родимая, во Ляхове,
Крашон Киев-от мы город тот в полночь прошли;
Только видели мы в Киеве чудо чудноё,
Чудо чудноё видели, диво дивноё:
Как из той же нонь было божьей церкви,
Как из тех же дверей было церковных-е,
Из-за той было стены ведь городовое,
Как из тех же ворот было широких-е
Выходила тут душа да красна девица,
Выносила святу книгу на буйной главы,
А спускалась она да под круту гору,
Забродила в синё морё в полколен воды,
Она клала святу книгу на алтын-камень,
А читала святу книгу, слезно плакала,
А сама говорила таково слово:
«А у нас-то во городе-то Киеве —
А про то не знат никто, нонче не ведаёт —
А зло несчастьицо, братцы, состоялося,
Безвременьё велико повстречалося:
Подошел под Киев-город Кудреванко-царь.
Он со тем сам со зятёлком, племянником,
Он со тем же со зятёлком любимым-е,
Он со тем со племянником с родимым-е.
А у зятёлка много силы, множество,
У племянничка силы три тысячи,
У самого Кудреванка числа смёту нет.
От того нонь от пару лошадиного
А поблёкло, помёркло красно солнышко,
От того где-ка духу-ту татарского
Потемнела ведь луна да вся небесная».
Говорит тут турица златорогая:
«Уж вы глупы туры, вы туры малые!
А не душа выходила красна девица,—
Пресвята мати божья Богородица,
Выносила она книгу на буйной главы,
А спускалась она ведь под круту гору,
Она клала святу книгу, на алтын-камень,
А читала святу книгу, слезно плакала,
А сама говорила таково слово:
„А у нас-то во городе-то Киеве —
А про то не знат никто нонче, не ведаёт —
А зло несчастьицо, братцы, состоялося,
Безвременьицо велико повстречалося —
Подошел под Киев-город Кудреванко-царь“».

А и становился Кудреванко на чистом поли
Становил он шатры белы полотняны,—
И полотно под им земля да подгибается,
Становил он столы новы дубовые,
Он садился на стульё на ременчато,
Он писал ёрлыки да скорописчаты,
Не на ербовом писал листу бумажечки,
Не пером он писал их, не чернилами,—
На атласе он писал, на плисе-бархате,
Он писал ёрлыки да красным золотом,—
Он и просит у князя супротивника.
Написал ёрлыки он скорописчаты,
Посылал он гонца да в стольне Киев-град
Он везти ёрлыки да скорописчаты,
Посылал он гонца да скоро-наскоро.
Тут и се́длал где, уздал гонец добра коня,
Он садился, гонец, да на добра коня,
Он поехал, гонец, да в стольне Киев-град,
Он повез ёрлыки да скорописчаты.
Тут и приехал гонец да в стольне Киев-град
Ко тому где ко князю к широку двору,
Установил он коня да ко красну крыльцу,
Ко красну крыльцу поставил, к дубову столбу,
Привязал он коня да к золоту кольцу.
А пошел тут гонец да на красно крыльцо,
Проходя идет гонец да по новым сеням,
Проходя идет в грыни княженецкие,
Ёрлыки кладет на стол да и сам вон идет.
Увидал князь ёрлыки да скорописчаты,
Увидал ёрлыки, он приужахнулся,
Он и брал ёрлыки их во белы руки,
Он смотрел ёрлыки, сам призадумался,
Стал читать ёрлыки, он прирасплакался:
«А у нас нонь во городе-то Киеве
А богатырей у нас в доме не случилося,
А разъехались они все во чисто полё».
А у нас-то во городе во Киеве,
А у нас у ласкова-то князя Владимира
А собиралось пированьицо, почесьён пир,
А про многих про князей, про многих бояров,
А про тех про купцей, людей торговых-е.
Уж как пир-от идет нонь навесели,
Уж как день-от идет да день ко вечеру,
А красно солнышко катится ко западу,
А ко западу красное, ко закату.

Уж как все на пиру да пьяны, веселы,
А Владимир-князь по грынюшке погуливат,
Горючима слезами умывается,
Тонким беленьким платочком утирается,
Говорил тут Владимир таково слово:
«Уж вы ой еси, князья мои, бояра,
Уж как те же купцы, люди торговые!
А у нас-то ведь во городе-то Киеве
А зло несчастьицо, братцы, состоялося,
Безвременьё * велико повстречалося:
Подошел под Киев-город Кудреванко-царь
Он со тем же со зятёлком, племянником,
Он со тем же со зятём со любимые,
Он со тем со племянником с родимым-е;
А у зятёлка много силы, множество,
У племянничка силочки три тысячи,
У самого Кудреванка числа смёту нет».
Отказалися князя, ёго бояра,
Уж как те же купцы, люди торговые:
«Мы не можем со князём думу думати,
Мы не можем со князём мысли мыслити».
А у нас опять во городе во Киеве
А у князя у ласкова Владимира
Собиралось пированьицо, почесьён пир
А про тех про хрестьян, людей рабочих-е.
Уж пир-от идет-то нонь навесели,
Уж как день-от идет да день ко вечеру,
А красно солнышко катится ко западу,
А ко западу солнышко, ко закату.
Еще все на пиру да пьяны, веселы,
А Владимир-князь по грынюшке погуливат,
Горючима слезами умывается,
Тонким платочком подтирается,
Говорит тут князь Владимир таково слово:
«Уж вы ой еси, хрестьянушка прожиточны! [1]
А у нас-то во городе-то Киеве —
А про то никто не знаёт, нонь не ведаёт —
А зло несчастьицо, братцы, состоялося,
А безвременьицо велико повстречалося:
Подошел под Киев-город Кудреванко-царь
Он со тем же со зятёлком, племянником,
А у зятёлка много силы, множество,

[1] Хрестьянушка прожиточны — крестьяне достаточные, зажиточные.

У племянника силочки три тысячи,
У самого Кудреванка числа смёту нет.
Пособите вы мне, князю, думу думати».
Из-за того где стола было окольнёго [1]
Выставаёт тут удалой доброй молодец,—
Он не про́велик детинушка, плечьми плечист,
И сговорит тут детина таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевский!
У нас есть во чистом поли украинка *,
У нас есть на украины царев кабак,
У нас там в кабаки Васька, низка пьяница,
Он ведь пьет тут ведь Васенька три месяца».
А зрадовался князь Владимир стольне-киевский,
Одевал-обувал он сапожки на босу ногу,
Одевал кунью шубу на едно плечо,
Он бежал во чисто полё на украинку.
Прибежал он во чисто полё на украинку,
Заходил он ведь в этот нов царев кабак,
А и тут лежит Васька на печке на муравлёной *,
Он рогозонькой Васенька закутался,
А в зголовьях-то у Васьки сер-горюч камень.
Говорит тут князь Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Васька, низка пьяница!
Ты пожалуй ко мне, Вася, на почесьён пир
Уж ты хлеба ле, соли ко мне кушати».
И говорил тут Василий таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевский!
Я не могу где встать и головы поднять,
Потому у мня болит да буйна голова,
А шипит у мня, ноёт ретиво сердцо».
Говорит тут Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, чумак нонь цоловальничок! *
Ты налей-косе чару зелена вина,
Ты подай-кось Ваське, низкой пьянице».
А на то где чумак да не ослушался,
Наливал он эту чару в полтора ведра.
А слезывал Васька со печки со муравлёной,
Выпивал эту чарочку всю досуха,
Заскочил опять на печку на муравлёну,
Он рогозонькой опять и приокутался.
Говорил тут Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Васька, низка пьяница!
Ты пожалуй ко мне, Васька, на почесьён пир

[1] Стол окольний — соседний.

Уж ты хлеба ле, соли ко мне кушати,
А гусей, белых лебедей порушати».
Говорит тут Васька, низка пьяница,
Говорил тут Василий таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевский!
Я не могу ведь стать и головы поднять,
А ти потому у мня болит буйна голова,
Еще ноёт-шипит да ретиво сердцо».
Говорил тут князь Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Васька, низка пьяница!
Слезывай, Васька, со печки со муравлёной,
Ты поди, Васька, за стойку белодубову,
Поди пей-кося вина, сколько те хочется».
А тут и Васенька скакал, аки сокол слетал,
Заходил Васька за стойку белодубову,
Нацедил Васька чарочку тут вторую,
Выпивал эту чарочку всю досуха;
Нацедил Васька чарочку тут третьюю,
Выпивал эту чарочку всю досуха;
Нацедил Васька чарочку четвертую,
Он поставил ей на стойку белодубову.
Выходил тут Васька на царев кабак,
По цареву кабаку он стал погуливать,—
А ти тут дубовы половицы подгибаются,
Со краю на край царев кабак шатается,
Э да во бочках зелено вино колыбается.
А говорил тут князь Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Василий, низка пьяница!
А ты пожалуй ко мне да на почесьён пир
Уж ты хлеба ле, соли ко мне кушати».
И говорил тут Василий таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир-князь стольно-киевский!
Я не мóгу со князём думы думати,
Я не могу со князём мысли мыслити,
Потому у мня нету платья цветного,
Потому у мня ведь нет нонче добра коня,
Потому у мня нет сбруи лошадиное,
У мне нет всей сбруи богатырское,
У мне нет нонче сабельки-то вострое,
У мне нету копейца-то булатного,
У мне нету ведь палицы боёвое,
У мне нет нонче лука-то ведь крепкого
Со тема ёго с тетивками шелковыма,
Со тема же со стрелками калёныма,—
У мня пропито чумаку всё, целовальнику,

У мня всё где со всем в тридцати тысячах».
Ах говорил тут Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, чумак наш, цоловальничок!
Ты отдай возьми Ваське всё безденежно,
Заплачу я тебе деньги со покорностью».
А на то где чумак не ослушался,
А выносил Ваське платьицо то цветноё,
Выносил он всю сбрую богатырскую,
Он выносил Ваське сабельку ту вострую,
Выносил он копейцо брусоменчато *,
Выносил он ведь палицу боёвую,
Выносил он всю сбрую лошадиную,
Выводил он ведь Ваське и добра коня.
А спаряжался тут Васька в платьё в цветноё,
Он надел на себя всю сбрую богатырскую,
Говорил тут князь Владимир таково слово:
«Ты пожалуй ко мне, Вася, на почесьён пир
Уж ты хлеба ле, соли ко мне кушати».
И говорит тут Василий таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир-князь стольне-киевский!
Мне не хлеба ле, соли хочется кушати,—
Мне-ка надобно ехать во чисто полё,
Мне-ка надо бить силу-рать великую».
Выпивал он эту чарочку четвертую,
Он стал-де сряжаться во чисто полё,
Он седлал-де, уздал да коня доброго,
Он садился, Василий, на добра коня,
Он поехал, Василий, во чисто полё,
Он доехал, Василий, до белых шатров,
Вынимал он из-за налучья * свой крепкий лук,
Он натягивал тетивочку шелковую,
Он накладывал стрелочку калёную,
Он стрелял Кудреванка во белом шатри,
Он сострелил Кудреванка во белом шатри,
Он тогда-то поехал бить силу-рать великую.
Он куда Васька едёт — валит улицей,
Поворотится куда — переулочком.
Он ведь много прибил да силы, множество.
Он тогда где поехал ко белым шатрам,
Он соскакивал где, Васька, со добра коня,
Он спустил коня пшеницу есть белоярову,
Он ведь пошел где, Васенька, в белой шатер,
Заходил тут ведь Васька во белой шатер,
Говорил тут ведь Васька таково слово:
«Уж вы здравствуйте, зятёлко, племянничок,

3 *

Уж вы здравствуйте, пановья-улановья!
Уж вы ой еси, пановья-улановья!
Вы подите теперь в стольне Киев-град,
Уж вы грабьте князей да нонче бояров,
Уж вы тех же купцей, людей торговых-е,
Уж вы грабьте у их да золоту казну,
Не ворошите только князя-то Владимира,
Уж вы той-де княгиной-то Опраксеи».
А тут пошле где-ка пановья-улановья,
А пошли они грабить стольне Киев-град,
А приходят они да стольне Киев-град,
Они грабят купцей да князей, бояров,
Они множество награбили золотой казны
Да пошли опять да во чисто полё.
Они приходят опять да ко белым шатрам,
Они много принесли ведь золотой казны,
Они стали делить да золоту казну,
Они стали делить ей промежду́ собой,
Не давают они Ваське, низкой пьянице.
Говорят тут ведь зятёлко, племянничок:
«Уж вы ой еси, пановья-улановья!
А во науке-то у вас-то был Васька больше всех,
А тепере у вас Ваське и паю нету».
Говорят тут ведь пановья-улановья:
«А тепере у нас Васенька у нас в руках».
Да тут это Ваське за беду пришло,
За велику за досаду показалося,
Его ясны-ти очи сомутилися,
Богатырско ёго сердцо разъярилося,
Он скакал тут ведь, Васька, на резвы ноги,
А хватил он татарина-то за ноги,
Он ведь зачал татарином помахивать.
Он куда махнет, Васька,— валит улицей,
Поворотится куда — да переулочки,
Он прибил всех татар да ноль до едного,
Он убил этих зятёлка, племянника,
Он и взял с собой ведь эту золоту казну.
Он седлал, уздал тогда, Васька, добра коня,
Он поехал тогда, Васька, в стольне Киев-град.
Он ведь едёт, Василий, в стольне Киев-град,
Тут приехал Василий в стольне Киев-град,
Ко тому он ко князю к широку двору,
Тут соскакивал Василий со добра коня,
Он поставил коня да к дубову столбу,
Привязал где коня да к золоту кольцу.

А стречал ёго Владимир-князь стольне-киевский,
Он ведь нес ёму подарочки немаленьки,
Он ведь нес ёму много злата, серебра,
Он ведь нес ёму всяки вещи разные.
Не примат тут Василий злата, серебра,
Не примат он вещей этих разных-е,
Он просил-де у князя-то такой приказ:
«Уж ты дай мне, Владимир-князь, такой приказ —
Чтобы пить по кабакам вино безденёжно».
Тут ведь дал Владимир-князь такой приказ —
Да еще пить по кабакам вино безденёжно.

СУХМАНТИЙ

У ласкова у князя у Владимира
Было пированьице — почестен пир
На многих князей, на бояр,
На русскиих могучиих богатырей
И на всю поленицу * удалую.
Красное солнышко на вечере,
Почестный пир идет навéселе,
Все на пиру пьяны, веселы,
Все на пиру порасхвастались:
Глупый хвастает молодой женой,
Безумный хвастает золотой казной,
А умный хвастает старой матерью,
Сильный хвастает своей силою,
Силою, ухваткой богатырскою.
За тым за столом за дубовыим
Сидит богатырь Сухмантий Одихмантьевич,
Ничем-то он, молодец, не хвастает.
Солнышко Владимир стольно-киевский
По гридне столовой похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты Сухмантий Одихмантьевич!
Что же ты ничем не хвастаешь,
Не ешь, не пьешь и не кушаешь,
Белыя лебеди не рушаешь?
Али чара ти шла не рядобная [1],
Или место было не по отчине [2],

[1] Не рядобная — не по ряду, не согласно месту на пиру.
[2] По отчине — по отцовскому роду, наследственному праву.

Али пьяница надсмеялся ти?»
Воспроговорит Сухман Одихмантьевич:
«Солнышко Владимир стольно-киевский!
Чара-то мне-ка шла рядобная,
А и место было по отчине,
Да и пьяница не надсмеялся мне.
Похвастать — не похвастать добру молодцу, —
Привезу тебе лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену».
Тогда Сухмантий Одихмантьевич
Скоро вставает на резвы ноги,
Приходит из гридни из столовыя
Во тую конюшенку стоялую,
Седлает он своего добра коня,
Взимает палицу воинскую,
Взимает для пути, для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище.
Садился Сухмантий на добра коня,
Уезжал Сухмантий ко синю морю,
Ко тоя ко тихия ко заводи.
Как приехал ко первыя тихия заводи, —
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Ехал ко другия ко тихия ко заводи, —
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Ехал ко третия ко тихия ко заводи, —
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Тут-то Сухмантий пораздумался:
«Как поехать мне ко славному городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Поехать мне — живу не бывать.
А поеду я ко матушке Непры-реке».
Приезжает ко матушке Непры-реке, —
Матушка Непра-река текет не по-старому,
Не по-старому текет, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася.
Стал Сухмантьюшка выспрашивати:
«Что же ты, матушка Непра-река,
Что же ты текешь не по-старому,
Не по-старому текешь, не по-прежнему,

А вода с песком помутилася?»
Испроговорит матушка Непра-река:
«Как же мне течи было по-старому,
По-старому течи, по-прежнему,
Как за мной, за матушкой Непрой-рекой,
Стоит сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровей поганыих?
Мостят они мосты калиновы,
Днем мостят, а ночью я повырою, —
Из сил матушка Непра-река повыбилась».
Раздумался Сухмантий Одихмантьевич:
«Не честь-хвала мне молодецкая
Не отведать силы татарския,
Татарския силы, неверныя».
Направил своего добра коня
Через тую матушку Непру-реку,
Его добрый конь перескочил.
Приезжает Сухмантий ко сыру дубу,
Ко сыру дубу крякновисту,
Выдергивал дуб со кореньямы,
За вершинку брал, а с комля сок бежал,
И поехал Сухмантьюшка с дубиночкой.
Напустил он своего добра коня
На тую ли на силу на татарскую,
И начал он дубиночкой помахивати,
Начал татар поколачивати;
Махнет Сухмантьюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуточек,
И вперед просунет — переулочек.
Убил он всех татар поганыих.
Бежало три татарина поганыих,
Бежали ко матушке Непры-реке,
Садились под кусточки под ракитовы,
Направили стрелочки каленые.
Приехал Сухмантий Одихмантьевич
Ко той ко матушке Непры-реке, —
Пустили три татарина поганыих
Тыя стрелочки каленые
Во его в бока во белые.
Тут Сухмантий Одихмантьевич
Стрелочки каленые выдергивал,
Совал в раны кровавые листочики маковы,
А трех татаровей поганыих
Убил своим ножищем-кинжалищем.
Садился Сухмантий на добра коня,

Припустил ко матушке Непры-реке,
Приезжал ко городу ко Киеву,
Ко тому двору княженецкому,
Привязал копя ко столбу ко точеному,
Ко тому кольцу ко золоченому,
Сам бежал во гридню во столовую.
Князь Владимир стольно-киевский
По гридне столовыя похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты Сухмантий Одихмантьевич!
Привез ли ты мне лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену?»
Говорит Сухмантий Одихмантьевич:
«Солнышко князь стольно-киевский!
Мне, мол, было не до лебедушки:
А за той за матушкой Непрой-рекой
Стояла сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровей поганых.
Шла же эта сила во Киев-град,
Мостила мосточки калиновы,—
Они днем мосты мостят,
А матушка Непра-река ночью повырост.
Напустил я своего добра коня
На тую на силу на татарскую,
Побил всех татар поганых».
Солнышко Владимир стольно-киевский
Приказал своим слугам верныим
Взять Сухмантья за белы руки,
Посадить молодца в глубок погреб,
А послать Добрынюшку Никитинца
За тую за матушку Непру-реку
Проведать заработки [1] Сухмантьевы.
Седлал Добрыня добра коня
И поехал молодец во чисто поле.
Приезжает ко матушке Непры-реке
И видит Добрынюшка Никитинец —
Побита сила татарская;
И видит дубиночку-вязиночку,
У тоя реки разбитую на лозиночки.
Привозит дубиночку в Киев-град
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Сам говорит таково слово:

[1] Заработок — здесь: результат, успех.

«Правдой хвастал Сухман Одихмантьевич:
За той за матушкой Непрой-рекой
Есть сила татарская побитая,
Сорок тысячей татаровей поганыих.
И привез я дубиночку Сухмантьеву,
На лозиночки дубиночка облочкана *».
Потянула дубина девяносто пуд.
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Ай же слуги мои верные!
Скоро идите в глубок погреб,
Взимайте Сухмантья Одихмантьевича,
Приводите ко мне на ясны очи —
Буду его, молодца, жаловать-миловать
За его услугу за великую
Городами его с пригородками,
Али селамы с приселками,
Аль бессчетной золотой казной до́ люби».
Приходят его слуги верные
Ко тому ко погребу глубокому,
Сами говорят таковы слова:
«Ай же ты Сухмантий Одихмантьевич!
Выходи со погреба глубокого,—
Хочет тебя солнышко жаловать,
Хочет тебя солнышко миловать
За твою услугу великую».
Выходил Сухмантий с погреба глубокого,
Выходил на далече-далече чисто поле,
И говорил молодец таковы слова:
«Не умел меня солнышко миловать,
Не умел меня солнышко жаловать,
А теперь не видать меня во ясны очи».
Выдергивал листочики маковые
Со тыих с ран со кровавыих,
Сам Сухмантий приговаривал:
«Потеки, Сухман-река,
От моя от крови от горючия,
От горючия крови, от напрасныя».

МИХАЙЛО КАЗАРИН И СЕСТРА

Как из далеча было из Галичья,
Из Волынца-города из Галичья,
Как ясён сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал,—

Выезжал удача добрый молодец,
Молоды Михайла Казаренин.
А и конь под ним — как бы лютый зверь,
Он сам на коне — как ясён сокол,
Крепки доспехи на могучих плечах:
Куяк * и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на нем красна золота;
А куяку и панцырю цена стоит на сто тысячей,
А кольчуга на нем красна золота —
Кольчуге цена сорок тысячей;
Шелом на буйной голове замычется [1] —
Шелому цена три тысячи;
Копье в руках морзамецкое — как свеча горит;
Ко левой бедре припоясана сабля вострая,
В долину сабля — сажень печатная *,
В ширину сабля осьми вершков;
Еще с ним тугой лук разрывчатый,
А цена тому луку три тысячи;
Потому цена лука три тысячи —
Полосы были булатные,
А жилы — слоны сохатныя,
И рога красного золота,
И тетивочка шелковая,
Белого шелку шемаханского,
И колчан с ним каленых стрел,
А во колчане было полтораста стрел, —
Всякая стрела по пяти рублев;
А конь под ним — как лютой зверь,
Цены коню сметы нет;
Почему коню цены сметы нет?
Потому ему цены сметы нет —
За реку броду не спрашивает,
Он скачет, конь, с берегу на берег,
Котора река шириною пятнадцать верст.
А и едет ко городу Киеву,
Что ко ласкову князю Владимиру,
Чудотворцам в Киеве молитися,
И Владимиру-князю поклонитися,
Послужить верою и правдою,
Позаочью князю не изменою.
Как и будет он в городе Киеве,
Середи двора княженецкого,
Скочил Казаренин со добра коня,

[1] **Замычется** — замыкается.

Привязал коня к дубову столбу,
К дубову столбу, к кольцу булатному,
Походил во гридню во светлую
Ко великому князю Владимиру,
Молился спасу со пречистою,
Поклонился князю со княгинею
И на все четыре стороны.
Говорил ему ласковый Владимпр-князь:
«Гой еси, удача добрый молодец!
Откуль приехал, откуль тебе бог принес,
Еще как тебе, молодца, именем зовут?
А по имени тебе можно место дать,
По изотчеству можно пожаловати».
И сказал удалой добрый молодец:
«А зовут мене Михайлою Казаренин,
А Казаренин душа Петрович млад».
А втапоры стольный Владимир-князь
Не имел у себя стольников и чашников,
Наливал сам чару зелена вина,
Невелика мера — в полтора ведра,
И проведовает [1] могучего богатыря,
Чтобы выпил чару зелена вина
И турий рог меду сладкого в полтретья ведра.
Принимает Казаренин единой рукой,
А и выпил единым духом
И турий рог меду сладкого.
Говорил ему ласковый Владимир-князь:
«Гой еси ты, молоды Михайла Казаренин!
Сослужи ты мне службу заочную,
Съезди ко морю синему,
Настреляй гусей, белых лебедей,
Перелетных серых малых уточек
Ко моему столу княженецкому —
До люби я молодца пожалую».
Молоды Михайла Казаренин
Великого князя не ослушался,
Помолился богу, сам и вон пошел,
И садился он на добра коня
И поехал ко морю синему,
Что на теплы тихи заводи.
Как и будет у моря синего,—
На его счаски [2] великие

[1] Проведовать — испытывать (?).
[2] На его счаски — на его счастье.

Привалила птица к берегу.
Настрелял он гусей, лебедей,
Перелетных серых малых уточек
Ко его столу княженецкому.
Обвязал он своего добра коня
По могучим плечам до сырой земли
И поехал от моря от синего
Ко стольному городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Наехал в поле сыр кряковистый дуб,—
На дубу сидит тут черны ворон,
С ноги на ногу переступывает,
Он правильна перушка * поправливает,
А и ноги, нос, что огонь горят.
А и тут Казаренину за беду стало,
За великую досаду показалося,
Он, Казаренин, дивуется,
Говорил таково слово:
«Сколько по полю я езживал,
По его государевой вотчине,
Такого чуда не наезживал,
И наехал ныне черна ворона».
Втапоры Казаренин
Вынимал из налушна свой тугой лук,
Из колчана калену стрелу,
Хочет застрелить черна ворона,
А и тугой лук свой потягивает,
Калену стрелу поправливает,
И потянул свой тугой лук за ухо,
Калену стрелу семи четвертей.
И завыли рога у туга лука,
Заскрипели полосы булатные,
Чуть было спустит калену стрелу,—
Провещится ему черны ворон:
«Гой еси ты, удача добрый молодец!
Не стреляй мене ты, черна ворона,
Моей крови тебе не пить будет,
Моего мяса не есть будет,
Надо мною сердце не изнести [1].
Скажу я тебе добычу богатырскую:
Поезжай на гору высокую,
Посмотри в раздолья широкая
И увидишь в поле три бела шатра,

[1] Сердце не изнести — не сорвать гнев.

И стоит беседа[1] дорог рыбий зуб *,
На беседе сидят три татарина,
Как бы три собаки наездники,
Перед ними ходит красна девица,
Русская девица-полоняночка,
Молода Марфа Петровична».
И за то слово Казарин спохватается,
Не стрелял на дубу черна ворона,
Поехал на гору высокую,
Смотрил раздолья широкие
И увидел в поле три бела шатра,
Стоит беседа дорог рыбий зуб,
На беседе сидят три татарина,
Три собаки наездники,
Перед ними ходит красна девица,
Русская девица-полоняночка,
Молода Марфа Петровична,
Во слезах не может слово молвити,
Добре жалобно причитаючи:
«О злосчастная моя буйна голова,
Горе-горькая моя русая коса!
А вечер тебе матушка расчесывала,
Расчесала матушка, заплетала,
Я сама, девица, знаю-ведаю —
Расплетать будет моя руса коса
Трем татарам-наездникам».
Они те-то речи, татара, договаривают,
А первой татарин проговорит:
«Не плачь, девица, душа красная,
Не скорби, девица, лица белого.
А с делу[2] татарину достанешься,—
Не продам тебе, девицу, дешево,
Отдам за сына любимого,
За мирно́ва * сына в Золотой орде».
Со тыя горы со высокия
Как ясён сокол напущается
На синем море на гуси и лебеди,—
Во чистом поле напущается
Молоды Михайла Казаренин,
А Казаренин душа Петрович млад.
Приправил он своего добра коня,
Принастегивал богатырского,

[1] Беседа — сиденье, скамейка.
[2] А с делу — при дележе.

И в руке копье морзамецкое,—
Первого татарина копьем сколол,
Другого, собаку, конем стоптал,
Третьего о сыру землю.
Скочил Казаренин с добра коня,
Сохватал девицу за белы ручки,
Русску девицу-полоняночку,
Повел девицу во бел шатер.
Как чуть с девицею ему грех творить,
А грех творить, с ней блуд блудить,—
Расплачется красная девица:
«А не честь твоя молодецкая, богатырская,—
Не спросил ни дядины *, ни вотчины *,
Княженецкая ль дочь и боярская.
Была я дочи гостиная *,
Из Волынца города из Галичья,
Молода Марфа Петровична».
И за то слово Казаренин спохватается:
«Гой еси, душа красная девица,
Молода Марфа Петровична!
А ты по роду мне родна сестра,
И ты как татарам досталася,
Ты как трем собакам наездникам?»
Говорит ему родная сестра:
«Я вечер гуляла в зеленом саду
Со своей сударынею матушкою,
Как из далеча из чиста поля
Как черны вороны налетывали,
Набегали тут три татарина наездники,
Полонили мене, красну девицу,
Повезли мене во чисто поле,—
А я так татарам досталася,
Трем собакам наездникам».
Молоды Михайла Казаренин
Собирает в шатрах злата, серебра,
Он кладет во те сумы переметные,
Переметные, сыромятные,
И берет беседу дорог рыбий зуб,
Посадил девицу на добра коня,
На русского, богатырского,
Сам садился на татарского,
Как бы двух коней в поводу повел
И поехал к городу Киеву.
Въезжает в стольный Киев-град,
А и стольники, приворотники

Доложили князю Владимиру,
Что приехал Михайла Казаренин.
Поколь Михайла снял с добра коня
Свою сестрицу родимую
И привязал четырех коней к дубову столбу,
Идут послы от князя Владимира,
Велят иттить Михайле во светлу гридню.
Приходил Казаренин во светлу гридню
Со своею сестрицею родимою,
Молится спасову образу,
Кланяется князю Владимиру
И княгине Апраксевне:
«Здравствуй ты, ласковый сударь
Владимир-князь
Со душою княгинею Апраксевною!
Куда ты мене послал, то сослужил —
Настрелял гусей, белых лебедей
И перелетных серых малых уточек,
А и сам в добыче богатырския —
Убил в поле трех татаринов,
Трех собак наездников,
И сестру родную у них выручил,
Молоду Марфу Петровичну».
Владимир-князь стольный киевский
Стал о том светел, радошен,
Наливал чару зелена вина в полтора ведра
И турий рог меду сладкого в полтретья ведра,
Подносил Михайлу Казарину.
Принимает он, Михайла, единой рукой
И выпил единым духом.
Втапоры пошли они на широкий двор,
Пошел князь и со княгинею,
Смотрел его добрых коней,
Добрых коней татарскиих,
Велел тут князь со добра коня птиц обрать
И велел снимать сумы сыромятные,
Относить во светлы гридни,
Берет беседу дорог рыбий зуб,
А и коней поставить велел по стойлам своим.
Говорил тут ласковый Владимир-князь:
«Гой еси ты, удача добрый молодец,
Молоды Михайла Казаренин,
А Казаренин душа Петрович млад!
У мене есть триста жеребцов,
И три любимы жеребца,—

А нет такого единого жеребца.
Исполать тебе, добру молодцу,
Что служишь князю верою и правдою».

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Матушка Добрынюшке говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Ты не езди-тко на гору Сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малыих змеенышей,
Не выручай же по́лону там русского,
Не куплись-ко ты во матушке Пучай-реки,—
Тая река свирипая,
Свирипая река, сама сердитая:
Из-за первоя же струйки как огонь сечет,
Из-за другоей же струйки искра сыплется,
Из-за третьеей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью».
Мо́лодой Добрыня сын Никитинич
Он не слушал да родители тут матушки
Честной вдовы Офимьи Александровной,
Ездил он на гору Сорочинскую,
Топтал он тут малыих змеенышков,
Выручал тут полону да русского.
Тут купался да Добрыня во Пучай-реки,
Сам же тут Добрыня испроговорил:
«Матушка Добрынюшке говаривала,
Родная Никитичу наказывала:
«Ты не езди-тко на гору Сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малыих змеенышев,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки,—
Тая река свирипая,
Свирипая река да е сердитая:
Из-за первоя же струйки как огонь сечет,
Из-за другоей же струйки искра сыплется,
Из-за третьеей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью».
Эта матушка Пучай-река
Как ложинушка дождёвая».
Не поспел тут же Добрыня словца молвити,—
Из-за первоя же струйки как огонь сечет,
Из-за другою же струйки искра сыплется,

Из-за третьеей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью.
Выходит тут змея было проклятая,
О двенадцати змея была о хоботах:
«Ах ты мóлодой Добрыня сын Никитинич!
Захочу я нынь Добрынюшку целó сожру,
Захочу Добрыню в хобота возьму,
Захочу Добрынюшку в полон снесу».
Испроговорит Добрыня сын Никитинич:
«Ай же ты змея было проклятая!
Ты поспела бы Добрынюшку да зáхватить,
В ту порý Добрынюшкой похвастати,—
А нунчу Добрыня не в твоих руках».
Нырнет тут Добрынюшка у бережка,
Вынырнул Добрынюшка на другоём.
Нету у Добрыни коня доброго,
Нету у Добрыни копья вострого,
Нечем тут Добрынюшке поправиться.
Сам же тут Добрыня приужахнется,
Сам Добрыня испроговорит:
«Видно, нонечу Добрынюшке кончинушка».
Лежит тут колпак да земли греческой,
А весу-то колпак буде трех пудов.
Ударил он змею было по хоботам,
Отшиб змеи двенадцать тех же хоботов.
Сбился на змею да он с коленками,
Выхватил ножищо да кинжалищо,
Хоче он змею было порóспластать.
Змея ему да тут смолилася:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Будь-ка ты, Добрынюшка, да больший брат,
Я тебе да сестра меньшая.
Сделам мы же заповедь великую:
Тебе-ка-ва не ездить нынь на гору Сорочинскую,
Не топтать же зде-ка маленьких змеенышков,
Не выручать полону да русского;
А я тебе сестра да буду меньшая,—
Мне-ка не летать да на святую Русь,
А не брать же больше полону да русского,
Не носить же мне народу христианского».
Отслáбил он колен да богатырскиих.
Змея была да тут лукавая,—
С-под колен да тут змея свернулася,
Улетела тут змея да во ковыль-траву.
И молодой Добрыня сын Никитинич

Пошел же он ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
К свóей тут к родители ко матушке,
К честной вдовы Офимье Александровной.
И сам Добрыня порасхвастался:
«Как нету у Добрыни коня доброго,
Как нету у Добрыни копья вострого,
Не на ком поехать нынь Добрыне во чисто поле».
Испроговорит Владимир стольне-киевский:
«Как солнышко у нас идет на вечере,
Почестный пир идет у нас навеселе,
А мне-ка-ва Владимиру невесело,—
Одна у мня любимая племянничка,
И молода Забава дочь Потятична.
Летела тут змея у нас проклятая,
Летела же змея да через Киев-град,
Ходила нунь Забава дочь Потятична
Она с мамками да с няньками
В зеленом саду гулятиться,
Подпадала тут змея было проклятая
Ко той матушке да ко сырой земли,
Ухватила тут Забаву дочь Потятичну
В зеленом саду да ю гуляючи
В свои было во хобота змеиные,
Унесла она в пещерушку змеиную.
Сидят же тут два русскиих могучиих богатыря,
Сидит же тут Алешенька Левонтьевич,
Во дрýгиих Добрыня сын Никитинич.
Испроговорит Владимир стольне-киевский:
«Вы русские могучие богáтыри!
Ай же ты Алешенька Левонтьевич,
Мошь ли ты достать у нас Забаву дочь Потятичну
Из той было пещеры из змеиною?»
Испроговорит Алешенька Левонтьевич:
«Ах ты солнышко Владимир стольне-киевский!
Я слыхал было на сем свете,
Я слыхал же от Добрынюшки Никитича,—
Добрынюшка змеи было крестóвый брат,
Отдаст же тут змея проклятая
Мóлоду Добрынюшке Никитичу
Без бою, без драки, кроволития
Тут же нунь Забаву дочь Потятичну».
Испроговорит Владимир стольне-киевский:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Ты достань-ко нунь Забаву дочь Потятичну

Да из той было пещерушки змеиною.
Не достанешь ты Забавы дочь Потятичной,
Прикажу тебе, Добрыня, головý рубить».
Повесил тут Добрыня буйну голову,
Утопил же очи ясные
А во тот ли во кирпичен мост [1],
Ничего ему Добрыня не ответствует,
Ставает тут Добрыня на резвы ноги,
Отдает ему великое почтениё
Ему нунь за весело пированиё,
И пошел же ко родители ко матушке,
И к честной вдовы Офимьи Александровной.
Тут стретает его да родитель матушка,
Сама же тут Добрыне испроговорит:
«Что же ты, рожоное, невесело,
Буйну голову, рожоное, повесило?
Ах ты молодой Добрыня сын Никитинич!
Али ествы-ты были не пó уму,
Али питьица-ты были не по разуму,
Аль дурак-тот над тобою надсмеялся ли,
Али пьяница ли там тебя прибóзвал,
Али чарою тебя да там прибóбнесли?»
Говорил же тут Добрыня сын Никитинич,
Говорил же он родители тут матушке,
А честной вдовы Офимьи Александровной:
«Ай честна вдова Офимья Александровна!
Ествы-ты же были мне-ка пó уму,
А и питьица-ты были мне по разуму,
Чарою меня там не прибóбнесли,
А дурак-тот надо мною не смеялся же,
А и пьяница меня да не прибóзвал,—
А накинул на нас службу да великую
Солнышко Владимир стольне-киевский —
А достать было Забаву дочь Потятичну
А из той было пещеры из змеиною.
А нунь нету у Добрыни коня доброго,
А нунь нету у Добрыни копья вострого,
Не с чем мне поехати на гору Сорочинскую,
К той было змеи нынь ко проклятою».
Говорила тут родитель ему матушка,
А честна вдова Офимья Александровна:
«А рожоное мое ты нынь же дитятко,
Молодой Добрынюшко Никитинич!

[1] Кирпичен мост — пол.

Богу ты молись да спать ложись,
Буде утро мудро, мудренее буде вечера —
День у нас же буде там прибыточён.
Ты поди-ка на конюшню на стоялую,
Ты бери коня с конюшенки стоялыя,—
Батюшков же конь стоит да дедушков,
А стоит бурко пятнадцать лет,
По колен в назем * же ноги призарощены,
Дверь по поясу в назем зарощена».
Приходит тут Добрыня сын Никитинич
А ко той ли ко конюшенке стоялыя,
Повыдернул же дверь он вон йз наму,
Конь же ноги из назму да вон выдергиват,
А берет же тут Добрынюшка Никитинич,
Берет Добрынюшка добра коня
На ту же па узду да на тесмяную,
Выводит из конюшенки стоялыи,
Кормил коня пшеною белояровой,
Поил питьями медвяныма.
Ложился тут Добрыня на велик одёр *,
Ставае он по утрушку ранехонько,
Умывается он да и белехонько,
Снаряжается да хорошохонько,
А седлае своего да он добра коня,
Кладываé он же потнички на потнички,
А на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седелышко.
И садился тут Добрыня на добра коня,
Провожает тут родитель его матушка,
А честна вдова Офимья Александровна,
На поезде ему плеточку нонь подала,
Подала тут плетку шамахинскую,
А семи шелков да было разныих,
А Добрынюшке она было наказыват:
«Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Вот тебе да плетка шамахинская.
Съедешь ты на гору Сорочинскую,
Станешь топтать маленьких змеенышев,
Выручать тут полону да русского,
Да не станет твой же бурушко поскакивать,
А змеенышев от ног да прочь отряхивать,—
Ты хлыщи бурка да нунь промеж уши,
Ты промеж уши хлыщи, да ты промеж ноги,
Ты промеж ноги да промеж заднии,
Сам бурку да приговаривай:

„Бурушко ты нонь поскакивай,
А змеенышев от ног да прочь отряхивай“».
Тут простилася да воротилася.
Видли тут Добрынюшку да сядучи,
А не видли тут удалого поедучи.
Не дорожками поехать, не воротами,
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную,
Он на тую гору Сорочинскую.
Стал топтать да маленьких змеенышев,
Выручать да полону нонь русского.
Подточили тут змееныши бурку да щеточки [1],
А не стал же его бурушко поскакивать.
На кони же тут Добрыня приужахнется,—
Нунечку Добрынюшки кончинушка!
Спомнил он наказ да было матушкин,
Сунул он же руку во глубок карман,
Выдернул же плетку шамахинскую,
А семи шелков да шамахинскиих,
Стал хлыстать бурка да он промеж уши,
Промеж уши да он промеж ноги,
А промеж ноги да промеж заднии,
Сам бурку да приговариват:
«Ах ты бурушко, да нонь поскакивай,
А змеенышев от ног да прочь отряхивай».
Стал же его бурушко поскакивать,
А змеенышев от ног да прочь отряхивать,
Притоптал же всих он маленьких змеенышков,
Выручал он полону да русского.
И выходит тут змея было проклятое
Да из той было пещеры из змеиною,
И сама же тут Добрыне испроговорит:
«Ах ты душенька Добрынюшка Никитинич!
Ты порушил свою заповедь великую,
Ты приехал нунь на гору Сорочинскую
А топтать же моих маленьких змеенышев».
Говорит же тут Добрынюшка Никитинич:
«Ай же ты змея проклятая!
Я ли нунь порушил свою заповедь,
Али ты, змея проклятая, порушила?
Ты зачем летела через Киев-град,
Унесла у нас Забаву дочь Потятичну?
Ты отдай-ка мне Забаву дочь Потятичну

[1] Щеточка — часть ноги под сгибом копыта.

Без бою, без драки, кроволития».
Не отдавала она без бою, без драки, кроволития,
Заводила она бой, драку великую,
Да большое тут с Добрыней кроволитиё.
Бился тут Добрыня со змеей трои сутки,
А не може он побить змею проклятую.
Наконец хотел Добрынюшка отъехати,
Из небес же тут Добрынюшке да глас гласит:
«Ах ты молодой Добрыня сын Никитинич!
Бился со змеей ты да трои сутки,
А побейся-ко с змеей да еще три часу».
Тут побился он, Добрыня, еще три часу,
А побил змею да он проклятую,
Попустила кровь свою змеиную,
От востока кровь она да вниз до запада,
А не при́жре матушка да тут сыра земля
Этой крови да змеиною.
А стоит же тут Добрыня во крови трои сутки,
На кони сидит Добрыня — приужахнется,
Хочет тут Добрыня прочь отъехати,
С-за небесей Добрыне снова глас гласит:
«Ай ты молодой Добрыня сын Никитинич!
Бей-ко ты копьем да бурзамецкиим
Да во ту же матушку сыру землю,
Сам к земли да приговаривай».
Стал же бить да во сыру землю,
Сам к земли да приговаривать:
«Расступись-ко ты же, матушка сыра земля,
На четыре на все стороны,
Ты прижри-ко эту кровь да всю змеиную!»
Расступилась было матушка сыра земля
На всих на четыре да на стороны,
Прижрала да кровь в себя змеиную.
Опускается Добрынюшка с добра коня
И пошел же по пещерам по змеиным,
Из тыи же из пещеры из змеиною
Стал же выводить да полону он русского.
Много вывел он было князей, князевичев,
Много королей да королевичев,
Много он девиц да королевичных,
Много нунь девиц да и князевичных,
А из той было пещеры из змеиною, —
А не може он найти Забавы дочь Потятичной.
Много он прошел пещер змеиных,
И заходит он в пещеру во последнюю,

Он нашел же там Забаву дочь Потятичну
В той последнею пещеры во змеиною.
А выводит он Забаву дочь Потятичну
А из той было пещерушки змеиною,
Да выводит он Забавушку на белый свет.
Говорит же королям да королевичам,
Говорит князьям да он князевичам
И деви́цам королевичным,
И девицам он да нунь князевичным:
«Кто откуль вы да уне́сены,
Всяк ступайте в свою сторону,
А сбирайтесь вси да по своим местам,
И не троне вас змея боле проклятая,
А убита е змея да та проклятая,
А пропущена да кровь она змеиная
От востока кровь да вниз до запада,
Не унесет нунь боле полону да русского
И народу христианского,
А убита е змея да у Добрынюшки,
И прикончена да жизнь нунчу змеиная».
А садился тут Добрыня на добра коня,
Брал же он Забаву дочь Потятичну,
А садил же он Забаву на право́ стегно *,
А поехал тут Добрыня по чисту полю.
Испроговорит Забава дочь Потятична:
«За твою было великую за выслугу
Назвала тебя бы нунь батюшком,—
И назвать тебя, Добрыня, нунчу не́ можно;
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нунь братцем да родимым,—
А назвать тебя, Добрыня, нунчу не можно;
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нынь другом да любимым,—
В нас же вы, Добрынюшка, не влю́битесь».
Говорит же тут Добрыня сын Никитинич
Молодой Забавы дочь Потятичной:
«Ах ты молода Забава дочь Потятична!
Вы есть нунчу роду княженецкого,
Я есть роду христианского [1],—
Нас нельзя назвать же другом да любимым».

---

[1] Христианского — здесь: крестьянского.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ, ЕГО ЖЕНА И АЛЕША ПОПОВИЧ

Добрынюшка тот матушке говаривал,
Да Никитинич-от матушке наказывал:
«Ты свет государыня да родная матушка,
Честна́ вдова Офимья Александровна!
Ты зачем меня, Добрынюшку, несчастного
спородила?
Породила государыня бы родна матушка
Ты бы беленьким горючим меня камешком,
Завернула государыня да родна матушка
В тонкольняный было белый во рукавчичек,
Да вздынула государыня да родна матушка
Ты на вы́соку на гору Соро́чинскую
И спустила государыня да родна матушка
Меня в Черное бы море во турецкое,—
Я бы век бы там, Добрыня, во мори́ лежал,
Я отныне бы лежал да я бы до́ веку,
Я не ездил бы, Добрыня, по чисту́ полю,
Я не у́бивал, Добрыня, неповинных душ,
Не пролил бы крови я напрасная,
Не слезил Добрыня отцей, матерей,
Не вдовил бы я, Добрынюшка, моло́дых жон,
Не спущал бы сиротать да малых детушок».
Ответ держит государыня да родна матушка,
Та честна вдова Офимья Александровна:
«Я бы рада бы тя, дитятко, спородити
Я талантом-участью в Илью Муромца,
Я бы силой в Святогора да бога́тыря,
Я бы смелостью во смелого Алешу во Поповича,
Я походкою тебя щапливою *
Во того Чурилу во Пленко́вича,
Я бы вежеством в Добрыню во Никитича,
Столько тыи ста́тьи [1] есть, а других бог не дал,
Других бог статей не дал, да не пожаловал».
Скоро-на́скоро Добрыня он коня седлал,
Садился он скоро на добра́ коня,
Как он потнички да клал да на потнички,
А на потнички клал войлочки,
Клал на войлочки черкальское седелышко,
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Он тринадцатый-от клал да ради крепости,—

[1] Ста́тьи — здесь: качества, достоинства.

Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил,
Добра молодца в чистом поле не вы́рушил *.
Подпруги были шелковые,
А спеньки у подпруг все булатние,
Пряжи у седла да красна золота.
Тот да шелк не рвется, да булат не трется,
Красно золото не ржавеет.
Молодец-то на кони сидит, да сам не стареет.
Провожала-то Добрыню родна матушка,
Простилася и воротилася,
Домой пошла, сама заплакала.
А у тыя было у стремины у правыя
Провожала-то Добрыню любима́ семья [1],
Молода Настасья дочь Викулична
(Она была взята из земли Политовския),
Сама говорит да таково слово:
«Ты душка́ Добрынюшка Микитинич!
Ты когда, Добрынюшка, домой будешь,
Когда со́жидать Добрыню из чиста́ поля?»
Ответ держит Добрынюшка Никитинич:
«Когда меня ты стала спрашивать,
Так теперича тебе я стану сказывать:
Сожидай меня, Добрынюшку, по три́ года,
Если в три года не буду, жди по дру́го три,
А как сполнится то время шесть годов,
Как не буду я, Добрыня, из чиста́ поля,
Поминай меня, Добрынюшку, убитого;
А тебе-ка-ва, Настасья, воля вольная,—
Хоть вдовой живи, да хоть заму́ж поди,
Хоть ты за́ князя поди, хоть за боярина,
А хоть за русского могучего бога́тыря,
Столько не ходи за мо́его за брата за названого,
Ты за смелого Алешу за Поповича».
Его государыня-то родна матушка
Она у́чала как по палате-то похаживать,
Она учала как голосом поваживать,
И сама говорит да таково слово:
«Единоё ж было́ да солнце красное,
Нонь теперь за темны леса да закатилося,
Столько оставлялся млад светёл месяц.
Как единое ж было́ да чадо милое
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Он во да́лечи, дале́чи, во чистом поли,

[1] Любима́ семья — здесь: любимая жена.

Судит ли бог на веку хоть раз видать?»
Еще столько оставлялась любимá семья,
Молода Настасья дочь Никулична,
На роздей [1] тоски великоя кручинушки.
Стали сóжидать Добрыню из чиста поля по трú годы,
А й по трú годы, еще и пó три дни,
Сполнилось времени цело три годы,
Не бывал Добрыня из чистá поля.
Стали сóжидать Добрыню по другое три,
Тут как день за днем да будто дожь дожжит,
А неделя за неделей как трава растет,
Год тот за годóм да как река бежит,
Прошло тому времени другое три,
Да как сполнилось времени да цело шесть годов,
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Как во тую пору, да во то время
Приезжал Алеша из чиста поля,
Привозил им весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича,
Он убит лежит да на чистом поли,
Буйна голова да испроломана,
Могучи плеча да испростреляны,
Головой лежит да в част ракитов куст.
Как тогда-то государыня да родна матушка
Слезила-то свои да очи ясные,
Скорбила-то свое да лицо белое
По своем рожоноём по дитятке,
А по молодом Добрыне по Никитиче.
Тут стал солнышко Владимир-то похаживать,
Да Настасьи-то Викуличной посватывать,
Посватывать да подговаривать:
«Что как тебе жить да молодой вдовой,
А й молóдый век да свой корóтати,
Ты поди замýж хоть зá князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря,
Хоть за смелого Алешу за Поповича».
Говорит Настасья дочь Микулична:
«Ах ты солнышко Владимир стольне-киевский!
Я исполнила заповедь ту мужнюю —
Я ждала Добрыню цело шесть годов,
Я исполню заповедь да свою женскую —
Я прожду Добрынюшку другó шесть лет.

[1] На роздей - на развей (?), от «развеивать».

Как сполнится времени двенадцать лет,
Да успею я в те поры замуж пойти».
Опять день за днем да будто дожь дожжит,
А неделя за неделей как трава растет,
Год тот за годом да как река бежит,
А прошло тому времени двенадцать лет,
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Тут стал солнышко Владимир тут похаживать,
Он Настасьи той Викуличной посватывать,
Посватывать да подговаривать:
«Ты эй молода Настасья дочь Микулична!
Как тебе жить да молодой вдовой,
А моло́дой век да свой коро́тати.
Ты поди заму́ж хоть за́ князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего бога́тыря,
А хоть за смелого Алешу да Поповича».
Не пошла заму́ж ни за князя, ни за боярина,
Ни за русского могучего богатыря,
А пошла заму́ж за смелого Алешу за Поповича.
Пир идет у них по третий день,
А сегодня им идти да ко божьёй церквы,
Принимать с Алешей по злату́ венцу.
В тую ль было пору, а в то время
А Добрыня-то случился у Царяграда.
У Добрыни конь да подтыкается.
Говорит Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты волчья сыть, да ты медвежья шерсть!
Ты чего сегодня подтыкаешься?»
Испровещится как ему добрый конь,
Ему голосом да человеческим:
«Ах ты эй хозяин мой любимыя!
Над собой незгодушки не ведаешь,—
А твоя Настасья-королевична,
Королевична она замуж пошла
За смелого Алешу за Поповича.
Как пир идет у них по третий день,
Сегодня им идти да ко божьёй церкви,
Принимать с Алешей по злату венцу».
Тут молодой Добрыня сын Никитинич
Он бьет бурка да промежу уши,
Промежу уши да промежу ноги,
Что стал его бурушка поскакивать,
С горы на горы да с хо́лма на холму,
Он реки и озёры перескакивал,
Где широкие раздолья — межу ног пущал.

Буде вó граде во Киеве,
Как не ясный сокол в перелет летел,—
Добрый молодец да в перегон гонит,
Не воротми ехал он — через стену,
Через тую стену городóвую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому придворью ко вдовиному,
Он на двор заехал безобсылочно [1],
А в палаты идет да бездокладочно,
Он не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Всех он взашей прочь отталкивал,
Смело прóходил в палаты во вдовиные,
Крест кладет да по-писаному,
Он поклон ведет да по-ученому,
На все три, четыре да на стороны,
А честной вдове Офимье Александровне да в особину:
«Здравствуешь, честна вдова Офимья Александровна!»
Как вслед идут придверники да приворотники,
Вслед идут все жалобу творят,
Сами говорят да таково слово:
«Ах ты эй Офимья Александровна!
Как этот-то удалый добрый молодец
Он наехал с поля да скорым гонцом,
Да на двор заехал безобсылочно,
В палаты ты идет да бездокладочно,
Нас не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Да всех взашей прочь отталкивал,
Смело прóходил в палаты во вдовиные».
Говорит Офимья Александровна:
«Ты эй удалый добрый молодец!
Ты зачем же ехал на сиротский двор да безобсылочно,
А в палаты ты идешь да бездокладочно,
Ты не спрашиваш у ворот да приворотников,
У дверей не спрашиваш придверников,
Всех ты взашей прочь отталкиваш?
Кабы было живо мóе чадо милое,
Молодой Добрыня сын Микитинич,
Отрубил бы он тебе-ка буйну голову

[1] *Безобсылочно — без предупреждения.*

За твои поступки неумильние *».
Говорил удалый добрый молодец:
«Я вчерась с Добрыней поразъехался,
А Добрыня поехал ко Царю́граду,
Я поехал да ко Киеву».
Говорит честна вдова Офимья Александровна:
«Во тую ли было пору во перво шесть лет
Приезжал Алеша из чиста поли,
Привозил нам весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича,
Он убит лежит да во чистом поли,
Буйна голова его испроломана,
Могучи плеча да испростреляны,
Головой лежит да в част ракитов куст.
Я жалешенько тогда ведь по́ нем плакала,
Я слезила-то свои да очи ясные,
Я скорбила-то свое да лицо белое
По своём рожоноём по дитятке,
Я по молодом Добрыне по Никитиче.
Говорил удалый добрый молодец:
«Что наказывал мне братец-от названыя,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Спросить про него про любиму семью,
А про мо́лоду Настасью про Микуличну».
Говорит Офимья Александровна:
«А Добрынина любима семья замуж пошла
За смелого Алешу за Поповича.
Пир идет у них по третий день,
А сегодня им идти да ко божьёй церквы,
Принимать с Алешкой по злату венцу».
Говорил удалой добрый молодец:
«А наказывал мне братец-от названыя,
Молодой Добрыня сын Никитинич:
„Если слу́чит бог быть на́ пору тебе во Киеве́,
То возьми мое платья скоморошское,
Да возьми мои гуселышка яро́вчаты *
В новой горенке да всё на стопочке *».
Как бежала тут Офимья Александровна,
Подавала ему платье скоморошское,
Да гуселышка ему яровчаты.
Накрутился молодец как скоморошиной,
Да пошел он на́ хорош почестный пир,
Идет как он да на княженецкий двор,
Не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,

Да всех взашей прочь отталкивал,
Смело про́ходил во палаты княженецкие,
Тут он крест кла́дет да по-писа́ному,
А поклон ведет да по-учёному,
На все три, четыре да на стороны,
Солнышку Владимиру да в собину:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольный киевский
С молодой княгиной со Опраксией».
Вслед идут придверники да приворотники,
Вслед идут, все жалобу творят,
Сами говорят да таково слово:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольный киевский!
Как этая удала скоморошина
Наехал из чиста́ поля скоры́м гонцом,
А теперечу идет да скоморошиной,
Нас не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей он нас не спрашивал придверников,
Да всех нас взашей прочь отталкивал,
Смело про́ходил в палаты княженецкие».
Говорил Владимир стольный киевский:
«Ах ты эй удала скоморошина!
Зачем идешь на княженецкий двор да безобсылочно,
А й в палаты идешь бездокладочно,
Ты не спрашиваш у ворот да приворотников,
У дверей не спрашиваш придверников,
А всех ты взашей прочь отталкивал?»
Скоморошина к речам да не вчуется[1],
Скоморошина к речам не примется[2],
Говорит удала скоморошина:
«Солнышко Владимир стольный киевский!
Скажи, где есть нашо место скоморошское».
Говорит Владимир стольне-киевский:
«Что ваше место скоморошское
А на той на печке на муравленой,
На муравленой на печке да на за́печке».
Он скочил скоро́ на место на показано,
На тую на печку на муравлену,
Он натягивал тетивочки шелковые,
Тыи струночки да золоченые,
Он у́чал по стрункам похаживать,

[1] Вчуется — вслушивается.
[2] Примется — обращает внимание.

Да он у́чал голосом поваживать,
Играет-то он ведь во Киеве,
А на выигрыш берет во Цари́гради.
Он повыиграл во́о граде во Киеве,
Он во Киеве да всех поименно,
Он от старого да всех до малого.
Тут все на пиру игры заслухались,
И все на пиру призамолкнулись,
Сами говорят да таково слово:
«Солнышко Владимир стольне-киевский!
Не быть это уда́лой скоморошины,
А какому ни́ быть надо русскому
Быть уда́лому да добру молодцу».
Говорит Владимир стольне-киевский:
«Ах ты эй удала скоморошина!
За твою игру да за веселую
Опущайся-ко из печки из за́печка,
А садись-ко с нами да за дубов стол,
А за дубов стол да хлеба кушати.
Теперь дам я ти три места три любимыих:
Перво место сядь подли́ мене,
Друго место сопротив мене,
Третье место куды сам захошь,
Куды сам захошь, еще пожалуешь».
Опущалась скоморошина из печки из муравленой,
Да не села скоморошина подле́ князя́,
Да не села скоморошина да сопротив князя́,
А садилась в скамеечку
Сопротив княгины-то обручныя *,
Против мо́лодой Настасьи да Никуличны.
Говорит удала скоморошина:
«Ах ты солнышко Владимир стольне-киевский!
Бласлови-ко налить чару зелена́ вина,
Поднести-то эту чару кому я́ знаю,
Кому я знаю, еще пожалую».
Говорил Владимир стольне-киевский:
«Ай ты эй удала скоморошина!
Бы́ла дана ти поволька * да великая,—
Что захочешь, так ты то́ делай,
Что ты здумаешь, да еще й то твори».
Как тая удала скоморошина
Наливала чару зелена вина,
Да опустит в чару свой злачен персте́нь,
Да подносит-то княгины поручёныя,
Сам говорил да таково слово:

«Ты эй молода Настасья дочь Микулична!
Прими-ко сию чару единой рукой,
Да ты выпей-ко всю чару единым духом.
Как ты пьешь до дна, так ты ведашь добра,
А не пьешь до дна, так не видашь добра».
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила всю чару единым духом,
Да обсмотрит в чару свой злачен перстень,
А которым с Добрыней обручалася,
Сама говорит таково слово:
«Вы эй же вы князи, да вы бояра,
Вы все же князи вы и дворяна!
Ведь не тот мой муж, да кой подли мене,
А тот мой муж, кой сопротив мене —
Сидит мой муж да на скамеечке,
Он подносит мне-ко чару зелена вина».
Сама выскочит из стола да из-за дубова,
Да й упала Добрыни во резвы ноги,
Сама говорит да таково слово:
«Ты эй молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты прости, прости, Добрынюшка Никитинич,
Что не по твоему наказу да я сделала,—
Я за смелого Алешенку замуж пошла.
У нас волос долог да ум короток,
Нас куда ведут, да мы туда идем,
Нас куда везут, да мы туда едем».
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Не дивую разуму я женскому —
Муж-от в лес, жена и замуж пойдет,
У них волос долог, да ум короток,
А дивую я солнышку Владимиру
Со своей княгиней со Опраксией,—
Что солнышко Владимир тот сватом был,
А княгиня-то Опраксия да была свахою,
Они у жива мужа жону да просватали».
Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
Он повесил свою буйну голову,
Утопил ясны очи во сыру землю.
Говорит Алешенка Левонтьевич:
«Ты прости, прости, братец мой названыя,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Ты в той вине прости меня во глупости,
Что я посидел подли твоей любимой семьи,
Подли молодой Настасьи да Викуличной».
Говорил Добрыня сын Микитинич:

«А в той вины, братец, тебя бог простит,
Что ты посидел подли́ моёй да любимо́й семьи,
Подли молодой Настасии Микуличны.
А в дру́гой вины, братец, тебя не́ прощу.
Когда приезжал из чиста́ поля во перво́ шесть лет,
Привозил ты весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Микитича, —
Убит лежит да на чистом поле.
А тогда-то государыня да моя родна матушка
А жалешенько она да по мне плакала,
Слезила-то она свои да очи ясные,
А скорбила-то свое да лицо белое.
Так во этой вины, братец, тебя не́ прощу».
Как ухватит он Алешу за желты́ кудри,
Да он выдернет Алешку через дубов стол,
Как он бросит Алешу о кирпичен мост,
Да повыдернет шалыгу подорожную,
Да он у́чал шалыгищем охаживать,
Что в хлопанье-то охканья не слышно ведь.
Да только-то Алешенка и женат бывал,
Ну столько-то Алешенка с женой сыпа́л.
Всяк-то, братцы, на́ веку ведь женится,
И всякому женитьба удавается,
А не дай бог женитьбы той Алешиной.
Тут он взял свою да любиму́ семью,
Молоду Настасью да Микуличну,
И пошел к государыне да и родной матушке,
Да он здынял доброе здоровьице.
Тут век про Добрыню старину́ скажут,
А синему морю на ти́шину,
А вам, добрым людям, на послушанье.

АЛЕША ПОПОВИЧ И ЗМЕЙ ТУГАРИН

Из славного Ростова, красна города,
Как два ясныя соколы вылетывали,
Выезжали два могучия богатыри —
Что по именю Алешенька Попович млад
А со молодом Екимом Ивановичем.
Они ездят, богатыри, плеча о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское.
Они ездили, гуляли по чисту полю,
Ничего они в чистом поле не наезживали,

Не видали птицы перелетныя,
Не видали они зверя прыскучего *,
Только в чистом поле наехали —
Лежит три дороги широкия,
Промежу тех дорог лежит горюч камень.
А на каменю подпись подписана.
Взговорит Алеша Попович млад:
«А и ты братец Еким Иванович,
В грамоте поученый человек!
Посмотри на каменю подписи,
Что на каменю подписано».
И скочил Еким со добра коня,
Посмотрел на каменю подписи,—
Расписаны дороги широкие:
Первая дорога во Муром лежит,
Другая дорога — в Чернигов-град,
Третья — ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Говорил тут Еким Иванович:
«А и братец Алеша Попович млад!
Которой дорогой изволишь ехать?»
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру».
Втапоры поворотили добрых коней
И поехавши они ко городу ко Киеву.
Не доехавши они до Сафат-реки,
Становились на лугах на зеленых —
Надо Алеше покормить добрых коней.
Расставили тут два бела шатра,
Что изволил Алеша опочив держать [1].
А и мало время позамешкавши,
Молоды Еким со добры кони,
Стреножимши, в зелен луг пустил,
Сам ложился в свой шатер опочив держать.
Прошла та ночь осенняя,
Ото сна Алеша пробужается,
Встает рано-ранешонько,
Утренней зарею умывается,
Белою ширинкою утирается,
На восток он, Алеша, богу молится.
Молоды Еким сын Иванович
Скоро сходил по добрых коней,
А сводил он поить на Сафат на реку,

[1] **Опочив держать** — отдыхать, спать.

И приказал ему Алеша
Скоро седлать добрых коней.
Оседлавши он, Еким, добрых коней,
Наряжаются они ехать ко городу ко Киеву.
Пришел тут к ним калика перехожий,
Лапотки на нем семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шуба соболиная долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой в тридцать пуд,
Шелепуга * подорожная в пятьдесят пуд,
Налита свинцу чебурацкого *,
Говорил таково слово:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видел я Тугарина Змеевича,
В вышину ли он, Тугарин, трех сажен,
Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела,
Конь под ним как лютой зверь,
Из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит».
Привязался Алеша Попович млад:
«А и ты братец, калика перехожая!
Дай мне платье каличее,
Возьми мое богатырское,
Лапотки свои семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шубу свою соболиную долгополую,
Шляпу сорочинскую земли греческой в тридцать пуд,
Шелепугу подорожную в пятьдесят пуд,
Налита свинцу чебурацкого».
Дает свое платье калика Алеше Поповичу, не отказываючи.
А на себе надевал то платье богатырское.
Скоро Алеша каликою наряжается,
И взял шелепугу дорожную,
Котора была в пятьдесят пуд,
И взял в запас чингалище булатное,
Пошел за Сафат-реку.
Завидел тут Тугарин Змеевич млад,
Заревел зычным голосом,
Подрогнула дубровушка зеленая,

Алеша Попович едва жив идет.
Говорит тут Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси, калика перехожая!
А где ты слыхал и где видал
Про молода Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьем заколол,
Копьем заколол и огнем спалил».
Говорил тут Алеша каликою:
«А и ты ой еси, Тугарин Змеевич млад!
Поезжай поближе ко мне,
Не слышу я, что ты говоришь».
И подъезжал к нему Тугарин Змеевич млад.
Сверстался * Алеша Попович млад
Против Тугарина Змеевича,
Хлестнул его шелепугою по буйной голове,
Расшиб ему буйну голову,
И упал Тугарин на сыру землю.
Скочил ему Алеша на черну грудь,
Втапоры взмолился Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси ты, калика перехожая!
Не ты ли Алеша Попович млад?
Токо ты Алеша Попович млад,
Сем [1] побратуемся с тобой».
Втапоры Алеша врагу не веровал,
Отрезал ему голову прочь,
Платье с него снимал цветное на сто тысячей
И все платье на себя надевал,
Садился на его добра коня
И поехал к своим белым шатрам.
Втапоры увидели Еким Иванович
И калика перехожая,
Испужалися его, сели на добрых коней,
Побежали ко городу Ростову.
И постигает их Алеша Попович млад,
Обернется Еким Иванович,
Он выдергивал палицу боёвую в тридцать пуд,
Бросил назад себе,—
Показалося ему, что Тугарин Змеевич млад,
И угодил в груди белые Алеши Поповича,
Сшиб из седелечка черкесского,
И упал он на сыру землю.
Втапоры Еким Иванович
Скочил со добра коня,
Сел на груди ему,

[1] Сем — давай.

Хотел пороть груди белые,
Увидел на нем золот чуден крест,
Сам заплакал, говорил калике перехожему:
«По грехам надо мною, Екимом, учинилося,
Что убил своего братца родимого».
И стали его оба трясти и качать
И потом подали ему питья заморского,
От того он здрав стал.
Стали они говорити
И между собою платьем меняти:
Калика свое платье надевал каличье,
А Алеша свое богатырское,
А Тугарина Змеевича платье цветное
Клали в чебодан к себе.
Сели они на добрых коней
И поехали все ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
А и будут они в городе Киеве
На княженецком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привязали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни,
Молятся Спасову образу
И бьют челом, поклоняются
Князю Владимиру и княгине Апраксевне,
И на все четыре стороны.
Говорил им ласковый Владимир-князь:
«Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, как вас по имени зовут, —
А по имени вам можно место дать,
По изотчеству можно пожаловати».
Говорит тут Алеша Попович млад:
«Меня, осударь, зовут Алешею Поповичем,
Из города Ростова старого попа соборного».
Втапоры Владимир-князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
По отечеству садися в большое место, в передний уголок,
В другое место богатырское —
В дубову скамью против меня,
В третье место — куда сам захошь».
Не садился Алеша в место большее
И не садился в дубову скамью,
Сел он со своими товарищи на полатный брус *.

Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота
Двенадцать могучих богатырей.
Сажали в место большое,
И подле его сидела княгиня Апраксевна.
Тут повары были догадливы,
Понесли ества сахарные и питья медяные,
А питья все заморские.
Стали тут пить, есть, прохлажатися,
А Тугарин Змеевич нечестно[1] хлеба ест —
По целой ковриге за щеку мечет,
Те ковриги монастырские;
И нечестно Тугарин питья пьет —
По целой чаше охлестовает,
Котора чаша в полтретья ведра.
И говорил втапоры Алеша Попович млад:
«Гой еси ты, ласковый сударь Владимир-князь!
Что у тебя за болван пришел,
Что за дурак неотесаный?
Нечестно у князя за столом сидит,
Ко княгине он, собака, руки в пазуху кладет,
Целует во уста сахарные,
Тебе, князю, насмехается.
А у моего сударя батюшка
Была собачища старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася,—
Взял ее за хвост, под гору махнул:
От меня Тугарину то же будет».
Тугарин почернел, как осення ночь,
Алеша Попович стал как светел месяц.
И опять втапоры повары были догадливы,
Носят ества сахарные,
И принесли лебедушку белую,
И ту рушала княгиня лебедь белую,
Обрезала рученьку левую,
Завернула рукавцом, под стол опустила,
Говорила таково слово:
«Гой вы еси, княгини, боярыни!
Либо мне резать лебедь белого,
Либо смотреть на мил живот[2],

---

[1] Нечестно — здесь: неучтиво, вопреки обычаям, безобразно.
[2] Мил живот — здесь в значении «милый», «дорогой» (живот — жизнь).

На молода Тугарина Змеевича».
Он взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглотил,
Еще тут же ковригу монастырскую.
Говорит Алеша на полатном брусу:
«Гой еси, ласковый осударь Владимир-князь!
Что у тебе за болван сидит,
Что за дурак неотесаный!
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест —
По целой ковриге за щеку мечет
И целу лебедушку вдруг проглотил.
У моего сударя батюшка,
Федора попа Ростовского,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню к поварам,
Выпила чан браги пресныя,
От того она лопнула,—
Взял за хвост, под гору махнул:
От меня Тугарину то же будет».
Тугарин потемнел, как осення ночь,
Выдернул чингалище булатное,
Бросил в Алешу Поповича.
Алеша на то-то вёрток был,
Не мог Тугарин попасть в него,
Подхватил чингалище Еким Иванович,
Говорил Алеше Поповичу:
«Сам ли ты бросаешь в его, али мне велишь?» —
«Нет, я сам не бросаю и тебе не велю.
Заутра с ним переведаюсь:
Бьюсь я с ним о велик заклад —
Не о сте рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове».
Втапоры князи и бояра скочили на резвы ноги
И все за Тугарина поруки держат:
Князи кладут по сту рублев,
Бояра по пятидесят,
Крестьяна по пяти рублев,
Тут же случилися гости купеческие,
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,
Всяки товары заморские,
Которы стоят на быстром Непре.
А за Алешу подписывал

Владыка Черниговский.
Втапоры Тугарин взвился и вон ушел,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на своих бумажных крыльях
поднебесью летать.
Скочила княгиня Апраксевна на резвы ноги,
Стала пенять Алешу Поповичу:
«Деревенщина ты, засельщина!
Не дал посидеть другу милому».
Втапоры того Алеша не слушался,
Взвился с товарищи и вон пошел,
Садился на добры кони,
Поехали ко Сафат-реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней опустили в зелены луга.
Тут Алеша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
«Создай, боже, тучу грозную,
А и тучи-то с градом дождя».
Алешины молитвы доходны ко Христу,
Дает господь бог тучу с градом дождя,
Замочила Тугарина крылья бумажные,
Падает Тугарин, как собака, на сыру землю.
Приходил Еким Иванович,
Сказал Алеше Поповичу,
Что видел Тугарина на сырой земле.
И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взял одну сабельку вострую
И поехал к Тугарину Змеевичу.
И увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:
«Гой еси ты, Алеша Попович млад!
Хошь ли, я тебе огнем спалю,
Хошь ли, Алеша, конем стопчу,
Али тебе, Алешу, копьем заколю?»
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад!
Бился ты со мною о велик заклад —
Биться-драться един на един,
А за тобою ноне силы сметы нет [1]
На меня, Алешу Поповича».

[1] Сметы нет — счета нет, бессчетное число.

Оглянется Тугарин назад себя,
Втапоры Алеша подскочил,
Ему голову срубил,
И пала глава на сыру землю, как пивной кóтел.
Алеша скочил со добра коня,
Отвязал чембур * от добра коня,
И приколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привязал к добру коню,
И привез в Киев на княженецкий двор,
Бросил середи двора княженецкого.
И увидел Алешу Владимир-князь,
Повел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы.
Тут для Алеши и стол [1] пошел.
Сколько время покушавши,
Говорил Владимир-князь:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
Час ты мне свет дал,
Пожалуй ты живи в Киеве,
Служи мне, князю Владимиру,
Дó люби тебе пожалую».
Втапоры Алеша Попович млад
Князя не ослушался,
Стал служить верою и правдою.
А княгиня говорила Алеше Поповичу:
«Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретиным».
Отвечает Алеша Попович млад:
«А ты гой еси, матушка княгиня Апраксевна!
Чуть не назвал я тебя сукою,
Сукою-ту волочайкою» *.
То старина, то и деянье.

ДУНАЙ

В стольном в городе во Киеве,
Что у ласкова сударь-князя Владимира
А и было пированье-почестный пир,
Было столованье-почестный стол,
Много на пиру было князей и бояр
И русских могучих богатырей.

[1] Стол — здесь: пир.

А и будет день в половина дня,
Княженецкий стол во полустоле,
Владимир-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает.
Черные кудри расчесывает,
Говорил он, сударь ласковый Владимир-князь
Таково слово:
«Гой еси вы, князи и бояра
И могучие богатыри!
Все вы в Киеве переженены,
Только я, Владимир-князь, холост хожу,
А и холост я хожу, неженат гуляю.
А кто мне-ка знает сопротивницу *,
Сопротивницу знает, красну девицу,—
Как бы та была девица станом статна,
Станом бы статна и умом свершна [1],
Ее белое лицо как бы белый снег,
И я́годицы [2] как бы маков цвет,
А и черные брови как соболи,
А и ясные очи как бы у сокола».
А и тут больший за меньшего хоронится,
От меньшого ему, князю, ответу нету.
Из того было стола княженецкого,
Из той скамьи богатырския
Выступается Иван Гостиный сын,
Скочил он на место богатырское,
Скричал он, Иван, зычным голосом:
«Гой еси ты, сударь ласковый Владимир-князь!
Благослови пред собой слово молвити,
И единое слово безопальное *,
А и без тое палы великия.
Я ли, Иван, в Золотой орде бывал
У грозного царя Етмануила Етмануиловича
И видел во дому его дву дочерей:
Первая дочь — Настасья-королевична,
А другая — Афросинья-королевична;
Сидит Афросинья в высоком терему,
За тридесять замками булатными,
А и буйные ветры не вихнут на ее,
А красное солнцо не печет лицо;
А и то-то, сударь, девушка станом статна,
Станом статна и умом свершна,
Белое лицо как бы белый снег,

[1] Умом свершна — по уму равная.
[2] Ягодицы — щеки.

А и я́годицы как маков цвет,
Черные брови как бы соболи,
Ясные очи как у сокола.
Посылай ты, сударь, Дуная свататься».
Владимир-князь стольный киевский,
Приказал наливать чару зелена вина
В полтора ведра,
Подносить Ивану Гостиному
За те его слова хорошие,
Что сказал ему обручницу.
Призывает он, Владимир-князь,
Дуная Иваныча в спальну к себе
И стал ему на словах говорить:
«Гой еси ты, Дунай сын Иванович!
Послужи ты мне службу заочную —
Съезди, Дунай, в Золоту орду
Ко грозному королю Етма̀нуилу
Етмануиловичу
О добром деле — о сватанье
На его на любимой на дочери,
На честной Афросинье-королевичне.
Бери ты моей золотой казны,
Бери триста жеребцов
И могучих богатырей».
Подносит Дунаю чару зелена вина
В полтора ведра,
Турий рог меду сладкого
В полтретья ведра.
Выпивает он, Дунай, чару тоя зелена вина
И турий рог меду сладкого.
Разгоралася утроба богатырская,
И могучие плечи расходилися
Как у молода Дуная Ивановича,
Говорит он, Дунай, таково слово:
«А и ласково солнцо, ты Владимир-князь!
Не надо мне твоя золота казна,
Не надо триста жеребцов,
И не надо могучие богатыри,—
А и только пожалуй одного мне молодца,
Как бы молода Екима Ивановича,
Который служит Алешке Поповичу».
Владимир-князь стольный киевский
Тотчас сам он Екима руками привел:
«Вот-де те, Дунаю, будет паробочок».
А скоро Дунай снаряжается,

Скоря того богатыри поездку чинят
Из стольного города Киева
В дальну орду Золоту землю.
И поехали удалы добры молодцы,
А и едут неделю споряду *,
И едут неделю уже другую,
И будут они в Золотой орде
У грозного короля Етмануила Етмануиловича;
Середи двора королевского
Скакали молодцы с добрых коней,
Привязали добрых коней к дубову столбу,
Походили во палату белокаменну.
Говорит тут Дунай таково слово:
«Гой еси, король в Золотой орде!
У тебе ли во палатах белокаменных
Нету спасова образа,
Некому у те помолитися,
А и не за что тебе поклонитися».
Говорит тут король Золотой орды,
А и сам он, король, усмехается:
«Гой еси, Дунай сын Иванович!
Али ты ко мне приехал
По-старому служить и по-прежнему?»
Отвечает ему Дунай сын Иванович:
«Гой еси ты, король в Золотой орде!
А и я к тебе приехал
Не по-старому служить и не по-прежнему,—
Я приехал о деле о добром к тебе,
О добром-то деле — о сватанье:
На твоей, сударь, любимой-то па дочери,
На честной Афросинье-королевичне,
Владимир-князь хочет женитися».
А и тут королю за беду стало,
А рвет на главе кудри черные
И бросает о кирпищат пол,
А при том говорит такое слово:
«Гой еси ты, Дунай сын Иванович!
Кабы прежде у меня не служил верою и правдою,
То б велел посадить во погребы глубокие
И уморил бы смертью голодною
За те твои слова за бездельные».
Тут Дунаю за беду стало,
Разгоралось его сердце богатырское,
Вынимал он свою сабельку вострую,

Говорил таково слово:
«Гой еси, король Золотой орды!
Кабы у тя во дому не бывал,
Хлеба-соли не едал,
Сек бы по плеч буйну голову».
Тут король неладом * заревел зычным голосом,
Псы борзы заходили на цепях, —
А и хочет Дуная живьем стравить
Теми кобелями меделянскими *,
Скричит тут Дунай сын Иванович:
«Гой еси, Еким сын Иванович!
Что ты стал да чего глядишь?
Псы борзы заходили на цепях,
Хочет нас с тобой король живьем стравить».
Бросился Еким сын Иванович,
Он бросился на широкий двор,
А и те мурзы-улановья
Не допустят Екима до добра коня,
До своей его палицы тяжкия,
А и тяжкия палицы, медныя литы, —
Они были в три тысячи пуд.
Не попала ему палица железная,
Что попала ему ось та тележная,
А и зачал Еким помахивати,
Прибил он силы семь тысячей мурзы-улановья,
Пятьсот он прибил меделянских кобелей.
Закричал тут король зычным голосом:
«Гой еси, Дунай Иванович!
Уйми ты своего слугу верного,
Оставь мне силы хоть на семены,
А бери ты мою дочь любимую,
Афросинью-королевичну».
А и молоды Дунай сын Иванович
Унимал своего слугу верного,
Пришел ко высокому терему,
Где сидит Афросинья в высоком терему,
За тридесять замками булатными.
Буйны ветры не вихнут на ее,
Красно солнцо лица не печет.
Двери у палат были железные,
А крюки-пробои по булату злачены.
Говорил тут Дунай таково слово:
«Хоть нога изломит, а двери выставить!»
Пнет во двери железные,
Приломал он крюки булатные,

Все тут палаты зашаталися.
Бросится девица, испужалася,
Будто угорелая вся,
Хочет Дуная во уста целовать.
Проговорит Дунай сын Иванович:
«Гой еси, Афросинья-королевична!
А и ряженый кус — да не суженому есть.
Не целую я тебя во сахарные уста,
А и бог тебе, красну девицу, милует,—
Достанешься ты князю Владимиру».
Взял ее за руку за правую,
Повел из палат на широкий двор,
А и хочут садиться на добрых на коней,—
Спохватился король в Золотой орде,
Сам говорил таково слово:
«Гой еси ты, Дунай Иванович!
Пожалуй подожди мурзы-улановья».
И отправляет король своих мурзы-улановья
Везти за Дунаем золоту казну.
И те мурзы-улановья
Тридцать телег ординских насыпали
Златом и серебром и скатным земчугом,
А сверх того каменьи самоцветными.
Скоро Дунай снаряжается,
И поехали они ко городу ко Киеву.
А и едут неделю уже споряду,
А и едут уже другую,
И тут же везут золоту казну.
А наехал Дунай бродучий след *,
Не доехавши до Киева за сто верст,
Сам он Екиму тут стал наказывать:
«Гой еси, Еким сын Иванович!
Вези ты Афросинью-королевичну
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру
Честно, хвально и радостно,—
Было бы нам чем похвалитися
Великому князю во Киеве».
А сам он, Дунай, поехал по тому следу
По свежему, бродучему.
А и едет уж сутки другие,
В четвертые сутки след дошел
На тех на лугах на потешныих,
Куда ездил ласковый Владимир-князь
Завсегда за охотою.

Стоит на лугах тут бел шатер,
Во том шатру опочив держит красна девица,
А и та ли Настасья-королевична.
Молоды Дунай он догадлив был,
Вымал из налушна тугой лук,
Из колчана вынул калену стрелу,
А и вытянул лук за ухо,
Калену стрелу,
Котора стрела семи четвертей.
Хлестнет он, Дунай, по сыру дубу,
А спела ведь тетивка у туга лука,
А дрогнет матушка сыра земля
От того удару богатырского,
Угодила стрела в сыр кряковистый дуб,
Изломала его в черенья ножевые,
Бросилася девица из бела шатра, будто угорелая,
А и молоды Дунай он догадлив был,
Скочил он, Дунай, со добра коня,
Воткнет копье во сыру землю,
Привязал он коня за востро копье,
И горазд он со девицею дратися,—
Ударил он девицу по щеке,
А пнул он девицу под гузна,—
Женский пол от того пухол живет,
Сшиб он девицу с резвых ног,
Он выдернул чингалище булатное,
А и хочет взрезать груди белые.
Втапоры девица возмолилася:
«Гой еси ты, удалой добрый молодец!
Не коли ты меня, девицу, до смерти,
Я у батюшки-сударя отпрошалася,—
Кто мене побьет во чистом поле,
За того мне, девице, замуж идти».
А и тута Дунай сын Иванович
Тому ее слову обрадовался,
Думает себе разумом своим:
«Служил я, Дунай, во семи ордах,
В семи ордах семи королям,
А не мог себе выжить красныя девицы,
Ноне я нашел во чистом поле
Обручницу-сопротивницу».
Тут они обручалися.
Круг ракитова куста венчалися.
А скоро ей приказ отдал собиратися

И обрал у девицы сбрую всю —
Куяк и панцырь с кольчугою.
Приказал он девице наряжатися
В простую епанечку * белую.
И поехали ко городу ко Киеву.
Только Владимир стольный киевский
Втапоры едет от злата венца [1],
И приехал князь на свой княженецкий двор,
И во светлы гридни убиралися,
За убраные столы сажалися.
А и молоды Дунай Иванович
Приехал ко церкви соборныя,
Ко тем попам и ко дьяконам,
Приходил он во церкву соборную,
Просит честныя милости
У того архирея соборного —
Обвенчать на той красной девице.
Рады были тому попы соборные,
В те годы присяги не ведали,
Обвенчали Дуная Ивановича,
Венчального дал Дунай пятьсот рублев
И поехал ко князю Владимиру.
И будет у князя на широком дворе,
И скочили со добрых коней с молодой женой,
И говорил таково слово:
«Доложитесь князю Владимиру
Не о том, что идти во светлы гридни,—
О том, что не в чем идти княгине молодой,
Платья женского только одна и есть епанечка
белая».
А втапоры Владимир-князь он догадлив был,
Знает он, кого послать,—
Послал он Чурила Пленковича
Выдавать платьица женское цветное.
И выдавали они тут соян * хрущатой камки *
На тое княгиню новобрачную,
На Настасью-королевичну,
А цена тому сояну сто тысячей.
И снарядили они княгиню новобрачную,
Повели их во палаты княженецкие,
Во те гридни светлые,
Сажали за столы убраные,
За ества сахарные и за питья медяные,
Сели уже две сестры за одним столом.

[1] От злата венца — со свадьбы.

А и молоды Дунай сын Иванович
Женил он князя Владимира
Да и сам тут же женился,
В том же столе столовати стал[1].
А жили они время немалое,
У князя Владимира,
У солнышка Сеславьевича
Была пирушка веселая,
Тут пьяный Дунай расхвастался:
«Что нет против меня во Киеве такова
стрельца —
Из туга лука по приметам стрелять».
Что взговорит молода княгиня Апраксевна:
«Что гой еси ты, любимый мой зятюшка,
Молоды Дунай сын Иванович!
Что нету-де во Киеве такова стрельца,
Как любезной сестрице моей Настасье-
королевичне».
Тут Дунаю за беду стало,
Бросали они жеребья,
Кому прежде из туга лука стрелять,
И досталось стрелять его молодой жене
Настасье-королевичне,
А Дунаю досталось на главе золото кольцо
держать.
Отмерили место на целу версту тысячну,
Держит Дунай на главе золото кольцо,
Вытягала Настасья калену стрелу,
Спела-де тетивка у туга лука,
Сшибла с головы золото кольцо
Тою стрелкою каленою.
Князи и бояра тут метались,
Усмотрили калену стрелу,—
Что на тех-то перушках лежит то золото кольцо.
Втапоры Дунай становил на примету
Свою молоду жену.
Стала княгиня Апраксевна его уговаривати:
«Ай ты гой еси, любимый мой зятюшка,
Молоды Дунай сын Иванович!
Та ведь шуточка пошучена».
Да говорила же его и молода жена:
«Оставим-де стрелять до другого дня,
Есть-де в утробе у меня могуч богатырь.

[1] В том же столе столовати стал — в том же пиру пировать стал.

Первои-де стрелкой не дострелишь,
А другою-де перестрелишь,
А третью-де стрелкою в меня угодишь».
Втапоры князи и бояра
И вси сильны могучи богатыри
Его, молода Дуная, уговаривали.
Втапоры Дунай озадорился
И стрелял в примету на целу версту
В золото кольцо,
Становил стоять молоду жену.
И втапоры его молода жена
Стала ему кланятися
И перед ним убиватися:
«Гой еси ты, мой любезный ладушка,
Молоды Дунай сын Иванович!
Оставь шутку на три дни,
Хошь не для меня,
Но для своего сына нерожденного.
Завтра рожу тебе богатыря,
Что не будет ему сопротивника».
Тому-то Дунай не поверовал,
Становил свою молоду жену
Настасью-королевичну
На мету с золотым кольцом,
И велели держать кольцо на буйной главе.
Стрелял Дунай за целу версту из туга лука,—
А и первой стрелой он не дострелил,
Другой стрелой перестрелил,
А третьею стрелою в ее угодил.
Прибежавши Дунай к молодой жене,
Выдергивал чингалище булатное,
Скоро вспорол ей груди белые,—
Выскочил из утробы удал молодец,
Он сам говорит таково слово:
«Гой еси, сударь мой батюшка!
Как бы дал мне сроку на три часа,
А и я бы на свете был
Попрыжея и полутчея в семь семериц тебя».
А и тут молоды Дунай сын Иванович
запечалился,
Ткнул себя чингалищем во белы груди,
Сгоряча он бросился во быстру реку,—
Потому быстра река Дунай слывет,
Своим устьем впала в сине море.
А и то старина, то и деянье.

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да й переставился.
Оставалося ёго да й чадо милое,
Молодой Вольга да Святославгович.
Стал Вольга растеть-матереть,
Похотелося Вольге да много мудростей —
Щукой-рыбою ходить ему во синиих морях,
Птичкой соколом летать да под о́болоки,
Рыскать волком во чи́стых полях.
Уходили-то все рыбушки во глубокие моря,
Улетали-то все птички под о́болоки,
Убегали-то все звери во тёмны леса.
Стал Вольга растеть-матереть,—
Его-то был родный дядюшка,
Ласков князь-то Владимир стольно-киевский,
Жаловал его тре́ма го́родама,
Трема городома всё крестьяновскими:
Первый город Гурцовец,
Дру́гой город Ореховец,
Третий город Крестьяновец.
Молодой Вольга Святославгович
Собирал себе дружинушку хоробрую —
Тридцать молодцев да й без единого,
Сам еще Вольга да й во тридцатыих.
Садились на добрых коней, поехали
По этым городам да за получкою.
Молодой Вольга да й Святославгович
Ён повыехал в раздолье в чисто́ полё
Со своей дружинушкой хоробрую.
А и едут по раздольицу чисту полю,
И услышали они тут в поле ра́тая *,
Орёт * в поле ратай, понукиваёт,
Сошка у ратая поскрипываёт,
Омёшики * по камешкам почиркивают.
Ехали они, добры молодцы,
Це́лый день они с утра й до вечера,
Не наехали в чистом поле ратая:
Орёт в поле ратай, понукиваёт,
Сошка у ратая поскрипываёт,
Омёшики по камешкам почиркивают.
Ехали они, добры молодцы,
Дру́гой день с утра и до вечера,
Й не наехали в чистом поле ратая:

Орёт в поле ратай, понукиваёт,
Сошка у ратая поскрипываёт,
Омешики по камéшкам почиркивают.
Ехали они, добры молодцы,
Третий день с утра и до пабедья [1]
И принаехали в чистом поле ратая:
Орёт тут ратай, понукиваёт,
Кобылка у ратая солóвая *,
Сошка-то у ратая кленовая,
Гужики * у ратая шелкóвые;
Каменья, коренья вывертываёт,
А и крупные éн каменья все в борозду валúт,
Со краю в край уедет — другого не видать.
Говорит Вольга таковы слова:
«Бог тебе помочь, оратаюшко,
Орать и пахать и крестьяновати,
И на своёй кобылке на соловоой
Из краю в край бороздки помётывати».
И говорил оратай-оратаюшкё:
«А поди-тко ты, Вольга да Святославгович!
А и надобна мне божья помочь орать,
Орать и пахать и крестьяновать,
На своей кобылке на соловоёй
С краю в край бороздки помётывати.
А далече ль, Вольга, едешь, куда путь держишь
Со своей дружиною хороброей?»
Говóрил Вольга да Святославгович:
«Ай же оратай-оратаюшко!
А и еду в города я за получкою:
В первый город а Гурцовец,
А во дрýгой город Ореховец,
А и в третий город Крестьяновец».
А гóворил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты Вольга да Святославгович!
А недавно был я в городе, третьёго дни,
На своей кобылке на соловоёй,
А привез оттуль я соли два мехá,
Соли два меха привез по сóроку пуд
На своей кобылке на соловоёй.
А живут мужички да там всё мошенничи,
Просят они грошев поддорожныих,
А при мне была шалыга поддорожная,—
А у нас с шалыгой с поддорожноёй
Кой стоя стоит, тот и сидя сидит,

[1] До пабедья — до полудня.

А кой сидя сидит, тот и лёжа лежит,
А кто лёжа лежит, тот и встать не в мочь».
Говорил Вольга таковы слова:
«Ай же ты оратай-оратаюшко!
А поедем-ко со мною во товарищах
А во эти города да за получкою».
Этот оратай-оратаюшко
Скоро гужики шелковые повыстегнет
И кобылку из сошки повывернет.
Садились на добры́х коней, поехали,
Отъехали от сошки кленовоей,
Говорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты Вольга да Святославгович!
Хошь оставил я сошку во бороздочке
Не для ради прохожего и проезжего,
А для-ради мужика да деревенщины:
Есть у нас мужик да деревенщина,
Прозывается шалыга поддорожная,—
То ён сошку с земельки повыдернет,
А из сошки ён омешики повыколнет,
А и бросит мою сошку за ракитов куст.
А пошли-тко ты дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку с земельки повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
А и бросили бы сошку за ракитов куст».
Молодой Вольга да Святославгович
Посылает ён туда свою дружинушку,
И два, три, четыре добрых молодцев,
Чтобы сошку с земельки повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
А и бросили бы сошку за ракитов куст.
А идут-то туда его дружинушка,
И подходят ко сошке кленовоей,
Они сошку за о́бжи * кружком вертя́т,
А и сошки от земли поднять нельзя,
И не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
А и бросить эту сошку за ракитов куст.
Молодой Вольга да Святославгович
Посылает ён туда своей дружинушки
И целы́м еще десяточком,
Чтобы сошку с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельку повытряхнуть,
А и бросить ту сошку за ракитов куст.
А идут-то туда его дружинушка,

И подходят ко сошке ко кленовоёй,
Они сошку за обжи кругом вертят,
А и сошки от земли поднять нельзя,
И не могут они сошки со земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
А и бросить этой сошки за ракитов куст.
И молодой Вольга Святославгович
И посылает ён туда свою дружинушку,
А и тридцать молодцов и без единого.
Едут-то туда ого дружинушка,
И все тридцать молодцов да без единого,
И подходят они к сошке кленовоёй,
И сошку за обжи кругом вертят,
А и сошки от земли поднять нельзя,
И не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
А и бросить этой сошки за ракитов куст.
И говорит оратай-оратаюшко:
«Ай же ты Вольга да Святославгович!
А не мудрая дружинушка хоробрая твоя,—
А не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить этой сошки за ракитов куст».
А и этот оратай-оратаюшко
И он подъехал на кобылке соловоёй
А ко этой ко сошке кленовоёй,
Брал-то он сошку одной рукой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил эту сошку ён одной рукой,
Бросил эту сошку за ракитов куст.
Садились на добрых коней, поехали
А по славному раздольицу чисту́ полю́,
А у ратая кобылка-то в рысь пошла,
А Вольги́н-то конь поскакивает,
А и стал Вольга ему покрикивати,
И калпачиком ён стал помахивати:
«Стой-ка, постой ты, ора́таюшко!»
Становился тут оратай-ора́таюшко,
Говорил Вольга да Святославгович:
«Ай же ты оратай-оратаюшко!
Этая кобылка да коньком бы была,—
За этую кобылку пятьсот бы дали́».
И говорил оратай-оратаюшко:
«Глупый ты Вольга да Святославгович!

Брал я кобылку с-под маточки,
А с-под маточки кобылку брал жеребчиком,
И заплатил за кобылку пятьсот рублей».
Говорил Вольга да Святославгович:
«Ой же ты оратай-оратаюшко!
А и как же тебя именём зовут,
А и как же звеличают по отечеству?»
Говорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты Вольга Святославгович!
А я ржи напашу и во скирды складу
И домой выволочу и дома выколочу,
А и драни * надеру, да и пива наварю,
Пива наварю и мужичков напою,
Тогда станут мужички меня покликивати:
„Ты молодой Микулушка Селя́нинов!"»

САДКО

А как ведь во славноём в Новеграде
А й как был Садке да гусельщик-от,
А й как не было много несчётной золотой казны,
А й как только ён ходил по честным пирам,
Спотешал как он да купцей, бояр,
Спотешал как он их на́ честны́х пирах.
А й как тут на́д Садком топерь да случилося,—
Не зовут Садка уж целый день да на почестен пир,
А й не зовут как другой день на почестен пир,
А й как третий день не зовут да на почестен пир.
А й как Садку топерь да соскучилось,
А й пошел Садке да ко Ильме́нь он ко озеру,
А й садился он на синь на горюч камень,
А й как начал играть он во гусли во яровчаты,
А играл с утра как день топерь до вечера.
А й по вечеру́ как по поздному
А й волна уж в озере́ как сходилася,
А как ведь вода с песком топерь смутилася,
А й устрашился Садке топеречку да сидети он,
Одолел как Садка страх топерь великий,
А й пошел вон Садке да от озера,
А й пошел Садке как во Новгород.
А опять как прошла топерь тёмна ночь,
А й опять как на другой день
Не зовут Садка да на почестен пир,
А другой-то да не зовут его на почестен пир,

А й как третий-то день не зовут на почестен пир.
А й как опять Садку топерь да соскучилось,
А пошел Садке ко Ильме́нь да он ко озеру,
А й садился он опять на синь да на горюч камень
У Ильме́нь да он у озера,
А й как начал играть он опять во гусли во яровчаты,
А играл уж как с утра день до вечера.
А й как по вечеру опять как по поздному
А й волна уж как в озере сходилася,
А й как вода с песком топерь смутилася,
А й устрашился опять Садке да новгородскии,
Одолел Садка уж как страх топерь великии.
А как пошел опять как от Ильмень да от озера,
А как он пошел во свой да он во Новгород.
А й как тут опять над ним да случилося,—
Не зовут Садка опять да на почестен пир,
А й как тут опять другой день не зовут Садка да на
почестен пир,
А й как третий день не зовут Садка да на почестен пир.
А й опять Садку топерь да соскучилось,
А й пошел Садке ко Ильмень да ко озеру,
А й как он садился на синь горюч камень да об озеро,
А й как начал играть во гусли во яровчаты,
А й как ведь опять играл он с утра до вечера,
А волна уж как в озере сходилася,
А вода ли с песком да смутилася,
А тут осмелился как Садке да новгородскии
А сидеть играть как он об озеро.
А й как тут вышел царь водяной топерь со озера,
А й как сам говорит царь водяной да таковы слова:
«Благодарим-ка, Садке да новгородскии!
А спотешил нас топерь да ты во озере,—
А у мня было да как во озере
А й как у мня столованье да почестен пир,
А й как всех развеселил у мня да на честном пиру
А й любезныих да гостей моих.
А й как я не знаю топерь, Садка, тебя да чем пожаловать.
А ступай, Садке, топеря да во свой во Новгород,
А й как завтра позовут тебя да на почестен пир,
А й как будет у купца столованьё — почестен пир,
А й как много будет купцей на пиру, много новгородскиих,
А й как будут все на пиру да напиватися,
Будут все на пиру да наедатися,
А й как будут все похвальбами теперь да похвалятися,
А й кто чим будет топерь да хвастати,

А й кто чим будет топерь да похвалятися,—
А иной как будет хвастати да несчётной золотой казной,
А как иной будет хвастать добрым конем,
Иной буде хвастать силой, удачей молодецкою,
А иной буде хвастать моло́дый молодечеством,
А как умный-разумный да буде хвастати
Старым батюшком, старой матушкой,
А й безумный дурак да буде хвастати
А й своей он как молодой женой.
А ты, Садке, да похвастай-ко:
«А я знаю, что во Ильмень да во озере
А что есте рыба-то перья золотые ведь».
А как будут купцы да богатые
А с тобой да будут споровать,
А что нету рыбы такою ведь
А что топерь да золотыи ведь,—
А и ты с нима бей о залог топерь великии,
Залагай свою буйную да голову,
А как с них выряжай топерь
А как лавки во ряду да во гостиноём
С дорогима да товарамы.
А потом свяжите невод да ше́лковый,
Приезжайте вы ловить да во Ильмень во озеро,
А закиньте три тони́ * во Ильмень да во озере,
А я в кажну тоню дам топерь по рыбины
Уж как перья золотые ведь.
А й получишь лавки во ряду да во гостиноём
С дорогима ведь товарамы,
А й потом будешь ты купец Садке как новгородскии,
А купец будешь богатыи».
А й пошел Садке во свой да как во Новгород.
А й как ведь да на другой день
А как по́звали Садка да на почестен пир
А й к купцу да богатому.
А й как тут да много сбиралося
А й к купцу да на почестен пир
А купцей как богатыих новгородскиих.
А й как все топерь на пиру напивалися,
А й как все на пиру да наедалися,
А й похвальбами все похвалялися.
А кто чем уж как теперь да хвастает,
А кто чем на пиру да похваляется,—
А и́ной хвастае как несчётной золотой казной,
А и́ной хвастае да добрым коне́м,
А и́ной хвастае силой, удачей молодецкою,

А й как умный топерь уж как хвастает
А й старым батюшком, старой матушкой,
А й безумный дурак уж как хвастает,
А й как хвастае да как своей молодой женой.
А сидит Садке как ничим да он не хвастает,
А сидит Садке как ничим он не похваляется.
А й как тут сидят купцы богатые новгородские,
А й как говорят Садку таковы слова:
«А что же, Садке, сидишь ничим же ты не хвастаешь,
Что ничим, Садке, да ты не похваляешься?»
А й говорит Садке таковы слова:
«Ай же вы купцы богатые новгородские!
А й как чим мне, Садку, топерь хвастати,
А как чем-то Садку похвалятися?
А нету у мня много несчётной золотой казны,
А нету у мня как прекрасной молодой жены;
А как мне, Садку, только есть одним да мне похвастати,—
Во Ильмень да как во озере
А есте рыба как перья золотые ведь».
А й как тут купцы богатые новгородские
А й начали с ним да они споровать,—
Во Ильмень да что во озере
А нету рыбы такою что,
Чтобы были перья золотые ведь.
А й как говорил Садке новгородскии:
«Да заложу я свою буйную головушку,
Боле заложить да у мня нечего».
А они говоря: «Мы заложим в ряду да во гостиноём
Шесть купцей, шесть богатыих».
А залагали ведь как по лавочке
С дорогима да с товарамы.
А й тут после этого
А связали невод шелковый,
А й поехали ловить как в Ильмень да как во озеро,
А й закидывали тоню в Ильме́нь да ведь во озере,
А рыбу уж как добыли перья золотые ведь;
А й закинули другу тоню во Ильмень да ведь во озере,
А й как добыли другую рыбину перья золотые ведь;
А й закинули третью тоню во Ильмень да ведь во озере,
А й как добыли уж как рыбинку перья золотые ведь.
А топерь как купцы да новгородские богатые
А й как видят — делать да нечего,
А й как вышло правильнё, как говорил Садке да новгородскии,
А й как отперлись * они да от лавочок

А в ряду да во гостиноём
А й с дорогима ведь с товарамы.
А й как тут получил Садке да новгородскии
А й в ряду во гостиноём
А шесть уж как лавочок с дорогима он товарамы,
А й записался Садке в купцы да в новгородские,
А й как стал топерь Садке купец богатыи,
А как стал торговать Садке да топеречку
В своем да он во городе,
А й как стал ездить Садке торговать да по всем местам,
А й по прочим городам да он по дальниим,
А й как стал получать барыши да он великие.
А й как тут да после этого
А женился как Садке-купец новгородскии богатыи,
А еще как Садке после этого
А й как выстроил он палаты белокаменны,
А й как сделал Садке да в своих он палатушках,
А й как обделал в теремах всё да по-небесному:
А й как нá небе пекет да красное уж солнышко,—
В теремах у его пекет да красно солнышко;
А й как нá небе светит млад да светёл месяц,—
У его в теремах да млад светёл месяц;
А й как нá небе пекут да звезды частые,—
А у его в теремах пекут да звезды частые.
А й как всем изукрасил Садке свои палаты белокаменны.
А й топерь как ведь после этого
А й сбирал Садке столованьё да почестен пир,—
А й как всех своих купцей богатыих новгородскиих,
А й как всех-то господ он своих новгородскиих,
А й как он еще настоятелей своих да новгородскиих,—
А й как были настоятели новгородские
А й Лука Зиновьев ведь да Фома да Назарьев ведь;
А еще как сбирал-то он всих мужиков новгородскиих.
А й как повел Садке столованьё-почестен пир богатыи,
А топерь как все у Садка на честнóм пиру,
А й как все у Садка да напивалися,
А й как все у Садка топерь да наедалися,
А й похальбами-то все да похвалялися.
А й кто чим на пиру уж как хвастает,
А й кто чем на пиру похваляется,—
А ́иной как хвастае несчётной золотой казной,
А ́иной хвастае как добрым конем,
А ́иной хваста силой могучею богатырскою,
А ́иной хвастае славным отечеством [1],

[1] Отечеством — здесь: предками, происхождением.

А иной хвастат молодым да молодечеством,
А как умный-разумный как хвастает
Старым батюшком да старой матушкой,
А й безумный дурак уж как хвастает
А й своей да молодой женой.
А й как ведь Садке по палатушкам он похаживат,
А й Садке ли-то сам да выговаривает:
«Ай же вы купцы новгородские вы богатые,
А й же все господа новгородские,
Ай же все настоятели новгородские,
Мужики как вы да новгородские!
А у меня как вси вы на честном пиру,
А вси вы у мня как пьяны, веселы,
А как вси на пиру напивалися,
А й как все на пиру да наедалися,
А й похвальбами все вы похвалялися.
А й кто чим у вас топерь хвастае,—
А иной хвастае как былицею,
А иной хвастае у вас да небылицею;
А как чем буде мне, Садку, топерь похвастати?
А й у мня, Садка новгородского,
А золота [казна] у мня топерь не тощится,
А цветное платьице у мня топерь не дёржится[1]
А й дружинушка хоробрая не изменяется *;
А столько * мне, Садку, будé похвастати
А й своей мне несчётной золотой казной,—
А й на свою я несчётну золоту казну
А й повыкуплю я как все товары новгородские,
А й как все худы товары я, добрые,
А что не буде боле товаров в продаже во городе».
А й как ставали тут настоятели ведь новгородские,
А й Фома да Назарьев ведь,
А Лука да Зиновьев ведь,
А й как тут ставали да на резвы ноги,
А й как говорили сами ведь да таковы слова:
«Ай же ты Садке, купец богатый новгородский!
А о чем ли о многом бьешь с нами о велик заклад,
Ежели выкупишь товары новгородские,
А й худы товары все, добрые,
Чтобы не было в продаже товаров да во городе?»
А й говорил Садке им наместо таковы слова:
«Ай же вы настоятели новгородские!
А сколько угодно у мня хватит заложить бессчётной
золотой казны».

[1] *Не дёржится* — не издерживается.

А й говоря настоятели наместо новгородские:
«Ай же ты Садке да новгородскии!
А хошь,— ударь с нами ты о тридцати о тысячах».
А ударил Садке о тридцати да ведь о тысячах.
А й как все со честного пиру разъезжалися,
А й как все со честного пиру разбиралися
А й как по своим домам, по своим местам.
А й как тут Садке, купец богатый новгородскиий,
А й как он на другой день вставал по утру да по раному,
А й как ведь будил он свою ведь дружинушку хоробрую,
А й давал как он да дружинушке
А й как долюби он бессчётныи золоты казны,
А как спущал он по улицам торговыим,
А й как сам прямо шел во гостиный ряд,
А й как тут повыкупил он товары новгородские,
А й худы товары все, добрые.
А й ставал как на дру́гой день
Садке, купец богатый новгородскиий,
А й как он будил дружинушку хоробрую,
А й давал уж как долюби бессчётныи золоты казны,
А й как сам прямо шел во гостиный ряд.
А й как тут много товаров принаве́зено,
А й как много товаров принаполнено
А й на ту на славу великую новгородскую.
Он повыкупил еще товары новгородские,
А й худы товары все, добрые.
А й на третий день ставал Садке, купец богатый
новгородскиий,
А й будил как он да дружинушку хоробрую,
А й давал уж как долюби дружинушке
А й как много несчётной золотой казны,
А й как распущал он дружинушку по улицам торговыим,
А й как сам он прямо шел да во гостиный ряд.
А й как тут на славу великую новгородскую
А й подоспели как товары ведь московские,
А й как тут принаполнился как гостиный ряд
А й дорогима товарамы ведь московскима.
А й как тут Садке топерь да пораздумался:
«А й как я повыкуплю еще товары все московские,—
А й на тую на славу великую новгородскую
А й подоспеют ведь как товары заморские.
А й как ведь топерь уж как мне, Садку,
А й не выкупить как товаров ведь
Со всёго да со бела свету.
А й как лучше пусть не я да богатее,

А Садке, купец да новгородскиий,—
А й как пусть побогатее меня славный Новгород,
Что не мог не я да повыкупить
А й товаров новгородскиих,
Чтобы не было продажи да во городе.
А лучше отдам я денежок тридцать тысячей,
Залог свой великиий».
А отдавал уж как денежок тридцать тысячей,
Отпирался от залогу да великого.
А потом как построил тридцать ко́раблей,
Тридцать кораблей, тридцать черныих,
А й как ведь свалил он товары новгородские
А й на черные на корабли,
А й поехал торговать купец богатый новгородскиий
А й как на своих на черных на кораблях.
А поехал он да по Волхову,
А й со Волхова он во Ладожско,
А со Ладожского выплывал да во Неву-реку,
А й как со Невы-реки как выехал на синё морё.
А й как ехал он по синю́ морю,
А й как тут воротил он в Золоту орду.
А й как там продавал он товары да ведь новгородские,
А й получал он барыши топерь великие,
А й как насыпал он бочки ведь сороковки-ты
А й как красного золота,
А й насыпал он много бочек да чистого серебра,
А еще насыпал он много бочек мелкого он, крупного скатного жемчугу.
А как потом поехал он с-за Золотой орды,
А й как выехал топеречку опять да на синё морё,
А й как на синем море устоялися да черны корабли,
А й как волной-то бьет и паруса-то рвет,
А й как ломат черны корабли,—
А все с месте нейдут черны корабли.
А й воспроговорил Садке, купец богатый новгородскиий.
А й ко своей он дружинушке хоробрыи:
«Ай же ты дружина хоробрая!
А й как сколько ни по морю ездили,
А мы Морскому царю дани да не плачивали,—
А топерь-то дани требует Морской-то царь в синё морё».
А й тут говорил Садке, купец богатый новгородскиий:
«Ай же ты дружина хоробрая!
А й возьмите-тко, вы мечите-тко в синё море
А й как бочку сороковку красного золота».
А й как тут дружина да хоробрая

А й как брали бочку сороковку красного золота,
А мёта́ли бочку в синё морё.
А й как все волной-то бьет, паруса-то рвет,
А й ломат черны корабли да на синём мори,—
Всё нейдут с места корабли да на синём мори.
А й опять воспроговорил Садке, купец богатый
новгородскиий,
А й своей как дружинушке хоробрыи:
«Ай же ты дружинушка моя ты хоробрая!
А видно, мало этой дани царю Морскому в синё морё.
А й возьмите-тко, вы мечите-тко в синё морё
А й как другую ведь бочку чистого серебра».
А й как тут дружинушка хоробрая
А кидали как дру́гую бочку в синё морё
А как чистого да серебра.
А й как все волной-то бьет, паруса-то рвет,
А й ломат черны корабли да на синём мори,—
А все нейдут с места корабли да на синём мори.
А й как тут говорил Садке, купец богатый новгородскиий,
А й как своёй он дружинушке хоробрыи:
«Ай же ты дружина хоробрая!
А видно, этой мало как дани в синё море.
А берите-тко третью бочку да крупного, мелкого
скатнего жемчугу,
А кидайте-тко бочку в синё морё».
А й как тут дружина хоробрая
А й как брали бочку крупного, мелкого скатнего жемчугу,
А кидали бочку в синё морё.
А й как все на синём мори стоят да черны корабли,
А волной-то бьет, паруса-то рвет,
А й как все ломат черны корабли,—
А й все с места нейдут да черны корабли.
А й как тут говорил Садке, купец богатый новгородскиий,
А своёй как дружинушке он хоробрыи:
«Ай же ты любезная как дружинушка да хоробрая!
А видно, Морской-то царь требуе как живой головы
у нас в синё море.
Ай же ты дружина хоробрая!
А й возьмите-тко уж как делайте
А й да жеребья да себе волжаны,
А й как всяк свои и́мена вы пишите на жеребьи,
А спущайте жеребья на синё морё;
А я сделаю себе-то жеребей на красное-то на золото.
А й как спустим жеребья топерь мы на синё морё,—
А й как чей у нас жеребей топерь да ко дну пойдет,

А тому идти как у нас да в синё морё».
А у всёй как у дружины хоробрыи
А й жеребья топерь гоголём плывут,—
А й у Садка, купца — гостя богатого, да ключом на дно.
А й говорил Садке таковы слова:
«А й как эти жеребьи есть неправильни.
А й вы сделайте жеребьи как на красное да золото,
А я сделаю жеребей да дубовыи.
А й как вы пишите всяк свои имена да на жеребьи,
А й спущайте-тко жеребьи на синё морё,—
А как чей у нас жеребей да ко дну пойдет,
А тому как у нас идти да в синё морё».
А й как вся тут дружинушка хоробрая
А й спущали жеребья на синё морё,
А й у всёй как у дружинушки хоробрыи
А й как все жеребья как топерь да гоголём плывут,
А Садков как жеребей да топерь ключом на дно.
А й опять говорил Садке да таковы слова:
«А как эти жеребьи есть неправильни.
Ай же ты дружина хоробрая!
А й как делайте вы как жеребьи дубовые,
А й как сделаю я жеребей липовый,
А как будем писать мы имена все на жеребьи,
А спущать уж как будем жеребья мы на синё морё,—
А топерь как в остатниих
Как чей топерь жеребей ко дну пойдет,
А й тому как идти у нас да в синё морё».
А й как тут вся дружина хоробрая
А й как делали жеребьи все дубовые,
А он делал уж как жеребей себе липовый.
А й как всяк свои имена да писали на жеребьи,
А й спущали жеребья на синё морё,—
А у всёй дружинушки ведь хороброей
А й жеребья топерь гоголем плывут да на синём мори,
А й у Садка, купца богатого новгородского, ключом на дно.
А как тут говорил Садке таковы слова:
«А й как видно, Садку да делать топерь нечего,—
А й самого Садка требует царь Морской да в синё морё.
Ай же ты дружинушка моя да хоробрая, любезная!
А й возьмите-тко, вы несите-тко
А й мою как чернильницу вы вальячную *,
А й неси-тко как перо лебединоё,
А й несите-тко вы бумаги топерь вы мне гербовые».
А й как тут дружинушка ведь хоробрая
А несли ему как чернильницу да вальячную,

А й несли как перо лебединоё,
А й несли как лист-бумагу как гербовую.
А й как тут Садке, купец богатый новгородскиий,
А садился ён на ременчат стул
А к тому он к столику ко дубовому,
А й как начал он именьица своего да он отписывать,—
А как отписывал он именья по божьим церквам,
А й как много отписывал он именья нищей братии,
А как ино именьицо он отписывал да молодой жены,
А й достальнёё именье отписывал дружины он хороброей.
А й как сам потом заплакал ён,
Говорил ён как дружинушке хороброей:
«Ай же ты дружина хоробрая да любезная!
А й полагайте вы доску дубовую на синё морё,
А что мне свалиться, Садку, мне-ка на доску,
А не то как страшно мне принять смерть во синём мори».
А й как тут он еще взимал с собой свои гусёлка яровчаты,
А й заплакал горько, прощался ён с дружинушкой хороброю,
А й прощался ён топеречку со всим да со белым светом,
А й как он топеречку как прощался ведь
А со своим он со Но́вым со городом,
А потом свалился на́ доску он на дубовую,
А й понесло как Садка на́ доски да по синю морю.
А й как тут побежали черны-ты корабли,
А й как будто полетели черны во́роны.
А й как тут остался топерь Садке да на синем мори.
А й как ведь со страху великого
А заснул Садке на той доске на дубовыи,
А как ведь проснулся Садке, купец богатыи новгородскиий,
А и в окиян-мори да па самом дни.
А увидел — скрозь воду пекет красно солнышко,
А как ведь очудилась возле палата белокаменна,
А заходил как он в палату белокаменну,—
А й сидит топерь как во палатушках
А й как царь-то Морской топерь на стуле ведь.
А й говорил царь-то Морской таковы слова:
«Ай как здравствуйте, купец богатыи
Садке да новгородскиий!
А й как сколько ни по морю ездил ты,
А й как Морскому царю дани не плачивал в синё морё,
А й топерь уж сам весь пришел ко мне да во подарочках
Ах скажут, ты мастёр играть во гусли во яровчаты,
А поиграй-ко мне как в гусли во яровчаты».
А как тут Садке видит — в синем море делать нечего,

Принужон он играть как во гусли во яровчаты.
А й как начал играть Садке как во гусли во яровчаты,
А как начал плясать царь Морской топерь в синем мори.
А от него сколыбалося все сине море,
А сходилася волна да на синём мори,
А й как стал он разбивать много черных кораблей
да на синём мори,
А й как много стало ведь тонуть пароду да в синё морё,
А й как много стало гинуть именьица да в синё море.
А как топерь на синём мори многи люди добрые,
А й как многи ведь да люди православные
От желаньица как молятся Миколы да Можайскому,
А й чтобы повынес Микулай их угодник из синя́ моря.
А как тут Садка новгородского как чёснуло в плечо
да во правое,
А и как обвернулся назад Садке, купец богатый
новгородскиий,—
А стоит как топерь старичок да назади уж как белыи,
седатыи,
А й как говорил да старичок таковы слова:
«А й как полно те играть, Садке, во гусли во яро̀вчаты
в синём мори».
А й говорит Садке как наместо таковы слова:
«А й топерь у мня не своя воля да в синём мори,
Заставлят как играть меня царь Морской».
А й говорил опять старичок наместо таковы слова:
«Ай как ты Садке, купец богатый новгородскиий!
А й как ты струночки повырви-ко,
Как шпенёчики повыломай,
А й как ты скажи топерь царю Морскому ведь:
«А й у мня струн не случилося,
Шпенёчиков у мня не пригодилося,
А й как боле играть у мня пе во что».
А тебе скаже как царь Морской:
«А й не угодно ли тебе, Садке, женитися в синем мори
А й на душечке как на красной на девушке?»
А й как ты скажи ему топерь да в синем мори,
А й скажи: «царь Морской, как воля твоя топерь
в синем мори,
А й как что ты знашь, то и делай-ко».
А й как он скажет тебе да топеречку:
«А й за́утра ты приготовляйся-тко,
А й Садке, купец богатый новгородскиий,
А й выбирай,— как скажет,— ты девицу себе по уму,
по разуму»,—

Так ты смотри, перво триста́ девиц ты стадо про́пусти,
А ты другое триста́ девиц ты стадо про́пусти,
А как третье триста́ девиц ты стадо про́пусти,
А в том стаде на концы на остатнием
А й идет как девица-красавица,
А по фамилии как Чернава-то,
Так ты эту Чернаву-то бери в замужество,—
А й тогда ты, Садке, да счастлив будешь.
А й как лягешь спать первой ночи ведь,
А смотри, не твори блуда́ никакого-то
С той девицей со Чернавою.
Как проснешься тут ты в синем мори,
Так будешь в Новеграде на крутом кряжу,
А о ту о риченку о Чернаву ту.
А ежели сотворишь как блуд ты в синем мори,
Так ты останешься навеки да в синем мори.
А когда ты будешь ведь на святой Руси,
Да во своем да ты во городе,
А й тогда построй ты церковь соборную
Да Николы да Можайскому,—
А й как есть я Микола Можайскиий».
А как тут потерялся топерь старичок да седатыий.
А й как тут Садке, купец богатый новгородский, в синём мори
А й как струночки он повы́рывал,
Шпенечики у гусёлышек повыломал,
А не стал ведь он боле играти во гусли во яровчаты.
А й остоялся как царь Морской,
Не стал плясать он топерь в синём мори,
А й как сам говорил уж царь таковы слова:
«А что же не играшь, Садке, купец богатый новгородскиий,
А й во гусли ведь да во яровчаты?»
А й говорил Садке таковы слова:
«А й топерь струночки как я повы́рывал,
Шпенечики я повыломал,
А у меня боле с собой ничего да не случилося».
А й как говорил царь Морской:
«Не угодно ли тебе женитися, Садке, в синём мори
А й как ведь на душечке на красной да на девушке?»
А й как он наместо ведь говорил ему:
«А й топерь как волюшка твоя надо мной в синём мори».
А й как тут говорил уж царь Морской:
«Ай же ты Садке, купец богатый новгородскиий!
А й за́утра выбирай себе девицу да красавицу

По уму себе да по разуму».
А й как дошло дело до утра ведь до ранного,
А й как стал Садке, купец богатый новгородскиий.
А й как пошел выбирать себе девицы-красавицы,
А й посмотрит, стоит уж как царь Морской.
А й как триста девиц повели мимо их-то ведь,
А он-то перво триста девиц да стадо про́пустил,
А друго он триста девиц да стадо про́пустил,
А й третье он триста девиц да стадо про́пустил,
А посмотрит, позади идет девица-красавица,
А й по фамилии что как зовут Чернавою,
А он ту Чернаву любовал, брал за себя во замужество.
А й как тут говорил царь Морской таковы слова:
«А й как ты умел да женитися, Садке, в синём мори!»
А топерь как пошло у них столованье да почестен пир
в синём мори.
А й как тут прошло у них столованье да почестен пир,
А как тут ложился спать Садке, купец богатый
новгородскиий,
А в синём мори он с девицею, с красавицей
А во спальней он да во теплоей,
А й не творил с нёй блуда́ никакого, да заснул в сон
во крепкии.
А й как он проснулся, Садке, купец богатый
новгородскиий,
Ажно очудился Садке во своем да во городе,
О реку о Чернаву на крутом кряжу,
А й как тут увидел — бежат по Волхову
А свои да черные да корабли,
А как ведь дружинушка как хоробрая
А поминают ведь Садка в синём мори,
А й Садка купца богатого да жена его
А поминат Садка со всей дружиною хороброю.
А как тут увидла дружинушка,
Что стоит Садке на крутом кряжу да о Волхово,
А й как тут дружинушка вся она расчудовалася,
А й как тому чуду ведь сдивовалася:
«Что оставили мы Садка да на синём мори,
А Садке впереди нас да во своем во городе».
А й как встретил ведь Садке дружинушку хоробрую,
Вси черные тут корабли,
А как топерь поздоровкались,
Пошли во палаты Садка купца богатого.
А как он топеречку здоровкался со своею с молодою женой.
А й топерь как он после этого

А й повыгрузил он со кораблей
А как всё свое да он именьицо,
А й повыкатил как ён всю свою да несчётну золоту казну.
А й топерь как на свою он несчётну золоту казну
А й как сделал церковь соборную
Николы да Можайскому,
А й как другую церковь сделал пресвятыи богородицы.
А й топерь как ведь да после этого
А й как начал господу богу он да молитися,
А й о своих грехах да он прощатися [1].
А й как боле не стал выезжать да на синё морё,
А й как стал проживать во своем да он во городе.
А й топерь как ведь да после этого
А й тому да всему да славы поют.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ

В славном великом Новеграде
А и жил Буслай до девяноста лет,
С Новым-городом жил, не перечился,
Со мужики новогородскими
Поперек словечка не говаривал.
Живучи Буслай состарился,
Состарился и переставился.
После его веку долгого
Оставалася его житье-бытье
И все имение дворянское,
Осталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимофевна,
И оставалася чадо милая,
Молодой сын Василий Буслаевич.
Будет Васенька семи годов,—
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить его во грамоте,
А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером его писать,
Письмо Василью в наук пошло;
Отдавала петью учить церковному,
Петьё Василью в наук пошло.
А и нет у нас такова певца
Во славном Новегороде
Супротив Василья Буслаева.

---

[1] Прощатися — просить прощения.

Поводился ведь Васька Буслаевич
Со пьяницы, со безумницы,
С веселыми удалыми добрыми молодцы,
Допьяна уже стал напиватися,
А и ходя в городе, уродует:
Которого возьмет он за руку, —
Из плеча тому руку выдернет;
Которого заденет за ногу, —
То из гузна ногу выломит;
Которого хватит поперек хребта, —
Тот кричит-ревет, окарачь ползет.
Пошла та жалоба великая, —
А и мужики новогородские,
Посадские, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдове Амелфе Тимофевне
На того на Василья Буслаева.
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить его, на ум учить.
Журьба Ваське не взлюбилася,
Пошел он, Васька, во высок терем,
Садился Васька на ременчатый стул,
Писал ерлыки скорописчаты,
От мудрости слово поставлено:
«Кто хощет пить и есть из готового,
Валися к Ваське на широкий двор,
Тот пей и ешь готовое
И носи платье разноцветное».
Рассылал те ерлыки со слугой своей
На те вулицы широкие
И на те частые переулочки.
В то же время поставил Васька
Чан середи двора,
Наливал чан полон зелена вина,
Опущал он чару в полтора ведра.
Во славном было во Новеграде
Грамотны люди шли прочитали
Те ерлыки скорописчаты,
Пошли ко Ваське на широкий двор,
К тому чану зелену вину.
Вначале был Костя Новоторженин,
Пришел он, Костя, на широкий двор,
Василий тут его опробовал —
Стал его бити червленым вязом,
В половине было налито

Тяжела свинцу чебурацкого,
Весом тот вяз был во двенадцать пуд;
А бьет от Костю по буйной голове, —
Стоит тут Костя не шевельнется,
И на буйной голове кудри не тряхнутся.
Говорил Василий сын Буслаевич:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин!
А и будь ты мне названый брат,
И паче мне брата родимого».
А и мало время позамешкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Мосей, дети боярские,
Пришли ко Ваське па широкий двор.
Молоды Василий сын Буслаевич
Тем молодцам стал радошен и веселешонек.
Пришли тут мужики залешана,
И не смел Василий показатися к ним.
Еще тут пришло семь братов Сбродовичи.
Собиралися, соходилися
Тридцать молодцов без единого,
Он сам, Василий, тридцатый стал.
Какой зайдет — убьют его,
Убьют его, за ворота бросят.
Послышал Васенька Буслаевич —
У мужиков новгородскиих
Канун * варен, пива ячные *,
Пошел Василий со дружиною,
Пришел во братшину в Никольшину.
«Немалу мы тебе сыпь * платим —
За всякого брата по пяти рублев».
А за себе Василий дает пятьдесят рублев.
А и тот-то староста церковный
Принимал их во братшину в Никольшину,
А и зачали они тут канун варен пить,
А и те-то пива ячные.
Молоды Василий сын Буслаевич
Бросился на царев кабак
Со своею дружиною хороброю,
Напилися они тут зелена вина
И пришли во братшину в Никольшину.
А и будет день ко вечеру, —
От малого до старого
Начали уж ребята боротися,
А в ином кругу в кулаки битися.
От тое борьбы от ребячия,

От того бою от кулачного
Началася драка великая.
Молоды Василий стал драку разнимать,
А иной дурак зашел с носка,
Его по уху оплел,
А и тут Василий закричал громким голосом:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин
И Лука, Моисей, дети боярские!
Уже Ваську меня бьют».
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое-втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали,—
Кричат мужики посадские.
Говорит тут Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, мужики новогородские!
Бьюсь с вами о велик заклад —
Напущаюсь я на весь Новгород битися, дратися
Со всею дружиною хороброю;
Тако вы мене с дружиною побьете Новым-
городом,
Буду вам платить дани-выходы по смерть свою,
На всякий год по три тысячи;
А буде ж я вас побью и вы мне покоритеся,
То вам платить буду такову же дань».
И в том-то договору руки они подписали
Началась у них драка-бой великая,
А и мужики новгородские
И все купцы богатые,
Все они вместе сходилися,
На млада Васютку напущалися,
И дерутся они день до вечера.
Молоды Василий сын Буслаевич
Со своею дружиною хороброю
Прибили они во Новеграде,
Прибили уже много до смерти.
А и мужики новгородские догадалися,
Пошли они с дорогими подарки
К матерой вдове Амелфе Тимофевне:
«Матера вдова Амелфа Тимофевна!
Прими у нас дороги подарочки,
Уйми свое чадо милое
Василья Буславича».
Матера вдова Амелфа Тимофевна

Принимала у них дороги подарочки,
Посылала девушку-чернавушку
По того Василья Буслаева.
Прибежала девушка-чернавушка,
Сохватала Ваську во белы руки,
Потащила к матушке родимыя,
Притащила Ваську на широкий двор,
А и та старуха неразмышлена
Посадила в погребы глубокие
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми железными,
Запирала замки булатными.
А его дружина хоробрая
Со темя мужики новгородскими
Дерутся, бьются день до вечера
А и та-то девушка-чернавушка
На Волх-реку ходила по воду,
А взмолятся ей тут добры молодцы:
«Гой еси ты, девушка-чернавушка!
Не подай нас у дела у ратного,
У того часу смертного».
И тут девушка-чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысла кипарисова,
Коромыслом тем стала она помахивати
По тем мужиками новогородскиим,
Прибила уж много до смерти.
И тут девка запышалася,
Побежала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери железные:
«А и спишь ли, Василий, или так лежишь?
Твою дружину хоробрую
Мужики новогородские
Всех прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны».
Ото сна Василий пробуждается,
Он выскочил на широкий двор,—
Не попала палица железная,
Что попала ему ось тележная,
Побежал Василий по Нову-городу,
По тем по широким улицам.
Стоит тут старец-пилигримище,
На могучих плечах держит колокол,
А весом тот колокол во триста пуд,

Кричит тот старец-пилигримище:
«А стой ты, Васька, не попорхивай,
Молоды глуздырь *, не полетывай:
Из Волхова воды не выпити,
Во Новеграде людей не выбити,—
Есть молодцов сопротив тебе,
Стоим мы, молодцы, не хвастаем».
Говорил Василий таково слово:
«А и гой еси, старец-пилигримище!
А и бился я о велик заклад
Со мужики новгородскими,
Опричь * почестного монастыря,
Опричь тебе, старца-пилигримища.
Во задор войду — тебя убью».
Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележною,—
Начается [1] старец, не шевельнется.
Заглянул он, Василий, старца под колоколом,—
А и во лбе глаз уж веку нету.
Пошел Василий по Волх-реке,
А идет Василий по Волх-реке,
По той Волховой по улице,
Завидели добрые молодцы,
А его дружина хоробрая,
Молода Василья Буслаева,—
У ясных соколов крылья отросли,
У их-то, молодцов, думушки прибыло.
Молоды Василий Буслаевич
Пришел-то молодцам на выручку.
Со темя мужики новогородскими
Он дерется, бьется день до вечера,
А уж мужики покорилися,
Покорилися и помирилися,
Понесли они записи крепкие
К матерой вдове Амелфе Тимофевне,
Насыпали чашу чистого серебра,
А другую чашу красного золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьют челом, поклоняются:
«А сударыня матушка!
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милая,
Молода Василья со дружиною.

---

[1] **Начается** — в смысле «дождался», «получил».

А и рады мы платить
На всякий год по три тысячи,
На всякий год будем тебе носить
С хлебников по хлебику,
С калачников по калачику,
С молодиц повенечное,
С девиц повалечное *,
Со всех людей со ремесленых,
Опричь попов и дьяконов».
Втапоры матера вдова Амелфа Тимофевна
Посылала девушка-чернавушка
Привести Василья со дружиною.
Пошла та девушка-чернавушка,
Бежавши та девка запышалася,
Нельзя пройти девке по улице:
Что полтеи * по улице валяются
Тех мужиков новогородскиих.
Прибежала девушка-чернавушка,
Сохватала Василья за белы руки,
А стала ему рассказывати:
«Мужики пришли новогородские,
Принесли они дороги подарочки,
И принесли записи заручные [1]
Ко твоей сударыне матушке,
К матерой вдове Амелфе Тимофевне».
Повела девка Василья со дружиною
На тот на широкий двор,
Привела-то их к зелену вину,
А сели они, молодцы, во единый круг,
Выпили ведь по чарочке зелена вина
Со того урасу [2] молодецкого
От мужиков новгородских.
Скричат тут робята зычным голосом:
«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буславича
Не упито, не уедено,
В красне хорошо не ухожено,
А цветного платья не уношено,
А увечье навек залезено [3]».
И повел их Василий обедати
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.

---

[1] Записи заручные — подписанные условия.
[2] Урас — упорство (?); возможно также поражение (?).
[3] Залезено — добыто, получено.

Втапоры мужики новогородские
Приносили Василью подарочки
Вдруг сто тысячей,
И затем у них мирова пошла,
А и мужики новогородские
Покорилися и сами поклонилися.

СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВА

Под славным великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильменю
Плавает-поплавает сер селезень,
Как бы ярой гоголь попыривает,—
А плавает-поплавает червлен корабль
Как бы молода Василья Буславьевича,
А и молода Василья со его дружиною хоробрую,
Тридцать удалых молодцов:
Костя Никитин корму держит,
Маленький Потаня на носу стоит,
А Василий-ет по кораблю похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Свет моя дружина хоробрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!
Ставьте корабль поперек Ильменя,
Приставайте, молодцы, ко Новугороду».
А и тычками к берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережок,
Походил тут Василий
Ко своему он двору дворянскому,
И за ним идут дружинушка хоробрая,—
Только караулы оставили.
Приходит Василий Буслаевич
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударыне матушке,
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне,
Как вьюн, около ее убивается,
Просит благословение великое:
«А свет ты моя сударыня матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое —
Идти мне, Василью, в Ерусалим-град
Со своею дружиною хоробрую,
Мне-ка господу помолитися,
Святой святыне приложитися,

Во Ердане-реке искупатися».
Что взговорит матера Амелфа Тимофеевна:
«Гой еси ты, мое чадо милая,
Молоды Василий Буслаевич!
Токо ли ты пойдешь на добрые дела,
Тебе дам благословение великое;
Токо ли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дам благословение великого,
А и не носи Василья сыра земля!»
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материна сердце распущается,
И дает она много свинцу, пороху,
И дает Василью запасы хлебные,
И дает оружье долгомерное:
«Побереги ты, Василий, буйну голову свою!»
Скоро молодцы собираются
И с матерой вдовой прощаются.
Походили они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по озеру Ильменю.
Бегут они уже сутки другие,
А бегут уже неделю другую,
Встречу им гости*-корабельщики:
«Здравствуй, Василий Буслаевич!
Куда, молодец, поизволил погулять?»
Отвечает Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, гости-корабельщики!
А мое-то ведь гулянье неохотное:
Смолода бито, много граблено,
Под старость надо душа спасти.
А скажите вы, молодцы, мне прямого путя
Ко святому граду Иерусалиму».
Отвечают ему гости-корабельщики:
«А и гой еси, Василий Буслаевич!
Прямым путем в Ерусалим-град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой — полтора года:
На славном море Каспицкием,
На том острову на Куминскием
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачие,
Не много, не мало их — три тысячи;
Грабят бусы*-галеры,
Разбивают червлены корабли».

Говорит тут Василий Буслаевич:
«А не верую я, Васюнька, ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червленый вяз.
А беги-ка-тя, ребята, вы прямым путем».
И завидел Василий гору высокую,
Приставал скоро ко круту берегу,
Походил-су Василий сын Буслаевич
На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним летят дружина хоробрая.
Будет Василий в полугоре,
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова — человечья кость.
Пнул Василий тое голову с дороги прочь,
Провещится пуста голова человеческая:
«Гой еси ты, Василий Буславьевич!
Ты к чему меня, голову, побрасоваешь?
Я молодец не хуже тебя был,—
Умею я, молодец, валятися.
А на той горе Сорочинския,
Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,—
И лежать будет голове Васильевой».
Плюнул Василий, прочь пошел:
«Али, голова, в тебе враг говорит,
Или нечистый дух».
Пошел на гору высокую,
На самой сопке тут камень стоит,
В вышину три сажени печатные,
А и через его только топор подать,
В долину три аршина с четвертью.
И в том-то подпись подписана:
«А кто-де станет у каменя тешиться,
А и тешиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,—
Сломить будет буйну голову».
Василий тому не верует,
Приходил со дружиною хороброю,
Стали молодцы забавлятися,
Поперек того каменю поскакивати,
А вдоль-то его не смеют скакать.
Пошли со горы Сорочинския,
Сходят они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспицкому,
На ту на заставу корабельную,

Где-то стоят казаки-разбойники,
А стары атаманы казачие,
На пристани их стоят сто человек:
«А и молоды Василий, на пристань стань!»
Сходни бросали на крут бережок,
И скочил-то Буслай на крут бережок,
Червленым вязом попирается.
Тут караульщики, удалы добры молодцы,
Все на карауле испужалися,
Много его не дожидаются,
Побежали с пристани корабельныя
К тем атаманам казачиим.
Атаманы сидят не дивуются,
Сами говорят таково слово:
«Стоим мы на острову тридцать лет,—
Не видали страху великого,
Это-де идет Василий Буславьевич:
Знать-де полетка соколиная,
Видеть-де поступка молодецкая».
Пошагал-то Василий со дружиною,
Где стоят атаманы казачие.
Пришли они, стали во единый круг,
Тут Василий им поклоняется,
Сам говорит таково слово:
«Здравствуйте, атаманы казачие!
А скажите вы мне прямого путя
Ко святому граду Иерусалиму».
Говорят атаманы казачие:
«Гой еси Василий Буслаевич!
Милости тебе просим
За единый стол хлеба кушати».
Втапоры Василий не ослушался,
Садился с ними за единый стол.
Наливали ему чару зелена вина
В полтора ведра,
Принимает Василий единой рукой
И выпил чару единым духом,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могут и по полуведру пить.
И хлеба с солью откушали,
Собирается Василий Буслаевич
На свой червлен корабль,
Дают ему атаманы казачии подарки свои:
Первую мису чиста серебра
И другую красна золота,

Третью — скатного жемчуга.
За то Василий благодарит и кланяется,
Просит у них да Ерусалима провожатого.
Тут атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатого
И сами с ним прощалися.
Собрался Василий на свой червлен корабль
Со своею дружиною хороброю,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспицкому.
Будут они во Ердан-реке,
Бросали якори крепкие,
Сходни бросали на крут бережок.
Походил тут Василий Буслаевич
Со своею дружиною хороброю
В Ерусалим-град,
Пришел во церкву соборную,
Служил обедни за здравие матушки
И за себя, Василья Буславьевича,
И обедню с панафидою служил
По родимом своем батюшке
И по всему роду своему.
На другой день служил
Обедни с молебнами
Про удалых добрых молодцов,
Что смолоду бито много, граблено.
И ко святой святыне приложился он,
И в Ердане-реке искупался,
И расплатился Василий
С попами и дьяконами,
И которые старцы при церкви живут,—
Дает золотой казны не считаючи,
И походит Василий ко дружине из Ерусалима
На свой червлен корабль.
Втапоры его дружина хоробрая
Купалися во Ердане-реке,
Приходила к ним баба залесная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаетесь во Ердан-реке?
А некому купатися
Опричь Василья Буславьевича,—
Во Ердане-реке крестился
Сам господь Иисус Христос;
Потерять его вам будет,
Большого атамана Василья Буславьевича».

И они говорят таково слово:
«Наш Василий тому не верует,
Ни в сон, ни в чох».
И мало время поизойдучи,
Пришел Василий ко дружине своей,
Приказал выводить корабль
Из устья Ердань-реки.
Подняли тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспицкому,
Приставали у острова Куминского,
Приходили тут атаманы казачие
И стоят все на пристани корабельныя.
А и выскочил Василий Буслаевич
Из своего червленого корабля,
Поклонились ему атаманы казачие:
«Здравствуй, Василий Буслаевич!
Здорово ли съездил в Ерусалим-град?»
Много Василий не баит с ними,
Подал письмо в руку им,
Что много трудов за их положил —
Служил обедни с молебнами за их, молодцов.
Втапоры атаманы казачие
Звали Василья обедати,
И он не пошел к ним,
Прощался со всеми теми атаманы казачими,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспицкому к Новугороду.
А и едут неделю споряду,
А и едут уже другую,
И завидел Василий гору высокую Сорочинскую,
Захотелось Василью на горе побывать.
Приставали к той Сорочинской горе,
Сходни бросали на ту гору,
Пошел Василий со дружиною,
И будет он в полгоры,
И на пути лежит пуста голова,
Человечья кость,
Пнул Василий тое голову с дороги прочь,
Провещится пуста голова:
«Гой еси ты, Василий Буслаевич!
К чему меня, голову, попинываешь
И к чему побрасываешь?
Я молодец не хуже тебя был,
Да умею валятися.
На той горе Сорочинские,

Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове!»
Плюнул Василий, прочь пошел.
Взошел на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Где стоит высокий камень,
В вышину три сажени печатные,
А через его только топором подать,
В долину три аршина с четвертью,
И в том-то подпись подписана:
«А кто-де у камня станет тешиться,
А и тешиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,—
Сломить будет буйну голову».
Василий тому не верует,
Стал со дружиною тешиться и забавлятися.
Поперек каменю поскакивати.
Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по каменю
И не доскочил только четверти
И тут убился под каменем.
Где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили.
Побежали дружина с той Сорочинской горы
На свой червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали ко Новугороду.
И будут у Новагорода,
Бросали с носу якорь и с кормы другой,
Чтобы крепко стоял и не шатался он,
Пошли к матерой вдове к Амелфе Тимофеевне.
Пришли и поклонилися все,
Письмо в руки подали,
Прочитала письмо матера вдова,
Сама заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У мены ныне вам делать нечего,
Подите в подвалы глубокие,
Берите золотой казны не считаючи».
Повела их девушка-чернавушка
К тем подвалам глубокиим,
Брали они казны по малу числу,
Пришли они к матерой вдове,
Взговорили таковы слова:

«Спасибо, матушка Амелфа Тимофеевна,
Что поила, кормила,
Обувала и одевала добрых молодцов».
Втапоры матера вдова Амелфа Тимофеевна
Приказала наливать по чаре зелена вина,
Подносит девушка-чернавушка
Тем удалым добрым молодцам.
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куды захотелося.

ХОТЕН

Во славном во городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Заводилось столо́ванье чёстён пир.
Уж как вси на пиру-то напивалися,
Ведь и вси на чёстно́м наедалися,
Да и вси на чёстно́м прирасхвастались.
А сидела на пиру да молода вдова,
Молода вдова да Блудова́ жона,
Да и начала Блудова жона у Часовой свататься:
«Да отдай-косе ты Кате́ринушу Часовисню
За моёго Хотёнышка сына Блудова».
А Часовой жоны то не показалося,
Да и говорила ей таковы слова:
«У тя мужа-то звали Блудищом,
А сына-то зовут у тя Уродищом,—
Тот ли по за́полям [1] уродуёт,
Да стрелят сорок, ворон за чужим двором».
И взяла она чару зелена́ вина,
И ленула ей насупротив в ясны́ очи,
Подмочила ей шубу соболиную.
С того пира́ невёсела Блудова жона
Идет домой да не в корысти [2], не в радости.
Хотёнышко матушку стре́чаёт:
«Что же ты, моя ро́дна матушка,
Идешь домой да не в корысти, не в радости?
Али место те дали не по вотчины,

[1] По за́полям — то же, что «по загуменьям», за гумном.
[2] Не в корысти — без выгоды.

Али чарой тебя да о́бнесли,
Али пьяница-дурак не насмеялся ли?»
Отвечала молода вдова Блудова жона:
«Место мне-ка дали по вотчины,
И чарой меня не о́бнесли,
И пьяница над мной не насмеялся, —
А сидела на чёстно́м пиру,
Насупротив сидела молода вдова,
Молода вдова да Часова жона;
Еще я за тобя начала свататься
На той ли Катеринуши Часовисны,
Отвечала молода Часова жона:
«У тя мужа-то звали Блудищом,
А сына-то зовут у тя Уродищом, —
Тот ли по за́полям уродуёт,
Стрелят сорок, ворон да за чужим двором».
И взяла она чару зелена́ вина,
Да ленула вином мне в ясны́ очи́,
И подмочила шубу соболиную».
То Хотёнышку не показалося *,
Скоро шел да на широкий двор,
Седлал-уздал да коня доброго,
Скоро он поехал во чисто́ полё.
Идет Хотён из числа́ поля́,
Голосом кричит да шляпо́й машот:
Здравствуй-ко ты, теща горделивая,
Да здравствуй-ко ты, теща ломливая!
Стречай-косе ты зятя Уродища, —
Да тот ли по заполям уродуёт,
Стрелят сорок, ворон да за чужим двором».
Как попёр молоде́ц дом копьем, тупым концом,
Да тот ли дом он по окнам снял.
Приходила молода вдова Часова жона,
Говорила Катеринуши Часовисны:
«Что это, чадо мое милоё, —
Кажись, не было в поле ни ветра, ни вехоря,
А наш-от дом ведь по окнам снят».
Отвечала Катеринуша своёй матери:
«Ой ты матушка моя ро́дная!
Из числа́ поля шел доброй мо́лодец,
Голосом кричал да и шляпой махал,
А сам-от он да выговаривал:
«Здравствуй-ко ты, теща горделивая,
Да здравствуй-ко ты, теща ломливая!
Стречай-косе ты зятя Уродища, —

Да тот ли по заполям уродуёт,
Стрелят сорок, ворон да за чужим двором».
Да попёр молоде́ц дом копьем, тупым концом,
И дом-от он ведь по окнам снял,
А сам-от поехал во чисто́ полё».
Скоро-на́скоро вдова тут догадалася,
Что дороднё-доброй мо́лодец не кто другой,
Как Хотёнышко Блудов сын,
Еще скоря́ того пошла она к своим сынам,—
А у ей сыновьёв было девятеро.
Приносила им жалобу на Хотёныша:
«Ой же вы еси, сыны добры мо́лодцы!
Подьте да захватите сына Блудова,
Приведите его мне пред ясны́ очи́».
А ответ дёржа́т сыны добры мо́лодцы:
«Ой ты наша ро́дна матушка!
Нам ведь у Хотёна взеть-то нечего».
Молодой вдовы то не показалося:
«Кабы было у меня девять зятевьёв,
Дак они бы меня послушались».
Да не стали тут добры мо́лодцы
Отзываться * от своёй ро́дной матери,
И поехали в нагон за Хотёнышком.
Спит Хотён во бело́м шатри,
Спит он, спит да не пробудится.
Наезжали молодцы да близ шатра,
Добры кони стоптали копытами громко-
на́громко.
От того Хотён и пробужеится,
Да недолго Хотён тут сряжеится,
Садился Хотён да на добра коня
И поехал к молодцам насупротив,
Троих молодцов копьем сколол,
Да троих молодцов конем стоптал,
Да еще троих к стремени́ привязал.
Скоро-на́скоро поехал к Часовой жоны,
И кричал он гласом громкиим:
«Здравствуй-косе ты, молода жона,
Молода жона, да Часова жона!
Выкупай-ко ты своих добрых молодцов,—
Ведь троих я копьем сколол,
Да троих я копем стоптал,
Да еще троих к стремени привязал.
Коли выкупишь, дак живых спущу,
А не выкупишь, дак смерти́ придам».

Тут молода вдова и спасалася[1] —
На тарелку клала золота,
Да на дру́гу скатна женчуга,
А на третью ширинку золоченую,
И называла его зятём родныим.
А сам поворачивал коня в чисто́ полё,
И отсек своему коню голову.
Выливал че́рево лошадиноё,
Залезал он сам в кониноё черево.
Прилетали тут два ворона,
Ворон старшие да ворон младшие.
А спрого́ворит-то ворон младшие:
«Бачко, нам бог обед послал».
А ответ дёржал ворон старшие:
«Нет, малой, тут обман ведь есть».
И начал ворон младшой облётывать,
Начал ворон покыркивать,
Да начал и черево поклюивать.
Ухватил тут ворона́ Хотёнышко за ногу,
Тут и старой ворон заоблётывал,
Старой ворон запокыркивал,
Просит малого выпустить.
Отвечал Хотён таковы слова:
«Ой же ты ворон старшие!
Принеси-тко мне-ка воды жи́выя,
Да принеси-ткосе воды мертвыя,
Втогды выпущу вороненыша».
Полетел как ворон старшие
За тридевять земель, за тридевять морей
За водою жи́вою, да за водой мертвою.
И прилетел ворон с водой жи́вою,
Прилетел ворон с водой мертвою,
Отдавал Хотёнышу во белы́ руки́,
Втогда спустил он ворона младшого.
Водой живою обрызгал коня мертвого —
И конь его начал здрыгивать,
Водою мертвою стал обрызгивать —
Конь его стал уж на ноги.
И сел молодец на добра коня,
И поехал оживлять своих шурьяков,
Оживил ведь он своих шурьяков
И поехал к палаты белокаменной,
Стали сочинять свадьбу брачную.
Собирались идти ко божьи́м церквам,

[1] Спасаться — спохватываться.

Принимать венцы да пресветлые,
Обручеться перстнеми золоченыма.
Так женился Хотён на Катеринуши,
С того времени зачался почестён пир.

МИХАЙЛО ПОТЫК

Не заюшко в чистом поле выскакивал,
Не горносталюшка выплясывал,—
Выезжал там доброй молодец,
Доброй молодец Михайла Потык сын Иванович.
Направлял он да коня своего богатырского,
Увидал он во чистом поли
Лань да златорогую,
Спускал своего да добра коня
Во всю прыть да лошадиную.
Догоняет он да эту лань да златорогую,
Хочет колоть ю во белую грудь.
Испрого́ворит эта лань да златорогая
Человеческим она голосом:
«Ай же ты Михайла Потык сын Иванович!
Не коли-тко ты да моей белой груди.
Я есть ведь не лань-то златорогая,
Я есть Марья лебедь бела, королевична,
У меня на сем свете положен ведь такой завет:
Кто меня может па бегу догнать,
За того я пойду в замужество».
Повернулась эта лань да златорогая
В человеческий она образ.
Он брал тут Михайла Потык сын Иванович
За белы руки да за златы перстни,
Целовал ю тут в уста да во сахарнии,
Отвозил ю тут во Киев-град.
Принимали тут о́ны закон да ведь супружеский,
Стал он жить-то с ней да на весельице,
Напиваться зелена вина он допьяна.
Приходит он во́ свою палату белокаменну,
Стретает его своя да любима́ семья,
Испрого́ворит Марья ему да таково слово:
«Ай же ты моя да любима́ семья!
Я теби скажу да таково слово:
Кто у нас да наперед помрет,

Тому-то сесть да во сыру землю.
Ежли я да наперед помру,
Тебе со мной сидеть да ровно три месяца
да во сырой земле;
Ежли ты помрешь, я с тобой буду сидеть
да во сырой земле».
Написали они между собой ведь записи.
И он ходит да на царев кабак,
Напивается он да зелена вина ведь допьяна.
Приезжают-то с разных мест да сорок царей,
Соро́к царей, со́рок царевичев,
Сорок королей да сорок королевичев,
Они пишут ко Владимиру,
Ко Владимиру да стольне-киевскому:
«Выведи ты эту Марью лебедь белу, королевичну,
Бе́з бою, без драки, без великого кроволития».
Собирает тут Владимир стольне-киевский
Своих господ, своих бояр,
Стал он тут Владимир совет советовать
Со своима господамы, со своима боярам:
«Ежли нам не отдать этой Марьи лебедь белой,
королевичной,
Приведут наш стольный Киев-град во разорение».
На ту пору, на то времечко
Приходит тут Михайла Потык сын Иванович
В этую палату белокаменну,
Кланяется он Владимиру тут в собину:
«Ай же ты Владимир стольне-киевский!
Не отдам я своей душеньки
Без бою, без драки, без великого кроволития».
Берет он своих да двух братьёв крестовыих,
Берет старого каза́ка Илью Муромца,
Во-вторых берет Добрынюшку Микитича.
Сокрутились * они в платье женское,
Причесали они свои кудри русые по-женскому,
Садились они в тележку во ордынскую,
Приезжали они да во чисто поле,
Раздернули они тут ведь белой шатер.
Приходило тут сорок царей, сорок царевичев:
«Верно, что Владимир стольне-киевский
Не посмел с нами воевати-де,
Повывел он Марью лебедь белу, королевичну,
Повывел Марью во чисто поле».
Испрого́ворят тут они да таково слово:
«Ай же ты Марья лебедь бела, королевична!

За кого же ты за нас замуж идешь?»
Испрого́ворит Михайла самым тонким женским голосом:
«Кто кого из вас на бою побьет,
За того я ведь заму́ж иду».
Выходили они татарева во чисто поле,
Тот того побьет, другой другого побьет,—
Не выходили-то у них поединщика единого.
Приходят они опять да ко белу шатру:
«Нету у нас такого поединщика.
За кого же нынь ты заму́ж идешь?»
Молодецко сердечко мало стерпливал,
Разгорелось его да сердце богатырское,
Выскакивал Михайло Потык сын Иванович
Со своего он да бела шатра,
Не увидел он сабли вострыи,
Не увидел он меча-кла́денца,
Хватал он тележку ордынскую,
Выхватывал он осищё железное,
Зачал он осищём тут помахивать,
Прибил он сорок царей, сорок царевичев,
Сорок королей, сорок королевичев.
Поезжали они тут во Киев-град
Со своима он с братьямы крестовыми.
Подъезжает он да ко́ своей палате белокаменной,
Испрого́ворит ему да таково слово:
«Ай же ты Михайла Потык сын Иванович!
Нет у тебя в доме да любимой семьи,
Нет у тебя да в живности
Мо́лодой-то Марьи лебедь белой, королевичной».
Испрого́ворит Михайло таково слово:
«Ай же вы мои плотники, работники!
Делайте гробницу немалую,
Чтобы можно в ней двоим лежать,
Двоим лежать и стоя стоять.
Кладите-тко вы припасу съе́стного
На три месяца.
Опущусь-то я с ней да во сыру землю.
У меня с ней сделаны были записи —
Который у нас да наперед умрет,
Другому сидеть да ровно три месяца да во сырой земли».
Привозили эту гробницу немалую
На то кладбище,
Положили туды да Марью лебедь белу, королевичну,

Садился тут Михайло в эту гробницу немалую,
Опущали его да во сыру землю,
Засыпали его да ведь желтым песком.
Походило тому времечки ровно три неделюшки,
Приплыло тут к ней змеи́щё веретенище,
Стало у ней сосать да ведь белую грудь.
Хватил тут Михайло Потык сын Иванович
Свою саблю вострую,
Хочет отсечь у ней буйну голову.
Испрого́ворит змеищё веретенищё:
«Не руби-тко ты да моей буйной головы,
Много я для те́би добра сделаю,
Оживлю я теби Марью лебедь белу, королевичну»
И дает ему да свой велик залог,
Своего она ведь детища.
Отплывает от этой гробницы белодубовой,
Приносит она змея ведь живой воды,
Подавает она змея ему живу воду,
Раз тут сбрызнул — она и здрогнула,
Дру́гой раз сбрызнул — она сидя́ села,
Третий раз сбрызнул — она да загово́рила:
«Ай же ты Михайло Потык сын Иванович!
Гди мы теперь с тобой находимся?» —
«Находимся да во сырой земли».
Закричал он своим голосом,
Своим голосом да богатырскиим,
Услыхали его да братьицо крестовые:
«Стоснулось нашему братцу крестовому во сырой земли,
Живому телу с мертвыим».
Приходили тут они ко этой могилы ко кладбищу,
Желтой песок они тут рассыпали,
Снимали-то с этой гробницы покров-то ведь верхнии.
Выходит тут Михайло Потык сын Иванович
Со сырой земли,
За собой ведет свою да любиму семью,
Мо́лоду-то Марью лебедь белу, королевичну.
Приходит он во свой во Киев-град,
Стал он жить-то ведь по-прежнему,
Напиваться зелена вина он до́пьяна.
Удаляется тут Михайло во чисто поле,
Поляковать * он да и каза́ковать:
Порублял он да ведь поганых татаревей
За свою веру да христианскую.
Приезжает-то с другой земли,

Приезжает-то король да ведь ляхетскии,
Пишет тут-то он да грамотку
Ко Владимиру да стольне-киевскому:
«Повыведи ты Марью лебедь белу, королевичну,
Во чисто поле,
Без бою, без драки, без великого кроволития».
Испроговорит Владимир таково слово:
«Некем мне с ним да воевать будет,—
Повывести надоть Марью лебедь белу, королевичну,
Во этое да во чисто поле».
Выводили Марью лебедь белу, королевичну,
Во чисто поле.
Принимал-то тут король да ведь ляхетскии
Ю за рученки за белые,
Увозил он во свою землю.
День-то за день как птица летит,
Неделя за неделю как дождь дожжит,
Год тот за год быв трава растет,
Проходило тому ровно три годы.
Приезжает тут со чиста поля
Михайла Потык сын Иванович
Со своима он со братцамы крестовыми.
«Где же моя да любимá семья?»
Испроговорят ему да таково слово:
«Увез твою да любимý семью
Красивыи король да ведь ляхетскии».
Испроговорит Михайла таково слово:
«Поеду я добрый молодец
Во тую землю́ да во ляхетскую,
Не отдам я своей Марьи лебедь белой, королевичной».
Садился тут Михайла на добра коня,
Видели они Михайла тут сядучи,
Не видели Михайлу тут поедучи.
Приезжает тут Михайло во тую землю,
Во тую землю да во ляхетскую,
Приезжает-то Михайла к тым палатам бело-
каменным.
Усмотрела его да любима семья
Во тое́ окно да во косевчато *,
Испроговорит она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да ведь ляхетскии!
Приезжает к нам теперь да нелюбимый гость».
Наливала она чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Спускала она туды да зелья лютого:

«Ай же ты Михайло Потык сын Иванович!
Прости меня, дуру, жонку стра́мницу,—
Муж по дрова, жена заму́ж пошла.
Твое есть дело ведь дорожноё,
Мое дело есть да поневольнеё.
Выпей-ко чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра».
Брал тут Михайла единой рукой,
Выпивал Михайла единым духом.
Тут Михайла Потык сын Иванович
Свалился он со своего да со добра коня.
Испрого́ворит она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да ведь ляхетскии!
Ежели хочешь ты ведь мной владать,
Куды надоть отвози его во чисто поле».
Испроговорит король да ведь ляхетскии:
«Муж-то твой, воля́ твоя».
Приказала она запрячь-то пару коней богатырскиих,
Отвозила его да во чисто поле,
Хватала тут она да бел горюч камень,
Колотила его да по право́й щоки:
«Окаменей-ко ты, Михайла, ровно на три годышка,
Как три годы пройдет, пройди да сквозь сыру́ землю».
Повернула его бо́льшим каменем.
День-то за день как птица́ летит,
Неделя за неделю как дождь дожжит,
Проходило тут время ровно годышек,
Стоснулось им, братьям крестовыим,
Старому казаку Илью Муромцу,
Во-вторыих-то Добрынюшке Микитичу,
Сокрутились они в платье ведь нищецкое,
Надевали себи трои они по́дсумки,
Шли они путем-дорогою.
Выходит со́ сторон калика незнакомая:
«Ай же вы калики есть незнаемы!
Возьмите меня да ведь во третьиих,
Поверстайте меня да во ата́маны».
Брали тут калику во товарища,
Поверстали калику во ата́маны,
Приходили они в тую землю во ляхетскую,
Становились они да против чертог они ведь царскиих,
Закричали они своими голосамы зычныма:
«Ай же ты король да ведь ляхетскии!
Насыпь-ко нам троим по́дсумки:
Одни по́дсумки-то чиста серебра,

Други подсумки-то красна золота,
Третьи подсумки-то скачна жемчугу,—
Полно нам каликам волочитися,
Было бы нам каликам по смерть есть и пить».
Услышал тут король да ведь ляхетскии
Голоса да очень громкие,
Король тут-то приужахнулся.
И зглянет тут Марья лебедь бела, королевична,
Во тое окно да во косевчато,
Узнала-то она да этыих богатырей:
«Это ведь не калики есть, да есть богатыри,
Моего мужа́ ведь прежного
Есть они да братья ведь крестовые.
Зазывай их во свои палаты белокаменны,
Насыпай им трои подсумки:
Первы подсумки да чиста серебра,
Вторы подсумки да красна золота,
Третьи подсумки да скачна жемчугу».
Созывали их во палату белокаменну,
Насыпали им да трои подсумки:
Одни подсумки да чиста серебра,
Други подсумки да красна золота,
Третьи подсумки да скачна жемчугу.
Походят они да во чисто полё,
Приходят к этому белу каменю.
Испрогóворит калика та незнаема:
«Ай же вы мои братцы вы товарища!
Взяли вы меня да во товарища,
Поверстали вы меня да во ата́маны,
Надоть нам теперь да ведь живот [1] делить».
Снимали они тут трои подсумки
Со своих они тут плеч да со могучиих,
Кла́дывали они да вó место,
И стал-то тут калика да незнаема
Кла́дывать он да на четыре стопы.
Испрогóворят тут его братья крестовые:
«Ай же ты калика есть незнаема!
Взяли тебя мы во товарища,
Поверстали тебя мы во атаманы,—
Неправильнё ты ведь живот делишь».
Испроговорит калика-то незнаема:
«Брали меня да во товарища,
Поверстали меня да во ата́маны,—

[1] Живот — здесь: богатство.

Я справедливо теперь живот делю:
Который из нас может бел горюч камень
Кинуть через буйну голову,
Тому четвертая стопа достанется».
Брал тут Добрынюшка Никитинич
Этот да бел горюч камень,
Во свое колено здымал да богатырское,
Сам-то по щёточку[1] в землю зашел.
Подхватывал тут старыи казак да Илья Муромец,
Здымал-то он во́ свою во грудь во белую,
Уходил он по колен да во сыру землю.
Брал-то тут калика да незнаема
Этот-то да бел горюч камень,
Кидал он через свою да буйну голову.
Испрого́ворил калика таково слово:
«Впереди стань, доброй молодец,
Лучше стань ты лучше прежного!»
Пробуждался он со сну да богатырского,
Испрого́ворил Михайла таково слово:
«Ай же вы мои братцы крестовые!
Как я долго спал».
Испрого́ворят его братья крестовые:
«Как бы не было у нас этого товарища,
Не был бы теперь ты в живности».
Побежал Михайла во ту землю,
Во ту землю во ляхетскую,
Становился Михайла противо палат да бело-
каменных,
Закричал он богатырскиим-то голосом:
«Ай же ты красивыи король да ты ляхетскии!
Насыпь-ко ты мне тоже трое подсумки:
Первы подсумки-то чиста серебра,
Вторы подсумки-то красна золота,
Третьи подсумки-то скачна жемчугу».
Взглянула Марья лебедь белая
Во тое во косевчато окошечко,
Испрого́ворит она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да ведь ляхетскии!
Приходит сюда мой прежной муж».
Наливала Марья чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Положила Марья зелья лютого,
Выходила она да на перёное * крылечико,

[1] **Щёточка** — здесь: щиколотка.

Испроговорит-то Марья таково слово:
«Ай же ты Михайла Потык сын Иванович!
Прости меня, дуру, жонку страмницу,—
Муж по дрова, жена замуж пошла.
Выпей-ко чарочку зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра».
Брал тут Михайла Потык сын Иванович,
Брал он чару единой рукой,
Выпивал он чару единым духом,
Свалился он на сыру землю да мертвыим.
Испроговорит Марья таково слово:
«Ай же ты красивыи король да ведь ляхетскии!
Ежели ты хочешь ведь-то мной владать,
Куда хочешь, туды его и подевай».
Испроговорит красивыи король да ведь ляхетскии:
«Муж твой и воля есть твоя».
Марья лебедь бела, королевична,
Приказыват его да ко стены прибить,
Колотила ему гвоздья железные
Во белы руки и в резвы ноги.
И пошла она тут во кузницу,
Хотела она сковать ему-то длинный гвоздь,
Заковать ему да во белую грудь.
У него-то свет в очах да намятушился *.
Была у этого у короля да у ляхетского
Единая дочь Настасья королевична,
Приходит она к этому богатырю,
Испроговорит она да таково слово:
«Ай же ты Михайло Потык сын Иванович!
Хочешь ли ты да на сём свете еще жив бывать?»
Испроговорит Михайла таково слово:
«Ай же ты Настасья королевична!
Хотелось бы мне да живу бывать».
Испроговорит она тут таково слово:
«Положим-ко мы с тобой ведь заповедь,—
Ежели возьмешь меня в замужество,
Еще будешь ты на сем свете жив бывать».
Полагает тут Михайло ведь заклятие.
Приказала она да своим слугам верныим,
Приказала она да со стены-то снять,
Приказала она да на место прибить татарина,
Татарина прибить поганого.
Отводила Михайлу во свою палату белокаменну,
Добывала она тут дохтуров
Излечить ему эти раны великие.

Проходило тому времечки шесть недель,
Заживали его раны великие.
«Ай же ты Настасья королевична!
Как бы повывели да моего добра коня,
Обседлана бы да обуздана».
Убирается Настасья в свое платье цветное,
Приходит она к своему да ведь родителю:
«Мне что-то во снях привиделось,
Как бы видеть-то Михайлина добра коня
Обседлана ведь и обуздана».
Не сменяет он да своей дочери,
Приказывает выводить коня да богатырского
К ей крыльцу да ко перёному.
Выскакивал Михайла со палаты белокаменной,—
Видли добра молодца на коня ведь сядучи,
Не видли добра молодца поедучи.
Уезжает Михайла во чисто поле,
Накопляет силу он по-прежному,
Приезжает он во ту землю ляхетскую,
Ко тыим палатам белокаменным.
Увидала Марья лебедь бела, королевична,
Со того-то со косевчата окошечка,
Наливала Марья зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Полагала туды зелья лютого,
Выходила она да на крылечко на перéное,
Испроговорит Марья таково слово:
«Ай же ты Михайла Потык сын Иванович!
Прости мня, дуру, жонку страмницу,—
Муж по дрова, жена заму́ж пошла.
Выпей-ко чару зелена вина,—
Твое дело есть дорожное,
Мое дело есть да подневольнее».
Берет он Михайла эту чару зелена вина.
Зелена вина да во праву́ руку.
Глядит в это косевчато окошечко
Молода Настасья королевична:
«Ай же ты Михайло Потык сын Иванович!
Погляди-тко ты на рученьку на правую,
Зглянь-ко ты на рученьку на левую».
Зглянул тут Михайла на рученьку на правую,
Зглянул тут Михайла на рученьку на левую,—
Увидел тут Михайла на своих руках,
Что были́ у него раны превеликие.
Спомнил тут он прежний завет-то свой,

Кидал он эту чару зелена вина,
Зелена вина да на сыру землю,
Хватал тут Марью лебедь белу, королевичну
Кидал он Марью о сыру землю.

ИВАН ГОДИНОВИЧ

Во том-то во городе во Киёве,
У ласкова князя Владимира
Завелся, завелся почестен пир.
А й вси на пиру наедалися,
А й вси на пиру напивалися,
А й вси на пиру порасхвасталися.
А й кто ведь хваста отцом, матушкой,
А иной ведь хваста молодой женой.
Испроговорит Владимир-князь стольне-
киевский:
«А й вси ль добры молодцы споженены,
Вси девушки замуж повыданы,
Один-то, един добрый молодец
Холост ходил, неженат гулял,—
Иванушко Годинович».
А й испроговорит Иванушко Годинович:
«А й свет государь ты мой дядюшка!
У меня есть невеста поприбрана,
Поприбрана невеста во Киёве,
Во Киеве невеста, во Чернигове,
У Митрея-князя богатого.
А й всим-то Настасьюшка добры́м-добра,—
Телом Настасья как снег бела,
Походочка у ёй ведь павлиная,
А й тихая речь лебединая,
А й брови ты у ёй черна соболя,
Глаза ты у ей ясна сокола,
А й личико у ей ведь маков цвет».
Испроговорит Владимир-князь стольнё-
киевский:
«Ай же ты Иванушко Годинович!
Чего ль тебе ведь всё надобно,—
Города ль тебе наб с пригородками,
Аль несчетной тебе надо золотой казны,
Аль силы войска тебе надо великого?»
Испроговорит Иванушко Годинович:
«Владимир-князь стольнё-киевский,

Свет-государь ты мой дядюшка!
Ничего ведь мне-ка не надобно,—
Не надо городов с пригородками,
Не надо силы войска великого,
Не надо несчетной золотой казны,
А й только дай-кось три молодца
что ни лучшиих,
Что ни лучшиих перебраныих:
Во-первых, старого казака Илью Муромца,
А й во-дру́гих, Исака Петровича,
А й во-третьих, Алешу Поповича».
А й видли добрых молодцов сядучи,
Не видли удалых поедучи,—
Во чисто́м поле курева стоит,
Курева стоит, пыль столбом валит.
Не путем-то едут, не дорогою,
Через башню едут треугольнюю,
Скакали кони через стену городовую,
Приезжали во тот ли во Чернигов-град,
Ко Митрею-князю богатому,
А й ко той ко полаты белокаменной,
А й ко тым крыльцам ко точёныим,
А й вязали добрых коней
Ко тым ко кольцам золочёныим,
А идут во полату белокаменну,
А й крест-от кладут по-писа́ному,
Поклон тот ведут по́-ученому.
«А й здравствуйте, вси купцы, вси бо́яра,
Вси сильни могучи богатыри!»
А й Митрею-князю со княгинею
В особину низко кланялись.
Говорит тут Митрей-князь богатыи:
«Чёго пришли, гостюшки небывалые,
Небывалые гости, неезжалые?
Садитесь-кось вы хлеба-соли покушати,
Белых лебедей все порушати».
Испроговорят добры молодцы:
«Митрей-князь богатыя!
Мы не хлеба-соли пришли кушати,
Не белы́х лебедей мы всё рушати,
Мы пришли-зашли об староем деле —
об сватовстве,
А й сватать Настасьи Митриёвичной
За того ль за Ивана Годино́вича».
Говорит тут Митрей-князь богатыя:

«Ай же вы добры молодцы!
За три годы Настасьюшка просватана
Во тую ль во землю во неверную,
За того ль царища за Кощерища».
Испроговорят добры молодцы:
«Митрей-князь богатыя!
Ты волей не дашь — мы боём возьмём»
Испроговорит Настасья Митриёвична:
«Свет государь ты мой батюшко,
Митрей-князь богатыя!
Я нейду ведь во землю во неверную,
За того ль за царища за Кощерища,
Я иду за Ивана Годиновича».
А й брали Настасью добры молодцы,
Иванушка Годинович
А й брал он ведь за белы руки,
За белы руки, злачены перстни,
А й водил ведь в церковь во божьюю,
А й садились в карету золоченую,
А й видли добрых молодцев сядучи,
Не видли удалых поедучи,
Во чистом поли одна пыль стоит.
На пути им попало три следочика,—
А й первый следочек лева́-зверя,
А й другой следочек лани белыя,
А й третий следочек черна соболя.
Говорит тут Иванушко Годинович:
«Старый казак Илья Муромец!
Поди-ткось ты за лево́м-зверём,
Достань-кось ты ведь лева́-зверя
А й дедушке всё ведь в подарочках.
А й Иса Петровинец!
Поди-тко за ланью за белыя,
Достань-кось ты ведь лани белыя,
А й дедушке всё ведь в подарочках.
Алеша Поповинец!
Поди-тко за черным за соболем,
Достань-кось ты черна соболя,
А й дедушке всё ведь в подарочках».
А й остался один добрый молодец
Иванушка ведь Годинович,
А й сам раскинул он бел шатер,
А й стал с Настасьей забавлятися.
Мало времечко миновалося,
А й едет царищо Кощерищо,

Кричит покриком богатырскиим,
Свистнул посвистом соловьиным,
А й сам на словах выговаривает:
«Ай же ты Иванушко Годинович!
Съешь мое мясо — подавишься».
Видит Иванушко, беда пришла,
Беда пришла неминучая,
Выскакивал из бела шатра
На тую ль на площадь дуброву зеленую,
Глядит-смотрит в сторону полуднённую —
А й едет царищо Кощерищо.
Куды падают копыта лошадиные,
Тут оставятся колодцы ключевой воды.
А Иванушко Годинович
Выскакивал он на добра коня,
А й взял сбрую всю богатырскую.
Не две горушки вместо столкнулось,
Два бога́тыря вместо съехалось.
А й помахнулись в палицы булатние,
А й палицы во ци́вьях * пригибалися,
Пригибалися, переломалися,
А й друг друга до́ крови не ранили.
Помахнулись во сабли во вострые,
Востры́ сабли́ прищербилися,
Прищербилися, пополам переломалися,
А й друг друга до крови не ранили.
Помахнулись во копья во вострые,
Востры́ копья притупилися,
А й друг друга до крови не ранили.
Выскакивали ведь с добрых коней
На тую ль на площадь дуброву зеленую,
А й схаживаются на рукопашный бой.
Иванушко Годинович
А й взял-то татарина за шиворот,
А й поло́жил-то своей ведь право́й ногой
Татарина по левой ноги,
А й бросал-то его о сыру землю,
А й сел ёму на груди на белые,
А й на белые на груди на царские,
На царские груди татарские,
А й сам го́ворит таково слово:
«Ай же ты Настасья Митриёвична!
Подай ножичищо-кинжалищо
Вырвать сердце со печенью татарскоё,
Татарскоё сердце царскоё,

Добрым людюшкам на сгляжение,
А й старым старухам на роптаниё,
Черным воронам всё на грайньё,
А й серы́м волкам всё на военьё.
Говорит тут царищо Кощерищо:
«Ай же ты Настасья Митриёвична!
Не подай пожичища-кинжалища, —
Как за им ведь будешь жить,
Будешь слыть бабой простомывныя,
Будешь старому, малому кланяться;
А й за мной ведь будешь жить, —
Будешь слыть царицей вековечноёй,
Будет старый ведь, малый те кланяться».
А й у бабы волос долог, ум короток,
Выскакиваё Настасья из бела шатра,
А й хватае Иванушка Годино́вича за желты кудри,
А й сбивает Иванушко Годино́вича о сыру землю
А й привязали Иванушко Годиновича
Ко тому ли его ко сыру дубу,
А й той ли его всё кувыль-травой,
А й сами свалились во бел шатер.
Мало времечко миновалося,
Прилетело три сизых, три малых три голуба,
А й друг промеж другом спрогуркнули:
«За что эта головушка привязана,
Привязана головушка, прикована?
Ради девки, ради б...., ради сводницы,
Ради сводницы, всё душегубницы».
Эта речь-то татарину не влюбилася,
Выскакивает татарин из бела шатра,
Вытягивае у Ивана Годино́вича
С колчана у его как ведь ту́гой лук,
А й берет у его калену стрелу,
А й тугой лук он натягиват,
Калену стрелу всё направливат,
А й хочет стре́лить сизыих малыих голубов.
Иванушко Годинович
У сыра дуба приговариват:
«Уж ты батюшко мой ту́гой лук,
Уж ты матушка калена стрела!
Не пади-ко, стрела, ты ни на воду,
Не пади-ко, стрела, ты ни на гору,
Не пади-ко, стрела, ты ни в сы́рой дуб,

Не стрели сизыих малыих голубов,—
Обвернись, стрела, в груди татарские,
В татарские груди во царские,
А й вырви-ко сердце со печенью
Добрым людюшкам на сгляжениё,
А й старым старухам на роптаниё,
Черным воронам всё на граяньё,
А й серы́м волкам всё на военьё».
А й не пала стрела ведь ни на́ воду,
А й не пала стрела ведь ни на́ гору,
А й не пала стрела ведь ни в сырой дуб,
Не стрелила сизыих малыих голубов,—
Обвернулась стрела в груди татарские,
А й в татарские груди во царские,
А й вырвала сердце со печенью
Добрым людюшкам на сгляжениё,
А й старым старухам на роптаниё,
Черным воронам всё на граяньё,
А й серы́м волкам всё на военьё.
А й тут-то Настасьюшко заплакала:
«Я от бережка откачнулася,
Я ко дру́гому не прикачнулася».
Испроговорит Иванушко Годинович:
«Отвяжи-ко, Настасья Митриёвична,
От того ли меня от сыра дуба».
Говорит Настасья таково слово:
«Ай же ты Иванушко Годинович!
Отвязала бы я тя от сыра дуба,—
А й будешь ты меня ведь всё бити-мучити»
Говорит тут Иванушко Годинович:
«Ай же ты Настасья Митриёвична!
Я не буду тебя бити-мучити,
Только дам три науки молодецкиих,
Молодецкиих науки княженецкиих».
Эта речь-то Настасье не влюбилася,
А й выскакиваёт из бела шатра,
А й на тую ль на площадь доброву зеленую,
А й берет в руки́ саблю вострую,
А й замах держит на Иванушко Годино́вича,
А й хоче у него отсечь прочь буйну голову.
А й богатырское сердце разгорелося,
Сходился Иванушко у сыра дуба,—
Сырой дуб к зени́ приклоняется,
Сам весь в штильцы прищербается.
Отходил Иванушко Годинович

На свою волю от сыра дуба,
А й хватае Настасьюшку за желту косу,
Сбивае Настасью о сыру землю,
Отсек у ней губы ведь как с носом прочь:
«Этых мест мне не надобно,—
Этыма местамы несчастливым целовалася».
Копал[1] глаза со косицами *:
«Этых мест мне не надобно,—
Этыма местамы несчастливым смотрелася».
Отсек у ей руки по локо́там прочь:
«Этых мест мне не надобно,—
Этыма местамы несчастливым обнималася».
Отсек у ей ноги по коленам прочь:
«Этых мест мне не надобно,—
Этыма местамы несчастливым заплеталася».
А й только Иванушка женат бывал,
А й женат бывал, он с женой сыпа́л.
А й скоро женился, да не с кем спать.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Лесы темные, подходили леса ко городу
Смоленскому,
Горы ты высокие Сорочинские;
Чисты поля подходили ко городу ко Обскому,
Мхи да болота по Белу-озеру,
Реки-озера по синю морю.
Была как тут матушка Волга-река,
Широка и долга она,
Прошла она мимо Казань, Рязань и мимо
Астрахань,
Выпадала она устьем во сине море,
В море синее во Турецкое.
С-за того ли моря, моря с-за Турецкого,
С-под того ли-то дуба, дуба сы́рого,
Из-под того ли-то вяза, вяза черного,
Из-под той-то было березы кудреватыя,
Из-под того креста Леванидова,
Из-за того ли было острова Кодольского,
Той-то земли Веденецкия,
Плыло-выплывало три ка́рабля,

[1] Копать — вырывать.

Три кáрабля да три черные.
Всем кáрабли изокрашены:
Нос да корма по-звериному была,
А бока те были по-туриному;
Якори, кодолы * все серебряные,
Тонкие паруса дорогой камки,
Дорогой камочки кручатыя;
Еще было на кáраблях черненых
Вместо рук было белое повешено —
По дорогу по заюшку заморскому;
Вместо личика повешено
По дорогой лисицы по заморския;
Вместо очей было врощено
По дорогу по соколу заморскому пролётному;
Вместо бров было повешено
По дорогу по соболю заморскому;
Вместо лба было врощено
По дорогу камешечку самоцветному;
Вместо кудрей было повешено
По дорогу бобру по заморскому.
Еще было на кáрабле черненыем —
Поделаны чердачки помуравлены;
В чердачках были беседочки сидельные,
Обиты были лисицами, куницами заморскими
И черными соболями заморскими.
На этих беседочках сидельных
Сидел тут млад Соловей,
Млад Соловей сын Будимирович;
По правую по рученьку сидела
Свет его государыни матушка,
Честна вдова Ульяна Григорьевна;
А по левую по рученьку сидела
Дружина его хоробрая,
Триста молодцев со единыим, —
Молодец да молодца лучше,
Молодцы все переборные *.
У всей дружины хоробрыя
На ножках сапожки зелен сафьян,
Пряжечки серебряны на тех гвоздочках позолоченных,
Около пяты да воробей летит,
Около носа яицом катить.
У всех надето платье скурлат-сукна *,
На головах шапочки черно-мурманки.
Идут-бежат эти кораблички

Ко стольному городу ко Киеву,
Ко солнышку князю Владимиру.
Говорил как млад удалой Соловей
Своей дружине хоробрыя:
«Ай же вы дружина хоробрая!
Вы делайте дело повеленое,
Вы слушайте большого атамана —
Берите-ка щупалы железные,
Вы железные да долгомерные,
Щупайте во славном во синем мори́,
Во мори да во Турецкоем,
Нет ли злата, либо се́ребра,
Либо мелкого скачного жемчуга».
Тут поскочила дружина хоробрая,
Поскочила на резвы ноги,
Как брали они щупала железные,
Железные да долгомерные,
Щупали во славноем во синем мори́,
Во мори́ во Турецкоем,
Не могли они нащупать ни золота, ни серебра,
Ни мелкого скачного жемчуга.
Опять как говорил млад Соловей
Своей дружине хоробрыя:
«Ай же вы дружина хоробрая!
Вы делайте дело повеленое,
Вы слушайтесь большого атамана —
Вы берите трубочки подзорные,
Вы ставайте на реи да на верхние,
Глядите-тко на славный на город на́ Киев,
Далеко ли стоит славный город Киев».
Тут дружина хоробрая
Брали трубочки подзорные,
Выставали на реи да верхние,
Глядели на славный на стольный на город на́ Киев,
Говорят сами таковы слова:
«Ай же ты млад Соловей сын Будимирович!
Недалеко стоит славный город Киев».
Как подъехали ко городу ко Киеву,
Становили свои черные ка́рабли
Во пристань во купеческу.
Говорил как млад Соловей
Своей дружинушке хоробрыя:
«Ай же вы дружина хоробрая!
Делайте дело повеленое,

Слушайте большого атамана —
Берите-тко золоты ключи,
Отмыкайте кованы лачи *,
Насыпайте-тко первую мису красного золота,
Насыпайте другую чистого серебра,
Насыпайте третью мелкого и крупного скачного
жемчуга,
Берите-ка сорок сороков — сорок черных соболей,
Куниц да лисиц — да и счету нет,
Гусей-лебедей — да и сметы нет;
Мечите-ко три сходенки на крут крежок —
Первую сходенку красного золота,
Другую сходенку чистого серебра,
Третью сходенку медную».
По той как по сходенке красного золота
Выходил как млад да удал Соловей,
Удал Соловей сын Будимирович;
По той как по сходенке чистого серебра
Выходила его свет государыня-матушка,
Честна вдова Ульяна Григорьевна;
По той как по сходенке по медныя
Выходила его вся дружина хоробрая.
Пошли они по славному по городу по Киеву,
Идут они к солнышку князю Владимиру на широк
двор,
На широк двор да княженецкиий;
Как оставил одну половину на том дворе
княженецкоем,
Со другой пошел в его палаты белокаменны.
Приходил как в палаты белокаменны,
Крест-то сполна кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Как клонится на все четыре стороны,
Солнышку князю с княгиней Апраксией в особину,
Молодой Любавы Путятичной в особину,
Прочим всем князям, генералам в особину.
Дарил как он солнышку князю мису красного
золота,
Дарил княгиню Апраксию мису чистого серебра,
Дарил молодой Любавы Путятичной
Мелкого и крупного скачного жемчуга,
Дарил он вместях камочку кручатую,
Которая камочка в красном золоте не́ гнется,
В чистом серебре не ломится;
Не дорого на ней красное золото да чистое серебро,

Столь дорого на ней — манеры, узоры заморские·
Нет таковых во Киеве и не водится.
Дарил прочих князей да бояринов
Он лисицами да куницами заморскими,
Черными соболями да заморскими,
Гусями-лебедями заморскими.
Говорил как солнышко Владимир-князь:
«Ай же ты удалый добрый молодец!
Не знаю я, ты с коей земли, ты с коей орды,
Коего отца, какой матушки,
Как тебя, молодца, именем зовут?
За твои-то за дороги подарочки
Чем, не знаю, тебя жаловать?»
Тут говорил млад Соловей таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владимир-князь,
Владимир-князь стольно-киевский!
Я из той земли, из богатой орды,
Я из-за славного из-за синя моря,
Того ли я острова Кодольского,
Той земли Веденецкия,—
Есть млад Соловей сын Будимирович,
Приехал я к вашему ко городу ко Киеву.
Ай же ты солнышко Владимир-князь!
Дай-ка ты мне местечка немножечко
Состроить три терема златоверхие».
Говорил как солнышко Владимир-князь:
«Ай же ты млад Соловей сын Будимирович!
За твои за дороги подарочки
Одно место — позади меня,
Друго место — впереди меня,
Третье место — возле меня,
А четвертое место — где тебе хочется;
Что ты знашь, то и выстраивай».
Как тут млад Соловей сын Будимирович
Пошел вон с палат белокаменных,
Приходил как он на широк двор,
Потом шел на те черные на ка́рабли,
Сам говорил таковы слова
Своей дружине хороброй-то:
«Ай же вы дружина хоробрая!
Делай дело повеленое,
Слушайте большого атамана —
Разувайте сапожки зелен сафьян,
Обувайте сапожки рабочие,
Скидывайте платья скурлат-сукна,

Надевайте кожаны лосиные,
Вы снимайте шапки черно-мурманки,
Надевайте шапки рабочие,
Берите топорики булатные,
Бежите на тую на горку на Конную,
Во тот ли сад во Путятичной,
Где пироги пекут, блины продают,
Где маленьки ребятки барышничают.
Колоды-пенье вы повырубите,
На все стороны вы повыбросайте,
К утру, к свету сделайте
Три терема златоверчатые *,
Состройте со сенями со нарядными:
Первые сенички решетчатые,
Другие сенички стекольчатые,
Третьи сенички красного золота;
Около сделайте булатный тын,
По середочке сделайте гостиный двор, —
Чтобы к утру, к свету нам жить перейтить».
Тут они скидывали сапожки зелен сафьян,
Одевали сапожки рабочие,
Скидывали платья скурлат-сукна,
Надевали кожаны лосиные,
Вынимали они шапки черно-мурманки,
Надевали шапки рабочие,
Брали топорики булатные,
Бежали на ту на гору на Конную,
Во тот ли сад во Путятичной,
Где пироги пекут, блины продают,
Где маленьки ребятишки барышничают.
Они колоды-пенье все повырубили,
На все они стороны повыбросали.
К утру-свету сделали три терема златоверхие,
Сострoили со сенями со нарядами:
Первые сенички решетчатые,
Другие сенички стекольные,
Третьи сенички красного золота;
Около сделали булатный тын,
По середочке сделали гостиный двор.
По утру по раннему вставала молодая Путятична,
Глядела в окошко косивчатое
На свою на горку на Конную,
Сама так тому чуду счудовалася:
«Что вечо́р было на горке пусты́м-пусто́,
Ныне на горке густы́м-густо́».

Как одевала одни тоненьки чулочки без чоботов,
Надевала один дорогой накидничок,
Подвязалася она платком шелковым,
Брала она свою любезную подручницу,
Бежала она на тую на горку на Конную,
В свой ли во сад во любезныи.
Как у первого терема послухала,
У тех сúничек решетчатых,—
Там шепотком говорят, богу молятся,
Богу молится Соловьина да матушка;
У другого у терема послухала,
У тех синичек у стекольчатых,—
Там с конца бренчат золоту казну,
Считывают золоту казну Соловьиную;
У третьего терема послухала,
У тех-то синичек позолоченных,—
Там идут забавы-утехи все великие.
Как она заходила в тот терем златоверхие,—
Ай же, тут в углу говорят, в другом гомотят,
На середке идут утехи-забавы великие.
Так она не малтала[1] господу богу помолитися,
На все стороны поклонитися:
У ней как с ... прошло и в голенище протекло.
Как тут увидел млад Соловей сын Будимирович,
Увидел Любаву Путятичну,
Поддергивал как ей золот стул:
«Садись-ка, молода Любава Путятична,
Садись-ка на золот стул».
Как она садилась на золот стул,
Как сама говорит таковы слова:
«Ай же млад Соловей сын Будимирович!
Женат ли ты или холост есть?
Возьми ты меня во замужество».
Как тут говорил млад Соловей таковы слова:
«Ай же молодая Любава Путятична!
Взял бы тебя, Любава, во замужество,
Всем ты, Любава, во любовь пришла,—
Однем ты, Любава, не в любовь пришла:
Сама себя, Любавушка, просватываешь».
Тут-то Любавушке стыдно стало,
Вставала она да на резвы ноги,
Господу богу не молилась,
Им, молодцам, не клонилась,

[1] Малтать — здесь: догадаться, сообразить.

Взад с терема поворотилась,
Пошла как в свои палаты белокаменные.
Тут как млад Соловей сын Будимирович
Пошел как ко солнышку князю Владимиру,
Приходил ко князю Владимиру,
Крест кладал по-писаному,
Поклоны вел по-ученому,
Кланялся на все четыре стороны,
Князю с княгиней Апраксией в особину,
Молодой Любавы Путятичной в особину,
Сам он садился на ременчат стул,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владимир-князь!
Я приехал к вам о добром деле — о сватовстве
На молодой Любавы Путятичной».
Говорит как солнышко Владимир-князь:
«Ай же молодой Соловей сын Будимирович!
Всем ли тебе Любава во любовь пришла?»
Говорил млад Соловей таковы слова:
«Всем мне Любава во любовь пришла,
А одним-то Любава не в любовь пришла,—
Что сама себя Любавушка просватывала».
Столько у них было и сватовства.
Тут честным пирком да свадебку,
Пошел у них столованье-почестный пир.
Тут как солнышко Владимир-князь
Ради любезныя племянницы,
Молодой Любавы Путятичной,
Забирал столованье-почестный пир,
Многих князей да бояринов, сенаторов думных,
Вельмож, купцов богатых, поляниц удалых,
Росейских могучих богатырей,
Как тут сбирал да почестный пир.
Как пошел столованье-почестный пир,
Все на пиру напивалися,
Все на почестном наедалися,
Все похвальбами похвалялися,
Кто чем хвастает, кто чем да похваляется:
Инный хвастает несчетной золотой казной,
Иной хвастат силой-удачей молодецкою,
Иной хвастат добрым конем,
Иной хвастат славным отечеством,
Иной хвастат молодым молодечеством,
Умный-разумный старым батюшком,
Старым батюшком и старой матушкой,

Безумный дурак хвастат молодой женой.
Тут-то млад Соловей сын Будимирович
Не венчался во славном во городе во Киеве,
Поехал в свою землю Веденецкую,
На тех-то на черных на ка́раблях.
Провожал его солнышко Владимир-князь,
Надарил его красным золотом, чистым серебром,
Мелким скачным жемчугом.
Дунай, Дунай,
Боле век не знай!

ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН

Во славном городе было во Киеве,
У славного у князя у Владимира
Заводился-поводился почёстный пир.
Все на пиру к князю собиралися, —
Купцы именитые, гости торговые,
И все были они на пиру пьяные все,
И все они напивалися, наедалися и порасхвастались:
Умный похвастал матерью,
А безумный похвастал молодой жоной,
А иной похвастал золотой казной,
Иной похвастал имением-богатесью,
А Иван Гостиный сын похвастал он добры́м конем.
А князь Владимир это слово выслушал,
Подходил к Ивану к столу дубовому,
Говорил он Ивану таковы слова:
«Ах Иван, Иван Гостиный сын!
Ай неу́жели нет таковых коней,
Как у тебя-то есть
Э да маленький Бурушко косматенький?
Да у меня-то есть да три ко́ня-то добрые —
Сив Воронко, Полонко, да Сивогрив жеребец:
Воронко стоит на шести розвезя́х,
А Полонко стоит на девяти розвезя́х,
А Сивогрив жеребец на двенадцати.
Э да неужели ты со мной ударишь во велик заклад
Да ехать там от Киёва до Чернигова
Меж обедней, заутренёй благовещенской
Три девяноста мерных ве́рст,
Да ту съездить, назад воро́титься».

А Гостиный сын да он разума прохлупался,
Да во пьяном виде даже со князем Владимиром
Да и ударил во велик заклад,
Да прозакладывал с плеч да буйну голову,
А князь Владимир прозакладывал да три шубы соболиные,
Да три погреба с золотой казной —
Да им ехать от Киёва до Чернигова
Да три да девяноста мерных верст
Меж обедней да заутреней да благовещенской.
А и все-то с пиру пьяны-веселы
Все они да разъезжалися,
Все они да расходилися,
Да и шел Иван Гостиный сын
Пьян, не весел, не радошен,
Да повесил буйну голову да ниже могучих плеч.
Да стретала его да ро́дна матушка:
«Ах ты чадо, чадо мое милое Иван Гостиный сын!
Да что идешь с пиру не весел, не радошен,
Да понизил свою буйну голову ниже могучих плеч?
Что тебя пьяница обесчестила,
Или собаки тя облаяли,
Али чёрны вороны тя обграяли,
Али чара вина не рядо́м дошла?»
Говорил Иван да ро́дной матушке:
«Ах ты ро́дна, ро́дна ты моя матушка!
Да мне чара рядо́м дошла,
Да и пьяница да не обесчестила,
А и собаки те да не облаяли,
А и черны вороны меня да не обграяли,—
А я разумом прохлупался
И ударил с князем со Владимиром да во велик заклад,
И прозакладал я со плеч буйну́ главу́:
Да нам ехать с ним от Киёва до Чернигова
Да три да девяноста мерных верст на добры́х коням.
Я не знаю, есть ли у нас маленький Бурушко косматенький,—
Я слыхал,— ро́дна батюшка».
Говорила ему ро́дна матушка:
«Ах ты чадо, чадо мое милоё Иван Гостиный сын!
Не тоскуй-ко ты, не печалься-ко,
А вставай-ко утром ранёшенько,
Умывайся ты белы́м-белёшенько,

Утирайся ты ведь сухо весь су́шенько,
Да бери-ко ты узду тесмяную,
Да иди на конюшни стоялые,
Да сбирай себе да добра́ коня».
А Иван Гостиный сын на слова-то родной матушки
И был ён весел и ра́дошон,
Не стал кручиниться да печалиться,
А выстал он раны́м-ранёшенько,
А умылся он белы́м-белёшенько,
И утирался он ведь весь сушошенько,
Помолился он свя́ту образу,
Выходил он на чистый двор,
Заходил он на конюшни стоялые,
Зашел он на перву конюшню стоялую,—
Да полным-полно́ конюшня стоялая добры́х коней.
Как он рыкнул, рыкнул по-звериному,
Да свистнул он по-соловьиному,—
А все кони пали со своих ног:
Нету туто Ивану ведь добра́ коня.
Закручинился Иван да запечалился,
Приходил Иван на другу конюшню стоялую,—
И друга конюшня стоялая
И стоит коней полны́м-полна́.
Как он рыкнул по-звериному,
А и свистнул он по-соловьиному,—
И все кони увалились с резвых ног:
Да и тут нету Ивану добра́ коня.
Закручинился Иван, запечалился.
Еще одна у него конюшня добры́х коней,
И приходит Иван на третью конюшню стоялую.
Как зашел на третьё конюшню стоялую,—
Только стоит кобылица-латы́ница
Да и с маленьким жеребеночком.
Как он рыкнул по-звериному,
А и свистнул по-соловьиному,—
А кобылица-латыни́ца увалилась она да со резвых ног,
А и маленький Бурушка косматенький
Только ушком повел.
Приходил Иван Гостиный сын
Да и к маленькому Бурушке косматому,
Увалился он да во резвы́ ноги́,
Ах да говорил он да таковы слова:
«Ах ты маленький Бурушко косматенький!
Ты служил да моему-то да ро́дну батюшку,

А вынимал из дел закладнии,
Уносил от смерти ты от скории,
Э послужи ты мне да ты верой-правдою.
Я с глупа разума да ведь прохлупался:
Да я был-то у князя Владимира да на честном пиру,
Да упился напитками медвяными,
Напивался да наедался пьян да весел-радошон,
Да ударил я да во велик заклад —
Прозакладал я с плеч буйну́ главу
Да нам ехать с ним на добры́х конях
Меж обедней и заутренёй да благовещенской
От Киёва да до Чернигова
Три да девяноста ведь мерных верст».
А маленький Бурушко косматенький
Да провещался, провещался разговором человеческим,
Говорил Ивану-то таковы слова:
«Ох Иван, Иван ты Гостиный сын!
Я служил-то твоему да родну батюшку,
Да служил ему да верой-правдою,
Он питал меня сыто́й мёдо́й медвеныя,
Да пшоном-то он белоярыя,
Да я стоял-то у его на белы́х полстя́х,—
А у тебя-то ем всё да болотину,
А пью-то ту воду со ржавчиной,
А стою-то у тебя по колен в назьму,
А с чего мне служить тебе, добру́ коню?»
А Иван Гостиный сын не стават у коня из резвыих ног:
«А ох ты маленький Бурушко косматенький!
Виноват я был пред тобой да был хозяин ведь,
Не держал тебя на белы́х полстя́х.
Послужи-ко мне ведь, как батюшку,
Да и вынь меня из дела закладнего,
Да не дай ты мне смерти напрасные».
А маленький Бурушко косматенький
Провещался язы́ком человеческим:
«Ох Иван, Иван да ты Гостиный сын!
Да иди ты себе на град-то ведь,
Да купи ты мне пшена белоярова,
Да сытой мёды́ да медвяныи,
Да посей пшены белоярыи,
Да напой коня, да накорми коня,
Да и вы́купай меня да в трех росах,

Да тогда веди к великому князю Владимиру
Да и ехать в дело, да в дело закладнее
Да от Киёва да до Чернигова
Да и три девяноста мерных верст».
А ставал Иван Гостиный сын от добра́ коня,
Шел, набрал он пшена белоярова,
Да сытой мёды́ медвяныи,
И набрал он белы́х полсте́й,
Накормил коня и напоил коня,
Становил его да на белы́ полсти́.
И да пришло число вести его
К великому князю Владимиру,
И умывался он белы́м-белёшенько,
Да утирался он ведь су́шенько,
Да помолился он спасу, пречистой богородице,
Одел он шубы соболиные,—
Не тем-то соболем шубы пушены,
Который ходил по сырой земле,
А тем-то шубы пушены,
Который живет да во синём море́,
И пьё и ест из синя́ моря́.
И прибрал Иван к себе Потанюшку малохромина,
Да Микиту он ведь Гостиного,—
А дружины были они хоробрые,—
Взял Иван Гостиный сын в запас к себе,
Поехал ко князю Владимиру,
Чтобы выслободить от смертей напрасные.
И взял он Бурушку на узду тесмяную,
Не садился он да верхом его,
А обуздал он коня, наложил на коня
Седло черкасское да плетку ременную,
А повел коня он по граду пешком,
А конь на узде-то поскакиват,
А поскакиват да конь, поигрыват,
Да хватат Ивана за шубу соболиную,
Да и рвё он шубы соболиные
Да он по целому по соболю,
Да бросат на прешипе́кт.
И гости торговые и купцы именитые
Да и смо́тря на Гостина сына
И говоря́ ему да таковы слова:
«Ох Иван, Иван да ты Гостиный сын!
Да зачем коню даешь шубу соболиную?
Эту шубу подарил бы князю Владимиру,
Он бы тя из вины простил».

А Иван Гостиный сын да говорил в ответ:
«Ох вы гости, гости вы торговые,
Да купцы-то вы да именитые!
А живá голова — да надо жúвота,
А отжила — ничто не надобно».
Приводил Иван добрá коня
Да он к терему да златоверхому,
Да и к князю он да ко Владимиру,
Становил его да у стены его,
Заходил он в палату белокаменну,
Крест ведет по-писáному,
Говорил он таковы слова,
На все стороны поклонился им:
«Ох ты князь, князь Владимир ведь!
Пришло время нам да обряжатися
Да и ехать нам от Киёва до Чернигова,
Нам и путь-дорога будет дальняя,
А дело-то у нас есть закладнее».
А князь Владимир-от
Походил к окну тут косерчату *,
Посмотрел да на его да добрá коня,—
Стоит маленький Бурушко ухрюватенький.
Говорил он таковы слова:
«Ох Иван, Иван Гостиный сын!
Да на ком ты хошь путь-то ехати,
На чёрте ехати, али чёртом правити?
У мя есть-то, есть три-то жеребца-то
стоялыи —
Воронко, Полонко да Сивогрив жеребец:
Воронко-то держат да шесть-то конюхóв,
Полонко-то держат да девять конюхóв,
А Сивá-то жеребца двенадцать конюхóв
На двенадцати рóзвезях удерживают».
А Иван Гостиный сын
Говорил он князю таковы слова:
«Ох ты князь Владимир ты!
Укажи-ко ты на добры́х коней.
Не суди ты маленькому Бурушку косматому,
Не выражай слов несчастныих,
Покажи ты мне да ведь добры́х коней,
Да и выйди ты да ко добрý коню».
Князь Владимир-от нарядил слуг он верныих,
Взяли жеребцов на рóзвези,
Выводили ко добрý коню:
Воронка ведут на шести розвезя́х,

Полонка ведут на девяти розвезя́х,
Сивогрива жеребца да на двенадцати едва
удерживают.
Как и вывели конюхи добры́х коней,
А увидел Бурушко косматенький,—
Засверкали его глаза серые,
Заходили его уши те резвые,
Как он рыкнул по-звериному,
А и свистнул он по-соловьиному,
Да и вылетел в полтерема да златоверхого,
Как ударил он о сыру землю́,
А сыра земля покулубалася,
А и море-вода разбежалася,
А Воронко за́ реку ускочил,
А Полонко концом ушел,
А Сивогрив жеребец исплечи́лся [1] стоит,—
А не на ком князю ко́нем ехати.
Князь Владимир-от говорил он ведь-от да таковы
слова:
«Ох Иван, Иван Гостиный сын!
Зайдем мы во теремы златоверхие
Посоветовать совет нам хорошие».
Как зашли во терем златоверхие,
И выговариват Ивану таковы слова:
«Ох Иван, Иван Гостиный сын!
Ты продай-ко мне добра́ коня,
Маленького да Бурушка косматого».
Да Иван Гостиный сын
Говорил он князю таковы слова:
«Ох ты князь Владимир ведь!
Я не хочу злата взять за добра́ коня,
Ежли желаешь, даром ти отдам».
Как услышал Бурушко косматенький таковы
слова,
Как он рыкнул по-змеиному,
Ай свистнул он по-соловьиному,
Да и вылетел в полтерема да златоверхого,
Да ударил ён о сыру землю́,—
И мать сыра земля покулубалася,
А напитки на столах расплескалися,
Князь Владимир догадался ведь,
Князь Владимир выговаривал таковы слова:
«Я прошу тебя, Иван Гостиный сын,

[1] Исплечиться — искривиться.

Спусти коня да куда надоть тебе,
А я в деле с тобой да рассчитаюся —
Дам три шубы соболиные,
Дам три погреба да золотой казны.
Выводи-ко ты добра́ коня,
А то нам он смерть предаст».
А Иван Гостиный сын
Написал своей рукой письмо своей матушке,
Приложил к седёлку черкасскому,
Привязал ён плетку ремённую
И направлял к своей да к ро́дной матушке.
Полетел сам конь к ро́дной матушке.
Ен остался у князя Владимира,
А говорил он князю-то таковы слова:
«Ох ты князь да ведь Владимир!
Ты дай мне шубы соболиные,
А не надо мне три погреба золотой казны,
Мне одеть гостей да храбрых всё —
Потаньку малохромина,
Потаньку малохромина да Микиту Гостина сына.
Отвори по всей твоей области домы питейные,
Чтобы старый и малый пили своей рукой
И женский пол кому надобно,
И знали бы все, что был у нас велик заклад».

СТАВЁР ГОДИНОВИЧ

Во стольном было городе во Киеве,
Да у ласкова князя Владимира,
Было пированьицо — почестный пир
А на многих князей да на бо́яров,
Да на всех тых го́стей званых браныих,
Званых браных го́стей, приходящих.
Вси-то на пиру да наедалися,
Вси-то на честно́м да напивалися,
Вси на пиру да порасхвастались.
Иный хвалится есть мо́лодец добры́м конем,
Иный хвастает да шелковы́м портом,
Иный хвалит села со приселками,
Иный хвалит города да с пригородками,
Богатый хвастат золотой казной,
Умный хвастат ро́дной матушкой,
А безумный хвалится молодой женой.

Говорил Владимир стольнё-киевский:
«Ах ты эй Ставёр да сын Годинович!
Приехал ты из зе́мли ляховицкия,
Ты сам сидишь, да ты не хвастаешь.
Аль нету у тебя да золотой казны,
Аль нету у тебя да добрых ко́моней *,
Аль нету сел со приселками,
Аль нету городов да с пригородками?
Аль не славна твоя да ро́дна матушка,
Аль не хороша твоя да молода жена?»
Говорит Ставёр да сын Годинович:
«Хоть есть у меня да золотой казны,
Золота казна у мо́лодца не то́щится,—
И то мне мо́лодцу не по́хвальба;
Хоть есть у меня да добрых комоней,
Добры комони стоят да все не ездятся,—
И то мне молодцу не по́хвальба;
Хоть есть города и с пригородками,—
И то мне молодцу не по́хвальба;
Хоть есть и село́в да со приселками,—
И то мне молодцу не по́хвальба;
Да хоть славна та моя ро́дна матушка,—
Так и то мне молодцу не по́хвальба;
Хоть и хороша моя да молода жена,—
Так и то мне молодцу не по́хвальба:
Вас, князей, бояр, она повыманит,
Тебя, солнышко Владимира, с ума сведет».
Тут все на пиру и призамолкнули.
Испрого́ворит Владимир стольнё-киевский:
«Мы засадим-ко Ставра во по́греба глубокие,—
Да пущай Ставрова молода жена
А Ставра она из погреба повыручит,
Вас, князей, бояр, да всех повыманит,
А меня, Владимира, с ума сведет».
Посадил Ставра во по́греба глубокие.
А был у Ставра тут свой человек,
Он садился на Ставрова на добра коня,
Уезжал во землю ляховицкую,
К молодой Василисты ко Никуличной.
«Ах ты эй Василиста дочь Никулична!
Ты сидишь да пьешь да забавляешься,
Над собой незгодушки не ведаешь,—
Как твой молодой Ставёр да сын Годинович
Как посажен он во по́греба глубокие,
Что похвастал он тобой да молодой женой,

Что князей, бояр ты всех повыманишь,
Его, солнышка Владимира, с ума сведешь».
Говорит Василиста дочь Микулична:
«Мне-ка деньгами выкупать Ставра —
не выкупить,
Если силой выручать Ставра — не выручить,
Я могу ли, нет, Ставра повыручить
А своёй догадочкою женскою».
Скорешенько бежала она к фершелам,
Подрубила волосы по-молодецкии,
Накрутилася Васильем Никуличем,
Брала дружинушки хоробрыя —
Сорок молодцов удалых стрельцов
И сорок молодцов удалых борцов,
Поехала коо́ граду ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Не доедучи доо́ града до Киева,
Пораздернула она хо́рош бел шатер,
Да й оставила дружину у бела́ шатра,
Сама поехала коо́ граду ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Приходит во палаты белокаменны,
Она крест кладет да по-писаному,
Поклон ведет да по-ученому,
Она бьет челом да поклоняется
На вси три, четыре на стороны,
Солнышку Владимиру в особину:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольнё-
киевский!
С молодой княгиней со Опраксией!» —
«Ты откуда есть, удалый добрый молодец,
Ты кое́й орды, ты кое́й земли,
Как тебя именём зовут,
Нарекают тебя по отечеству?»
Говорит удалый добрый молодец:
«Что я есть из зе́мли ляховицкия,
Того ко́роля сын ляховицкого,
Молодой Василий да Микулич-де.
Я приехал к вам о добром деле — о сва́товстве
На твоей любимоей на дочери.
Что же ты со мною будешь делати?»
Говорил Владимир стольне-киевский:
«Я схожу со дочерью подумаю».
Приходит-то ко дочери возлюбленной,
Сам говорил да таково слово:

«Ах ты эй же дочь моя возлюблена!
Приехал есть посол земли ляховицкия,
Того короля сын ляховицкого,
Молодой Василий сын Микулич-де,
Он об добром деле — да об сва́товстве
На тебе, любимоей на дочери.
Что же мне с послом-то будет делати?»
Говорит-ко дочь ему возлюблена:
«Ты эй государь мой родной батюшка!
Что у тебя теперь на разуме?
Отдаваць девчину сам за женщину:
Ричь-поговоры всё по-женскому,
Пельки * мяконьки всё по-женскому,
Перецки * тоненьки все по-женскому,
Где жуко́винья * ты были, да то место знать».
Говорил Владимир стольнё-киевский:
«Я схожу посла да поотведаю».
Приходит он к послу земли да ляховицкии,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй посол земли ляховицкии,
Молодой Василий да Микулич-де!
Не угодно ли с пути да со дороженки
Сходить теби во парную во баенку?»
Говорил Василий да Микулич-де:
«И это с дороги да не худо бы».
Стопили ему парную-то баенку,
Попросили как во парную во баенку,
Он пошел во парную во баенку,
Но покудова Владимир снаряжается,
А посол той порой во баенке попарился,
Из байни-то идет, ему и честь отдает:
«Благодарствуешь на парной на баенке».
Говорил Владимир стольнё-киевский:
«Ты же ме́не в баенке не по́дождал,—
Я бы в баенку пришел, а тебе пару поддал,
Я бы пару поддал да и тебя обдал».
Говорил Василий да Никулич-де:
«Что ваше дело-то домашное,
Домашное дело, княженецкое,
А наше дело-то посольное,—
Недосуг ведь долго да нам чваниться,
А во баенке-то долго да нам париться,
Я приехал об добром деле — об сватовстве
На твоей любимой на дочери.
Что же ты со мною будешь делати?»

Говорил Владимир стольнё-киевский:
«Я схожу со дочерью подумаю».
Приходит-то ко дочери возлюбленной,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй же дочь моя возлюблена!
Приехал есть посол земли ляховицкия,
Того короля сын ляховицкого,
Молодой Василий сын Микулич-де,
Он об добром деле — да об сватовстве
На тебе, любимоей на дочери.
Что же мне с послом-то будет делати?»
Говорит-ко дочь ему возлюблена:
«Ты эй государь мой родной батюшка!
Что у тебя теперь на розуме?
Отдавать девчину сам за женщину:
Ричь-поговоры всё по-женскому,
Пельки мяконьки всё по-женскому,
Перецки тоненьки все по-женскому,
Где жуковинья ты были, да то место знать».
Говорит Владимир стольнё-киевский:
«Я схожу посла да поотведаю».
Приходит он к послу земли да ляховицкии,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй посол земли ляховицкии,
Молодой Василий да Микулич-де!
Не угодно ли тебе да после парной баенки
Отдохнуть во ложне-то * во теплыи?»
Говорил Василий да Никулич-де:
«И это после баенки не худо бы».
Приходит как во ложню ту во теплую,
Головой-то он ложится где ногам-то быть,
А ногами-то ложится на подушечку.
Как выходит вон из ложни-то из теплыи,
Шел туда Владимир стольнё-киевский,
Посмотрел он ложни его теплые
И сам говорил да таково слово:
«Есть широкие плеча да богатырские».
Говорил Василий да Никулич-де:
«Солнышко Владимир стольне-киевский!
Я приехал ведь об добром деле — да об сватовстве
На твоей любимоей на дочери.
Что же ты со мною будешь делати?»
Говорил Владимир стольне-киевский:
«Я схожу со дочерью подумаю».
Приходит-то ко дочери возлюбленной,

Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй же дочь моя возлюблена!
Приехал есть посол земли ляховицкия,
Того короля сын ляховицкого,
Молодой Василий сын Микулич-де,
Он об добром деле — да об сватовстве
На тебе, любимоей на дочери.
Что же мне с послом-то будет делати?»
Говорит-ко дочь ему возлюблена:
«Ты эй государь мой родной батюшка!
Что у тебя теперь на розуме?
Отдавать девчину сам за женщину:
Ричь-поговоры всё по-женскому,
Пельки мяконьки всё по-женскому,
Перецки тоненьки все по-женскому,
Где жуко́винья ты были, да то место знать».
Говорил Владимир стольне-киевский:
«Я схожу посла да поотведаю».
Приходит он к послу земли да ляховицкии,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй посол земли ляховицкии,
Молодой Василий да Микулич-де!
Не угодно ли со мо́ими дворянами потешиться,
Сходить с ними да на широкий двор
Стрелять в колечко золоченое,
Во тое остриé да во ножовое,
Расколоть бы стрелочка да надвое,
Чтобы мерою однаки и весо́м равны?»
Говорил Василий да Никулич ли:
«Остались стрельцы да во чисто́м поли,
Во чистом поли да у бела шатра,—
Неужоли самому-то поотведати?»
Выходит он да на широкий двор,
Стал стрелять стрелок да пе́рво кня́зевой: —
Первый раз стрелил он — не до́стрелил,
Дру́гой раз стрелил он — да пере́стрелил,
Третий раз стрелил он — и нé попал.
«Стреляй-ко ты, Василий да Никулич-де».
Как тот Василий да Никулич-де
Натягивает скорешенько свой тугой лук,
Налагает стрелочку каленую,
Стрелял во колечко золоченое,
Во тое востриé да во ножовое,
Расколол он стрелочку ту надвое,
Они мерою однаки и весо́м равны.

И сам говорит он таково слово:
«Я приехал ведь о добром деле —
да об сватовстве
На твоей любимоей на дочери.
Что же ты со мною будешь делати?»
Говорил Владимир стольне-киевский:
«Я еще схожу со дочерью подумаю».
Приходит-то ко дочери возлюбленной,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй же дочь моя возлюблена!
Приехал есть посол земли ляховицкия,
Того короля сын ляховицкого,
Молодой Василий сын Никулич-де,
Он об добром деле — да об сватовстве
На тебе, любимоей на дочери.
Что же мне с послом-то будет делати?»
Говорит-ко дочь ему возлюблена:
«Ты эй государь мой родной батюшка!
Что у тебя теперь на розуме?
Отдавашь девчину сам за женщину:
Ричь-поговоры всё по-женскому,
Пельки мяконьки всё по-женскому,
Перецки тоненьки всё по-женскому,
Где жуко́винья-то были, да то место знать».
Говорил Владимир стольнё-киевский:
«Я схожу посла да поотведаю».
Приходит он к послу земли да ляховицкии,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй посол земли ляховицкии,
Молодой Василий да Никулич-де!
Не угодно ли со мо́ими дворянами потешиться,
На широком-то двори да поборотися?»
Говорил Василий-то Никулич-де:
«Осталися борцы да во чисто́м поли,
Во чистом поли да у бела́ шатра,—
Неужоль мне самому да поотведати?»
Выходит он как на широкий двор,
Стал Василий тут боротися:
Того захватит в руку, дру́гого во дру́гую,
Третья скле́снет во середочку,—
По трое зараз он на зе́нь [1] ложил,
Которыих положит, тыи с места не встают.
Говорил Владимир стольнё-киевский:

[1] На зе́нь — на землю.

«Молодой Василий да Никулич-де!
Укроти-ко свое сердце богатырское,
Оставь людей мне хоть на си́мена».
Говорил Василий да Никулич-де:
«Солнышко Владимир стольнё-киевский!
Я приехал ведь об добром деле — да о сватовстве
На твоей любимоей на дочери.
Что же ты со мною будешь делати?
Если с чести не́ дашь, так возьму не́ с чести,
Не́ с чести возьму да теби бок набью».
Не пошел он больше к дочери-то спрашивать,
Да стал он дочь свою просватывать.
Как пир идет у них по третий день,
Сегодня им идти да ко божьёй церквы,
Принимать с Васильем по злату́ венцу,
Закручинился Василий, запечалился,
Он повесил свою буйну голову,
Утопил ясны́ очи он во сыру землю.
Подходит-то Владимир стольнё-киевский:
«Ах ты эй Василий да Никулич-де!
Что же ты сегодня да невесел есть?»
Говорил Василий да Никулич-де:
«Что-то будет на разуме невесело,—
Либо батюшка мой есть да помер ведь,
Либо матушка да мо́я померла.
Нет ли у тебя да мла́дых загусельщичков
Поиграть в гуселышка яровчаты?»
Привели они мла́дых загусельщичков,—
Всё они играёт всё невесело,
Говорил Василий да Никулич-де:
«Солнышко Владимир стольнё-киевский!
Нет ли у тебя да мла́дых затюрёмщичков
Поиграть в гуселышка яровчаты?»
Повыпустили младых затюрёмщичков,
И всё они играют всё невесело.
Говорил Василий да Никулич-де:
«Солнышко Владимир стольнё-киевский!
Я слыхал от родителя от батюшка,
Что был посажен наш Ставёр да сын Годинович
У тебя во погреба́ глубокие,—
Он горазд играть в гуселышка яровчаты».
Говорил Владимир стольнё-киевский:
«Мне как выпустить Ставра — так не видать Ставра,
А не выпустить Ставра — так разгневить посла».

А не смеет он посла да ро́згневить,
Он повыпустил Ставра из погреба,
Ставёр стал игра́ть во гуселышка яровчаты,
Развеселился тут Василий-то Никулич-де,
И сам говорил да таково слово:
«Помнишь ли, Ставёр, да памятуешь ли,
Как мы маленьки на уличку похаживали,
И мы с тобою свaечкой поигрывали:
Твоя-то была сваечка серебряна,
А мое было кольцо да подзолоченое,
Я-то попадывал тогды-сегды,
А ты попадывал всегды-всегды?»
А Ставёр-то к речам да не примется,
Годинович в ричи не вчуется:
«Да я с тобою сваечкой не игрывал».
Говорил Василий-то Никулич-де:
«Помнишь ли, Ставёр, да памятуешь ли,
Мы ведь вместе с тобой в грамоте училися:
Как моя была чернильница серебряна,
А твое было перо да подзолочено,—
Я-то помакивал тогды-сегды,
А ты помакивал всегды-всегды?»
А Ставёр-то к речам да не примется,
Годинович ведь в ричи да не вчуется:
«И я с тобою грамоте не учивался».
Говорил Василий да Никулич-де:
«Солнышко Владимир стольнё-киевский!
Спусти Ставра съездить до бела́ шатра,
Посмотреть дружинушки хоробрыя».
Говорил Владимир стольнё-киевский:
«Мне спустить Ставра — так не видать Ставра,
А не спустить Ставра — так разгневить посла».
А не смеет он посла поро́згневить.
Спустил Ставра съездить до бела́ шатра,
Посмотреть дружинушки хоробрыя.
Приехали они ко белу́ шатру,
Слезли они со добры́х коней,
Тут мо́лодой Василий да Никулич-де
Зашел он скоренько в хорош бел шатер,
Снимал с себя он платье молодецкое,
Надевал на се́бе платье женское,
Выходит он на улицу на ши́року,
Сам говорил он таково слово:
«Топерича, Ставёр, меня ты знаешь ли?»
Говорил Ставёр да сын Годинович:

«Ах ты эй млада Василиста дочь Микулична!
Не поедем больше ко́ граду ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру,
А уедем мы во землю ляховицкую».
Говорила Василиста дочь Никулична:
«А не честь-хвала тебе-ка, добру молодцу,
Тебе во́ровски из Киева уехати,
А поедем ко князю ко Владимиру,
Мы станем свадебки доигрывать».
Приехали они ко солнышку Владимиру,
Говорил Василий да Микулич-де:
«Солнышко Владимир стольнё-киевский!
За что был посажен наш Ставёр да сын Годинович
У тебя во по́греба глубокие?»
Говорил Владимир стольнё-киевский:
«А похвастал он своей да молодой женой,
Что князей, бояр да всех повыманит,
Меня, солнышка Владимира, с ума сведет».
Говорила Василиста дочь Никулична:
«Так что же у тебя на разуме?
Выдавашь девчину сам за женщину,
За меня-то, Василисту за Микуличну!»
Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
Повесил свою буйну голову,
Утопил ясны́ очи во сыру землю,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй Ставёр да сын Годинович!
За твою великую за по́хвальбу
А торгуй в наšо́м воо́ граде во Киеве,
Ты во Киеве во граде век без пошлины».
Тут Ставёр да сын Годинович
Поехал он во землю ляховицкую
С молодою Василистой со Микуличной.
Тут век про Ставра старину́ поют
Синему морю-то на ти́шину,
А вам, добрым людям, на послу́шаньё.

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ

В сто́льнём городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Хороший заве́ден был почестный пир
На многие на князи да на̀ бояра,

Да на сильни могучие богатыри.
Белый день иде ко вечеру,
Да почестный-от пир идёт навеселе.
Хорошо государь распотешился,
Да выходил на крылечко перёное,
Здрел-смотрел во чисто полё:
Да из да́леча-дале́ча поля чистого
Толпа мужиков да появилася,
Да идут мужики да всё киевляна,
Да бьют они князю, жалобу кладут.
«Да солнышко Владимир-князь!
Дай, государь, свой пра́ведные суд,
Да дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
Да сегодня у нас на Саро́ге па реки́
Да неведомые люди появилися,
Да наехала дружина та Чурилова,
Шёлковы неводы заме́тывали,—
Да тетивки * были семи шелков,
Да плутивца * у сеток-то серебряные,
Камешки позолоченные.
А рыбу сарогу повыловили,
Нам, государь-свет, улову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,
Да нам от тебя нету жалованья.
Скажутся-называются
Всё они дружиною Чуриловою».
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилася,
Да идут мужики да все ки́евляна,
Да бьют они челом, жалобу кладут:
«Да солнышко да наш Владимир-князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Дай-ко па Чурила сына Плёнковича.
Сегодня у нас па тихих заводях
Да неведомые люди появлялися,
Гуся да лебедя да повыстреляли,
Серу пернату малу утицу.
Нам, государь-свет, улову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,
Нам от тебя да нету жалованья.
Скажутся а называются
Всё они дружиною Чуриловою».
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилася,
Идут мужики да все киевляна,

Бьют они челом, жалобу кладут:
«Солнышко да наш Владимир-князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Дай на Чурила сына Плёнковича.
Да сегодня у нас во темны́х во лесах
Неведомые люди появилися,
Ше́лковы те́нета заметывали,
Кунок да лисок повыловили,
Черного сибирского соболя.
Нам, государь-свет, улову нет,
Да тебе, государь-свет, корысти нет,
Нам от тебя да нету жалованья.
Скажутся а называются
Всё они дружиною Чуриловою.
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилася.
А и́де молодцов до пяти их сот,
Мо́лодцы на конях одноличные [1],
Кони под нима́ да однокарие были,
Же́ребцы всё латынские,
Узды, по́вода у их а сорочинские,
Седёлышка были на́ золоте,
Сапожки на ножках зелен сафьян,
Зелена сафьяну-то турецкого,
Славного покрою-то немецкого,
Да крепкого шитья-де ярославского.
Скобы, гвоздьё-де были на́ золоте,
Да ко́жаны на мо́лодцах лосиные,
Да кафтаны на мо́лодцах голу́б скурлат,
Да источниками [2] подпоясаносе,
Колпачки золотые верхи.
Да молодцы на ко́нях быв свечи́-де горят
А кони под нима быв соколы́-де летят.
Доехали-приехали во Киев-град
Да стали по Киеву уродствовати:
Да лук, чеснок весь повырвали,
Белую капусту повыломали,
Да старых-то старух обезвичили *,
Молодых молодиц в сорому́-де довели,
Красных девиц а опозорили.
Да бьют челом князю всем Киевом,
Да князи ты просят со княгинами,

[1] Одноличные — на одно лицо.
[2] Источники — источенки, разноцветные пояса.

Да бóяра ты просят со боярынями,
Да все мужики огородники:
«Да дай, государь, свой праведные суд,
Да дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
Да сегодня у нас во городе во Киеве
Да неведомые люди появилися,
Да наехала дружина та Чурилова,
Да лук, чеснок весь повырвали,
Да белую капусту повыломали,
Да старых-то старух обезвичили,
Молодых молодиц в сороми́-де довели,
Красных девиц а опозорили».
Да говорил туто солнышко Владимир-князь:
«Да глупые вы князи да бóяра,
Неразумные гости торговые!
Да я не знаю Чуриловой посéличи *,
Да я не знаю, Чурило где двором стоит».
Да говорят ему князи и бояра:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Да мы знаем Чурилову посéличу,
Да мы знаем, Чурило где двором стоит.
Да двор у Чурила ведь не в Киеве стоит,
Да двор у Чурилы не за Киевом стоит,—
Двор у Чурила на Почáй на реки,
У чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей а у Борисовых.
Да около двора да всё булатний тын,
Да вéреи * были всёточéные».
Да поднялся князь на Почай на реку,
Да со князьями ты поехал, со боярами,
Со купцами, со гостями со торговыми.
Да будет князь на Почай на реки,
У чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей да у Борисовых,
Да головой-то кáча, сам проговариват:
«Да право мне, не пролгали мне,—
Да двор у Чурила па Почай на реки,
Да у чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей да у Борисовых,
Да около двора всё булатний тын,
Да вéреи ты были все точеные,
Воротика ты всё были все стекольчатые,
Подворотенки да дорог рыбей зуб».
Да на том дворе-де на Чуриловом
Да стояло теремов до семи до десяти.

Да во которых теремах Чу́рил сам живет,
Да трои сени у Чурила-де косивчатые,
Трои сени у Чурила-де решатчатые,
Да трои сени у Чурила-де стекольчатые.
Да из тех-де из вы́соких из теремов
На ту ли на улицу падовую *
Да выходил туто старыи матёрый человек.
На старом шуба-то соболья была,
Да под до́рогим под зе́леным под ста́метом *,
Да пугвицы были вальячные *,
Да вальяк-от литый красна золота.
Да кланяется-поклоняется,
Да сам говорит и таково слово:
«Да свет государь ты Владимир-князь!
Да пожалуй-ко, Владимир, во высок терём,
Во высок терём хлеба кушати».
Да говорил Владимир таково слово:
«Да скажи-ко мне, старыи матёрый человек,
Да как тебя да именём зовут,—
Хо́тя знал, у кого бы хлеба кушати?»
«Да я Пленко́ да гость Сарожанин,
Да я ведь Чурилов-от есть батюшко».
Да пошел-де Владимир во высок терём,
Да в терём-от идет да всё дивуется.
Да хорошо-де теремы да изукрашены были:
Пол-середа * одного серебра,
Печки ты были всё муровленые,
Да потики ты были всё серебряные,
Да потолок у Чурила из черны́х соболе́й,
На́ стены сукна навиваны,
На сукна ты стекла набиваны.
Да всё в терему-де по-небесному,
Да вся небесная луна-де принаведена была,
Ино всякие утехи несказа́нные.
Да пир-от идет о полу́-пиру,
Да стол-от идет о полу́-столе,
Владимир-князь распотешился,
Да вскрыл он окошечка немножечко,
Да поглядел-де во да́лече чисто́ полё:
Да из да́леча-дале́ча из чиста́ поля
Да толпа молодцов появилася,
Да еде молодцов а боле тысящи,
Да середи-то силы ездит купа́в * моло́де́ц,
Да на мо́лодце шуба та соболья была
Под до́рогим под зе́леным под ста́метом,

Пугвицы были вальячные,
Да вальяк-от литый красна золота,
Да по до́рогу я́блоку свирскому,
Да едё молодец да и сам тешится,
Да с коня-де на коня перескакиваёт,
Из седла в седло перемахиваёт,
Через третьего да на четвертого,
Да вверх копье побрасываёт,
Из ручки в ручку подхватываёт.
Да ехали-приехали на Почай на реку,
Да сила та ушла-де по свои́м терема́м.
Да сказали Чурилы по незнаемых гостей,
Да брал-де Чурило золоты ключи,
Да ходил в амбары́ мугазенные,
Да брал он сорок сороков че́рных соболёв,
Да и многие пары лисиц да куниц,
Подарил-де он князю Владимиру.
Да говорит-де Владимир таково слово:
«Да хоша много было на Чурила жалобщиков,
Да побольше того-де челом-битчико́в,
Да я теперь на Чурила да суда-де не дам».
Да говорил-де Владимир таково слово:
«Да ты премлады и Чурилишко сын Плёнкович!
Да хошь ли идти ко мне во стольники,
Да во стольники ко мне, во чашники?»
Да иной от беды дак откупается,
А Чурило на беду и нарывается,—
Да пошел ко Владимиру во стольники,
Да во стольники к ему, во чашники.
Приехали они ужо во Киев-град,
Да свет государь да Владимир-князь
На хороша на нового на стольника
Да завел государь-де почестный пир.
Да премла́дыи Чурило-то сын Плёнкович
Да ходит-де ставит дубовы́ столы
Да желтыми кудрями сам потряхиваёт,
Да же́лтые кудри рассыпаются,
А быв скаче́н жемчу́г раскатается.
Прекрасная княгина та Апраксия
Да рушала мясо лебединоё,—
Смотрячи́сь-де на кра́соту Чурилову,—
Обрезала да руку белу правую,
Сама говорила таково слово:
«Да не дивуйте-ко вы, жены господские,
Да что обрезала я руку белу правую,—

Да помешался у мня разум во буйно́й голове,
Да помутилися у мня-де очи ясные,
Да смотрячи́сь-де на кра́соту Чурилову,
Да на его-то на́ кудри на желтые,
Да на его-де на́ перстни злаченые.
Помешался у мня разум во буйно́й голове,
Да помутились у меня да очи ясные».
Да сама говорила таково слово:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Да премла́дому Чурилу сыну Плёнковичу
Не на этой а ему службы быть,—
Да быть ему-де во постельниках,
Да стлати ковры да под нас мягкие».
Говорил Владимир таково слово:
«Да суди те бог, княгина, что в любовь ты мне пришла,
Да кабы ты, княгина, не в любовь пришла,
Да я срубил бы те по плеч да буйну голову,
Что при всех ты господах обесчестила».
Да снял-де Чурила с этой бо́льшины *,
Да поставил на бо́льшину на и́ную —
Да во ласковые зазыватели,
Да ходить-де по городу по Киеву,
Да зазывати гостей во почестный пир.
Да премладыи Чурило-то сын Плёнкович
Да улицми идет да переулками,
Да желтыми кудрями потряхиваёт,
А желтые ты кудри рассыпаются.
Да смотрячи́сь-де на кра́соту Чурилову,
Да старицы по кельям онати́ [1] они дерут,
А молодые молодицы в голенища ....,
Красные девки отселья (?) дерут.
Да смотрячи́сь-де на красоту Чурилову,
Да прекрасная княгина та Апраксия
Да еще говорила таково слово:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Да тебе-де не любить, а пришло мне говорить,—
Да премла́дому Чурилу сыну Плёнковичу
Да на этой а ёму службы быть,
Да быти ему во постельниках,
Да стлати́ ковры под нас мягкие».
Да видит Владимир, что беда пришла,

---

[1] О н а т и́ — испорч. «манатьи», мантии, то есть монашеские одежды.

Да говорил-де Чурилу таково слово:
«Да премладыи Чурило ты сын Плёнкович!
Да больше в дом ты мне не надобно,
Да хоша в Киеве живи, да хоть домой поди»
Да поклон отдал Чурила да и вон пошел.
Да вышел Чурило-то на Киев-град,
Да нанял Чурило там извозчика,
Да уехал Чурило на Почай на реку,
Да и стал жить-быть, а век коро́тати.
Да мы со той поры Чурила в старина́х скажом,
Да отныне сказать а будем до́ веку.
А й диди диди дудай,
Боле вперед не знай!

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Из славного города из Галича,
Из Волынь-земли богатые,
Да из той Карелы из упрямые,
Да из той Сорочины из широки,
Из той Индеи богатые
Не ясён сокол там проле́тывал,
Да не белой кречетко вон выпорхивал,—
Да проехал удалой дородний добрый молодец,
Молодой боярский Дюк Степанович.
Да на гуся ехал Дюк, на лебедя.
Да на серу пернасту малу утицу,
Да из утра проехал день до вечера,
Да не наехал не́ гуся и не лебедя,
Да не серой пернастой малой утицы.
Да не расстреливал ведь Дюк-от триста стрел,
Да триста стрел, ровно три стрелы,
Головой-то качат, проговариват:
«Да всем-то стрелам я цену знаю,
Только трем стрелам цены не ведаю.
Почему эти стрелы были дороги?
Да потому эти стрелы были дороги,—
На три гряночки [1] были стрелы строганы
Да из той трестиночки заморские.
Да еще не тем стрелы были дороги,
Что на три гряночки были стрелы строганы,
Да тем-де стрелы были дороги,—
Перены-де пером были сиза́ орла,
Не того орла сиза орловича,

[1] Гряно́чка — грань.

Да который летае по святой Руси,
Бьет сорок, ворон, черную галицу, —
Да того-де орла сиза орловича,
Да который летае по синю морю,
Да и бьет-де он гуся да и лебедя
И отлетаёт садится на бел камень,
Щиплет ронит-де перьица орлиные
Да отмётывает нá море на синеё:
Мимо едут-де гости корабельщики,
Да развозят те перьица по всем ордам,
По всем ордам, по всем украинам,
Дарят царей, всё царевичёв,
Дарят королей и королевичёв,
Дарят сильных могучих богатырёв.
«Да пришли эти перья мне во дáровях,
Оперил-де я этим пéрьем три стрелы».
Да еще не тем, братцы, были стрелы дороги,
Что перены-де были перьем сизá орла,
Да тем-де стрелы были дороги, —
В нос и в пяты * втираны каменья яхонты:
Где стрела та лежит, так от ней луч печет,
Будто в день от красного от солнышка,
Да в ночи-то от светлого от месяца.
Да собирал Дюк стрелы во един колчан.
Да дело-то ведь, братцы, деется:
Да во ту ли во субботу великодённую *
Да приехал Дюк во свой Галич-град,
Да ушли ко вéчерне ко христовские,
Да пошел Дюк ко вéчерне христовские,
Отстояли вéчерню в церкви божьей,
Да выходит-де Дюк из божьéй церквы,
Становился на крылечки перёные.
Да выходит его матушка из божьéй церквы,
Да понизешенько Дюк поклоняется,
Да желтыма ты кудрями до сырой земли,
Да и сам говорит-то таково слово:
«Государыни ты свет а моя матушка!
Да на всех городах, мать, много бывано,
Да во городе во Киеве не бывано,
Да Владимира-князя, мать, не видано,
Да государыни княгины свет Апраксии.
Дай мне, матушко, прощенье-благословление
Съездити во Киев-град,
Повидати солнышка князя Владимира,
Государыню княгину свет Апраксию».

Говорила ему мать да таково слово:
«Да свет ты мое чадо милоё,
Да молодой ты боярский Дюк Степанович!
Да не езди-тко ты ужо во Киев-град:
Да живут там люди всё лукавые,
Изведут тебя, доброго молодца,
Быв хороша наливного яблока».
Да говорил Дюк матери, ответ держал:
«Да государыни моя ты родна матушка!
Да даси,[1] мать, прощеньё,— поеду я,
И не даси, мать, прощенья,— поеду я».
Да давала матушка прощениё,
Да матушкино благословениё,
Давала матушка плётоньку шелковую.
Да поклон отдал Дюк, прочь пошел,
Да ходил на конюшню стоялую,
Да выбирал жеребца себе неезжана,
Да изо ста брал, да из тысячи,
Да и выбрал себе бурушка косматого.
Да у бурушка шорсточка трех пядей,
Да у бурушка грива была трех локот,
Да и хвост-от у бурушка трех сажон.
Да уздал узду ему течмяную,
Да седлал ён седелышко черкасское,
Да накинул попону пестрядиную,—
Да строчена была попона в три строки:
Да первая строка красным золотом,
Да другая строка чистым серебром,
Да третья строка медью казаркою,
Да котора-де была казарка медь
Да подороже ходит злата и серебра.
Да не дорога узда была — в целу тысящу,
Да не дорого седёлко — во две тысящи,
Да попона та была во три тысячи.
Снарядил-де Дюк лошадь богатырскую,
Да отходит прочь, сам посматриват,
Да посматриват Дюк, поговариват:
«Да и конь ли, лошадь, али лютый зверь,
Да с-под наряду добра коня не видети».
Да в торока ты кладет платья цветные,
В торока ты кладет калены стрелы,
Да в торока ты кладет золоту казну.
Да скоро детина забирается,
Забиралсяде скоро на коня ли сам сел,

[1] **Даси** — дашь.

Хорошо-де под ним добрый конь повыскочил,
Через стену маше прямо городовую,
Через высоку башню наугольнюю.
Да хорошо-де пошел в поле добрый конь,
Да мети ты мече он пó версты,
Да мети ты мече по две версты,
Да по две, по три пяти-де верст.
Да повыше идет дерева жаровчата *,
Да пониже иде облака ходячего,
Да он реки, озёра между ног пустил,
Да гладкие мхи перескакивал,
Да синеё-то море кругом-де нес.
Да налегала на молодца Горынь-змея,
Да о двенадцати зла-де ли о хоботах,
Да и хочет добра коня огнем пожечь, —
Да добрый конь у змеи ускакивал,
Да добра молодца у смерти унашивал.
Да налегал тут на мóлодца лютый зверь,
Да хочет добра коня живком сглотить,
Да со боярским со Дюком со Степановым.
Да добрый конь у зверя́ ускакивал,
Добра молодца у смерти унашивал.
Да налетало на молодца стадо грачев,
Да по-нашему стадо черных воронов,
Да хотят они молодца расторгнути.
Да добрый конь у грачёв ускакивал,
Добра молодца у смерти унашивал.
Да й те заставы Дюк проехал вси,
Да на заставу приехал на четвертую, —
Да край пути стоит во поле бел шатер,
Во шатри-то спит могуч бóгатырь,
Да старой-де казак Илья Муромец.
Да приехал-де Дюк ко белу шатру,
Да не с разума слово згóворил:
«Да кто-де там спит во белом шатре,
Да выходи-ко с Дюком побоpотися».
Да вставае Илья на чеботы́ сафьянные,
Да на сини чулки кармазинные *,
Да выходит старик из бела шатра,
Да сам говорит таково слово:
«Да я смею-де с Дюком побоpотися,
Поотведаю-де Дюковой-то храбрости».
Да одолила-де страсть Дюка Степанова,
Да падал с коня Ильи во резвы ноги,
Да и сам говорил а таково слово:

«Да одно у нас на небеси-де солнце красное,
Да один на Руси-де могуч богатырь,
Да старой-де ка́зак Илья Муромец.
Да кто-де с им смее поборотися,
Тот боками отведат матки тун-травы».
Да Ильи эти речи полюбилися,
Да и сам говорил а таково слово:
«Да ты удалой дородний добрый молодец,
Молодой ты боярский Дюк Степанович!
Да ты будёшь во городе во Киеве,
Да живут там ведь люди всё лукавые,
Да и станут налегать на тебя, молодца,—
Да ты пиши ярлы́ки скорописчаты,
Да ко стрелам ярлыки припечатывай,
Да расстреливай стрелы во чисто́ поле.
У меня-де летае млад ясён сокол,
Да собирает-де все стрелы со чиста поля.
Да пособлю-де я, детина, твоему горю».
Да поклон отдал Дюк, на коня ли сам сел,
Да поехал ко городу ко Киеву.
Да приехал он ведь во Киев-град.
Через стену маше прямо городовую,
Да через высоку башню наугольнюю,
Да приехал ко палаты княженецкие,
Соходил он со добра коня,
Да оставливал он добра коня
Неприкована его да непривязана,
Да пошел-де Дюк во высок терём,
Да приходит Дюк во высок терём,
Крест тот кла́дет по-писаному,
Да поклоны ведет по-учёному,
На все стороны Дюк поклоняется,
Желтыма ты ку́дрями до сырой земли.
Владимира в доме не случилося,
Да одне как тут ходя люди стряпчие.
Говорит туто Дюк таково слово:
«Да вы стряпчие люди все дворецкие!
Да где у вас солнышко Владимир-князь?»
Говорят ему люди стряпчие:
«Да ты удалой дородний добрый молодец!
Да изученье мы видим твое полноё,
Да не знамы теби ни имени, ни вотчины.
У нас Владимира в доме не случилося,
Да ушел ко заутрени христовские».
Да больше Дюк не разговаривал,

Да выходил он на улицу паратную,
Да садился Дюк на добра коня,
Да приехал к собору богородицы.
Соходил-де Дюк со добра коня,
Да оставливал он добра коня
Неприкована его да непривязана,
Да зашел-де Дюк во божью церковь,
Да крест тот кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Да на все стороны Дюк а поклоняется,
Желтыма ты кудрями до сырой земли.
Становился подле князя Владимира,
Промежду-де Бермяты Васильевича,
Промежду-де Чурила сына Плёнковича,
Да кланяется да поклоняется,
Да на платье-де часто сам посматриват.
«Да погода та, братцы, была вёшная,
Да я ехал мхами да болотами,
Убрызгал-де я свое платьё цветное».
Говорил тут Владимир таково слово:
«Да скажись-ко, удалый дородний добрый молодец,
Ты коей орды да коей земли,
Тебя как, молодца, зовут по имени?»
«Да есть я из города из Галича,
Из Волынь-земли из богатые,
Да из той Карелы из упрямые,
Да из той Сорочины из широкие,
Да из той Индеи богатые,
Молодой-де боярский Дюк Степанович,
Да на славу приехал к тебе во Киев-град».
Говорил-де Владимир таково слово:
«Да скажи, удалый дородний добрый молодец,
Да давно ли ты из города из Галича?»
Говорит-де Дюк ему, ответ держит:
«Да свет государь ты Владимир-князь!
Да вечерню стоял я в славном Галиче,
Да ко заутрены поспел к тебе во Киев-град».
Говорил-де Владимир таково слово:
«Да дороги ли у вас кони в Галиче?»
Да говорил Дюк Владимиру, ответ держал:
«Да есть у нас кони, сударь, по́ рублю,
Да есть, сударь, кони по два рубли,
Да есть по сту, по два, по пяти-де сот.
Да своему-де я добру коню цены не знай,
Да я цены не знай бурку, не ведаю».

Говорил-де Владимир таково слово:
«Слушайте, братцы князи, бояра!
Да кто бывал, братцы, кто слыхал,
Да от Киева до Галича много ль расстояния?»
Говорят ему князи да и бояра:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Да окольней дорогой — на шесть месяцев,
Да прямой-то дорогой — на три месяца.
Да были бы-де кони переменные, —
С коня-де на́ конь перескакивать,
Из седла в седло лишь перемахивать».
Да говорят ему князи да и бо́яра:
«Да свет государь ты Владимир-князь!
Да не быть тут Дюку Степанову,
Только быть мужичонку-засельщины,
Да засельщины быть, деревенщины.
Да жил у купца гостя торгового,
Да украл-унес платьё цветное.
Да жил у и́ного боярина,
Да угнал у боярина добра коня,
На иной город приехал и красуется,
Над тобой-то, князем, надсмехается,
Да над нами, боярами, пролыгается».
Да отстояли они заутрену в церкви божией,
Да с обиднею да святые честны́е молебны,
Выходили на улицу паратную,
Да на улице стоит народу и сметы нет,
Да смотрят на лошадь богатырскую,
На его-то снаряды молодецкие.
Да садились ёны-де по добрым коням,
Да поехали к высокому терему.
Да едет-де Дюк, головой качат,
Головой-то качат, проговариват:
«Да у Владимира всё а не по-нашему.
Как у нас-то во городе во Галиче,
Да у моёй-то сударыни у матушки
Да мощёны-де были мосты всё дубовые,
Сверху стланы-де сукна багрецовые.
Наперед-де пойдут у нас лопатники,
За лопатниками пойдут и метельщики,
Очищают дорогу су́кна стлатого.
А твои мосты, сударь, неровные,
Неровные мосты, да всё сосновые».
Да приехали они к широку двору,
Головой-то качат Дюк, проговариват:

«Да хороша была слава́ на Владимира,
Да у Владимира всё-де не по-нашему.
Как у нас во городе во Галиче,
Да у моей-то сударыни у матушки,
Над воротами было икон до семидесят,
А у Владимира того-де не случилося,—
Да одна та икона была местная».
Да заехали они на широкий двор,
Да головой качат Дюк, проговариват:
«Да хороша была слава на Владимира,
У Владимира-де всё а не по-нашему.
Как у нас-то во городе во Галиче,
Да у моей сударыни у матушки,
На дворе стояли столбы всё серебряны,
Да продернуты кольца позолочены,
Разоставлена сыта́ медвяная,
Да насыпано пшены-то белоярые,
Да е что добрым коням пить, есть-кушати,
А у тебя, Владимир, того-де не случилося».
Да зашли-де они во высок терём,
Да садились за столы за белодубовы,
Понесли-де по чарке зелена вина.
Да молодой боярский Дюк Степанович
Головой-то качат, проговариват:
«Да хороша была слава на Владимира,
У Владимира-де всё а не по-нашему.
Как у нас-то во городе во Галиче,
У моей-то сударыни у матушки,
Да глубокие были погребы,
Сорока-де сажон в землю копаны,
Зелено вино на цепях висит на серебряных,
Да были в поле-то трубы понаведены:
Да повеет-де ветёр из чиста поля,
Да проносит за́тохоль великую,
Да чару ту пьешь — другая хочется,
Да без третьей чары минуть нельзя.
А твое, сударь, горько зелено вино
Да пахнёт на за́тохоль великую».
Понесли последнюю еству — колачики крупищаты,
Говорил-де Дюк таково слово:
«Хороша была слава на Владимира,
У Владимира-де всё а не по-нашему.
Как у нас-то во городе во Галиче,
У моей-то государыни у матушки,
Да колачик съеси́, а другого хочется,

А без третьёго да минуть нельзя.
Да твои, сударь, горькие колачики,
Да пахнут ёны на хвою сосновую».
Да тут-то Чурило стало за́зорко *,
Да и сам говорил таково слово:
«Да свет государь ты Владимир-князь!
Да когда правдой детина похваляется,
Дак пусть ударит со́ мной о велик заклад, —
Щапить-басить * по три года
По стольнему городу по Киеву,
Надевать платья на раз,
На дру́гой не перенашивать».
Поро́к [1] поставили пятьсот рублей, —
Который из их а не перещапит,
Взяти с того пятьсот рублей.
Премладыи Чурило сын Плёнкович
Обул сапожки ты зелен сафьян,
Носы — шило, а пята́ востра,
По́д пяту хоть соловей лети,
А кругом пяты хоть яицо кати.
Да надел ён шубу ту купеческу,
Да во пуговках литы добры молодцы,
Да во петельках шиты красны девицы,
Да наложил ён шапку черну мурманку,
Да ушисту, пушисту и завесисту,
Спереди-то не видно ясны́х очей,
А сзади́ не видно шеи белые.
А молодой боярский Дюк Степанович
Да по Киеву он не снаряден шел:
Обуты-то у его лапо́тцы ты семи шелков,
И в этые ла́потцы были вплетаны
Каменья всё яхонты, —
Да который же камень самоцветные
Стоит города всего Киева,
Опришно * Знаменья богородицы,
Да опришно прочих святителей.
И надета была у его шуба та расхожая,
Во пуговках литы люты́ звери,
Да во петельках шиты люты́ змеи.
Да брал он Дюк матушкино благословлениё —
Плётоньку шелковую,
Да подернул Дюк-от по пуговкам, —
Да заревели во пуговках люты́ звери;
Да подернул Дюк-от по петелькам, —

[1] Поро́к — порука, ручательство.

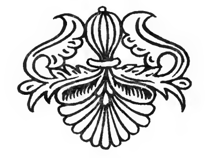
Да засвистали во петельках люты́ змеи.
Да от того-де реву от звериного,
Да от того-де свисту от змеиного
Да в Киеве старый и малый на земли лежит,
Токо малые люди оставалися
Да за Дюком всем городом Киевом качнулися:
«Тебе спасибо, удалый дородний добрый молодец!
Перещапил ты Чурила сына Плёнковича».
И тогда взял он с Чурила пятьсот рублей,
Да купил на пятьсот зелена вина,
Да напоил он голей кабацких всех до́ пьяна,
Тогда все тут голи зрадова́лися.
Тут еще Чурилу стало за́зорко,
Да сам говорил таково слово:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Когда же правдой детина похваляется,
Да пошлем мы туда переписчика,
Во славную во Волынь-землю».
«Кого нам послать переписчиком?»
«Да пошлем мы Добрынюшка Микитьевича».
Да поехал Добрыня во Волынь-землю,
Во славный во Галич-град
Житья его, богачества описывать,
Да нашел он три высоки три терема,—
Не видал теремо́в таких на сём свете.
Зашел Добрыня во высок терём,—
Да сидит жена стара ма́тера,
Мало шелку, вся в золоте.
Говорил-де Добрынюшка Микитьевич:
«Ты здравствуй, Дюкова матушка!
Тебе сын послал челомбитиё,
Понизку велел поклон поставити».
Говорила жена стара матера:
«Удалой дородний добрый молодец!
Изученье вижу твое полноё,
Да не знай тебе ни имени, ни вотчины.
А я не Дюкова здесь а есть ведь матушка,
А Дюкова здесь а есть портомойница».
Да тут Добрыне стало за́зорко,
Отъезжал-де Добрыня во чисто́ полё,
Да просыпал Добрыня ночку темную,
На утро приехал он во Галич-град,
Да нашел три вы́соки три терема,—
Не видал теремов таких на сём свете.
Да зашел-де Добрыня во высок терём,—

Да сидит жена стара матера,
Мало-де шелку, вся в золоте.
Говорил-де Добрыня таково слово:
«Ты здравствуй, Дюкова матушка!
Тебе сын послал челомбитие,
Понизку велел поклон поставити».
Говорит жена стара матера:
«Удалый ты дородний добрый молодец!
Я не знай тебе ни имени, ни вотчины.
Да не Дюкова здесь а есть я матушка,
А Дюкова здесь а есть я божатушка *.
Не найти тебе здесь Дюковой матушки.
У нас на утро христово воскресениё, —
Да ты стань на дорогу прешпехтивую,
Где-ка стланы сукна багрецовые:
Наперед пойдут у нас лопатники,
За лопатниками пойдут метельщики,
Очищают дорогу су́кна стланого;
Дак ты стань на дорогу прешпехтивую, —
Да пойдет тут Дюкова та матушка».
Да тут Добрыне стало за́зорко,
Отъезжал Добрыня во чисто́ полё,
Просыпал Добрыня ночку темную,
На утро приехал он во Галич-град,
Да стал на дорогу прешпехтивую,
Где-ка стланы сукна багрецовые.
Наперед пошли тут лопатники,
За лопатниками пошли метельщики,
Да очищают дорогу су́кна стланого,
Потом пошла ужо толпа-де вдов,
Пошла тут Дюкова та матушка.
То умеет детина покланятися
Желтыма́ кудрями до сырой земли.
«Ты здравствуй, Дюкова же матушка!
Тебе сын послал челомбитие,
Понизку велел поклон поставити».
Говорила Добрыне мати таково слово:
«Скажи ты, удалый дородний добрый молодец
Я не знай тебе ни имени, ни вотчины,
А изученье вижу твое полноё.
У нас сегодня Христово воскресениё,
Пойдем со мной во божью церковь,
Простой ты обедню воскресённую.
Заберу молодца тебя в высок терём,
Напою, накормлю хлебом-солию».

Простояли обедню в церкви божией,
Забрала молодца во высок терём,
Поит и кормит да много чествует.
Да премладыи Добрынюшка Микитьевич
Выходил из-за стола из-за дубового,
Да сам говорил таково слово:
«Да государыни ты Дюкова матушка!
Да я ведь приехал на тебя смотреть,
Житья твоего, богачества описывать:
Призахвастался сын твой богачеством».
Да брала старуха золоты ключи,
Да привела его в погребы темные,
Где-ка складена деньга не хожалая,—
Смекал Добрыня много времени,
Да не мог он деньгам и сметы дать.
Да привела его в амбары мугазенные,
Где-ка складены товары заморские,—
Да смекал Добрыня много времени,
Не мог товарам он сметы дать.
Да садился Добрыня на ременчат стул,
Да писал ярлыки скорописчаты,
Да сам говорил таково слово:
«Да нам с города из Киева
Да везти бумаги на шести возах,
Да чернил-то везти на трех возах,—
Да описывать Дюково богачество,
Да не описать будёт».
Да прощался Добрыня-то с Дюковой матушкой,
Да садился Добрыня на добра коня,
Да поехал ко городу ко Киеву.
Приехал он в славный Киев-град,
Да ко князю Владимиру,
Ярлыки на дубов стол клал,
Словесно-то больше сам рассказыват:
Тогда Дюкова правда сбывается,
Да будто вёшняя вода разливается.
Да еще тут Чурилу стало за́зорко,
Да сам говорил таково слово:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Да когда же правдой детина похваляется,
Дак пусть со мной ударит о велик заклад,—
Скакать на добрых коней
За матушку Почай-реку
И назад на добрых конях отскакивать».
И ударились ёны́ о велик заклад,—

Да не о сте они и не о тысяче,
Да ударились они о своих о буйных головах:
Который из них не пере́скочит,
Дак у того молодца голова срубить.
Премладыи Чурило-то сын Плёнкович,
Выводил-де Чурило тридцать жеребцов,
Из тридцати выбирал-де самолучшего,
Да разганивал, да он разъезживал,
Из да́леча-дале́ча из чиста поля
Да скакал-де за матушку Почай-реку.
Молодой-от боярский Дюк Степанович
Да не разганивал, да не разъезживал,
Да с кру́того берегу коня своего приправливал,
Да скочил-де за матушку Почай-реку
И назад на добром коне отскакивал,
И Чурила к кру́тому берегу притягивал.
Тогда выдёргивал Дюк-от саблю вострую
Да хотел ему срубить буйну голову,—
Тогда вступился князь и со княгиною,
Говорили Дюку Степанову:
«Удалый дородний добрый молодец!
Не руби ты Чурилу буйной головы,
Да спусти ты Чурила на свою волю».
Тогда Дюк-от пинал Чурила правой ногой,
Да улетел Чурило во чисто поле,
Да сам говорил таково слово:
«Ай-де ты Чурило сухоногие!
Да поди щапи с девками да с бабами,
А [не] с нами, с добрыма мо́лодцами».
Да прощается Дюк-от со князем Владимиром,
С государынею княгипой Апраксией.
«Да простите вы, бояра все киевски,
Все мужики огородники!
Да споминайте вы Дюка веки на́ веки».
Да садился Дюк на добра коня,
Да уехал Дюк во свой Галич-град,
Ко своей-то матушке сударыне,
Да стал жить-быть, век коротати.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

В русском песенном фольклоре известно более шестисот сюжетов, которые охватывают огромный период русской истории — с середины XIII века вплоть до начала XX столетия. Можно сказать, что песни — это само движение истории, увиденное, осмысленное и оцененное народом.

Обозревая обширный песенный фонд, легко заметить, что русская история предстает здесь в отобранном виде: целые периоды «пропущены», многие лица «забыты», о многих событиях даже не упомянуто. Отбор определялся, конечно же, в первую очередь, возможностями жанра, интересами и пристрастиями среды, творившей песни. В исторических песнях органически соединялись свойственные именно этому жанру принципы изображения людей и событий, своя шкала нравственных характеристик и идейных оценок и устойчивые художественные нормы и традиции. Именно это единство создает своеобразный художественный мир русской исторической песни, который нельзя мерить мерками летописи или трагедии, поэмы или политической лирики.

В песнях историческая действительность одновременно воссоздается в своей реальности, пересоздается и творится заново, окрашиваясь ярким вымыслом.

Большинство персонажей приходит в песни из реальной истории и имеет прототипов. Наряду с царями, известными государственными деятелями, полководцами, вождями народных движений среди них нередко встречаются лица малоизвестные — военачальники невысокого ранга, участники событий местного масштаба, простые воины. Вместе с ними в песне действуют или упоминаются герои явно вымышленные. Иногда реальных лиц замещают безымянные персонажи. Важное место во многих песнях занимают казачья вольница, масса стрельцов или солдат, вольные люди...

И герои реальные, и герои вымышленные равно историчны, поскольку значимость их измеряется не степенью достоверности,

а масштабами художественного обобщения. В изображении исторических лиц, в песенных «биографиях» героев — в их характеристиках, поведении, действиях, какие им приписываются,— мы постоянно сталкиваемся с разнообразными нарушениями исторической правды. Иван Грозный действительно вступил в брак с дочерью кабардинского князя Темрюка Марией, и песня о Кострюке-Мастрюке верно сообщает об этом. Но царь, разумеется, не ездил сам за невестой; равным образом никакого поединка между братом Марии и русскими борцами во время свадьбы не было. Другими словами, песенное творчество, оттолкнувшись от подлинного факта, пошло затем по пути вымысла, создало острый, конфликтный сюжет, вложив в него значительный исторический смысл. Исходная ситуация, в основе своей реальная, трактуется в песне о Кострюке как потенциально опасная для Руси: царь женится на иноверке; содержание песни полностью отвлекается от реально-политических мотивов брака, от характера отношений Московского государства с Кабардой и т. д. Опасность становится явной, когда Кострюк бросает вызов: царский шурин уподобляется здесь чужеземному «нахвальщику» (образ, хорошо знакомый по былинам), который хочет победой над русскими борцами унизить Москву, а может быть — даже и подчинить ее себе. Согласно песне, в этой острейшей коллизии царь действует соответственно государственным интересам и патриотическим чувствам: по его призыву русские борцы (подчеркнуто незавидные, внешне неказистые) побеждают Кострюка, царь награждает их и дает отповедь жене, требующей защитить опозоренного брата. Существует еще одна версия сюжета о Кострюке, вовсе далекая от реального факта: вместо невесты — кабардинской княжны действует крымская царица, которая отправляется с братом на Москву, шлет ультиматум царю, требуя выставить борца и угрожая, что Кострюк возьмет в плен все царство. После поражения крымская царица бежит от Москвы. Песен, в которых достоверна лишь исходная ситуация, основная тема, либо какая-то существенная подробность, очень много. Можно сказать, что такие песни составляют преобладающий массив в русском историко-песенном фольклоре. Объяснять их надо не через восстановление якобы первичной реальной основы, а через раскрытие сущности конфликта, ведущего нас к пониманию народного замысла. Характерна в этом смысле песня о гневе Ивана Грозного на сына. О том, что Иван Грозный хотел казнить сына Федора, в истории не упоминается; зато известно, что царь убил старшего сына Ивана. Из этого несоответствия ученые заключили, что создатели песни хотели обелить царя, снять с него обвинение в сыноубийстве, и «исказили» события: убийство оказывалось несостоявшимся, весь случай переносился на Федора, который, как мы знаем,

пережил отца. В песне мы имеем дело не столько с драмой, происшедшей в царской семье, но с изображением — в рамках вымышленного сюжета — драмы общегосударственной. Исторической почвой сюжета явились такие события, как опричнина, разгром Новгорода. Песня опиралась на народные представления о грозном царе, скором на жестокий суд, но и способном на великодушный поступок, о «добром» царевиче Федоре, о мудром царском советнике Никите Романовиче, заступнике гонимых.

В песенных сюжетах почти всегда возникают острые ситуации, парадоксальные коллизии, нередко малоправдоподобные, но зато предельно обнажающие социальную и нравственную суть конфликтов, сталкивающие противоборствующие силы: пленный князь-патриот перед ханом крымским («Гибель Пожарского»); вольные казаки и царский воевода («Казаки и князь Репнин»); «сынок» (то есть посланник, лазутчик) Степана Разина и астраханский губернатор; Пугачев и граф Панин; атаман Платов и Наполеон. Такие встречи, заставляющие их участников с полной ясностью определять свои позиции, столкновения, заканчивающиеся кровавыми развязками,— все это характерно для исторической песни. Переработка реальной истории, отступление от летописной правды происходит не где-то «потом», а в процессе творчества и с позиций вековых народных стремлений. Рядом с живой конкретностью песня обнаруживала общий, «вечный» смысл происходившего. Исторической песне свойственно одновременно осознание драматичности истории и неизбежного торжества в ней нравственных начал.

Песня словно бы исправляет в ряде случаев историческую несправедливость, заставляя зло отступать перед силой народной правды («Авдотья Рязаночка», «Щелкан», песни о Ермаке и др.). В песнях, оканчивающихся гибелью героев, звучат — наряду с трагическими мотивами — мотивы утверждения морального превосходства гибнущих, возвеличения и прославления народного героизма.

Одна из ведущих тем исторических песен, вокруг которой сосредоточено большинство сюжетов,— героико-патриотическая: любимые герои песен — те, кто в труднейших обстоятельствах проявили стойкость, исполнили свой долг, сохранили достоинство даже ценой жизни. Герои исторических песен в новых исторических обстоятельствах продолжают дело былинных богатырей, но и сами они, и деяния их освобождены от фантастики, гиперболы, они приближены к обычным человеческим масштабам, хотя и сохраняют известную долю условности, высокой поэтичности.

По-видимому, наиболее ранние циклы исторической песни возникли в обстановке татарского нашествия и первых лет ига. Во всяком случае, есть основания считать одним из древнейших

Рязанский песенный цикл, явившийся откликом на разгром Рязани Батыем в 1237 году. В устной народной традиции сохранилась одна песня из этого цикла — «Авдотья Рязаночка», следы других песен обнаруживаются в памятниках древней русской литературы.

В XVI веке песни героико-патриотического содержания начинают получать социальную окраску. В песне «Взятие Казани» пушкари, обеспечившие успех штурма города, вынуждены оправдываться перед царем. Есть песни, в которых царь несправедливо преследует военачальников, достойно исполняющих свой патриотический долг.

Со времени Ивана Грозного в песни входит тема отношения самодержавного государства и народа. Создается целая галерея песенных образов русских царей. Русская песня вполне определенно выразила отношение народа к Григорию Самозванцу, к Борису Годунову и другим, но с особенным вниманием отнеслась к Ивану Грозному и Петру Первому как личностям крупным, чья деятельность существенно повлияла на судьбы народа. В изображении обоих царей есть элементы идеализации — веры в их конечную справедливость, признание государственной мудрости и личной храбрости (особенно это относится к песенному Петру), но песня не проходит мимо их жестокости, суровости, противостоящих народной морали. В изображении царей в песнях немало наивного, подсказанного не реальными наблюдениями, а преданиями, слухами...

Заметно, что историческая песня склонна ставить в пример живым царям умерших, сталкивая с тяжелым настоящим несколько идеализируемое прошлое. Так, солдаты Семеновского полка, восставшего в 1820 году, то есть при Александре Первом, жалуются на свою судьбу Екатерине Второй.

Широко отразились в исторических песнях народно-освободительные движения. Центральное место занимает здесь цикл песен о Разине, по словам А. С. Пушкина, самом поэтическом лице русской истории, к нему примыкают циклы о Ермаке, о Некрасове, Булавине, других атаманах казачьей вольницы. Лейтмотив этих песен — поэтизация вольной жизни, борьбы за свободу и гибели за нее. С этими циклами в русский фольклор вошли песенные образы вольных рек — Дона, Волги, Яика, вольного моря Каспийского, степей Саратовских, воплощающих простор и свободу, размах народных сил, напряженность борьбы. Независимый казачий круг, противостоящий воеводам, боярам, мудрый и решительный атаман во главе его, отказ от прежнего образа жизни, основанного на подчинении, открытый вызов самодержавной власти, расправа с ненавистными угнетателями — все это воспевается во многих сюжетах. Осознание народом связи и пре-

емственности освободительных движений получает выражение в некотором единообразии песенных ситуаций, в повторении однотипных коллизий, хотя, конечно, песни о Ермаке, Разине, Некрасове при всем том обладают своей мерой исторической конкретности и художественной выразительности. Песен о Разине больше всего, вольнолюбивый пафос и дух борьбы выражен в них с особенной силой, но наряду с этим почти обязательно присутствует мотив горьких предчувствий.

Несколько особое место в песнях народной борьбы занимают сюжеты о Пугачеве: в одних он оказывается в ряду вольных казачьих атаманов, в других — предстает как самозванный царь, отношение к которому не вполне определенно. Очевидно, что такая двойственность образа отражала сложность представлений о Пугачеве в народной среде, столкновение разноречивых точек зрения и оценок.

В XVIII веке значительное развитие получает военно-историческая песня, преимущественно солдатская. Многочисленные войны, кампании XVIII—XIX веков находят в них отклик. Как правило, каждая песня посвящена одному событию — сражению, осаде, взятию города, обороне крепости, чьему-то подвигу, чьей-то гибели. Конкретность события закреплена в названиях, именах участников, иногда в датировке, в отдельных реалиях. События видятся глазами солдат, скорее всего — непосредственных участников. Солдатский взгляд на войну одновременно широк и конкретен. Рядом с батальными картинами, частными эпизодами в песнях даны характеристики и оценки, имеющие общенародный смысл, раскрывающие состояние страны в критические моменты истории. Так, рассказ о вымышленном проникновении Платова в стан Наполеона предваряется такими стихами:

Мать Россия, да мать Россия,
Мать Российская земля!
Много горя приняла,
Да много крови пролила.
Про тебя ли, мать Россия,
Далеко слава прошла...

Солдаты нередко — и главные герои песен: они решают судьбу тяжелых сражений, преодолевают лишения и невзгоды, всё терпя ради успеха дела; они находят слова, чтобы ободрить военачальника и высказать свое понимание исторического смысла происходящего. В песнях постоянны упоминания полководцев, командиров разного ранга. Наряду с воспеванием достойных, оставивших неизгладимый след в истории личностей, как Суворов или Кутузов, в песнях отразились склонность солдатской массы к возвеличению «своих» военачальников, а также осуждение бездарных

генералов, губящих напрасно армию, не понимающих солдатских нужд и интересов. Можно говорить о том, что историческая песня создала собирательный образ полководца, который уверенно и спокойно ведет свои войска, иногда и сам бросается в гущу боя, гибнет, и тогда солдаты оплакивают его... Военно-исторические песни не только создают своеобразную песенную летопись многочисленных войн, но и раскрывают наиболее драматичные, непосредственно касающиеся народа стороны войны как социального явления.

В отличие от былин, с их ясно выраженной поэтической структурой, исторические песни не обладают единой поэтикой. Создается даже впечатление известной подчиненности их поэтике других жанров. Так, старшие исторические песни напоминают былины (часто они и пелись как былины), в песнях XVII—XVIII веков сильны отголоски протяжных лирических песен; многие солдатские песни схожи с бытовыми плясовыми... Несомненно, однако, что различные жанровые и стилевые традиции объединяются в исторической песне тем, что можно назвать историческим началом.

Особо надо сказать о традициях былинного эпоса. Роль их, особенно в сюжетосложении исторической песни, исключительна. Песенные сюжеты нередко строятся путем творческого переосмысления и трансформации былинной сюжетики.

Так, в «Авдотье Рязаночке» эпизоды, ярко характеризующие подвиг женщины, идут от эпоса: героиня, подобно богатырям, одна отправляется на подвиг, ею же избранный (можно сказать — ей предуказанный); в духе былин она преодолевает фантастические препятствия; подобно героям былин (например, Садко) она должна выполнить трудную задачу — найти единственный ответ на вопрос царя, только тогда она может рассчитывать на успех...

В «Кострюке» былинные традиции выступают и в серьезной форме, и одновременно — в сатирическом, пародийном обличье: Кострюк подобен чужеземным «нахвальщикам», но сила его оказывается мнимой; ему противостоят и его побеждают не богатыри, а персонажи, как бы пародирующие былинных героев.

В песне о гневе Ивана Грозного на сына весь конфликт завязывается на царском пиру, который хотя и напоминает пир княжеский в былинах, но отличается от него прежде всего главной коллизией. Трансформация былинной ситуации как бы позволяет раскрыть масштабы исторических сдвигов, происшедших в русской истории за несколько столетий.

Особый интерес представляют случаи, когда эпическая преемственность выступает в более скрытых формах. Такова песня

«Платов в гостях у француза». Видимо, реально-исторической ее основой были смелые рейды Платова в тылу у противника. Но каким образом это могло воплотиться в сюжет о приходе атамана переодетым «в гости» к Наполеону? Ответить на этот вопрос помогает сравнение с былиной «Илья Муромец и Идолище». Как и Платов, Илья приходит к Идолищу в чужом виде; Идолище просит богатыря рассказать об Илье; из рассказа выясняется полная идентичность «гостя» и богатыря; Идолище хвастает тем, что готов сразиться с Ильей и победить его. Все эти эпизоды в обращенной форме присутствуют и в песне. Принципиально разнятся финалы: в былине Илья Муромец убивает своего противника, в песне Платов убегает — для торжества ему достаточно того, что он побывал у Наполеона, одурачил его и, лишь уходя, открылся ему. Связь с былиной придает песне особый смысл: согласно былине, встреча Ильи Муромца с Идолищем предуказана, равным образом предуказана и победа богатыря.

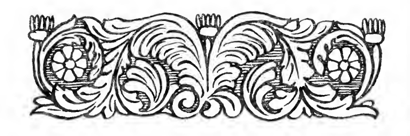
При кажущейся простоте любая историческая песня обладает глубиной содержания, которая открывается на фоне более широкого фольклорного контекста. Там, где в песнях не очень развернута сюжетная сторона, где преобладают статичные картины (как, например, в песнях казачьей вольницы или в некоторых солдатских), таким фоном выступают образы и картины народной лирики, фольклорная символика (например, герои, которые окружены сочувствием народа, уподобляются соколам, орлам; смерть воспринимается как переправа через реку; в мир человеческих переживаний включаются эмоциональные картины из мира природы и т. д.). Песням вообще присуща предельная сжатость поэтических характеристик, при которой на каждый образ, каждое слово выпадает очень большая содержательная и эмоциональная нагрузка. Поэтому народную песню надо читать медленно, постепенно погружаясь в ее художественный мир.

Историческая песня в классических ее образцах стала нераздельной частью русской культуры. Свободолюбивыми казачьими песнями восхищались Пушкин, декабристы, Белинский. Роман «Капитанская дочка» полон народно-песенных реминисценций; Пушкин записывал на Урале песни о Пугачеве, и они много дали ему для понимания личности вождя крестьянской войны. Белинский по поводу песен о Ермаке писал: «Какая широкая и размашистая поэзия, сколько в ней силы и простору душевного! Так и говорит: берегись, ушибу». В «Песне про купца Калашникова» Лермонтова многое навеяно песнями об Иване Грозном. В исторических романах писателей XIX—XX веков в разных формах используется исторический фольклор: нередко

цитируются либо упоминаются песни разного времени, романисты, создавая те или иные эпизоды, рисуя своих героев, опираются на народные песни. Так, в романе Ст. Злобина «Степан Разин» целая глава — «Разинский сынок» строится на основе творческого развития мотивов знаменитой песни о Сынке.

В русской исторической песне поэтически выражено народное понимание событий, конфликтов, времени, — шире — целых эпох.

АВДОТЬЯ РЯЗАНОЧКА

Подступал тута царь Бахмет турецкиий,
И разорял он старую Казань-город подлесную,
И полонил он народу во полон сорок тысячей,
Увел весь полон во свою землю.
Оставаласи во Казани одна женка Рязаночка,
Стосковаласи женка, сгореваласи:
У ней полонил три головушки —
Милого-то братца родимого,
Мужа венчального,
Свекра любезного.
И думает женка умом-разумом:
«Пойду я во землю турецкую
Выкупать хотя единыя головушки
На дороги́ хорошие на выкупы».
Царь Бахмет турецкий,
Идучи от Казани от города,
Напустил все реки, озера глубокие,
По дорогам поставил он все разбойников,
Во темных лесах напустил лютых зверей,
Чтобы никому ни пройти, ни проехати.
Пошла женка путем да дорогою:
Мелкие-то ручейки бродом брела,
Глубокие реки плывом плыла,
Широкие озера кругом обошла,
Чистые поля разбойников о полночь прошла
(О полночь разбойники опочин держат [1]),
Темные леса лютых зверей о полден прошла
(О полден люты звери да опочин держат),

[1] Опочин держать — спать.

Она так прошла да путем да и дорогою,
Пришла-де во землю турецкую
К царю Бахмы турецкому,
Понизешеньку ему поклонилася:
«Ты батюшка царь Бахмет турецкий!
Когда ты разорял старую Казань-город подлесную,
Полонил ты народа сорок тысячей,
У меня полонил три головушки —
Милого-то братца родимого,
И мужа венчального,
Свекра любезного.
И пришла я к тебе выкупати хотя единыя головушки
На дороги́ ли хоть на хорошие на выкупы».
Отвечал ей царь, ответ держал:
«Ты Авдотья женка Рязаночка!
Как ты прошла путем да и дорогою?
У меня напущены были все реки, озера глубокие,
И по дорогам были поставлены разбойники,
А во темных лесах были напущены люты звери,
Чтобы никому ни пройти, ни проехати».
Ответ держит ему Авдотья женка Рязаночка:
«Батюшка царь Бахмет турецкиий!
Я так прошла путем да и дорогою:
Мелкие-то речушки бродом брела,
А глубокие речушки плывом плыла,
Чистые поля разбойников о полночь прошла
(О полночь разбойники опочин держат),
Темные леса лютых зверей о полден прошла
(О полден люты звери опочин держат),
Я так прошла путем да и дорогою».
Говорит ей царь Бахмет турецкиий:
«Ты Авдотья женка Рязаночка!
Когда ты умела пройти путем да и дорогою,
Ты умей-ка попросить и головушки
Из трех единыя.
А не умеешь ты попросить головушки,
Так я срублю тебе по плеч буйну голову».
Стоючись, женка пораздумалась,
Пораздумалась женка, порасплакалась:
«Уж ты батюшка царь Бахмет турецкиий!
Я в Казани-то была женка не последняя,
Не последняя я была женка, первая.
Я замуж пойду, так у меня и муж будет,
Свекра стану звать батюшком;
Приживу я себе сына любезного,

Так у меня и сын будет;
Приживу я себе дочку любезную,
Воспою-скормлю, замуж отдам,
Так у меня и зять будет;
Не видать мне буде единыя головушки —
Мне милого братца родимого,
Да не видать век да и по веку».
Сижучись-де, царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался.
«Ты Авдотья женка Рязаночка!
Когда я разорял вашу сторону
Казань-город подлесную,
Тогда у меня убили
Милого-то братца родимого.
Не видать буде век да и по веку.
За твои-то речи разумные,
За твои-то слова за хорошие
Ты бери полону, сколько надобно,
Кто в родстве, в кумовстве, в крестном братовстве».
Начала женка ходить в земле турецкия,
Выбирати полон во свою землю.
Она выбрала весь полон земли турецкия,
Привела-де полон во свою Казань-город подлесную,
Расселила Казань-город по-старому,
По-старому да по-прежнему.

ЩЕЛКАН

А и деялося в Орде,
Передеялось в Большой.
На стуле золоте
На рытом бархате,
На чер[в]чатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает [1].
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.

[1] Ряды разряживать — отдавать распоряжения.

Шурьев царь дарил,
Азвяк Таврулович,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме.
Одного не пожаловал —
Любимого шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал —
Его дома не случилося.
Уезжал-то млад Щелкан
В дальную землю Литовскую
За моря синея;
Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы *,
Царски невыплаты:
С князей брал по сту рублев,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублев;
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.
Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царские невыплаты:
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублев,
Седло во тысячу,
Узде цены ей нет:
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем, узда, дорога,—
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать, тое узды
Ни продать, ни променять,
И друга дарить,
Щелкана Дюдентевича.
Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:

«Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов,
Любимых шуринов,
Двух удалых Борисовичев:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
«Гой еси, шурин мой
Щелкан Дюдентевич!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимого,
Крови ты чашу нацеди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия,
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацедил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия.
А втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцы родимыми,
Два удалыми Борисовичи.
И втепоры млад Щелкан
Он судьею насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.
А немного он судьею сидел:
И вдовы-то бесчестити,

Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадские,
Они жалобу приносили
Двум братцам родимыем,
Двум удалым Борисовичам.
От народа они с поклонами пошли,
С честными подарками;
И понесли они честные подарки —
Злата-серебра и скатного земчуга.
Изошли его в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича.
Подарки принял от них,
Чести не воздал им:
Втапоры млад Щелкан
Зачванелся он, загорденелся.
И они с ним раздорили:
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут его разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

Вы послушайте, ребята, что мы станем говорить,
А мы, старые старушки, станем сказывати,
Про Грозна царя Ивана про Васильевича.
Как царь-государь под Казань подступал,
Он под речку под Казанку подкоп подкопал,
Что подкоп подкопал, сорок бочек закопал
Что с тем ли ярым зельем *, черным порохом,
А на бочки становили воску ярого * свечи.
Злы татарове по городу похаживают,
Похваляются да выхваляются,
Что не быть Казанюшке под белым под царем.
А наш царь-государь распаляется,
Распаляется, прогневляется,
А на завтра пушкарей он велит всех казнить,
Всех пушкарщиков-зажигальщиков.

Как один пушкарь посмелей всех был:
«А за первое, царь, слово мне нет казни!
А в тиши-то свечи они тише горят,
На ветру-то свечи они шибче горят».
Не успел пушкарь слово вымолвить,
Как и взорвало стену белокаменную,
Поломало все башенки узорчатые.
Вдруг наш царь-государь очень весел стал,
А на утро пушкарей велит жаловати:
И всем пушкарям по пятидесят рублей,
Еще той ли славной улицей Сретенскою.

МАСТРЮК ТЕМРЮКОВИЧ

В годы прежние,
Времена первоначальные,
При бывшем вольном царе,
При Иване Васильевиче,
Когда холост был государь,
Царь Иван Васильевич,
Поизволил он женитися.
Берет он, царь-государь,
Не у себя в каменно́й Москве,
А берет он, царь-государь,
В той Золотой орде,
У того Темрюка-царя,
У Темрюка Степановича,
Он Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
Купаву крымскую,
Царицу благоверную.
А и царского поезду
Полторы было тысячи:
Князи-бояра, могучие богатыри,
Пятьсот донских казаков,
Что ни лутчих добрых молодцов.
Здравствует царь-государь
Через реки быстрые,
Через грязи смоленские,
Через лесы брынские,
Он здравствует, царь-государь,
В той Золотой орде,
У того Темрюка-царя,

У Темрюка Степановича
Он понял [1], царь-государь,
Царицу благоверную,
Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
И взял в провожатые за ней
Триста татаринов,
Четыреста бухаринов,
Пятьсот черкащенинов
И любимого шурина
Мастрюка Темрюковича,
Молодого черкашенина.
Уж царского поезду
Без малого три тысячи,
Везут золоту казну
Ко царю в каменну Москву
Переехал царь-государь
Он реки быстрые,
Грязи смоленские
И лесы брынские,
Он здравствует, царь-государь,
У себя в каменной Москве,
Во палатах белокаменных,
В возлюбленной крестовой своей
Пир навеселе повел,
Столы на радостях.
И все ли князи-бояра,
Могучие богатыри
И гости званые,
Пятьсот донских казаков
Пьют-едят, потешаются,
Зелено вино кушают,
Белу лебедь рушают.
А един не пьет да не ест
Царский гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин.
И зачем хлеба-соли не ест,
Зелена вина не кушает,
Белу лебедь не рушает?
У себя на уме держит:
Изошел он семь городов,
Поборол он семьдесят борцоғ

---

[1] Понять — взять.

И по себе борца не нашел.
И только он думает —
Ему вера поборотися есть
У царя в каменной Москве;
Хочет царя потешити
Со царицею благоверною
Марьею Темрюковною,
Он хочет Москву загонять,
Сильно царство Московское.
Никита Романович
Об том царю доложил,
Царю Ивану Васильевичу:
«А и гой еси, царь-государь,
Царь Иван Васильевич!
Все князи-бояра,
Могучие богатыри
Пьют-едят, потешаются
На великих на радостях,
Один не пьет, не ест
Твой царский гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин;
У себя он на уме держит —
Вера поборотися есть,
Твое царское величество потешити
Со царицею благоверною».
Говорит тут царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Ты садися, Никита Романович,
На добра коня,
Побеги по всей Москве,
По широким улицам
И по частым переулочкам».
Он будет, дядюшка
Никита Романович
Середь Урья Повольского,
Слободы Александровы,—
Два братца родимые
По базару похаживают,
А и бороды бритые,
Усы торженые *,
А платье саксонское,
Сапоги с рострубами,
Об ручку ту дядюшке челом:
«А и гой еси ты, дядюшка

Никита Романович!
Кого-ты спрашиваешь?
Мы борцы в Москве похваленые,
Молодцы поученые, славные».
Никита Романович
Привел борцов ко дворцу,
Говорили тут борцы-молодцы:
«Ты Никита Романович,
Ты изволь об том царю доложить, —
Сметь ли нага спустить [1]
С царским шурином
И сметь ли его побороть?»
Пошел он, Никита Романович,
Об том царю доложил,
Что привел борцов ко дворцу.
Злата труба протрубила
Во палате белокаменной, —
Говорил тут царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Ты Никита Романович,
Веди борцов на двор,
На дворец государевый,
Борцов ученыех,
Молодцов похваленыех,
И в том им приказ отдавай:
Кто бы Мастрюка поборол,
Царского шурина,
Платье бы с плеч снял
Да нагого с круга спустил,
А нагого, как мать родила,
А и мать на свет пустила».
Послышал Мастрюк борцов,
Скачет прямо Мастрюк
Из места большего,
Из угла переднего,
Через столы белодубовы,
Через ества сахарные,
Через питья медяные.
Левой ногой задел
За столы белодубовы,
Повалил он тридцать столов
Да прибил триста гостей —
Живы да не годны,

[1] Нага спустить — раздеть догола.

На карачках ползают
По палате белокаменной.
То похвальба Мастрюку,
Мастрюку Темрюковичу.
Выбежал тут Мастрюк
На крылечко красное,
Кричит во всю голову,
Чтобы слышал царь-государь:
«А свет ты вольный царь,
Царь Иван Васильевич!
Что у тебя в Москве
За похвальные молодцы,
Поученые, славные?
На ладонь их посажу,
Другой рукою раздавлю!»
С борцами сходится
Мастрюк Темрюкович,
Борьба его ученая,
Борьба черкасская,—
Колесом он бороться пошел.
А и малой выступается
Мишка Борисович.
Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь,
И смотрят их борьбу князи-бояра
И могучие богатыри,
Пятьсот донских казаков.
А и Мишка Борисович
С носка бросил о землю
Он царского шурина.
Похвалил его царь-государь:
«Исполать [1] тебе, молодцу,
Что чисто борешься!»
А и Мишка к стороне пошел,
Ему полно боротися.
А Потанька бороться пошел,
Костылем попирается,
Сам вперед подвигается,
К Мастрюку приближается.
Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь.
Потанька справился,
За плеча сграбился *,

---

[1] Исполать — спасибо, хвала, слава.

Согнет корчагою,
Воздымал выше головы своей,
Опустил о сыру землю:
Мастрюк без памяти лежит,
Не слыхал, как платье сняли.
Был Мастрюк во всем,
Стал Мастрюк ни в чем,
Ожерелья в пятьсот рублев
Без единые денежки,
А платья саксонского
Снял на три тысячи.
Со стыду и сорому
О карачках под крылец ползет.
Как бы бела лебедушка
По заре она прокликала,
Говорила царица царю,
Марья Темрюковна:
«Свет ты вольный царь
Иван Васильевич!
Такова у тебя честь добра
До любимого шурина?
А детина наругается,
Что детина деревенский,
Почто он платье снимает?»
Говорил тут царь-государь:
«Гой еси ты, царица во Москве,
Да ты Марья Темрюковна!
А не то у меня честь во Москве,
Что татары те борются,
То-то честь в Москве,
Что русак тешится!
Хотя бы ему голову сломил,
Да любил бы я, пожаловал
Двух братцев родимыех,
Двух удалых Борисовичев».

ГНЕВ ИВАНА ГРОЗНОГО НА СЫНА

На Страшно́й было неделе, во велик четверг,
Во матушке было каменной Москвы,
И кушал Грозный царь Иван Васильевич
Со князьми и с думныма боярами,

Со своима рожоныма со детушками,
Со Иваном со Ивановичем
И с Федором со Ивановичем.
И проговорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Повынес я порфиру царскую из Царяграда,
И повывел я измену с каменной Москвы,
Уж я выведу измену из Нова-города».
Говорит Иванушко Иванович:
«Свет государь мой батюшка!
Повывел ты измену с каменной Москвы,
А не повывести измены с Нова-города —
Твоя-то измена за столом сидит,
Ест, пьет измена с одного судка,
А платьице держит с одного плеча,
А думает дума за единое».
Не синее море всколыбалося,
Не сырые боры разгоралися —
Распылался Грозный царь Иван Васильевич:
«Ай же ты, Иванушко Иванович!
Доказывай измену за столом сидючись».
Тут Иванушко Иванович пораздумался:
«Мне на братца сказать — братца жаль,
На себя сказать — мне живу не бывать.
А столько не жаль братца, сколько себя».
«Свет государь мой батюшка!
А которой улицей ты ехал, батюшка,
Всех сек, и колол, и на кол садил;
И которой улицей я ехал,
Всех сек, и колол, и на кол садил;
А которой улицей ехал Федор Иванович,
Он писал ярлыки милóстивые
И кидал по улицам новогородскиим».
Распылался Грозный царь Иван Васильевич
На свои на семена на царские,
На свое рожоное на дитятко,
На того ли Федора Ивановича,
Закричал он зычным голосом:
«Ай же вы, палачи немилостливые!
Берите-тко Федора Ивановича
За него за ручки за белые,
За него за перстни за злаченые,
А ведите-ка его на болото на Житное,
Отрубить ему буйну голову».
Все за столом призамолкнули,
Меньший хоронится за большего,

Больший хоронится за меньшего,
А от меньшего мал ответ живет.
За тым столом за дубовыим
Сидел Малютушка Скурлатов сын,
Стал он говорить таково слово:
«Ай же Грозный царь Иван Васильевич!
А моя-то работушка ко мне пришла».
Схватил он Федора Ивановича
За него за ручки за белые,
За него за перстни за злаченые
И повел его на болото на Житное,
Ко той ли плашке ко липовой,
Срубить ему буйну голову.
За тым столом за дубовыим
Сидела родима его матушка,
Хороша Настасья Романовна;
Скочила она на резвы ноги,
Шубоньку надела на одно плечо,
Бежала ко братцу ко родимому,
Хорошу Микиты Романовичу.
Она плачет горючьми слезьми,
А братец сидит за столом за дубовыим,
Ест, пьет, проклажается *.
Проговорит Микитушка Романович:
«Чего ты плачешь горючьми слезьми?» —
«Ай же ты, братец мой родимый!
Ешь ты, пьешь, проклажаешься,
Над нами невзгодушки не ведаешь:
Пала звезда поднебесная,
Погасла свеча местная [1]—
Не стало у нас красного солнышка,
Не стало у нас Федора Ивановича:
Повел его Малюта Скурлатов сын
На тое болото на Житное,
На тую на казень на смертную».
Молодой Микитушка Романович
Не крестил своего личика белого,
Не закрывал кушаньев сахарниих,
Скочил из-за стола за дубового,
Скричал же зычным голосом:
«Ай же вы слуги мои верные,
Седлайте-ка коня богатырского!»

---

[1] Свеча местная — в большом подсвечнике, очень больших размеров.

Он шапку надевал на одно ухо,
Халат надевал на одно плечо,
Скоро садился на добра коня
И поехал на болото на Житное,
Ко той ко плашке ко липовой,
Ко той ко казени ко смертныя.
Лежит Федор Иванович
На той на плашке на липовой,
Пораспраалены его ручки белые,
Призаперты очи ясные.
Приезжает Микитушка Романович,
Скоро сходил со добра коня
И хватал Федора Ивановича:
«Ай же любимый мой племничек,
Теперича тебе не к суду пришло!»
Садил его на добра коня,
Единой рукой коня ведет,
А дру́гой рукой его держит.
Привозил его во высок терем
И ладит пойти ко завтрени ко ранния,
Ко христосьской ко заутрени.
И приходит ко завтрени ко ранния,
Ко христосьской ко заутрени,
Он крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому
На все на три, на четыре па сторонушки,
Проздравляет Грозного царя Ивана Васильевича:
«Проздравляю тебя, Грозный царь Иван
Васильевич,
Со своима рожонымa со детушками,
Со Иваном со Ивановичем
И со Федором Ивановичем!»
Проговорил Грозный царь Иван Васильевич:
«Пала звезда поднебесная,
Погасла свеча местная —
Нет жива рожоного дитятка,
Молода Федора Ивановича».
Говорит Микитушка Романович:
«Проздравляю тебя, Грозный царь Иван
Васильевич,
Со своима рожоныма со детушками,
Со бо́льшим Иваном Ивановичем
И со меньшим Федором Ивановичем!»
«Ай же ты шурин мой любимый!
Разве тебе-ка-ва несведома незгодушка?

Не стало у нас Федора Ивановича».
Заходит шурин со бела лица,
Бьет челом, покланяется:
«Ты здравствуешь, Грозный царь Иван
Васильевич,
Со своима рожоныма со детушками,
Со большим Иваном Ивановичем
И со меньшим Федором Ивановичем —
Есть Федор Иванович во живности».
Поглянул Грозный царь тухлым оком,
Закричал громким голосом:
«Ай же вы слуги оружейные!
Подите с Микитой Романовичем
Ко его ко терему высокому.
Если есть Федор Иванович во живности,
Буду Микитушку жаловать;
Если нет Федора Ивановича во живности,
Будет казень смертная для велика дня».
Приходил Микита Романович во высок терем,
Говорил он таково слово:
«Ай же ты Федор Иванович!
Пойдем ко завтрени ко ранния,
Ко христосьския ко заутрени».
Проговорил Федор Иванович:
«Ай же ты дядюшка Микита Романович!
Страшно мне другожды родитися,
К своему ко батюшку явитися».
Проговорит Микитушка Романович:
«Сказана нам казень смертная для велика дня»
Походит Федор Иванович
И приходит во церкву соборную
Ко той христосьской заутрени.
Увидел Грозный царь Иван Васильевич,
Взял его за белы руки
И целовал во уста во сахарние,
Сам говорил таково слово:
«Ай же ты Микитушка Романович!
Чем тебя пожаловать?
Красным ли золотом, чистым ли серебром,
Городами ли с пригородками,
Селами ли со приселками,
Господами ли со крестьянами?»
Проговорит Микита Романович:
«Не надо мне-ка-ва чистого серебра,
Не надо мне-ка-ва красного золота,

Городов с пригородками,
И сел со приселками,
И господ со крестьянами,
А дай мне Микитину вотчину:
Кто коня уведет, кто жену украдет, —
Столько быв ушел в Микитину вотчину,
А всем было бы прощеньице».
И пожаловал его Микитиной вотчиной:
Кто коня уведет, кто жену украдет, —
Столько быв ушел в Микитину вотчину,
Того бог помиловал,
А государь во вины простит.

ЕРМАК У ИВАНА ГРОЗНОГО

Как на славных на степях было Саратовских,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый круг,
Как донские, гребенские и яицкие.
Атаман у них Ермак сын Тимофеевич,
Есаул у них Асташка сын Лаврентьевич.
Они думали думушку все единую:
«Уж как лето проходит, лето теплое,
А зима настает, братцы, холодная,
Как и где-то нам, братцы, зимовать будет?
На Яик нам идтить — да переход велик,
Да на Волге ходить нам — всё ворами слыть,
Под Казань-град идтить — да там царь стоит,
Как Грозной-то царь Иван Васильевич;
У него там силы много множество.
Да тебе, Ермаку, быть там повешену,
А нам, казакам, быть переловленным
Да по крепким по тюрьмам порассоженным».
Как не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная речь громко возговорит —
Речь возговорит Ермак сын Тимофеевич:
«Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте!
Зазимуем мы, братцы, все в Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся;
А как вскроется весна красная,

Мы тогда-то, други-братцы, во поход пойдем,
Мы заслужим пред Грозным царем вину свою:
Как гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
Как и те-то корабли, братцы, не орленые *,
Мы убили посланничка всё царского,
Как того-то ведь посланничка Персидского».
Как во славном было городе во Астрахани,
На широкой на ровной было площади,
Собирались казаки-други во единый круг,
Они думали думу крепкую,
Да и крепкую думушку единую:
«Как зима-то проходит всё холодная,
Как и лето настанет, братцы, лето теплое.
Да пора уж нам, братцы, в поход идтить».
Речь возговорит Ермак Тимофеевич:
«Ой вы гой еси, братцы атаманы-молодцы!
Эй вы делайте лодочки-коломенки *,
Забивайте вы кочета * еловые,
Накладайте бабаички * сосновые.
Мы поедемте, братцы, с божьей помочью,
Мы пригрянемте, братцы, вверх по Волге по реке,
Перейдемте мы, братцы, горы крутые,
Доберемся мы до царства бусорманского,
Завоюем мы царство Сибирское,
Покорим его мы, братцы, царю белому,
А царя-то Кучума во полон возьмем.
И за то-то государь-царь нас пожалует.
Я тогда-то пойду сам ко белу царю,
Я надену тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку под мышечку,
Принесу я царю белому повинную:
«Ой ты гой еси, надежа православный царь!
Не вели меня казнить, да вели речь говорить.
Как и я-то, Ермак сын Тимофеевич,
Как и я-то, воровской донской атаманушка,
Как и я-то гулял ведь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому,
Как и я-то разбил ведь бусы-корабли,
Как и те-то корабли всё не орленые.
А теперича, надежа православный царь,
Приношу тебе буйную головушку
И с буйной головой царство Сибирское».
Речь возговорит надежа православный царь,

Как и Грозной-то царь Иван Васильевич:
«Ой ты гой еси, Ермак сын Тимофеевич,
Ой ты гой еси, войсковой донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и со войском твоим,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мне за верную,
И я жалую тебе, Ермак, славный тихий Дон».

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВ

Ты боже, боже Спас милостивый!
К чему рано над нами прогневался,
Сослал нам, боже, прелестника *,
Злого Расстригу Гришку Отрепьева?
Ужели он, Расстрига, на царство сел?
Называется Расстрига прямым царем,
Царем Димитрием Ивановичем Углицким.
Недолго Расстрига на царстве сидел,
Похотел Расстрига женитися,
Не у себя-то он в каменной Москве,
Брал он, Расстрига, в проклятой Литве,
У Юрья пана Седомирского
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу-безбожницу.
На вешний праздник Николин день,
В четверг у Расстриги свадьба была,
А в пятницу праздник Николин день,
Князи и бояра пошли к заутрени,
А Гришка Расстрига он в баню с женой;
На Гришке рубашка кисейная,
На Маринке соян хрущатой камки.
А час-другой поизойдучи,
Уже князи и бояра от заутрени,
А Гришка Расстрига из бани с женой.
Выходит Расстрига на Красной крылец,
Кричит-ревет зычным голосом:
«Гой еси, ключники мои, приспешники!
Приспевайте кушанье разное,
А и постное и скоромное:
Заутра будет ко мне гость дорогой,
Юрья пан со паньею».
А втапоры стрельцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,

В Боголюбов монастырь металися,
К царице Марфе Матвеевне:
«Царица ты Марфа Матвеевна!
Твое ли это чадо на царстве сидит,
Царевич Димитрий Иванович?»
А втапоры царица Марфа Матвеевна заплакала
И таковы речи во слезах говорила:
«А глупы стрельцы вы, недогадливы!
Какое мое чадо на царстве сидит,—
На царстве у вас сидит Расстрига
Гришка Отрепьев сын.
Потерян мой сын
Царевич Димитрий Иванович на Угличе
От тех от бояр Годуновыех,
Его мощи лежат в каменной Москве
У чудных Софеи Премудрыя,
У того ли-то Ивана Великого
Завсегда звонят во царь-колокол,
Соборны попы собираются,
За всякие праздники совершают панихиды
За память царевича Димитрия Ивановича,
А Годуновых бояр проклинают завсегда».
Тут стрельцы догадалися,
Все они собиралися,
Ко Красному царскому крылечку металися
И тут в Москве взбунтовалися.
Гришка Расстрига догадается,
Сам в верхни чердаки убирается
И накрепко запирается.
А злая его жена Маринка-безбожница
Сорокою обвернулася
И из палат вон она вылетела.
А Гришка Расстрига втапоры догадлив был,
Бросался он со тех чердаков на копья острые
Ко тем стрельцам, удалым молодцам,
И тут ему такова смерть случилась.

ГИБЕЛЬ ПОЖАРСКОГО

За рекою, переправою,
За деревнею Сосновкою,
Под Конотопом под городом,
Под стеною белокаменной,

На лугах, лугах зеленыех
Тут стоят полки царские,
Все полки государевы,
Да и роты были дворянские.
А из далеча-далеча из чиста поля,
Из того ли из раздолья широкого
Кабы черные вороны табуном табунилися, —
Собирались-съезжались
Калмыки со башкирцами.
Напущалися татарове
На полки государевы,
Они спрашивают, татарове,
Из полков государевых
Себе сопротивника.
А из полку государева
Сопротивника не выбрали
Ни из стрельцов, ни из солдат-молодцов.
Втапоры выезжал Пожарский-князь,
Князь Семен Романович,
Он боярин больший слывет,
Пожарский-князь.
Выезжал он на вылазку
Сопротив татарина
И злодея наездника.
А татарин у себя держит в руках
Копье острое,
А славны Пожарский-князь
Одну саблю острую
Во рученьке правыя.
Как два ясные соколы
В чистом поле слеталися,
А съезжались в чистом поле
Пожарский-боярин с татарином.
Помогай бог, князю
Семену Романовичу Пожарскому!
Своей саблей острою
Он отводил остро копье татарское
И срубил ему голову,
Что татарину наезднику.
А завыли злы татарове поганые —
Убил у них наездника,
Что не славного татарина.
А злы татарове крымские,
Они злы да лукавые —
Подстрелили добра коня

У Семена Пожарского.
Падает его окарачь добрый конь,
Воскричит Пожарский-князь
Во полки государевы:
«А и вы солдаты новобраные,
Вы стрельцы государевы!
Подведите мне добра коня,
Увезите Пожарского,
Увезите во полки государевы!»
Злы татарове крымские,
Они злы да лукавые,
А металися грудою,
Полонили князя Пожарского,
Увезли его во свои степи крымские,
К самому хану крымскому,
Деревенской шишиморы [1].
Его стал он допрашивать:
«А и гой еси, Пожарский-князь,
Князь Семен Романович!
Послужи мне верою,
Да ты верою-правдою,
Заочью *, не изменою,
Еще как ты царю служил,
Да царю своему белому,
А и так-то ты мне служи,
Самому хану крымскому.
Я ведь буду тебе жаловать
Златом и серебром,
Да и женки прелестными
И душами красными девицами».
Отвечает Пожарский-князь
Самому хану крымскому:
«А и гой еси, крымский хан,
Деревенский шишиморы!
Я бы рад тебе служить,
Самому хапу крымскому,
Кабы не скованы мои резвы ноги,
Да не связаны белы руки
Во чембуры * шелковые;
Кабы мне сабелька острая,
Послужил бы тебе верою
На твоей буйной голове,
Я срубил [бы] тебе буйну голову!»

[1] Шишимора — здесь, вероятно, плут, мошенник.

Скричит тут крымский хан,
Деревенский шишиморы:
«А и вы татары поганые!
Увезите Пожарского на горы высокие,
Срубите ему голову,
Изрубите его бело тело
Во части во мелкие,
Разбросайте Пожарского
По далече чисту полю!»
Кабы черные вороны
Закричали-загайкали,
Ухватили татарове
Князя Семена Пожарского,
Повезли его татарове
Они на гору высокую,
Сказнили татарове
Князя Семена Пожарского,
Отрубили буйну голову,
Иссекли бело тело
Во части во мелкие,
Разбросали Пожарского
По далече чисту полю,
Они сами уехали
К самому хану крымскому
Они день-другой не идут,
Никто не проведает.
А из полку было государева
Казаки двое выбрались,
Эти двое казаки-молодцы
Они на гору пешком пошли,
И [в]зошли тута на гору высокую,
И увидели те молодцы
То ведь тело Пожарского:
Голова его по себе лежит,
Руки, ноги разбросаны,
А его бело тело во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Эти казаки-молодцы его тело собрали
Да в одно место складовали,
Они сняли с себя липовый луб
Да и тут положили его,
Увязали липовый луб накрепко,
Понесли его, Пожарского,
Конотопу ко городу.
В Конотопе-городе

Пригодился там епископ быть,
Собирал он, епископ, попов и дьяконов
И церковных причетников
И тем казакам, удалым молодцам,
Приказал обмыть тело Пожарского.
И склали его бело тело
В домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою белодубовою
А и тут люди дивовалися,
Что его тело вместо срасталося.
Отпевавши надлежащее погребение,
Бело тело его погребли во сыру землю
И пропели петье вечное
Тому князю Пожарскому.

КАЗАКИ И КНЯЗЬ РЕПНИН

Промеж было Казанью, промеж Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Из тое ли было нагорную сторонушки
Как бы прошла-протекла Камышевка-река,
Своим устьем она впала в матушку Волгу-реку.
А по славной было матушке Камышевке-реке
Выгребали-выплывали пятьдесят легких стругов
Воровскиех казаков,
А на всяком стружечку по пятьдесят гребцов,
По пятьдесят гребцов, воровскиех казаков.
Заплывали-загребали в Коловинские острова,
Становились молодцы во тихих заводях
Выгулять они на зеленые луга,
Расставили майданы [1] терские
И раздернули ковры сорочинские *;
А играли казаки золотыми они тавлеями *,
Кто-де костью, кто-де картами — все удалы молодцы.
Посмотрят молодцы вниз по Волге-реке:
Как бы чернь-то на Волге зачернеется,
А идут гребные из Астрахани.
Дожидались казаки, удалые молодцы,
Губернатора из Астрахани

[1] Майдан — здесь: стол для игры в кости или карты.

Репнина-князя Данилу Александровича.
А на что душа рождена, того бог и дал.
Подошли те гребные в Коловинские острова,
И бросали казаки они потехи все,
И бросалися во свои легоньки стружки,
Напущалися казаки на гребные струги,
Они все тута торговых перещупали,
Они спрашивают губернатора из Астрахани:
«А токо ли он с вами, покажите его нам,
А до вас, до купцов, удалых молодцов, и дела нет».
Потаили купцы губернатора у себя,
Они спрятовали под товары под свои.
Говорили молодцы, воровские казаки:
«А вы сами себе враги, за что его спрятовали».
Обыскали под товарами губернатора
Репнина-князя Данилу Александровича,
Изрубили его во части мелкие,
Разбросали по матушке Волге-реке,
А его-то госпожу, губернаторску жену,
И со малыми детушками
Они все, молодцы, воровские казаки, помиловали,
А купцов-молодцов ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги,
Пошли по Камышевке-реке.

ПЕСНЯ РАЗИНЦЕВ

Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей-ка част крупен дождик,
Ты размой, размой земляну тюрьму.
Что тюремщички, братцы, разбежались,
Во темном лесе собирались.
Во дубравушке во зелененькой
Ночевали тут добры молодцы,
Под березонькой они становились,
На восход богу молились,
Красну солнышку поклонились:
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди над высокою,
Над дубравушкой над зеленою,
Над урочищем добра молодца,
Что Степана свет Тимофеича.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,

Обогрей ты нас, людей бедных,
Людей бедных, солдат беглых,
Добрых молодцев беспачпортных.
Мы не воры и не разбойнички —
Добры молодцы все охотнички,
Атамановы мы работнички,
Есауловы мы помощнички».

СТЕПАН РАЗИН НА ВОЛГЕ

Как у нас было на Волге — не черны́м-то зачернелось,
Не черным-то зачернелось, не белы́м-то забелелось,
Не белым-то забелелось, не красны́м-то закраснелось,
Не красным-то закраснелось, зачернелося на Волге,
Зачернелося на Волге Стенька Разина собранье,
Забелелися на Волге Стеньки вольны парусочки,
Закраснелися на Волге Стеньки вольного стружочки.
Что не гром на Волге грянул, Стенька Разин слово молвил,
Стенька Разин слово молвил: «Вы ребята, не робейте,
Вы гребите, не робейте, своей силы не жалейте.
Астрахань-город пройдем в полуночи,
А черный (Казань) — город на бело́й зорьке».
Увидали, усмотрели астрахански часовые,
Астрахански часовые со своей высокой башни,
Со своей высокой башни, воеводе доложили.
Астраханский воевода велел в колокол звонити,
Велел в колокол звонити да из пушечек палити.
Что·возгóворит Стенька Разин: «Ой ты гой еси, воевода,
Пушкарей ты не турбачь же, свого пороху не трать же,
Меня пушечка не во́зьмет, меня ядрышко не у́бьет».

СЫНОК СТЕПАНА РАЗИНА

Как во городе было во Астрахани
Проявился тут детинушка незнамый человек.
Чисто, щепетко * по городу похаживает,
Зелен сафьян сапожки на его резвых ногах,
Черный бархатный кафтанчик нараспашечку,
Черна шляпа с позументом * на его черных кудрях.
Он почету не давал астраханским купцам,

Астраханскому губернатору не кланялся,
К астраханскому губернатору на суд не шел.
Как увидел губернатор из своего светла окна,
Как возговорит губернатор таковые словеса:
«А и есть ли у меня слуги верны про меня!
Так подите, приведите удалого молодца».
А и взяли молодца из царева кабака,
Приводили удалого к губернатору на двор,
Его стал губернатор крепко спрашивати,
Стал тяжелым допросом допрашивати:
«Ты скажи, скажи, детинушка незнамый человек,
Ты с которой стороны, из которых городов:
Аль московский, аль казанский, али наш ты
астраханский,
Аль ты с Дону казак, аль казачий ты сын?»
Как держал ответ молодчик губернатору самому:
«Не московский, не казанский и не ваш я
астраханский,
И не с Дону я казак, не казачий я сын,
А я сосланный со Камы со реки,
Со Камы со реки, Стеньки Разина сынок.
А на утро мой батюшка будет в гости к тебе,
Ты умей его встречать, умей потчевати».
Как на то ли губернатор да рассердился:
«Отведите, посадите удалого молодца,
Удалого молодца в белокаменну тюрьму».
Как по Волге, по Волге-реке
Как плывет-выплывает легка лодочка косна [1],
На косной-то гребцов шестьдесят пять молодцов,
У ней главный атаман-то Стенька Разин сам.
Как возговорит Сенюшка таковые словеса:
«А и тошно мне, братцы, вам тошно сказать,
Мне больно не мочно, подайте воды,
Мне подайте воды со Волги-реки,
Со Волги-реки, со правой стороны.
Ах верно мой сыночек поиман сидит,
Поиман сидит да печалуется,
Губернатор-то над ним насмехается.
А и гряньте, удалые, к Астрахани.
А мы в Астрахань придем, и мы крепость разберем,
Удалых молодчиков повыпустим,
А любезного сыночка мы выручим».

[1] Лодочка косна — легкая парусная лодка, обычно на 6—12 весел.

РАЗИН И КАЗАЧИЙ КРУГ

Песня первая

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городу,
Породился удалой добрый молодец
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думу не думывал,
Ходил-гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепкую думушку с голудьбою:
«Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемте, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно,
Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цве́тное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем».

Песня вторая

Как во городе Черкасском ни со вечера у нас,
у казаченьков,
Есаул-то донской рано клич закликал:
«Уже вы други мои, дружечки,
Вы не пейте-ка дарового вина,
Пойлица некупленного!
Поутру-то у нас, у казаченьков,
Будет-то у нас восповальный круг».
Во кругу-то стоит золотой бунчук *,
У стены стоит раскрашенный стул,
На стуле-то сидит войсковой атаман,
Перед ним-то стоит войсковой писарь,
Во руках-то он держит три указушка,
Они все скоро написанные,
Они переписанные все про Стеньку Разина,
Чтобы выслать его в каменну Москву.
Никогда-то у нас Стенька Разин
Да он в круг не хаживал,
А теперь-то он во кругу стоит.
На нем сапожки козловые на босу ногу,
Зеленый его кафтанчик нараспашечку,
Свою шапочку-кабардиночку
Держит во подмышечке.

Возговорил он таковы слова:
«Не умыслы царские — умыслы боярские!»
Повернулся Стенька Разин —
Из круга вон пошел.

ЕСАУЛ СООБЩАЕТ О КАЗНИ РАЗИНА

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца.
Не сокол летал по поднебесью,
Есаул гулял по насадику [1],
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцов побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробужайтесь, казаки донски!
Нездорово на Дону у нас,
Помутился славный тихий Дон
Со вершины до черна моря,
До черна моря Азовского,
Помешался весь казачий круг,
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина.
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову».

СТРЕЛЕЦКИЙ КРУГ

На святой-то Руси в кременной Москве
Было на площади,
Собирались там стрельцы-бойцы
Во единый круг.
Как увидел их с высока́ терема
Атаманушка,
Он подходит к ним,
Низко кланяется:

[1] Насад — речное судно с поднятыми бортами.

«Да и здравствуйте вы, ребятушки,
Вы стрельцы-бойцы!
Да и что это у вас, стрельцов-бойцов,
Да за круг собрат?»
«Собрал-то нас, стрельцов-бойцов,
Православный царь.
Он допрежде нас дарил жалованьем,
А теперь казнить велит:
Как и пятого, и десятого
Кнутом сечь,
Как и третьего, и четвертого
Казнить-вешать.
Попроси царя, атаманушка,
Чтоб простил стрельцов».
«Если вас простить — так бояр казнить».

НЕКРАСОВ УВОДИТ КАЗАКОВ

Помутился, возмутился наш славный тихий Дон,
Помутился, возмутился с вершин вплоть до устьица,
До самого до славного до города Черкасского.
Возмутил его, помутил его, братцы, донской казак,
Что Игнатьюшка сын Иванович Некрасов.
Игнатьюшка сын Иванович со реки ушел,
Он ушел, увел силы-рати сорок тысяч,
Опричь-де, опричь-де стариков старожилыих,
Опричь-де малолеточков малолетниих,
От умов-де, от умов-де казачьих прироженыих.
Со вечера добры молодцы в поход собиралися,
Во глуху полночь перелазили славный тихий Дон,
На белой заре перелазили славну Непричку,
На восходе солнца красного перелазили Дунай быструю.
Перелеземши Дунай быструю, становилися,
Становились добры молодцы в зеленых лугах,
Расположились добры молодцы казачьим теплым лагерем,
Распускали добры молодцы знамечку позлащенную,
Собирался к златой знамечке казачий круг.
Во кругу стоит хорошенький раздвиженный стул,
На стулу сидит наш ласковый атаманушка,
Что Игнатьюшка сын Иванович Некрасов.
Перед ним стоят его сотнички, пятидесятнички
Да любезные его стоят все хорунжие.
Они пишут от Игнатьюшки скорый липорт [1]

[1] Липорт — испорч. «рапорт».

И шлют его с скорым послом, с каленой стрелой,
Ко нашему ко батюшке ко белому царю,
Как ко Пётрушке сыну Алексеевичу:
«Спасибо те, батюшка, ты нас поил-кормил,
Ты поил-кормил нас, батюшка, берёг, жаловал,
Ты в одном же на нас, батюшка, прогневался —
Ты прислал же к нам на тихий Дон разыщика,
Ты разыщика прислал к нам Долгорукова.
Без указа осударева он разорять нас стал,
Без московского курьера командировать нас[1] стал.
Стариков наших старожилых велит казнить-вешать,
Молодых казаков берет он во солдаты,
Молоденьких малолеточков берет он во некруты,
Молодых красных девушек берет во постелю,
Он маленьких младенцев кидает за заборы.
Оттого-то мы бросили житье-бытье свое, богачество,
Мы пошли-то к турецкому хану в подданьице».
Доведался о том батюшка православный царь,
Выходил батюшка на красен крылец,
Возговорил батюшка православный царь таковы слова:
«Уж вы гой еси, мои слуги верные!
Вы подайте мне коня резвого сивогривого,
Оседлайте его вы седелицем черкасскиим,
Побегу я, православный царь, ко Игнатьюшке,
Ворочу его я, Игнатьюшку, его со путинушки».
Подбегал наш батюшка к Дунай-реченьке,
Он сымал-сымал с себя пухову шляпу,
Он махал-махал Игнатьюшке сыну Ивановичу:
«Воротись-ка ты, Игнатьюшка, назад домой!»
Говорит речь Игнатьюшка царю белому:
«Прощай, прощай нас, батюшка православный царь!
Спасибо те, батюшка, ты нас поил-кормил,
Поил-кормил ты нас, православный царь, берёг-жаловал».
Пошел тут наш Игнатьюшка во путинушку,
Во путинушку пошел, в чужу дальную земелюшку.

ВОЙНА С КОРОЛЕМ ШВЕДСКИМ

Как далеченько было во чистóм поле,
Как еще-то того подале — при долинушке,
При ши́рокой при зе́леной вот при дубровушке,

[1] Командировать нас — командовать нами.

Как не белые в поле лебеди забелелися,
Не лазоревы цветочки закраснелися —
Забелелися в поле шатрики полотняные,
Закраснелись у нас знаменушки государевы.
Государевы все шатры, вот шатёрики при долу́ стоят,
Как один-то, единый вот шатёрик-от при бугре стоит,
При бугре стоит, при бугрике, при бугорчике,
Что свеча горит, что свеча горит,
При бугре стоит, что свеча теплится,
Что свеча теплится воску ярого.
Ой да полочки, и подполочки, и подзорушки * были
с позументами,
Да и крыша на этом шатёрике плису-бархату,
Как на самой на вершинушке чуден зо́лот крест.
Как во этом шатёрике стоял белый царь,
Как государь наш батюшка Петр Алексеевич,
Во этом шатёрике погуливал, он погуливал,
В подзорную во трубочку сам поглядывал, он поглядывал,
Во серебряную во сиповочку * выговаривал, выговаривал,
На своих-то на детушек сам поглядывал:
«Уж вы детушки мои, ребятушки!
Что нам делать, что нам делати?
К нам хотел шведский король в гости побывать, хотел
в гости побывати.
Да и чем его, детушки, будем потчевать, будем
потчевати?
У нас, детушки-ребятушки, пиво не варено, зеленого
вина нет».
«У нас, батюшка православный царь, всё готово, всё
приготовлено,
Как у нас, братцы-ребятушки, в Москве пироги печены,
В Москве пироги печены, в сухари они крошены,
В сухари они крошены, в Туле сушены,
В Туле сушены, по солдатам розданы».

ПОД СЛАВНЫМ ГОРОДОМ ПОД ОРЕШКОМ

Злодей, злодей, ретиво сердце,
Что ты ныло, ретивое, занывало,
Ничего ты мне, сердечко, не сказало,—
Да что быть мне, молодцу, в рекрутах,
Во солдатах быть мне и в походе
Что под славным городом под Орешком,

А по нынешнему званию Шлиссельбургом.
Что заслышав воры шведы догадались,
Что ударили они в барабаны,
Наши русские солдатушки в литавры.
Да что взговорит наш государь-царь:
«Ах вы гой еси, братцы генералы!
Вы придумайте мне, братцы, пригадайте,
Еще как нам будет взять Орешек».
«Ах ты гой еси, наш батюшка государь-царь!
Что не лутче ль нам от города отступити».
Что возговорит государь-царь ко солдатам:
«Ах вы гой еси, мои детушки солдаты!
Вы придумайте мне думушку, пригадайте —
Еще брать ли нам иль нет Орех-город?»
Что не ярые пчелушки во улье зашумели —
Да что взговорят российские солдаты:
«Ах ты гой еси, наш батюшка государь-царь!
Нам водою к нему плыти — не доплыти,
Нам сухим путем идти — не досягнути[1],
Мы не будем ли от города отступати,
А будем мы его белою грудью брати».

ЦАРЬ ПЕТР В ЗЕМЛЕ ШВЕДСКОЙ

Как никто-то про то не знает, не ведает,
Что куда-то наш государь-царь собирается.
Чистым серебром кораблики изнаполнил,
Красным золотом судепышки изукрасил.
Он берет-то с собой силушки очень мало,
Что одних-то преображенскиих гренадеров.
Как приказ-то дает наш батюшка царь белый:
«Ой вы слушайте, офицерушки и солдаты!
Не зовите вы меня ни царем своим, ни государем,
А зовите вы меня заморскиим купчиной».
Уж и грянул государь-царь по морю гуляти.
Как носило-то царя по морю неделю,
Что носило царя белого в другую,
Принесло-то его ко Стекольному государству,
Что к тому ли Шведскому королевству.
Не купчинушка по городу гуляет,
Что никто-то купчину не узнáет,

[1] Не досягнути — не достигнуть, не достать.

Узнавал только его гетман земли Шведской.
Поскорехонько он к королевнушке метался:
«Ах ты гой еси, наша матушка королевна!
Не купчинушка по городу гуляет —
Что гуляет-то по городу царь белый».
Как на красное крылечко королевна выходила,
Она семи земель царей портреты выносила,
По портрету царя белого узнавала,
Закричала королевна громким голосом:
«Ой вы гой еси, мои шведские генералы!
Запирайте вы воротички покрепче,
Вы ловите царя белого скорее».
Уж и тут-то наш батюшка не пугался,
Обо всех он шведских замыслах догадался,
Ко крестьянину он на двор скоро бросался:
«Ты бери-ко, бери, крестьянин, денег вдоволь,
Ты вези меня на край синя моря».
Скоро вывез его крестьянин на край синя моря,
А скорей того в кораблик государь-царь садился,
Закричал он своим матросам и солдатам:
«Ой вы гряньте-ко, ребятушки, дружнее,
Вы гребите и плывите поскорее».
Как и первая погоня царя белого догоняет,
А другая-то погонюшка настигает.
Как возговорит погоня к царю-государю:
«Ты возьми-ко, возьми, царь белый, нас с собою,
А не возьмешь ты нас, батюшка, с собою,
Уж не быть-то нам, горьким, живыми на свете».
И тут же вся погоня в сине море побросалась,
А наш царь-государь во святую Русь возвратился.

ПЕТР ПЕРВЫЙ И МОЛОДОЙ ДРАГУН

У дворца, дворца было государева,
У того крыльца у крашоного,
Стоял тут раздвижный стул,
На стулу сидит православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич,
Перед ним стоят князья-бо́яре.
Речь возговорил православный царь:
«Ой вы гой еси, князья-бо́яре!
Нет ли из вас охотничка
Со белым царем побоprotися,

За проклад[1] царя потешити?»
Все князья-бо́яре испужалися,
По палатушкам разбежалися.
Перед ним стоит молодой драгун,
Молодой драгун лет пятнадцати,
Речь возговорит он белу царю:
«Гой ты гой еси, православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Не прикажи ты меня казнить-вешать,
Прикажи мне слово молвити,
Слово молвити, речь возго́ворити.
Я охотничек с тобой, со белым царем, поборотися,
За проклад царя потешити».
«Когда поборешь ты меня, молодой драгун, милу́ю тебя,
А я поборю — казнить буду тебя».
Речь возговорил молодой драгун:
«Есть воля божья и твоя, царёва».
Подпоясывал православный царь шелко́в кушак,
Выходили они с молодым драгуном, сухваталися.
Речь возговорил ему молодой драгун,
Белу царю Петру Алексеевичу:
«Гой ты батюшка православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Да я тебя, православного царя, побороть хочу».
Левой рукой молодой драгун побарывал,
Правой рукой молодой драгун подхватывал,
Не пущал царя на сыру землю.
Речь возговорил православный царь:
«Сполать[2] тебе, драгун, боротися».
Подходил к нему молодой драгун близехонько:
«Гой ты гой еси, батюшка православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Не погневайся на мое бороньице».
«Благодарю тебя, молодой драгун, за бороньице!
Чем тебя, молодой драгун, дарить-жаловать:
Селами ли те, дере́внями,
Али те золотой казной?»
«Не надо мне ни село́в, ни де́ревнев,
Ни матушки золотой казны —
Дай ты мне безденежно
По царевым кабакам вино пить».

---

[1] За проклад — ради забавы, увеселения.
[2] Сполать (исполать) — хвала.

ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА

Что не белая береза к земле клонится,
Не шелковая во поле травушка застилается —
Расстилалась, сувивалася полынь-травушка,
Что горька-горька полынь-травушка,
Горчей в поле нет,
Что тяжка-тяжка служба царская,
Тягчей в свете нет.
Собирался наш пруцкой король
С своей армией на круту гору,
Становился наш пруцкой король
Под дубровою,
Под дубровою зеленою
Под высокою.
Он глядел-смотрел в свою сторону.
«Сторона ль ты моя, сторонушка
Берлин-город,
Ты укрепа ль моя, укрепушка,
Ты укрепа моя крепкая!
Ты кому ж, моя укрепушка, достанешься?
Доставалась моя укрепушка
Царю белому,
Царю белому, енаралу Краснощекому».
Краснощекой-енарал он догадлив был,
Он ходил-гулял с купцом по торгу,
Закупал наш енаралушка
Сорок семь пушек,
Разбивал наш енарал стены каменны,
Через речку через быструю
Мосты вымостил,
Молодую королеву во полон брали.

СРАЖЕНИЕ С АРМИЕЙ КОРОЛЯ ПРУССКОГО

Как не пыль в поле пылит —
Пруссак с армией валит.
Близехонько подвалили,
В полки они становили.
Они зачали палить —
Только дым с сажей валит.
Нам не видно ничего,

Только видно на прекрасе,
На зеленом на лугу
Стоит армия в кругу,
Лопухин ездит в полку,
Курит трубку табаку.
Для того табак курит,
Чтобы смело подступить,
Чтобы смело подступить
Под лютого под врага,
Под лютого под врага,
Под пруцкого короля.
Они билися-рубилися
Четырнадцать часов.
Утолилася баталья,
Стали тела разбирать:
Находили во телах
Полковничков до пяти,
Полковничков до пяти,
Генералов десяти.
Еще того подале
Заставали душу в теле —
Заставали душу в теле,
Лопухин лежит убит,
Лопухин лежит убит,
Таки речи говорит:
«Ох вы гой еси, робята,
Мои верные слуги!
Вы подайте лист бумаги
Да чернильницу с пером.
Напишу я тако слово
К государыне самой,
Что Потемкин-генерал
В своем полку не бывал.
В своем полку не бывал,
Всеё силу растерял,
Коё пропил, промотал,
Коё в карты проиграл.
Которая на горе,
Стоит по груди в крове;
А котора под горой,
Заметало всю землей».

ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью плывут —
Наши стройные казаки
Под Измаил-город идут.
Идут-идут казаченьки
Своим тихим маршем,
Идут-идут, маршируют,
Меж собою говорят:
«Трудна служба нам, казакам,
Под Измаил-город поход,
Да еще того раструднее
Под пушечки подбежать».
Под пушечки подбежали,
Закричали враз «ура».
«Ура, ура, город взяли,
Потрясли мы стены, вал».

НА ПОЛЕ ТУРЕЦКОМ

Не черным-то зачернелось,
Зачернелось турецкое чисто поле.
Не плугами поле, не сохами пораспахано,
А распахано поле конскими копытами;
Засеяно поле не всхожими семенами,
Засеяно казачьими головами;
Заволочено поле казачьими черными кудрями.
Как не доехавши поля, Зоргин-генералушка
Становился над казачьими головушками,
Становившись, он прослезился:
«Понапрасну эти буйные головушки пропадают
Без верного-то служителя с Дону государева —
Без Ивана сына Матвеева Краснощекова».

ПУГАЧЕВ НА ЯИКЕ

В тем сударыня простила,
Жить по-старому пустила.
Полтора года страдали,
Всё царя себе искали,

Нашли себе царя —
Донского казака
Емельяна Пугача,
Сын Ивановича.
Он со силой собрался,
Под Гурьев поднялся.
Стрельба была несносна,
Стоять было неможно.
Он видит, что не взять, —
Воротился взад,
С большой силой собрался
Под Яик поднялся.
Под Яик подходил,
Батальицу сочинил.
Они зачали палить,
Силу-армию валить.
Из Яика-городка
Протекла кровью река,
Круты горы закачались,
Сыра земля затряслась,
Сыра земля затряслась,
Мелка рыба вниз пошла,
Мелка пташка со гнезда,
Мелка пташка со гнезда
Укрепила Пугача
Сын Ивановича.

ПУГАЧЕВ КРУЧИНИТСЯ

Из-за леса, леса темного
Не бела заря занималася,
Не красно солнце выкаталося, —
Выезжал туто добрый молодец,
Добрый молодец Емельян-казак,
Емельян-казак сын Иванович.
Под ним добрый конь сив-бур-шахматный
Сива гривушка до сырой земли.
Он идет спотыкается,
. . . .
Вострой сабелькой подпирается,
Горючьми слезьми заливается:
«Что ты, мой добрый конь,
Рано спотыкаешься?

---

[1] По-видимому, между этой и предыдущей строками пропуск.

Али чайшь над собой невзгодушку,
Невзгодушку, кроволитьице?»
Мы билися троя суточки,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.

ПУГАЧЕВ И ПАНИН

Судил тут граф Панин вора Пугачева:
«Скажи, скажи, Пугаченька Емельян Иваныч,
Много ли перевешал князей и боярей?»
«Перевешал вашей братьи семь сот семи тысяч
Спасибо тебе, Панин, что ты не попался —
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою-то бы на шею варовинны * вожжи,
За твою-то бы услугу повыше подвесил».
Граф и Панин испужался, руками сшибался:
«Вы берите, слуги верны, вора Пугачева,
Поведите, повезите в Нижний городочек,
В Нижнем объявите, в Москве покажите».
Все московски сенато́ры не могут судити.

КУТУЗОВ ГОТОВИТ ОТПОР НАПОЛЕОНУ

Наполеон-король пишет нашему царю белому:
«Я прошу тебя, православный царь, не прогневаться,
Распиши мне квартирушки на семьсот тысяч
В своем стольном городе в кременной Москве,
Господам нашим генералушкам по своим по купцам,
А мне, Наполеону-королю, свои царские палаты».
Тут наш православный царь крепко призадумался,
Повесил свою буйную голову на белые груди,
Утупил свои очи ясные во сыру землю.
Перед ним-то стоит граф Кутузов,
Он речи говорит, что в трубу трубит:
«Что вы, православный царь, крепко призадумались?
Мы его, собаку, встретим середи поля,
Середи поля, середи Можайского.
Мы поставим ему столы — пушки медные,
Как скатерть постелим ему — горнодерушков,
Закусочку ему положим — ядра чугунные,
Пойлице ему нальем — зелен порох».

* * *

Разорёна путь-дороженька
От Можайска до Москвы:
Еще кто ее ограбил?
Неприятель — вор француз,
Разоримши путь-дорожку,
В свою землю жить пошел,
В свою землю жить пошел,
Ко Парижу подошел.
Не дошедши до Парижа,
Стал хвалиться Парижом.
«Не хвались-ка, вор француз,
Своим славным Парижом.
Как у нас ли во России
Есть получше Парижа —
Есть получше, пославнее,
Распрекрасна жизнь Москва.
Распрекрасна жизнь Москва,
Москва чисто убрана,
Москва чисто убрана,
Дикаречком выстлана,
Диким камнем[1] выстлана,
Желтым песком сыпана;
Желтым песком сыпана,
На бумажке списана;
На бумажке списана,
В село Урень прислана».

СРАЖЕНИЕ С ФРАНЦУЗАМИ

Похвалялись злы французы
Всю Россиюшку пройти.
Расстроились, расплакались
Наши сенаторы.
«Вы не плачьте, не тужите,
Нам Платов поможет».
Едет силушка российска
Со четыре страны,
Генерал казачий Платов
Со правого флангу.

[1] Дикаречек, дикий камень — гранит и сходные с ним породы

Он во левой ручке держит
Шелков поводочек,
А во правой ручке держит
Подзорную трубку.
Высматривал Платов
Французскую силу,
Наказывал, приказывал
Своим канонирам:
«Канониры, бомбадеры,
Слушайте приказу!
Пушки, ружья заряжайте,
Огня не скрывайте».
Запалил же злой французик
Из пушек картечью,
Генерал казачий Платов —
Из казачьих ружьев.
Увидал-то злой французик
Огонь российский,
Увидавши огонечек,
Начал убегати.
Мы французика догнали,
Знамя отобрали.

ПЛАТОВ В ГОСТЯХ У ФРАНЦУЗА

Святорусская земля,
Много славы про тебя.
Много славы про тебя,
Про Платова-казака.
У Платова-казака
Небритая борода,
Не стрижены волоса.
Платов голову остриг
И бородушку обрил,
У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчину почитал,
На улочку выбегал,
За оградою встречал,
За белые руки брал,
В нову горницу вводил,
За дубовый стол садил.
За дубовый стол садил.
Чаем, кофеем поил,

На серебряном подносе
Сладкой водкой подносил.
«Выпей рюмку, выпей две,
Всю ты правду скажи мне.
Уж я всех же в Москве знаю
Генералов и господ,
Одного только не знаю
Я Платова-казака.
Кто бы, кто бы мне сказал,
Тому б много злата дал,
И в полон бы его взял,
И с живого кожу снял».
Выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове.
«А начто злато терять,
Можно так его узнать:
Он со личика беленек,
Ростом, корпусом с меня,
Русы волосы его —
Как у брата моего».
У француза дочь Орина
Что догадлива была,
Из палаты выходила,
С купцом речь говорила:
«Ах ты купчик мой голубчик,
Ты удалый молодец!
Ты подай мне свой портрет».
Портрет Платов вынимал,
На белые руки клал,
Из палаты вон бежал,
Зычным голосом кричал:
«Уж вы гой еси, ребята,
Вы донские казаки!
Вы подайте мне коня,
Как ясного сокола».
На коня Платов садился,
Как соколик ясный взвился
Под окошки подбегал,
Таковы слова сказал:
«Ты ворона, ты ворона,
Подгуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Сокола в руках держать,
Что ясного сокола,
Платова-казака».

СЕМЕНОВЦЫ В КРЕПОСТИ

Как у нас то было на святой Руси,
В славном городе было Питере,
В Петропавловской было крепости,
Тут-то сидят удалы добры молодцы.
За одно они думу думали,
Одни речи они говóрили:
«Вы подуйте-ка, ветры буйные,
Вы снесите-ка с гор желты́ пески,
С гор желты пески, с гробовой доски.
Ты восстань-ка, восстань, наша матушка,
Благоверная государыня,
Катерина свет Алексеевна!
Осмотри-ка ты свою армию,
Осмотри-ка ты свою гвардию
И любимый полк Семеновский.
У нас служба-то переменена,
Все начальнички стали грозные,
А полковнички бестолковые,
Государь-от стал прогневанный,
Мы, солдатушки, в крепостú сидим».

АРАКЧЕЕВ ВСЮ РОССИЮ РАЗОРИЛ

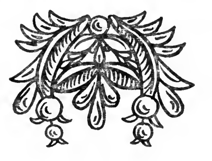
Уж ты море, море,
Море синенькое!
Тут и плавают-гуляют
Полтораста кораблей.
На каждыим кораблике
По пятисот молодцов,
Гребцов-песельников.
Хорошо гребцы гребут,
Весело песни поют.
У того ли да у моря
Стоит славный городок.
Как во этом городочке
Завела Катя шинок.
Как у Катиных ворот
Собирался весь народ,
Со всех разных кабаков,
Разудалыих чумаков,
Со морских всех кораблев
Гребцов-песельников.

Промежду себя они
Разговоры говорят,
Все Аракчеева бранят:
«Аракчеев — барин дворянин,
Аракчеев — сукин сын,
Всю Россию разорил,
Все дороженьки порыл,
Часты столбы становил,
Березками усадил,
Солдат голодом поморил,
У них жалованье таил —
Харчевое, порцевое,
Третье денежное.
На эти на денежки
Граф палаты себе склал
Белы каменные,
Стены мраморные,
Из-под вырезу окошки,
Из хрусталя потолок,
Наличники то́чены,
Конёчки золо́чены.
Мимо графских палат
Быстра речка протекла,
Фонтанами взведена,
Фонтанкою прозвана.
Как во эту во речушку
Жива рыба пущена.
Как во графскиих палатах
Короватка смощена [1].
На этой короватке
Сам Аракчеев почивал,
Всю армию обирал,
Всю Россию воровал.

[1] Смостить — постлать.

БАЛЛАДЫ

БАЛЛАДЫ

Читатель, воспитанный на европейской литературной традиции, при слове «баллада» сразу же вспоминает классические образцы этого своеобразного поэтического жанра, созданные В. Скоттом и С. Колриджем, И.-В. Гете и Ф. Шиллером, В. Жуковским и М. Лермонтовым, А. Мицкевичем и Ф. Челаковским. Между тем балладе книжной, авторской, пережившей эпоху расцвета в конце XVIII — первой половине XIX века, исторически предшествует баллада народная, фольклорная: у большинства европейских народов она формируется в позднем средневековье и интенсивно развивается в XIV—XVII веках. Особенной известностью — благодаря многочисленным изданиям, переводам, литературным обработкам — пользуются баллады шотландские, скандинавские, немецкие, венгерские, восточнороманские, баллады южных, западных и восточных славян. Все они обладают яркой национальной спецификой, которая проявляется более всего в поэтическом языке и в музыкально-стиховой структуре, в подробностях изображения народной жизни и в обрисовке характеров персонажей. В то же время баллады разных народов обнаруживают очень большую близость — прежде всего сюжетно-тематическую.

Баллада — это всегда песня о каком-то событии, происшествии, но было бы неверным воспринимать балладу как некую реальную историю. Балладные сюжеты характеризуются своей бытовой недостоверностью, очевидным несоответствием повседневному эмпирическому течению жизни. Между тем в основе их всегда лежат действительные, а не выдуманные, жизненные коллизии. Сфера баллады — драматические, даже трагические стороны народной жизни, народного общественного и домашнего быта. Баллада как жанр целиком погружена в мир социальных, бытовых, семейных, психологических конфликтов, порожденных противоречиями реальной жизни,— конфликтов, являющихся источником бед и несчастий, гибели, горя, утраченных надежд, несбывшихся стремлений.

В нашей книге баллады расположены циклами, причем объединяющим началом служит их сюжетно-тематическая близость. Первый цикл составляют баллады о татарском полоне. В отличие от былин и исторических песен, где воспевается подвиг воина, побеждающего полчища врагов, изгоняющего захватчиков либо геройски погибающего и самой смертью утверждающего свое превосходство над врагом,— главным персонажем исторических баллад выступает беззащитная полонянка, несчастная жертва исторических конфликтов. Баллады до предела заостряют ситуации, сами по себе достаточно драматичные, при этом принцип внешнего правдоподобия остается как бы в стороне: женщина оказывается пленницей собственной дочери, похищенной когда-то татарами и ставшей женой похитителя; в балладах болгарских, венгерских, словацких юноша, которого турки увезли еще ребенком, становится в плену янычаром, участвует в набеге на собственное село, и добычей его оказывается сестра. Такого рода сюжеты заключают в себе большой идейный смысл. Согласно балладам, чужеземные нашествия наносят удар по самым основам народной жизни — они разрывают кровно-семейные связи, делают близких людей врагами; но здесь же воспевается верность этим связям, решимость полонянок до последнего отстаивать свою честь, свободу, привязанность к родной земле. Героическое начало всего отчетливее сказывается в песне «Князь Роман и Марья Юрьевна», которая разработкой темы и финалом близка к былинам.

Большой цикл составляют воинско-героические баллады. Если героям былин «на бою смерть не писана», эпические сражения завершаются, как правило, их победами, то балладные сюжеты о войне почти не знают благополучных финалов: в самой структуре их заложено драматическое начало. Герой почти обязательно гибнет, смерть его не случайна, она как бы предуказана. Значительная часть сюжетов строится на воссоздании того, что происходит после битвы, героические эпизоды остаются за сюжетом, они как бы подразумеваются. Очевидно, что «добрый молодец», возвращающийся домой смертельно раненный, или дающий своему коню наказ перед смертью, или оплакиваемый родными, исполнил свой воинский долг, но сюжет сосредоточивает все внимание на его личной судьбе, и судьба эта оказывается горькой. Образы чистого поля, зеленой дубравы, одинокого кургана исполнены пронзительной печали. Характерна своей эмоциональностью и многозначностью символика в этих балладах: поле несчастной битвы уподоблено пашне, засеянной казачьими головами; гибель воина — его свадьбе, где в роли обрядовых чинов выступают орудия убийства... Так, светлые начала народной жизни — крестьянский труд, основание

семьи,— будучи символически сопоставлены с горестной участью героя, и сами получают трагическую окраску.

Особый интерес представляет небольшой по составу цикл баллад о добром молодце, который в силу разных обстоятельств оказывается в разладе с окружающей, привычной для него средой, пытается построить свою жизнь по-новому, но терпит крушение. Центральной в этом цикле можно считать песню «Молодец и река Смородина». Сюжет ее заключает немало загадочного, неясного, что вполне в духе народной баллады: все дело в том, что развитие и разрешение острого социально-бытового конфликта здесь раскрыты исключительно поэтическими средствами, через систему метафорических образов и приемов, значение которых понять не так просто. Добрый молодец, преуспевавший в жизни, оказался в конфликте со всеми; песня явно на стороне героя, который «со печали великия» решает уехать на чужую сторону. Его отъезд поэтически уподоблен отъезду богатыря и, следовательно, окружен сочувствием. Эпический герой обычно уезжает, чтобы совершить подвиги. По пути он преодолевает препятствия и сталкивается с испытаниями. В нашей балладе таким испытанием является встреча с рекой Смородиной. Река эта известна и по другим песням: это не простая, а вещая река, обладающая таинственной силой и таящая в себе смертельную опасность; можно предположить, что в далекой мифологической традиции она отделяла мир живых от мира умерших; с нею и в позднем фольклоре связаны представления о важном рубеже, благополучно преодолеть который может лишь избранный. В обещании реки пропустить доброго молодца без всяких препятствий заключено признание его избранничества. Однако очень скоро обнаруживается, что река ошибалась: похвальба юноши и его пренебрежительный отзыв о Смородине означают, что качеств истинного героя в нем нет; хвастовство в эпосе, вообще в народной поэзии расценивается как качество отрицательное. Похвальба доброго молодца — это поэтическая форма его нравственной компрометации: выясняется, что он не готов и не способен выдержать испытания в новой для него жизни. Он жестоко наказан и погибает. На этом примере хорошо видно, что глубинную систему образов и мотивов баллады можно понять лишь в сопоставлении с фольклорной поэтической традицией; с другой стороны, реальные истоки баллады позволяют предположить, что в ней нашли отражение социально-бытовые конфликты, характерные для русского общества XVII века.

Сюжет песни «Горе» начинается как бы с середины: «предыстория» молодца остается неясной. По другим версиям песни молодец решил погулять «в дальней стороне», увлекся соблазнами «вольной жизни» и попал в беду; есть версия,

в которой молодец похвастал, что нет у него ни горя, ни кручины. Зерно сюжета, конечно же, составляет мужественная и трагически безнадежная борьба героя с Горем, серия безуспешных попыток убежать от него. Образ Горя, который восходит к древним мифологическим представлениям, сложен и многозначен. Его можно трактовать и как персонификацию судьбы, доли, тяготеющей над человеком и определяющей его жизнь, и как поэтическое воплощение социального зла, житейских неурядиц, преследующих человека.

«Травник» — шуточно-сатирическая вариация той же темы — судьбы доброго молодца, не желающего жить «как все». Необычен герой песни, который рисуется то куликом, бойкой и хитрой птицей, то молодцем, которого за какие-то провинности сажают в тюрьму, затем избивает невзлюбивший его тесть. Травник непоседлив, лукав, легкомыслен и самоуверен,— из отдельных намеков песни можно догадаться, что от него тоже немало досталось людям.

В русском фольклоре XVII—XVIII веков свое заметное место составляют песни и предания о «вольных», «удалых» людях, «разбойничках». В этих произведениях воспевается жизнь и судьба тех, кто бежал от крепостной неволи и нашел себе свободу на Волге, на море, в лесах. Их независимый образ жизни, столкновения с правительственными силами делают их героями в глазах народа. В то же время к их разбойным делам отношение противоречивое. Плен, гибель, обреченность их вызывают сочувствие и поэтизируются в песнях. Большая часть таких песен носит характер лирических, но есть ряд песен балладного типа. Некоторые сюжеты отчасти примыкают к песням Разинского цикла («Казачья вольница на Волге»). Исторические приурочения отдельных сюжетов (например, песни «Правеж» — ко времени Ивана Грозного) делают их произведениями как бы промежуточными — между балладами и историческими песнями.

Баллады о драмах семейной жизни составляют один из самых обширных и значительных в художественном отношении циклов. Сосредоточенность на драматических сторонах быта, стремление выявить наиболее острые жизненные коллизии, найти ситуации, исключительные по напряженности и по беспощадности развязок,— эти характернейшие особенности баллады как жанра получили здесь самое полное выражение. В условиях феодального строя в старом патриархальном быту типичными были бесправие жены и невестки, самоуправство и бесконтрольная власть в доме мужа и свекрови, подавление естественных человеческих чувств и желаний и т. д. Разумеется, в повседневном быту эти отношения далеко не часто выливались в кровавые драмы — преобладающим было именно их обыденное течение. Баллада поднимается над

повседневностью, вносит сюда острую динамику, доводит житейские коллизии до их крайности, находит им трагическое разрешение и тем самым обнажает несоответствие бытовых отношений нравственным нормам народной жизни. В этом смысле баллады о семейных конфликтах сродни высоким трагедиям: рисуя ужасные ситуации, завершаясь кровавыми развязками, она заключает в себе поэтическое преодоление жестокого начала и подлинно очищающую нравственную силу.

В отличие от былин или, тем более, сказок, где обычно козни врагов пресекаются героями, в балладах мы наблюдаем как бы торжество зла. Невинные люди оказываются перед ним бессильны и гибнут, даже не оказывая сопротивления: свекровь губит невестку, мачеха губит падчерицу, муж — жену, сестра — брата... Более того, с помощью обмана и клеветы силам зла удается использовать в своих целях людей доверчивых и прямодушных («Князь, княгиня и старицы»). При всем том баллады неизменно заключают в себе поэтическое и одновременно моральное осуждение зла и его конкретных носителей: в иных случаях они карают сами себя, иногда же возмездие приходит со стороны,— важно то, что народная оценка совершившегося всегда звучит в балладах в полную силу.

Одна из существенных особенностей сюжетной организации баллад — отсутствие в них мотивировок, объясняющих поступки персонажей. Как и в других циклах, действие здесь начинается, когда отношения между персонажами и характер конфликта уже определились, поэтому они остаются в подтексте, придавая сюжетам оттенок загадочности. Отсутствие мотивировок может указывать на их типовой, повторяющийся характер, равно как и сами персонажи являются типовыми. Исходные ситуации обыденны: свекровь не терпит невестку; муж не любит жену и хочет жениться на другой; сестра ненавидит брата, мешающего ей встречаться с милым; жена ненавидит мужа и мечтает избавиться от него... В балладах эти привычные семейные ситуации развиваются в кровавые драмы, и именно их развитие составляет сущность балладных сюжетов.

Можно заметить, что в ряде сюжетов мотивы чисто бытовые соединяются с мотивами чудесными, волшебными. Свекровь оказывается колдуньей, губящей невестку; к колдовским приемам прибегает сестра, чтобы избавиться от брата. Силы зла оказываются в союзе с силами колдовскими, нечеловеческими: в балладах это обстоятельство служит целям морального осуждения. Вообще, несмотря на бытовой характер основных коллизий, в балладах ощутима связь с фольклорной архаикой. Например, мать князя Михайла совершает преступление в бане и затем пускает колоду с погубленными в море, что заставляет вспомнить ряд сказочных

и эпических сюжетов о малолетних героях. В песне «Князь Ромвн жену терял» волки приносят дочери-сироте руку матери с перстяем, и таким обрвзом она узнает о гибели матери (в других вариантах горестную весть приносит орел): мотив вещих животных принадлежит к очень древним. Все зто указывает на то, что сюжеты баллад о семейных драмах, будучи теснейшим образом связаны с бытовыми сторонами народной жизни, во мяогом питались фольклорной традицией и могут быть поняты по-настоящему на ее фоне.

Последний цикл включвет баллады, так или ияаче связаиные в своем содержании с любовными драмами. Сюжеты зтих баллад четко соотносятся с житейскими бытовыми и психологическими коллизиями, но сами по себе сюжетные ситуации и развязки по большей части отличаются исключительностью, предельяой заостренностью и драматизмом; в стремлении добиться своего балладные персонажи не останавливаются ни перед чем, идут на свмые жестокие поступки, совершают преступления. На рвзных полюсах сюжетов оказываются чистая и верная любовь и беспредельная жестокость и неяависть. Подлинно человеческое, доброе начало, большая любовь становятся жертвами злых сил. Баллады находят, однако, истинно поэтические средства, чтобы раскрыть и утвердить красоту и нравственяое превосходство своих героев, обреченяых на гибель. Клвссический образец в этом смысле — «Василий и Софья»: мать, стремясь не допустить сближения сына с нежеланной ей девушкой, идет на преступление; сюжет баллады развивается в духе «мировой» темы о влюбленных — Василий и Софья умирают вместе, их хоронят рядом, и над могилами их вырастают деревца, сплетающиеся верхушками (мотивы «Триствна и Изольды», «Лейли и Меджнуна», «Абесвлома и Этери» и др.). Русская народная баллада дает подчас поразительные по художественному зффекту разработки мотивов фольклора: Василий и Софья пьют любовный напиток, который должен скрепить их судьбу,— но на самом деле это яд. Сходный мотив варьируется в других балладах: девица подносит молодцу «зелено вино» в качестве любовного нвпитка, но он твит в себе смерть («Злы коренья», «Молодец и княжна»). Здесь мы снова встречаемся с характерной для баллад идеей: силы зла опираются в своих действиях на волшебство. В песне «Девушку губит соперница» вдова прибегает к заговору.

Выделяются баллады о девушке, отстаивающей прввo собственного выбора и решения своей судьбы. Прекрасный обрвзец — баллада «Домнв и Дмитрий», в которой широко использованы — в прямом и метафорическом значениях — образы и формулы свадебного обрядв и свадебных песен. Домяв — невестасирота, она не вольнв распоряжаться собою, но она предпочитает

умереть на могиле отца, чем стать женой ненавистного ей человека. Гибель как единственный выход из трагической ситуации — характерный мотив и ряда других баллад («Обманутая девушка гибнет», «Молодец убивает несговорчивую девушку»).

В балладах о «незаконной» любви отчетливо начинает звучать тема социального неравенства как источника несчастий героев. Любовь молодца и королевны, Ванюши-ключника и княгини, камер-лакея и княгини рисуется как истинная, возвышенная, трагический исход ее сближает эти баллады с памятниками мирового фольклора о гибнущих любовниках. Особую окраску сюжетам придает, конечно, подчеркнуто низкое сословное положение героя: с одной стороны, это ведет к развитию темы «неравной» любви, с другой — безусловно, позволяет ввести мотив торжества «низкого» героя и унижения его социального антипода — хозяина.

Высота нравственного идеала — важнейшая и очень ценная черта народной баллады, тем более существенная, что она обеспечивается системой поэтических средств, образностью, стилевой манерой. Наряду с фабулой, язык баллад, богатый метафорами, символикой и формулами, определяет нашу позицию как позицию активную, исполненную сочувствия к бедам и страданиям героев и неприятия зла. В балладах нет описаний нейтральных, отстраненно-независимых от оценки происходящего. Так, в кратких экспозициях, которые вводят в действие героев, уже, как правило, заложена их характеристика; она нередко облечена в поэтически иносказательную форму, и требуется понимание традиционных связей, чтобы ее разгадать. В песне «Девушка отстаивает свою честь» действие начинается у колодца: девица черпает воду, ставит ведра, «думу думает». Именно соотнесение с фольклорной традицией дает ключ к этому, внешне малозначимому эпизоду: в народных песнях девица у колодца (или у источника) с ведрами — это непременно существо страдающее, обиженное, доброе и любящее; за такой экспозицией обычно следует какая-нибудь печальная или даже трагическая история. Таким образом, еще не зная содержания песни, ее фабулы, мы уже настраиваемся на определенный эмоциональный лад, уже готовы проникнуться сочувствием к героине... Начало баллады «Василий и Софья» — «Во славном во городе во Киеве Жила-то была честная вдова» — ведет нас отчасти к былинным зачинам и дает понять, что вдова, ее тридцать дочерей и, конечно, Софья принадлежат миру народной жизни, как-то соприкасающемуся с миром богатырским, эпическим. Другими словами, начало задает нам сочувственное отношение к Софье, хотя та еще и не появилась в песне.

Балладные метафоры, при всей их эмоциональности, отличаются конкретностью своих значений. В песне «Князь Роман и Марья Юрьевна» накануне возвращения княгини из плена князь видит сон — «Я поймал будто оленя златорогого». «Верны служаночки» предполагают, что сон этот предсказывает возвращение жены, и князь тут же отправляется на охоту. Второй план этого эпизода может быть понят, если принять во внимание, что охота в русском фольклоре — это метафора брачной поездки, сватовства, а поимка оленя или лебедя — это встреча с суженой. Таким образом, князю как бы предстоит повторный брак с собственной женой. Из текста баллады явствует, что Марья по возвращении домой устраивает нечто вроде второго сватовства, испытывая готовность мужа взять ее после плена; между тем, фрагмент с метафорой — «охота князя» — уже дает ответ на ее вопрос.

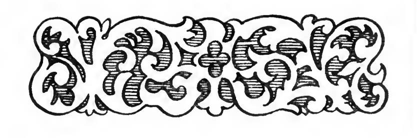
Очень любопытно играет метафора в песне «Девушка бежит из татарского плена». Чтобы спастись от преследователей, она должна переправиться через реку: это прямой план сюжета. Но переправа — это символ сватовства и брака в свадебных песнях. Поэтому вопрос перевозчика «А пойдешь ли, красна девица, замуж за меня?» при всей кажущейся неожиданности и неуместности вполне соответствует второму плану. Отказ девушки — это отказ невесты, которая хотела бы другого жениха. И, наконец, финал песни возвращает нас к древнему и весьма распространенному в русском фольклоре значению реки как Судьбы: в реку бросаются, когда нет выбора, когда героиня не хочет жертвовать своей свободой...

Балладный поэтический язык одновременно значим и эмоционально направлен, он создает настроение, атмосферу, тон. Это особенно важно, если учесть, что балладной сюжетике свойственны лаконичность, недосказанность, прерывистость.

Создание сюжета средствами метафорического языка и поэтических формул вне прямого повествования, сюжета как скрытого второго плана — характернейшая особенность народной баллады, придающая многим текстам особенную глубину и обаяние.

Баллада — важное завоевание народного поэтического творчества на путях все более широкого освоения действительности, проникновения в сложнейшие проблемы и противоречия жизни. Во многих отношениях баллада — это открытие новых способов изображения человека и общественных конфликтов.

МАРЬЯ ЮРЬЕВНА

Жил князь Роман Васильевич.
И стават-то по утру-ту по раннему,
Он пошел во чисто поле гулятися,
Он со Марьей-то со Юрьевной.
Как во ту пору да и во то время
Подхватил Возьяк да Котобрульевич,
Подхватил он Марью ту дочь Юрьевну,
Он увез, увел да во свою землю,
Во свою землю да во Литовскую,
Во Литовскую да во Ножовскую.
Он привез ко матушки Ору́ды Бородуковны.
«Уж ты ой еси, матушка Оруда Бородуковна!
Я слугу привел тебе, работницу,
Я работницу тебе, пособницу».
Говорит тут матушка Оруда Бородуковна:
«Не слугу привел мне, не работницу,
Ты привел себе да сопротивницу.
Она сидя́ть будет у тя во горнице
Сопротив твоего лица белого».
Тому Возьяк да не ослышался.
Он заходит во гринюшку столовую,
Он берет ей за белы руки,
Еще хочет целовать да в сахарны уста.
Говорит тут Марья та дочь Юрьевна:
«Уж ты ой еси, Возьяк да Котобрульевич!
Не бери меня да за белы руки,
Не целуй меня да в сахарны уста.
Еще греет ле у вас да по два солнышка,
Еще светит ле у вас да по два месяца,
Еще есть ле у одной жены по два мужа?

Ты сходи, съезди ты во ту землю,
Ты во ту землю да во Литовскую,
Во Литовскую да во Ножовскую;
Ты не увидишь ле там князя Романа Васильевича?
Ты ссеки у него да буйну голову,
Я тогда тебе буду молода жена».
Тому Возьяк да не ослышался [1],
Он ушел во ту землю да во Литовскую,
Во Литовскую да во Ножовскую.
Как во ту пору да и во время
Вздумала Оруда себе бал собрать.
Наварила она да пива пьяного,
Накурила она да зелена вина,
Назвала себе татарочек-углавночек [2],
Посадила татарочек тут всех за стол,
И тут садила Марью ту дочь Юрьевну.
Еще все на пиру да напивалися,
Еще все на честном да наедалися,
Еще все на пиру да пьяны-веселы,
Как одна сидит Марья та невесела,
Буйну голову сидит повесила.
«Уж ты ой еси, Марья ты дочь Юрьевна!
Уж ты что сидишь, нашá, невéсела,
Буйну голову сидишь повесила?
Еще рюмою ле те обнесла,
Еще чарою ле те обделила?»
«Ты ни рюмою меня не óбнесла,
Ты ни чарою ты не обделила;
Еще нет у вас да зеленых садов,
Еще негде мне да прогулятися».
Говорит тут матушка Оруда Бородуковна:
«Уж ты ой еси, Марья ты, дочь Юрьевна!
Еще есть у нас да зелены сады,
Ты поди гуляй да сколько хочется,
Сколько хочется да сколько можется,
Сколько можется да докуль я велю».
Тут брала ведь Марья золоты ключи,
Отмыкала тут Марья золоты замки,
Вынимала перлышка жемчужные,
Рассыпала эфти перлышка ти по полу.
Тут ведь стали татарочки сбиратися,
Котора посбирает, та и óслепнет,

---

[1] Ослышаться — ослушаться.
[2] Углавночки — старшие.

Тут ведь все татарочки ти ослепли.
Тут и стала Марья думу думати,
Еще как попасть да на святую Русь.
И пошла тут Марья дочь Юрьевна,
Дошла до лесов да до дремучиих —
От земли сто́ят лесы да ведь до́ неба,
Неможно Марье умом подумати,
А не то попасть да на святую Русь.
Поклонилась лесам она низешенько:
«Уж вы ой еси, ле́сы дремучие!
Разодвиньтесь вы, лесы ти, надвое,
Пропустите меня да на святую Русь,
Еще за труды ти я вам за́плачу».
Говорят тут лесы ти дремучие:
«Уж ты ой еси, Марья ты дочь Юрьевна!
Ты стояла, Марья, за закон божий,
Не сронила ты с главы да златых венцей».
Разодвинулись лесы ти ведь надвое.
Тут прошла Марья та дочь Юрьевна,
Положила шапочку ту зо́лоту,
И поклонилась лесам она низешенько:
«Уж вы ой еси, лесы дремучие!
Вы задвиньтесь, лесы, пуще старого,
Пуще старого да пуще прежнего,
Чтобы не прошел Возьяк да Котобрульевич».
И пошла тут Марья дочь Юрьевна,
Дошла до гор да до высокиих,
От земли тут сто́ят горы ти до́ неба —
Неможно́ Марьй умом подумати,
А и не то попасть да на святую Русь.
Поклонилась горам она низе̂шенько:
«Уж вы ой еси, горы вы высокие!
Разодвиньтесь вы, горы ти, надвое,
Пропустите вы меня да на святую Русь,
Еще за труды ти я вам заплачу».
Говорят тут горы ти высокие:
«Уж ты ой еси, Марья га дочь Юрьевна!
Ты стояла, Марья, за закон божий,
Не сронила ты с главы да золоты венцы».
Пропустили тут Марью ту дочь Юрьевну.
Она поло́жила тут платьице им за́ труды,
Поклонилася горам она низешенько:
«Уж вы ой еси, горы вы высокие!
Вы задвиньтесь, горы, пуще старого,
И пуще старого да пуще прежнего,

Чтобы не прошел Возьяк да Котобрульевич».
Тут пошла тут Марья та дочь Юрьевна,
Она дошла до матушки Бузынь-реки.
Течет матушка Бузынь-река,
Кру́ты бережки да урываются [1],
А желты́ пески да унываются [2],
Со́ дна ка́менье да поворачиват,—
Неможно Марьи умом подумати,
Не то попасть да на святую Русь.
Поклонилась тут Марья та дочь Юрьевна:
«Уж ты ой еси, Бузынь-река!
Становись ты, матушка Бузынь-река,
Переходами ти частыма,
Перебродами ти мелкима,
Пропусти меня да на святую Русь,—
Еще за́ труды ти те заплачу».
Говорит тут матушка Бузынь-река:
«Уж ты ой еси, Марья ты дочь Юрьевна!
Ты стояла, Марья, за закон божий,
Не сронила ты с главы да золотых венцей».
И становилась матушка Бузынь-река
Переходами ти она частыма,
Перебродами ти она мелкима.
Тут прошла ведь Марья та дочь Юрьевна,
Поклонилась она матушки Бузынь-реки:
«Ты теки, теки, матушка Бузынь-река,
Пуще старого да пуще прежнего —
Круты бережки да урываются,
А желты пески да унываются,
Со дна каменье да поворачиват».
Она скинула рубашечку бумажную,
Тут пошла ведь Марья та дочь Юрьевна,
Она дошла до батюшка синя моря,—
На синем-то море плават тут колодинка.
«Уж ты ой еси, гнила колодинка!
Приплыви ко мне да ты ко бережку,
Перевези меня да на ту сторону».
Как приплыла гнила колодинка,
Она села, Марья-то дочь Юрьевна,
Она села тут да на колодинку,
Перевезла да ей колодинка
На свою да ей ведь тут на сторону.

---

[1] Урываются — подмываются водой.
[2] Унываются — грустят, отчаиваются.

Как по утречку тут по раннему
Тут стават ведь князь Роман Васильевич,
Умывается да ключевой водой,
Утирается да полотенышком,
Говорит тут ведь нянюшкам ведь,
Он ведь верным-то своим служаночкам:
«Уж вы ой еси вы, нянюшки вы, манюшки,
Уж вы верные мои служаночки!
Я поймал будто оленя златорогого,
Златорогого да златошерстного».
Говорят ему нянюшки ти, манюшки,
Еще верны ти его служаночки:
«Уж ты ой еси, князь Роман Васильевич!
Не придет ле у нас Марья-то дочь Юрьевна?»
Он пошел тут, князь Роман Васильевич,
Во чисто поле да за охотами.
Он приходит тут ко батюшку синю́ морю,—
На синем тут море плават ведь колодинка,
На колодинке сидит ведь Марья-то дочь Юрьевна.
Тут берет ведь князь Роман Васильевич,
Он берет ведь ей да за белы руки,
Еще хочет целовать да в сахарны уста.
Говорит тут Марья-то дочь Юрьевна:
«Не бери меня да за белы руки,
Не целуй меня да в сахарны уста:
Я была во той земли да во проклятоей,
Во проклятой и . . . . . безбожноей,
Еще всякой-то я погани наелася,
Я поганого-то духу нахваталася.
Уж ты ой еси, князь Роман Васильевич!
Если я тебе да во люби пришла,—
Ты неси ты платьице тригневное [1],
Ты тригневное, необновленное.
Если я тебе да не в люби пришла,—
Принеси ты платьице мне черное».
Тому ведь князь Роман Васильевич,
Он тому да не ослышался,
Он пошел ведь к нянюшкам, тут к манюшкам
Он принес тут платьице тригневное,
Он тригневное, необновленное.
«Ты своди меня да во божью́ церкву,
Я тогда тебе буду молода жена».

[1] Тригневное - не снимаемое в течение трех дней (?).

ДЕВУШКА СПАСАЕТСЯ ОТ ТАТАР

Да лелим мне, лелим!
Сидела Аннушка у тереме под окошком,
У тереме под окошком,
У Юрьевой головушки.
Завидела Аннушка —
Далеко у чистом полю́
Белые шатры стоять,
Жаркие огни горять,
Сивые кони ходю́ть.
«Братец Юрьючка,
Куды ж то мне деться,
Куды ж то мне деться,
Да куды схорониться?»
«Схороню тебе, сестрица,
У каменных палатах;
Посажу тебе, сестрица,
На белом камушку;
Поставлю, сестрица,
Да тридевять каменных палат;
Закутаю, сестрица,
Да тридевять дубовых дверей;
Замкну тебе, сестрица,
За тридевять золотых замков;
Поставлю, сестрица,
Да тридевять караульщичков».
Як приехал царь Крымско́й
Со чистого поля,
Со чистого поля,
От зеленой дубровы,
Ударил царь Крымской
Об Юрьины воротики:
Да тридевять караульщичек
Да усе разбегалися,
Да тридевять дубовы́х дверей
Усе раскутались *,
Да тридевять золотых замков
Усе разомкнулись,
Да тридевять каменных палат
Усе развалились.
Осталась Аннушка
На белом камушку,
Ударилась Аннушка
Об сырой бело́й ками́нь.

Иде Аннушка пала́,
Там церковь постала́;
Иде ручки да ножки,
Там елки-сосонки;
Где буйная головка,
Там крутые горки;
Где русая ко́са,
Там темные ле́сы;
Где цветные платья,
Там зеленый лес;
Где кровь проливала,
Там синяя мо́ря.

БРАТ СПАСАЕТ СЕСТРУ ИЗ ТАТАРСКОГО ПЛЕНА

Посидимте-ка мы, братцы, да побеседоваем,
Уж мы скажемте, и ребята, про старинушку,
Уж мы скажемте, ребята, про старинушку,
Мы про старую старинку, про бывальчинку,
Мы про старую старинку, да про бывальчинку.
Да как то не пыль, братцы, и не копоть подымается,
И не пыль то, братцы, знать, не копоть подымалася,—
Воевали, бушевали три татарченка,
Воевали, бушевали три татарченка,
Они били, разбивали нов Чернигов-город,
Они били, разбивали да нов Чернигов-город,
Выбивали басурманы да стены каменны,
Выбивали басурманы да стены каменны,
Выбирали басурманы много множества,
Много множества, собаки, золотой казны,
А еще того побольше чиста жемчуга.
Выезжали басурманы во дику́ю степь,
Во дикую степь, степь Саратовску,
Становилися собаки при раздольице,
При таком большом раздолье при широкима,
Рассыпа́ли басурманы золоту казну,
Золоту казну, злы собаки, на три стороны,
Возметали басурманы на три жеребья.
А один-то вор-собака да к жеребью нейдет,
А один-то вор-собака к жеребью нейдет,
Он берет же красную девицу без жеребья,
Молодую душу он Фамельшу дочь Никитичну.

Он и взял же девчонку за белы руки,
Он повел ее, собака, во бело́й шатер,
Он повел ее, собака, во белой шатер,
И стал же басурманин насмехатися,
И стал же басурманин насмехатися,
Да над ее ли да белым телом надругатися.
Закричала же девчонка громким голосом:
«Уж ты брат ли мой, братец, сын купеческий!
Ты не отдай-ка ты меня, братец, злым татарченкам
Надо мною, над девчонкой, насмехатися,
Надо мною, над девчонкой, насмехатися,
Над моим ли-то белым телом надругатися».
Наезжал на них, собаков, злой охотничек,
Одного же он да он конем стоптал,
Одного же он, собаку, да он конем стоптал,
А другого басурмана он к хвосту привязал,
А другого басурмана он к хвосту привязал,
А третьего-то он, собаку, топором срубил.
Он размыкал их кости по дикою степи,
А молоду душу он девчонку он к себе ее взял,
А молоду душу он девчонку он к себе ее взял,
А молоду душу Фамельшу дочь Никитичну.

ДЕВУШКА БЕЖИТ ИЗ ТАТАРСКОГО ПЛЕНА

Не белая лебедка в перелет летит —
Красная девушка из полону бежит.
Под ней добрый конь растягается,
Хвост и грива у коня расстилаются,
На девушке кунья шуба раздувается,
На бело́й груди скат жемчуг раскатается,
На белой руке злат перстень как жар горит.
Выбегала красна девушка на Дарью-реку,
Становилась красная девушка на крутой бережок,
Закричала она своим зычным голосом:
«Ох ты сгой еси, матушка Дарья-река!
Еще есть ли по тебе броды мелкие?
Еще есть ли по тебе калины мосты?
Еще есть ли по тебе рыболовщички?
Еще есть ли по тебе перевозчички?»
Ниоткуль взялся перевозчичек.
Она возговорила своим нежным голосом:

«Перевези-ка ты меня на ту сторону,
К отцу, к матери, к роду-племени,
К роду-племени, на святую Русь.
Я за то плачу тебе пятьсот рублей,
А мало покажется — восемьсот рублей,
А еще мало покажется — ровно тысячу.
Да еще плачу я добра коня,
Да еще плачу с плеч кунью шубу,
Да еще плачу с груди скат жемчуг,
Да еще плачу свой золóт перстень,
Свой золот перстень о трех ставочках [1]:
Первая ставочка во пятьсот рублей,
А вторая ставочка в восемьсот рублей,
А третья ставочка ровно в тысячу,
Самому перстню сметы нету-ка».
«А пойдешь ли, красна девица, замуж за меня?»
«Сватались за меня князья и боярины,
Так пойду ли я за тебя, за мордовича!»
Бежали за девушкой два погонщичка,
Два погонщичка, два татарина,
Расстилала красна девица кунью шубу,
Кидалась красна девица во Дарью-реку,
Тонула красна девица, словно ключ, ко дну.

МАТЬ-ПОЛОНЯНКА

Не шум шумит, не гром гремит —
Младый турчанин во полон берет.
Доставалась теща зятю,
Повез он ее ко турчаночке.
«Турчаночка, на вот тебе полоняночку!
Заставь ты ее трех дел делати:
Резвым ногам — дитя качать,
Белым рукам — гужель * вертеть,
Ясным очам — гусей стеречь».
Заставила турчаночка
Полоняночку дитя качать:
«Ты качай дитя, прибаюкивай —
Ай бай, люлю, молодой турчанин!»
Взяла полоняночка турчанёночка,
Положила в люлёчку,

[1] *Ставочки — вставочки, камешки в перстне.*

Стала качать, прибаюкивать:
«А баю, люлю, молодой турчанин!
Мне тебе барином звать не хочется,
А унучиком — веры не и́мется [1].
Твоя-то мать да моя дочь была,
Во полон семи лет взята,
Во полону́ живет тридцать три года».
Посылает турчаночка своих нянюшек:
«Уж вы нянюшки-мамушки,
Вы подите послушайте,
Качает ли полоняночка
Мово турчаниночка,
Качает ли, прибаюкивает ли».
Пришли нянюшки и мамушки,
Стали сказывать турчаночке:
«Качает она его, приговаривает:
,,А бае, люлю, молодой турчанин!
Мне тебя барином звать не хочется,
А унучиком — веры не имется.
Твоя-то мать да моя дочь была,
Во полон семи лет взята,
Во полону́ живет тридцать три года“».
Пошла турчаночка к полоняночке,
Пала ей на коленочки.
«А матушка моя родимая!
Что ты мне прежде всего не призналася?
Не заставила б я тебе трех дел делати,
Не надела б я на тебя шубу сыромятную,
Надела б я на тебя шубу соболиную,
Взяла бы я тебя во высок терём».
«Дитятко мое милое!
Не сниму я шубу сыромятную,
Не надену шубу соболиную,
Не пойду я во высок терём.
Лучше пусти мене на святую Русь,
К маем ли-то малым детушкам».
«Кучера вы фалетуры! [2]
Запрягайте моих вороных коней
Во золотую каретушку,
Везите мою матушку
На святую Русь,
К ее ль-то ли малым детушкам».

[1] Ве́ры не и́мется — веры не будет, не поверят.

[2] Фалетуры — вероятно, испорченное «форейторы», верховые при езде в упряжи.

МОЛОДЕЦ РАСПРАВЛЯЕТСЯ С ТАТАРАМИ

Воздалече то было, воздалеченьки,
Пролегала степь-дороженька.
Да никто по той дороженьке не хаживал,
Как и шел там, прошел с тиха Дона малолеточек.
Обнимала того малолеточка да темная ноченька.
«Как и где-то я, младец, ночку ночевать буду?
Ночевать я буду во чистом поле на сырой земле.
Как и чем-то я, добрый молодец, приоденуся?
Приоденусь я, младец, своей тонкой бурочкой,
В голова-то положу с-под седла подушечку».
Наезжали на младца три татарина-басурманина.
Как один-то сказал: «Я его ружьем убью»;
А другой-то сказал: «Я его копьем сколю»;
Как и третий-то сказал: «Я его живьем возьму».
Как и тут-то ли душа добрый конь полохается *,
Оттого-то ли младой малолеточек пробуждается,
На злых басурманинов младец напускается.
Одного-то он с ружья убил,
Другого шельму басурманина он копьем сколол,
Как и третьего татарина он в полон взял.

МОЛОДЕЦ БЕЖИТ ИЗ НЕВОЛИ

Как бежал-то, бежал молодой невольник,
Бежал-то он из неволи,
Как из той-то орды из далекой,
Прибежал-то молодой невольник к реченьке он Дунаю.
На ту пору, на то время Дунай становился,
Как он тоненьким ледком сверху затягался
И беленьким снежком пушистом покрывался.
Не нашел-то молодой невольник себе переправы,
Переправы и переходу он, мелкого броду,
Становился же молодой невольник на крутенький бережочек,
На крутенький бережочек, на сыпучий песочек,
Как ставши на песочек, он горько заплакал:
«Сторона ль ты моя, сторонушка, сторона милая!
Видно, мне, сторонушка, на тебе не бывать,
На тебе не бывать, отца, мать не видать».

НА ЛИТОВСКОМ РУБЕЖЕ

Как далече-далече во чистом поле,
Далече во чистом поле,
На литовском на рубеже,
Под Смоленским городом,
Под Смоленским городом,
На лугах, лугах зеленыех,
На лугах, лугах зеленыех
Молода коня имал,
Молодец коня имал,
Дворянин-душа спрашивает:
«А и конь-то ли, добрый конь,
А конь наступчивый! *
Зачем ты травы не ешь,
Травы, конь, зеленыя?
Зачем, конь, травы зеленыя не ешь,
Воды не пьешь ключевыя?»
Провещится добрый конь
Человеческим языком:
«Ты хозяин мой ласковый,
Дворянин-душа отецкий сын!
Затем я травы не ем,
Травы не ем зеленые
И воды не пью ключевыя,—
Я ведаю, добрый конь,
На твоей буйной голове
Невзгоду великую:
Поедешь ты, молодец,
На службу царскую
И на службу воинскую,—
А мне, коню, быть подстрелену,
Быть тебе, молодцу, в поиманье.
Потерпишь ты, молодец,
Потерпишь, молодец,
Нужи-бедности великия,
А примешь ты, молодец,
Много холоду-голоду,
Много холоду ты, голоду,
Наготы-босоты вдвое того».
Позабыл добрый молодец
А и то время несчастливое,
Повестка ему, молодцу,
На ту службу на царскую.
Поехал он, молодец,

Он во полках государевых.
От Смоленца-города
Далече во чистом поле
Стоят полки царские,
А и роты дворянские,
А все были войска российские.
Из далеча чиста поля,
Из раздолья широкого
Напущалися тут на их
Полки неверные,
Полки неверные,
Всё чудь поганая.
А Чуда поганая на вылазку выехал,
А спрашивал противника
Из полков государевых,
Из роты дворянския.
Противника не выскалось,
А он-то задорен был,
Дворянин, отецкий сын,
На вылазку выехал
Со Чудом дратися,
А Чудо поганое [о] трех руках.
Съезжаются молодцы
Далече во чистом поле,
А у Чуда поганого
Одно было побоище,
Одно было побоище —
Большая рогатина,
А у дворянина —
Сабля острая.
Сбегаются молодцы,
Как два ясные соколы
В едино место слеталися.
Помогай бог молодцу
Дворянину русскому!
Он отводит рогатину
Своей саблей острою
Что у Чуда поганого;
Отвел его рогатину,
Прирубил у него головы все.
Идолища поганая
Подстрелили добра коня,
Подстрелили добра коня
У дворянина смоленского —
Он ведь пеш, добрый молодец,

Бегает пеш по чисту полю,
Кричит-ревет молодец
Во полки государевы:
«Стрельцы вы старые,
Подведите добра коня,
Не выдайте молодца
Вы у дела ратного,
У часочку смертного!»
А идолы поганые
Металися грудою все,
Схватили молодца,
Увезли в чисто поле,
Стали его мучати:
И не поят, не кормят его,
Морят его смертью голодною
И мучат смертью неподобною.
А пало молодцу на ум
Несчастье великое,
Что ему добрый конь наказывал.
Изгибла головушка
Ни за едину денежку.

ПОЕДИНОК КАЗАКА С ТУРКОМ

Не черной ворон по горам летал
Молодой турок по полям езжал,
Он смотрел-то, глядел силушку российскую
Он высмотремши, стал насмехатися,
Над донскими казаками надругатися,
Еще называл силушку вороною:
«Ты ворона, воронушка, силушка российская!
Нет в тебе, силушка, против меня спорщика,
Нету поединщика».
Выбирался один молодой казак,
Выходил казак на ясен крылец,
Закричал казак своим громким голосом:
«Вы подайте-ка, братцы, коня мне неезженного
Оседлайте-ка седельчико неседланное,
Вы наденьте-ка уздечку ненадевану,
Вы дайте-ка в руку нехлыстану [1],
Дайте-ка саблю вострую и копье булатное».

---

[1] Нехлыстана — плетка, не бывшая в употреблении.

Садился казак на доброго коня,
Он и кланялся на все четыре стороны:
«Прости, батюшка и матушка,
Да еще прости, мать сыра земля,
Прости меня, вольный свет,
Прости, донское войско».
Поехал казак во чистое поле,
Он съехался с турком, поздоровался,
Разъехались с турком, распростилися,
Они соскакались на тупых концах,
Он ударил турка во белую грудь,
Он вышиб турка с коня долой,
Отсек ему буйну голову.
Возвратился к своему отцу, матери
В донское войско.

ПАШНЯ — МЕСТО КРОВАВОЙ БИТВЫ

Как за речкою то было за Утвою,
За Утвинскими то было за горами,
Распахана была одна пашенька,
Пашня была яровая.
Не плугом была пашня пахана,
Не плугом да и не сохою —
Распахана была эта пашенька
Казачьими копиями;
Не ржою была пашня засеяна,
Не ржой она, не пшеницей,—
Засеяна была эта пашенька
Казачьими головами,
Заборонена была эта пашенька
Коневьими копытами.
Засеял-то эту легку пашеньку
Один млад полковничек.
Засеявши эту свою пашеньку,
Сам он слезно тут заплакал:
«Расти, расти, моя легка пашенька,
Расти в поле, зеленейся,
На поливочку, моя легка пашенька,
На поливу не надейся.
Что польет тебя, мою пашеньку,
С небес частым дождичком».

МОЛОДЕЦ ПОСЛЕ КРОВАВОЙ БИТВЫ

Не травушка, не ковылушка в поле шаталася,
Как шатался, волочился удал добрый молодец,
В одной тоненькой в полотняной во рубашечке,
Что во той-то было во кармазинной черкесочке
У черкесочки рукавчики назад закинуты,
И камчатны * ее полочки назад застегнуты,
Басурманскою они кровию позабрызганы.
Он идет, удал добрый молодец, сам шатается,
Горючею он слезою обливается,
Он тугим-то своим луком опирается,
Позолотушка с туга лука долой летит.
Как никто-то с добрым молодцем не встречается,
Лишь встречалась с добрым молодцем родная матушка.
«Ах ты чадо мое, чадушко, чадо милое мое!
Ты зачем так, мое чадушко, напиваешься,
До сырой-то ты до земли всё приклоняешься,
И за травушку за ковылушку всё хватаешься?»
Как возговорит добрый молодец родной матушке:
«Я не сам так, добрый молодец, напиваюся,—
Напоил-то меня турецкий царь тремя пойлами,
Что тремя-то было пойлами, тремя розными:
Как и первое-то его пойло — сабля острая,
А другое его пойло — копье меткое было,
Еще третие-то пойло — пуля свинчатая».

ЗАВЕЩАНИЕ РАНЕНОГО МОЛОДЦА

Уж как пал туман на сине море, на сине море,
А злодейка кручина в ретиво сердце.
Как не схаживать туману со синя моря,
А злодейке кручине с ретива сердца.
Как далече-далече во чистом поле
Разгорался огонечек малешенек,
Возле огничка постлан ковричек,
А на ковричке лежит добрый молодец,
Во правой руке держит тугий лук,
Во левой руке — калену стрелу.
Во скорых ногах стоит добрый конь,
Он и бьет копытом об сыру землю,
И он знать дает добру молодцу:
«Ты вставай, вставай, добрый молодец,

Ты садись на меня, на добра коня,
Я свезу тебя к отцу, к матери,
К молодой жене, к малым детушкам».
Как возговорит добрый молодец:
«Ты мой добрый конь, слуга верный мой!
Поезжай один на святую Русь,
Поклонись от меня отцу, матери,
Челобитье моей молодой жене,
Благословенье скажи малым детушкам.
Ты скажи, объяви молодой жене,
Что женился я на иной жене,
И я взял за себя поле чистое,
А в приданы взял зелены луга.
У нас добрый сват был булатный меч,
А сосватала калена стрела,
На постель клала свинцова пуля».
Ты дубрава, дубрава зеленая,
Ты долина, долина широкая!
Уж как всем ты, долина, изукрашена,
А одним ты, долина, обесчещена:
Посреди тебя зеленой курган,
На кургане разостлан ковричек,
А на ковричке лежит молодец,
Он избит, исстрелян, изранен весь.

МАТЬ, СЕСТРА И ЖЕНА ОПЛАКИВАЮТ УБИТОГО

Уж вы горы, горы высокие, горы Воробьевские,
Воробьевские горы, подмосковские!
Ничего-то вы, горы, горы, не спородили,—
Спородили вы, да горы, сер горюч вы камешек.
Из-под камня бежит речка быстрая,
Подле реченьки стоит част ракитов един куст,
На кусточке сидит, сидит млад сизой орел,
Во когтях-то он держит черного ворона,
Уж он бить-то его не бьет, только спрашивает:
«Уж где ты, ворон, ты летал, где, сизый, ты полетывал?»
«Я летал-то, летал по диким по степям, степям по Саратовским».
«Ты кого же, ворон, видал?»
«Видел я чудо чудное, видел тело белое.
Тело белое лежит, лежит не устрелено.

Как никто-то по телу, по телу-то не схватится,
Как схватилися об теле, об теле да родители,
Прилетели к телу три ласточки.
Как первая ластка, ластка — родная матушка,
Как другая-то ластка, ластка — родная сестра,
Как третья-то ластка, ластка — молодая жена.
Родная-то матушка сидит, сидит у головушки,
Родная-то сестрица сидит, сидит на белых грудях,
Молода жена сидит, сидит на резвых ногах.
Родная матушка плачет, плачет — как река течет,
Родна сестрица плачет — как ручья весной бежат,
Молода жена плачет, плачет — как река падет.
Родная матушка плачет, плачет до гробовой доски,
Родна сестрица плачет, плачет до замужьица,
Молода жена плачет, плачет до мила дружка».

СЕСТРЫ НАХОДЯТ УБИТОГО БРАТА

Вспоил, воскормил отец сына,
Воспоя, воскормя, не взлюбил сына,
Невзлюбя сына, со двора сослал:
«Ты поди, мой сын, со двора долой,
Ты спознай-ка, сын, чужую сторону,
Чужу сторону незнакомую».
Как у молодца в него три сестры,
Три сестры, три родные;
Как большая сестра коня вывела,
Как середня седло вынесла,
Как меньшая сестра плетку подала,
Она, подавши плетку, всё заплакала,
Во слезах братцу слово молвила:
«Ты когда ж, братец, к нам назад будешь?» —
«Уж вы сестры мои вы родимые!
Вы подите-тка на сине море,
Вы возьмите-тка песку желтого,
Вы посейте-ка в саду батюшки.
Да когда песок взойдет-вырастет,
Я тогда ж, сестры, к вам назад буду».
Как прошло братцу ровно девять лет,
На десятый год сестры искать пошли:
Как большая сестра — в море щукою,
Как середняя сестра — в поле соколом,
Как меньшая сестра — в нёбо звёздою.

Как большая сестра про братца не слышала,
Как середняя сестра про братца слышала,
Как меньшая сестра братца видела:
Что лежит убит добрый молодец
На дикой степи на Саратовской;
Его добрый конь в головах стоит,
Он копытом об сыру землю бьет:
«Ты устань, проснись, добрый молодец,
Тебя сестры все искать пошли».
Не сыскавши брата, все летать стали
По степям, по степям по Саратовским,
Налетали на свого братца на родимого:
«Ты устань, проснись, добрый молодец».
Как и добрый молодец не просыпается.
Тут девушки слезно плакали,
Похоронили они свого братца родимого,
Похоронивши они слезно плакали,
Они ковыль-травами прикрывали,
Они горюч камень прикладали,
Приложивши камень полетели на свою
сторонушку.

СОСТЯЗАНИЕ КОНЯ С СОКОЛОМ

Как на рубеже государевом
Что стоит растет сыр матéрый дуб,
На дубу сидит млад ясен сокол,
Под дубом стоит сивый добрый конь,
Он и спор держит с ясным соколом,
Не об ста рублях, не об тысяче —
Об своих буйных головушках:
Соколу летать по поднебесью,
А коню бежать по сырой земле
До того ль места до урочного *,
До того ль ключа до гремучего,
До холодного, до студеного.
Как сокóл летит — колокол звенит,
А как конь бежит — лишь земля дрожит.
Прибегает конь прежде сокола
До того места до урочного,
До того ключа до гремучего,
До холодного, до студеного.
Шелковой травы наедается,

Ключевой воды напивается,
Он и час стоит, и другой стоит,
А на третий час и сокол летит,
Как сокол летит — колокол звенит.
Он упал коню во резвы ноги:
«Ты прости, прости, сивый добрый конь!
Я не сам, сокóл, позамешкался,—
Залетел, сокол, в тихи заводи,
Еще бил, сокол, гусей, лебедей,
Гусей, лебедей, серых уточек».

ТРИ БРАТА МЕЧУТ ЖРЕБИЙ О СОЛДАТЧИНЕ

На заре то было на утряной,
На восходе красна солнышка,
На возлете ясна сокола,
Не ясён ли соколик полетывал,
Не душа ли добрый молодец погуливал,
Про солдатчину милóй выспрашивал:
«Велика ли ноне будет солдатчина?»
«Что не сó ста душ, не с пятидесяти,
С двадцати пяти было надобно
Некрута парня хорошего.
Было в городе в славной Вологде,
Не у князя было, не у барина,
Не у купчика было у богатого,
У простого мужика крестьянина,
Были три сына, все на возрасте,
Все на возрасте, все споженены.
Отец с матерью ночи нé спали,
Думу думали, речь говóрили:
«Нам которого в солдатушки?
Нам большого-то сына жаль отдать,—
Жена умная, малы детушки;
Середнего отдать не хочéтся,
Ретивó сердце не воротится,—
Жена его роду-племени почетного.
Отдать нам, не отдать сына малого?»
Как меньшой-от сын всё повыслушал,
Всё повыслушал, прирасплакался,
Отцу, матери в ноги кланялся:
«Будто я вам не такой же сын,

Не такой же сын, разве пасынок,
Не поитель будто я, не кормитель,
Во житье был не работничек,
Не работничек, не помощничек,
Отцу с матерью не жалостник?» —
«Сыновья мои, мои любезные!
Вы сходите-ка во зеленый сад,
Во зеленый сад да во темный лес,
Вы срубите-ка по деревцу,
Вы-ка сделайте по жеребью».
Как большой-от ссек калиновый,
Как середний ссек малиновый,
А меньшой-от сын рябиновый.
«Сыновья мои любезные!
Вы сходите на Дунай-реку,
Уж вы бросьте свои жеребья:
У которого ко дну падет,
Тому и быть во солдатушках».
И спустили они по жеребью:
Как у большого гоглем на́ воду,
У середнего серой утицей,
У меньшого-то светлым камушком,
Светлым камушком ко дну пошел.
Как воскликнул он громким голосом:
«Видно, мне идти в солдатушки!»

ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ ЗАПИСАН В СОЛДАТЫ

Во хорошем-то высоком тереме,
Под красным под косящатым окошком,
Что голубь со голубушкой воркует,
Девица с молодцом речи говорила:
«А душечка удалой доброй молодец!
Божился доброй молодец, ратился [1],
А всякими неправдами заклинался,
Порукою давал мне Спасов образ,
Святителя Николу Чудотворца,
Не пить бы пива пьяного допьяна,
Зеленова вина не пить до повалу,
Сладкиев медов беспросыпных.
А ноне ты, мой надежа, запиваешься,
Ты пьешь-то пива пьяного допьяна,

---

[1] Ратиться — клясться.

Зеленое вино пьешь до повалу,
А сладкие пьешь меды без просыпу».
Ответ держит удалой доброй молодец:
«Ты глупая девица да неразумная!
Не с радости пью я, молодец,— с кручины
С тое ли . . . . . великия печали:
Записан доброй молодец в солдаты,
Поверстан доброй молодец я в капралы.
Не то мне, доброму молодцу, забедно *,
Что царь меня на службу ту посылает,
А то мне, доброму молодцу, забедно,—
Отец, мати старешуньки остаются,
А некому поить будет их, кормити.
Еще мне, доброму молодцу, забедно,
Что с недругом в одном мне полку быти,
В одной мне шириночке[1] служити».

БЕГСТВО СОЛДАТ

Далече ты, раздольице, в чистом поле!
Тут шли-прошли невольнички молодые,
Размолодецьки невольнички — всё солдаты,
Из свого полку все бежали.
Ничего-то им на дикой степи не видати,
Завидели на дикой степи камыш-травку,
Тихохонько к камыш-травке подходили,
Жалобнехонько у камыш-травы ночевать просились
«Ты пусти, пусти, камыш-трава, ночевати,
Укрой ты нас, камыш-травынька, от темныя ночи,—
Холщевые портяночки просушити,
Сафьянные сапожецьки пускай так провянут».
С вечера камыш-травынька затихала,
А невольничков размолоденьких ночевать пустила
Ко полуночи камыш-травынька зашумела,
Невольничков добрых молодцев пробуждала:
«Вставайте вы, невольнички молодые,
За вами ведь гонятся три погони:
Первая погонюшка — всё гусары,
Другая-то погонюшка — всё казаки,

[1] Шириночка — шеренга, ряд.

А третья-то погонюшка — из вашего полку все солдаты»
Невольничков молоденьких поймали,
Из солдатских из ружей расстреляли.

МАТЬ НЕ ПРИНИМАЕТ БЕГЛОГО СОЛДАТА

Что вились-то мои русы кудри, вились-завивались,
Как заслышали мои русы кудри на себя невзгодье,
Что большое ли невзгодье, великое безвременье *
Что уж быть-то мне, доброму молодцу, во солдатах,
Что стоять-то мне, доброму молодцу, в карауле.
Вот стоял я, добрый молодец, в карауле,
Пристоялись у доброго молодца мои скоры ноги.
Как задумал я, добрый молодец, задумал бежати,
Что бежал я, добрый молодец, не путем-дорогой,
А бежал я, добрый молодец, темными лесами.
Во темных лесах, добрый молодец, весь я ободрался.
Под дождем я, добрый молодец, весь я обмочился.
Прибежал я, добрый молодец, ко свому подворью,
Прибежавши, добрый молодец, под окном я постучался:
«Ты пусти, пусти, сударь батюшка, пусти обогреться.
Ты пусти, пусти, моя матушка, пусти обсушиться».
«Я б пустила тебя, мое дитятко,— боюсь государя.
Ты поди, поди, мое дитятко, во чистое поле:
Что буйным ветром тебя, дитятко, там обсушит,
Красным солнышком, мое дитятко, тебя обогреет».
Что пошел-то я, добрый молодец, пошел, сам заплакал:
«Уж возьмись, загоритесь вы, батюшкины хоромы,
Уж ты сгинь, пропади, матушкино подворье».

МУЖ-СОЛДАТ В ГОСТЯХ У ЖЕНЫ

Вы солдатики-уланы,
У вас лошади буланы!
Уж и где же вы, уланы,
Где вы были-побывали?
Под Можайским воевали,
Мы Москвою проезжали,
Калин мостик перьезжали,
Во слободку заезжали,

У вдову́шки становились,
Просилися ночевати:
«Ты вдова, вдова Наталья!
Укрой, вдова, темной ночи,
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевати, простояти.
Нас немножко, не маленько –
Полтораста нас на ко́нях,
Полтретьяста пешеходов».
А вдовушка не пущала,
Воротички запирала,
Солдатушкам отвечала:
«У меня дворик маленек,
А горенка невеличка,
А детушек четверичка.
И горенка не топлёна,
И щи с кашей не варёны».
А мы силой ворвалися,
Во горенку вобралися,
Расселися все порядком:
Пешеходы — все по лавкам,
А конница — по скамейкам,
А большой гость впереди сел,
Впереди сел под окошком.
А вдова стоит у печки,
Поджав свои белы ручки
Ко ретивому сердечку.
Стоит она, слезно плачет,
А большой гость унимает:
«Не плачь, вдова молодая.
Ты давно ль, вдова, вдовеешь,
Давно ль, горька, сиротеешь?»
«Я живучи в горе забыла».
«Уж и много ль, вдова, деток?»
«У меня деток четверичка —
Три сыночка, одна дочка».
«Уж и много ль, вдова, хлеба?»
«У меня хлеба осьмина».
«Уж и много ль, вдова, денег?»
«У меня денег полтина».
«Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мне пониже,
Ты скинь, вдова, с меня кивер:
Во кивере есть платочек,
Во платочке узелочек,

В узелочке перстенечек,
Не твого ли обрученья?»
Как вдовушка догадалась
И на шеюшку бросалась,
Горючими слезьми заливалась,
Во новы сени выходила,
Малых детушек будила:
«Вы вставайте, мои детки,
Вы вставайте, мои малы!
Не светел-от месяц светит,
Не красное солнце греет —
Пришел батюшка родимый».
А большой гость отвечает:
«Не буди ты малых деток!
Я пришел к вам ненадолго —
На один я вечерочек,
На единый на часочек».

МОЛОДЕЦ И РЕКА СМОРОДИНА

Когда было молодцу
Пора-время великое,
Честь-хвала молодецкая,—
Господь-бог миловал,
Государь-царь жаловал,
Отец, мать молодца
У себя во любве держат,
А и род-племя на молодца
Не могут насмотретися,
Соседи ближние
Почитают и жалуют,
Друзья и товарищи
На совет съезжаются,
Совету советовать,
Крепку думушку думати
Они про службу царскую
И про службу воинскую.
Скатилась ягодка
С сахарного деревца,
Отломилась веточка
От кудрявыя от яблони,
Отстает добрый молодец
От отца, сын — от матери.

А ныне уж молодцу
Безвременье великое:
Господь-бог прогневался,
Государь-царь гнев взложил,
Отец и мать молодца
У себя не в любве держат,
А и род-племя молодца
Не могут и видети,
Соседи ближние
Не чтут, не жалуют,
А друзья-товарищи
На совет не съезжаются,
Совету советовать,
Крепку думушку думати
Про службу царскую
И про службу воинскую.
А ныне уж молодцу
Кручина великая
И печаль немалая.
С кручины-де молодец,
Со печали великия
Пошел добрый молодец
Он на свой конюшенный двор,
Брал добрый молодец
Он добра коня стоялого,
Наложил добрый молодец
Он уздицу тесмяную,
Седелечко черкасское,
Садился добрый молодец
На добра коня стоялого,
Поехал добрый молодец
На чужу дальну сторону.
Как бы будет молодец
У реки Смородины,
А и [в]змолится молодец:
«А и ты мать быстра река,
Ты быстра река Смородина!
Ты скажи мне, быстра река,
Ты про броды конины,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые».
Провещится быстра река
Человеческим голосом,
Да и душой красной девицей:
«Я скажу те, быстра река,

Добрый молодец,
Я про броды конииые,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые:
Со броду конииого
Я беру по добру коню,
С перевозу частого —
По седелечку черкесскому,
Со мосточку калинова —
По удалому молодцу,
А тебе, безвременного молодца,
Я и так тебе пропущу».
Переехал молодец
За реку за Смородину,
Он отъехал, молодец,
Как бы версту, другую,
Он своим глупым разумом,
Молодец, похваляется:
«А сказали про быстру реку Смородину:
Не пройти, не проехати
Ни пешему, ни конному —
Она хуже, быстра река,
Тое лужи дожжевыя!»
Скричит за молодцом
Как в сугонь [1] быстра река Смородина
Человеческим языком,
Душой красной девицей:
«Безвременный молодец!
Ты забыл за быстрой рекой
Два друга сердечныя,
Два вострa ножа булатныя, —
На чужой дальной стороне
Оборона великая».
Воротился молодец
За реку за Смородину,
Нельзя что не ехати
За реку за Смородину,
Не узнал добрый молодец
Того броду конииого,
Не увидел молодец
Перевозу частого,
Не нашел добрый молодец
Он мосточку калинова,

[1] В сугонь — вдогонку.

Поехал-де молодец
Он глубокими омуты:
Он перву ступень ступил —
По черев[1] конь утонул,
Другу ступень ступил —
По сердечко черкесское,
Третью ступень конь ступил
Уже гривы не видети.
А и [в]змолится молодец:
«А и ты мать быстра река,
Ты быстра река Смородина!
К чему ты меня топишь,
Безвременного молодца?»
Провещится быстра река
Человеческим языком,
Она душой красной девицей:
«Безвременный молодец!
Не я тебе топлю,
Безвременного молодца,
Топит тебе, молодец,
Похвальба, твоя пагуба».
Утонул добрый молодец
Во Москве-реке, Смородине.
Выплывал его добрый конь
На крутые береги,
Прибегал его добрый конь
К отцу его, к матери,
На луке на седельныя
Ярлычок написанный:
«Утонул добрый молодец
Во Москве-реке, Смородине».

ГОРЕ

Отчего ты, Горе, зародилося?
Зародилося Горе от сырой земли,
Из-под камешка из-под серого,
Из-под кустышка с-под ракитова.
В лаптишечки Горе пообулося,
В рогозиночки * Горе понаделося,
Понаделося, тонкой лычинкой подпоясалось,

[1] По черев — по брюхо.

Приставало Горе к добру молодцу.
Видит молодец — от Горя деться некуды,
Молодец ведь от Горя во чисто поле,
Во чисто поле серым заюшком.
А за ним Горе вслед идет,
Вслед идет, тенета несет,
Тенета несет все шелковые:
«Уж ты стой, не ушел добрый молодец!»
Видит молодец — от Горя деться некуды,
Молодец ведь от Горя во быстру реку,
Во быстру реку рыбой-щукою.
А за ним Горе вслед идет,
Вслед идет, невода несет,
Невода несет все шелковые:
«Уж ты стой, не ушел добрый молодец!»
Видит молодец — от Горя деться некуды,
Молодец ведь от Горя во огнёвушку *,
Во огнёвушку да во постелюшку.
А за ним Горе вслед идет,
Вслед идет, во ногах сидит:
«Уж ты стой, не ушел добрый молодец!»
Видит молодец — от Горя деться некуды,
Молодец ведь от Горя в гробовы доски,
В гробовы доски, во могилушку,
Во могилушку во сыру землю.
А за ним Горе вслед идет,
Вслед идет со лопаткою,
Со лопаткою да со тележкою:
«Уж ты стой, не ушел добрый молодец!»
Только добрый молодец и жив бывал.
Загребло Горе во могилушку,
Во могилушку во матушку сыру землю.
Тому хоробру [1] и славу поют.

МОЛОДЕЦ И ХУДАЯ ЖЕНА

Закручинился добрый молодец, запечалился,
Повесил головушку ниже могучих плеч,
Утупил очи ясные во сыру землю:
«Как мне-ка, добру молодцу, не кручиниться,
Не кручиниться удалому, не печалиться!

[1] Хоробру — молодцу, герою.

Вечо́р-то я лег — не поужинал,
Поутру встал — не позавтракал,
Хватился обедать — и хлеба нет.
Еще-то меня, добра молодца,
Поневолили родители женитися,
Неволею женили, неохотою —
Они взяли во месте во богатоем,
Хоть приданого много, человек худой;
Цветное платьице на грядочке * висит,
Худая-то жена на ручке спит.
Не с кем добру молодцу погладиться,
Не с кем добру молодцу полестися *».
Оттого добрый молодец в гульбу пошел».
День за днем — как дождь дождит,
А неделя за неделей — как трава растет.
Проходил молодец из орды в орду,
Загулял молодец к королю в Литву,
Он задался к королю в услужение,
Служил не много, не мало — двенадцать лет,
Служил он королю верою-правдою,
Верой-правдою служил неизменноей.
Его бог, добра молодца, миловал,
А король удалого жаловал.
Он ел сладко, носил красно,
Спал на кроваточке тесовыя,
Спал на периночке пуховыя,
Со временем [1] он спал на белых грудях,
Принажил золотой казны несмётныя.
Стосковалося у молодца по свою родимую сторонушку,
Посмотреть хоти́т отцовского поместьица,
Хоть растет тут зеленая крапивушка.
«Ай же ты король Литовский!
Отпусти-ка меня на родимую сторонушку,
Посмотреть хоть отцовского поместьица».
Говорит ему король Литовскиий:
«Ай же ты удаленький добрый молодец,
Ай же ты слуга моя верная, неизменная!
Поезжай на родимую сторонушку,
На отцовское-родительско поместьице».
Как король ему жалует добра коня,
Королевна его жалует золотой казной.
Как поехал удалый добрый молодец

[1] Со временем — по временам.

На свою родимую на сторонушку,
Не пешом идет, на коне йдет,
Скоро скажется, тихо йдется.
Приезжает на родимую сторонушку,
Как стоит-то хатенка немудрая,
Немудрая хатенка, безуглая *,
Уж как бегают два малых вьюношей.
Говорит удалый добрый молодец:
«Уж вы здравствуйте, малые вьюноши!
Вы какой семьи, роду-племени,
Вы какого отца, матери?»
«Ай же ты наш дяденька незнамыий!
У нас нет семьи, роду-племени».
Говорит удалый добрый молодец:
«Ай же вы глупые малые вьюноши!
Где же у вас родный батюшка?»
«Ай же ты наш дяденька незнамыий!
Не запомним мы своего родного батюшки,
Только слышали мы от родной матушки —
Слезно плакала, причитала нам:
„Ай же вы родимые детушки!
Уж как я вас повырощу, повыкормлю,
Ваш-от батюшка в гульбу ушел“».
Как закипело ретивое сердечушко у добра молодца,
Полились слезы рекой из ясных очей:
«Ведь это мои родимые малы детушки.
Ай же вы глупые малые вьюноши!
Где же у вас родная матушка?»
Отвечают малые вьюноши:
«Наша матушка ушла на крестьянскую работушку».
Как сожидает удалый добрый молодец,
Сожидает до позднего вечера.
Как поздно по вечеру идет его худая жена,
Со крестьянской идет со работушки,
На правой руке несет косу вострую,
Во левой руке часты грабли,
На плечах несет дрова печи топить.
Как стретает удалый добрый молодец:
«Уж ты здравствуешь, вдова ли, жена ль мужняя!»
«Ай же ты незнамый добрый молодец!
Не вдова я и не жена мужняя —
Сирота я есть прегорькая».
Говорит удалый добрый молодец:
«Не вдова есть и не жена мужняя,
Сирота есть прегорькая!

Уж ты разве не знаешь ближнего сродника?
Росли-то мы в одном месте,
Играли часто во шахматы турецкие,
Я с тебя часто езды брал».
Говорит ему худая жена,
Хоть худая жена — жена умная,
Умная жена, разумная:
«Ай же ты незнамый добрый молодец!
Век я прожила в бедности, в сирочестве,
Я не знала шахматов турецкиих,
Я не знала игор молодецкиих».
«Уж ты есть жена мужняя, разумная!
Поди-тко во правой карман —
Во кармане есть шелков платок,
Во платке есть злачен перстень,
Которым с тобою обручалися».
Говорит жена мужняя, разумная:
«Я которым святителям молилася,
Я которым чудотворцам обещалася,
Что пришел ко мне законный муж!»

ТРАВНИК

А и деялося в весне,
На старой на Канакже
Ставил Потанька плужок [1],
Под окошко к себе на лужок.
От моря-то синего,
Из-за гор высокиех,
Из-за лесу, лесу темного
Вылетал молодой Травник.
Прилетал молодой Травник,
Молодой зуй-болотиник,
А садился Травник на лужок,
А травку пощипывает,
По лужку похаживает.
Ходючи Травник по лужку,
Да попал Травник в плужок
Своей левой ноженькой,
Он правым крылышком
Да мизинным перстичком.

[1] Плужок — силок для ловли птиц.

А и пик, пик, пик Травник!
Сидючи Травник на лужку,
На лужку Травник, во плужку,
Едва Травник вырвался,
Взвился Травник высоко,
Полетел Травник далеко.
Залетел Травник в Москву,
И нашел в Москве кабачок,
Тот кабачок — то кручок.
А и тут поймали его,
Били его в дуплю,
Посадили его в тюрьму.
Пять недель, пять недель посидел,
Пять алтын, пять алтын заплатил,
И за то его выпустили,
Да кнутом его выстегали,
По рядам его выводили.
Едет дуга на дуге,
Шелудяк на хромой лошади,
А всё Травника смотреть,
Всё молодого смотреть.
Едва Травник вырвался,
Взвился Травник высоко,
Полетел Травник далеко,
На старую Канакже,
Ко Семену Егупьевичу,
И ко Марье Алфертьевне,
И ко Анне Семеновне.
Залетел Травник в окно,
По избе он похаживает,
А низко спину гнет,
Носом в землю прет,
Збой за собой держит
И лукавство великое.
А Семен Травника невзлюбил,
Господин Травника невзлюбил:
«А что за птица та,
А что за лукавая?
Она ходит лукавится,
Збой за собой держит,
А и низко спину гнет,
А носом в землю прет».
И Семен Травника по щеке,
Господин по другой стороне,
А спину, хребет столочил *,

Тело, печень прочь оттоптал.
Пряники сладкие,
Сапогами печатанные,
Калачи крупичатые,
Сапогами толоченные.
Втапоры мужики,
Неразумные канакжана,
Они ходят дивуются:
«Где Травника не видать,
Где молодого не слыхать?
Не клюет травыньки
Он вечны зеленыя».
Говорит Травникова жена,
Душа Анна Семеновна,
А наливная ягодка,
Виноградная вишенье:
«А глупы мужики,
Неразумные канакжана!
Травник с похмелья лежит,
Со Семенова почести.
А Семен его потчевал,
Господин его чествовал —
Спину, хребет столочил,
Тело, печень оттоптал».

ПРАВЕЖ

Еще сколько я, добрый молодец, ни гуливал,
Что ни гуливал я, добрый молодец, ни хаживал,
Такого я чуда-дива не нахаживал,
Как нашел я чудо-диво в граде Киеве:
Середи торгý-базару, сéредь площади,
У того было колодчика глубокого,
У того было ключа-то подземельного,
Что у той было конторушки Румянцевой,
У того было крылечка у перильчата,
Уж как бьют-то добра молодца на правеже *,
Что на правеже его бьют занапраслину,
Что нагого бьют, босого и без пояса,
В одних гарусных чулочках-то без чоботов,
Правят с молодца казну да монастырскую.
Из-за гор-то было, гор, из-за высокиих,
Из-за лесу-то было, лесочку, лесу темного,

Что не утренняя зорюшка знаменуется,
Что не праведное красно солнышко выкатается,—
Выкаталась бы там карета красна золота,
Красна золота карета государева,
Во каретушке сидел православный царь,
Православный царь Иван Васильевич.
Случилося ему ехать посередь торгу́,
Уж как спрашивал надёжа православный царь,
Уж как спрашивал доброго молодца на правеже:
«Ты скажи-скажи, детина, правду-истину,
Еще с кем ты казну крал, с кем разбой держал?
Если правду ты мне скажешь, я пожалую,
Если ложно ты мне скажешь, я скоро сказню:
Я пожалую тя, молодец, в чисто́м поле,
Что двумя тебя столбами да дубовыми,
Уж как третьей — перекладинкой кленовою,
А четвертой тебя — петелькой шелковою».
Отвечал ему удалый добрый молодец:
«Я скажу тебе, надёжа православный царь,
Я скажу тебе всю правду и всю истину:
Что не я-то казну крал, не я разбой держал,
Уж как крали-воровали добры молодцы,
Добрые молодцы, донские казаки.
Случилось мне, молодцу, идти чисты́м полём,
Я завидел в чистом поле — сы́рой дуб стоит,
Сырой дуб стоит в чистом поле крековистый *.
Что пришел я, добрый молодец, к сыру́ дубу́,
Что под тем было под дубом под крековистым
Что донские-то казаки они дел делят,
Они дел делили, дуван дуванили [1].
Подошел я, добрый молодец, к сыру дубу,
Уж как брал-то я сырой дуб посередь его,
Я выдергивал из матушки сырой земли,
Как отряхивал коренья о сыру землю.
Уж как тут-то добры молодцы испугалися,
Со делу они, со дувану разбежалися,
Одному мне золота казна досталася,
Что не много и не мало — сорок тысячей.
Я не в клад-то казну клал, животом не звал,—
Уж я клал тое казну во большой-от дом,
Во большой-от дом — во царев кабак».

---

[1] Дуван дуванили — делили добычу.

СУДЬБА СОКОЛА—ДОБРОГО МОЛОДЦА

Не от пламечка, не от огничка
Загоралася в чистом поле ковыль-трава,
Добирался огонь до белого до камешка.
Что на камешке сидел млад ясен сокол,
Подпалило-то у ясна сокола крылья быстрые,
Уж как пеш ходит млад ясен сокол по чисту́ полю.
Прилетали к ясну соколу черны во́роны,
Они граяли, смеялись ясну соколу,
Называли они ясна сокола вороною:
«Ах ворона ты, ворона, млад ясе́н сокол!
Ты зачем, зачем, ворона, залетела здесь?»
Ответ держит млад ясен сокол черным воронам:
«Вы не грайте, вы не смейтесь, черны вороны!
Как отрощу я свои крылья соколиные,
Поднимусь-то я, млад ясен сокол, высокошенько,
Высокошенько поднимусь я, млад ясен сокол, по подне́бесью,
Опущусь я, млад ясен сокол, ко сырой земле,
Разобью я ваше стадо, черны вороны,
Что на все ли на четыре стороны.
Вашу кровь пролью я в сине море,
Ваше тело раскидаю по чисту полю,
Ваши перья я развею по темны́м лесам».
Что когда-то было ясну соколу пора-времечко,
Что летал-то млад ясен сокол по поднебесью,
Убивал-то млад ясен сокол гусей, лебедей,
Убивал-то млад ясен сокол серых уточек.
Что когда-то было добру молодцу пора-времечко,
Что ходил-то, гулял добрый молодец на волюшке,
Как теперь-то добру молодцу поры-время нет,
Засажон-то сидит добрый молодец во победности [1],
У злых ворогов добрый молодец в земляной тюрьме.
Он не год-то сидит, добрый молодец, и не два года,
Что сидит-то добрый молодец ровно тридцать лет,
Что головушка у добра молодца стала седешенька,
Что бородушка у добра молодца стала белешенька.
А всё ждет он, поджидает выкупу, выручки.
Был и выкуп бы, и выручка, своя волюшка,—
Да далечева родимая сторонушка.

---

[1] *Во победности* — в несчастье.

КАЗАЧЬЯ ВОЛЬНИЦА НА ВОЛГЕ

Уж как вниз было по матушке по Волге-реке,
Как плывут тут, выплывают три снаряжены стружка,
Уж на тех ли на стружках удалые молодцы,
Удалые молодцы, все донские казаки.
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
На них штаники кумашны в три строчки строчены,
Александрийски рубашки с золотым галуном;
На них беленьки чулочки, сафьянны сапожки.
Они сели да гребнули, сами песенки запели
Что про князя и с детьми и со внучатами:
Заедает вор собака наше жалованье,
Кормовое, годовое, третье денежное.
Уж на те ли он на денежки палаты становит
За мучным большим рядами за Неглинною рекой —
Что не хуже и не лучше государева дворца,
Только тем они похуже, что верхи не золочены.
Похвалялся этот князь во Казани побывать,
В Казани побывать, верхи вызолотить,
Уж как там, братцы, князек и головку положил,
Он головку положил, его гром тамо убил.

ПРЕСЛЕДУЕМЫЕ КАЗАКИ ПОКИДАЮТ ТОВАРИЩА

Как из славного царства Астраханского
Что не грозная тут туча подымалася,—
Подымалась, снаряжалась грозна высылка,
Что разъезд она держит до кругла острова,
До славного пристанища молодецкого,
До соборища бурлацкого,
До притону ли казацкого.
Казаки там сидя догадалися,
Что во легкие во лодки пометалися,
Одного ли добра молодца покинули,
Что ни лучщего ль из молодцов есаула.
Добрый молодец по острову похаживает,
И он добрую свою фузею * за плечами носит,
И он острою своею саблей подпирается,
Сам горючими слезами обливается.
Он вскричал ли, возопил ли громким голосом:

«Государи вы братцы товарищи!
Не покиньте доброго молодца при бедности,
Уж как в некоторо время пригожусь, братцы, вам
Животом[1] моим и грудью белою».
Как товарищи от молодца уехали,
Поимали молодца на острове.

ДЕВУШКУ ПОХИЩАЮТ

Не вечерняя заря, братцы, приутухла,
Полунощная звезда, братцы, восходила.
Что во славном было городе Казани,
Что на крутеньком на красном бережочке,
Что на желтом на сыпучем на песочке,
Тут не черные во́роны солетались,—
Собирались понизовые бурлаки,
Они думали крепкую думушку заедино:
«Ах состроим мы, робятушки, гребной стружок,
И поделаем заключинки кленовые,
Изнавесим мы веселочки ветловые,
Что мы грянем, робятушки, вниз по Волге,
Остановимся, робятушки, среди Волги,
Супротив того стольникова дому».
Что у стольничья приказчика дочь хороша,
Что просилася дочь у батюшки погуляти:
«Ай пусти, пусти меня, батюшка, погуляти,
Понизовых-то бурлаков поглядети».
Понизовые бурлаки злы, лукавы,
Напоили красну девицу допьяна.
Уж как та ли красна девица уснула
У повольского[2] атамана на коленах.
Да что взговорит повольский атаман:
«Что мы грянемте, робятушки, вниз по Волге,
Чтобы не было от стольника погони».
Ото сна ли красна девица пробудилась
И заочи с отцом, с матерью простилась:
«Ты прости, прости, мой батюшка родимый,
Ты скажи от меня матушке челобитье».

---

[1] Живот — здесь: жизнь.
[2] Повольский — своевольный, безнаказанный. Возможно также: атаман вольницы.

ДЕВИЦА В ПЛЕНУ У РАЗБОЙНИКОВ

Ты взойди, взойди, красное солнышко,
Над горой взойди над высокою,
Над дубровушкой над зеленою,
Обогрей ты нас, добрых молодцев,
Атамана со казаками,
Есаула с добрыми молодцы,
Еще кормщика с водоливщиком,
Обсуши ты нам платье цветное
После бури, после вихорю,
После грома, после молнии,
После дожжика лиючего,
В конце лета в конце теплого,
В начале осени в начале холодныя.
Во сыром бору стоючи,
Без шатров и без палаток мы,
Что без верхнего платья теплого,
Мы на легкой были пашенке,
На рукопашном на сраженьице.
Ничего-то мы не пошкотили *,
Полонили только девицу,
Красну девицу, дочь отецкую.
Что пониже было города Нижнего,
Что повыше было села Лыскова,
Супротив того села Юрьева,
С луговой было со сторонушки,
Выпадала тут речка Керженка.
Что по той ли речке Керженке
Как плывет тут легка лодочка,
Хорошо лодка изукрашена,
Что расшита легка лодочка
На двенадцатеры веселечки,
На корме сидит атаман с ружьем,
На носу сидит есаул с багром,
По краям лодки — добры молодцы,
Посередь лодки — красна девица,
Разбойническая пленница,
Атаманова полюбовница,
Она плачет, что река льется,
Возрыдает, что ключи кипят.
Как возговорит красна девица:
«Ты прости-прости, отец и мать,
Ты прости-прости, и род-племя,

Уж мне с вами не видатися, —
Я досталася разбойникам,
Не нажить уж мне своей воли».

ВОР КОПЕЙКИН

Собирается вор Копейкин
На славном на устье Карастане,
Он со вечера, вор Копейкин, спать ложился,
Ко полуночи вор Копейкин подымался,
Он утренней росой умывался,
Тафтяным платком утирался,
На восточну сторонушку богу молился.
«Вставайте, братцы полюбовны!
Нехорош-то мне, братцы, сон приснился:
Будто я, добрый молодец, хожу по край морю,
Я правою ногою оступился,
За кропкое * деревце ухватился,
За кропкое дерево, за крушину.
Не ты ли меня, крушинушка, сокрушила?
Сушит да крушит добра молодца печаль-горе.
Вы кидайтеся-бросайтеся, братцы, в легки лодки,
Гребите, ребятушки, не робейте,
Под те ли же под горы под Змеины».
Не лютая тут змеюшка прошипела,
Свинцовая тут пулюшка пролетела.

ВОР ГАВРЮШКА

Ты долина моя, долинушка, раздолье широкое!
Ничего на тебе, моя долинушка, не уродилось, —
Уродился на тебе, моя долинушка, только зелен садик.
Мимо садика, мимо зелена лежала дороженька,
Что лежала-то дороженька неширокая,
Никто по той дороженьке нейдет, не проедет, —
Проезжал же по той дороженьке один вор Гаврюшка,
Он на трех на своих троечках разношерстных:
Перва троечка у него коней вороных,
Друга троечка у него коней гнедых,

Третья его троечка коней соловых.
Что гнались-то за вором Гаврюшенькой три погони:
Первая погонюшка — злые татары,
Другая погонюшка — злые корсаки,
Третья погонюшка — молоды казаки.
Не догнали вора Гаврюшеньку всего версты за три.
Приезжает вор Гаврюшенька во город Воронеж,
Он атласу и бархату закупает,
Никто-то вора Гаврюшеньку не признáет,
Что за купчика вора Гаврюшеньку почитают.
Случилось идти вору Гаврюшеньке мимо темницы,
Признавали вора Гаврюшеньку своя братья.
«Уж ты батюшка наш Гаврюшенька, разбей ты темницу
Уж ты выпусти нас всех, колодничков, на волю,
На ту ли на волюшку — на матушку Волгу».
«Уж вы братцы мои товарищи, мне теперь не время —
За мной ли за Гаврюшенькой гонят три погони:
Первая погонюшка — злые татары,
Другая погонюшка — злые корсаки,
Третья погонюшка — молоды казаки.
Первой-то я погонюшки не боюся,
Другой-то я погонюшке поклонюся,
Третьей-то я погонюшке покорюся».

БЕГСТВО МОЛОДЦА-РАЗБОЙНИКА

Как светил да светил месяц во полуночи,
Светил в половину,
Как скакал да скакал один добрый молодец
Без верной дружины.
А гнались да гнались за тем добрым молодцом
Ветры полевые,
Уж свистят да свистят в уши разудалому
Про его разбои.
А горят да горят по всем по дороженькам
Костры стражевые,
Уж следят да следят молодца-разбойника
Царские разъезды,
А сулят да сулят ему, разудалому,
В Москве белокаменной каменны палаты.

МАТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛА ГУБИТ ЕГО ЖЕНУ

Как поехал князь Михайло
На грозну службу велику,
Оставлял свою княгиню,
И княгиню Екатерину,
Своей маменьке родимой:
«Уж ты маменька родима!
Уж ты пой-корми княгиню,
И княгиню Екатерину,
Белым хлебом да калачами;
Спать вали мою княгиню,
И княгиню Екатерину,
В новые горницы высоки,
В пуховую перину,
Под соболино да одеяло».
Не успел как князь Михайло
Да от нова двора отъехать,
Его маменька родима
Парну баню да истопила,
Ключеву воду носила,
Серый камень да нажигала
И княгиню да в баню звала,
И княгиню да Екатерину,
Да на полочек посылала,
Сер камень на грудь клала
И младенца да выжигала,
Да во пень-колоду клала,
В сыродубову колоду;
Трои обручи железны
И обручьё да наводила;
Да пару коней да подводила
И колоду да отвозила
Во сине море Хвалынско.
Как доехал князь Михайло
До половина до дороги,—
Добрый конь его подпнулся
Да востра сабелька сломилась,
Пухова шляпа свалилась:
«Да верно, в доме да несчастливо,
Верно, маменька неможет,
Верно, молода княгиня,
Княгиня Екатерина».
Воротился князь Михайло

Да с половина со дороги.
Не успел как князь Михайло
Ко нову двору приехать,—
Его маменька родима
Да на крылечко да выходила,
Таки речи да говорила:
«Как твоя, сударь, княгиня,
Да и княгиня Екатерина,
И горда была, спесива,
Да у соседа во беседы».
Как бросился князь Михайло
Да ко соседу на беседу:
«Еще нет моей княгини
У соседа во беседы.
Уж ты маменька родима,
Скажи, где моя княгиня,
И княгиня Екатерина».
«Как твоя, сударь, княгиня,
Да в новых горницах высоких,
На пуховое перины,
Под соболиным одеялом».
Как бросился князь Михайло
Да в новые горницы высоки:
«Еще нет моей княгини,
Да и княгини Екатерины,
В новых горницах высоких,
В пуховое перины,
Под соболиным одеялом.
Уж ты маменька родима,
Скажи, где моя княгиня,
И княгиня Екатерина».
«Как твоя, сударь, княгиня
В новых погребах глубоких
Разные вина да разливаё».
Его мамушки встречали,
Да его мамушки имали,
Такие речи да говорили:
«Как твоя, сударь, княгиня,
Во синем море Хвалынском.
Не успел как князь Михайло
Да от нова двора отъехать,
Твоя маменька родима
Да парну баню да истопила,
Да ключевую воду носила,
Серый камень нажигала,

Да и княгиню в баню звала,
Да и княгиню Екатерину,
Да на полочек посылала,
Да сер камень на груди клала,
Да и младенца да выжигала,
Да и во пень-колоду клала,
Сыродубову колоду;
Да трои обручи железны
И обручьё наводила;
Да пару коней да подводила,
Да и колоду отвозила,
Во сине море спустила,
Спустила да во сине море Хвалынско».
Как кидался князь Михайло
Ко синю морю Хвалынску.
Он накинул, князь Михайло,
Да тонкие белы да поездочки [1]:
Перву тонюшку накинул —
Да перва тоня да несчастлива;
Вторую тонюшку накинул —
Да вторая тонюшка злочастна;
Третью-то тонюшку накинул —
Он ведь вытянул колоду,
Трои обручи железны.
Тут кидался князь Михайло
Да на трия ножичка булатных.
Его маменька родима
Да вдоль по бережку ходила,
Да тонким голосом кричала:
«Как я тяжко согрешила,
Да три души я погубила:
Перву я душечку безвинну,
Да втору душу бесповинну,
Третью душу безымянну».

ДЕВУШКА-РЯБИНКА

Злое зелье крапивное,
Еще злее да люта свекра́!
Люта свекра — молодой снохе:
«Ты поди, моя невестка,

[1] Поездочки — рыболовные сети, неводы.

Во чисто поле,
Ты стань, моя невестка,
Меж трех дорог,
Четырех сторон,
Ты рябиною кудрявою,
Кудрявою, кучерявою».
Туда ж ехал добрый молодец,
Он стал под рябинушку,
Кудрявую, кучерявую —
Без ветру рябина зашаталася,
Без дождю рябина мокра стала,
Без вихрю рябина к земле клонится,
За черные кудри ловится.
Приехал сын к матери:
«Сударыня моя матушка!
Иде ж моя молода жена?»
«Твоя жена с двора сошла,
С двора сошла, детей свела».
«Сударыня моя матушка!
Сколько в службе ни езживал,
Такого дива не видывал:
Как в поле промеж трех дорог,
Меж трех дорог, четырех сторон,
Как стал я под рябинушку,
Кудрявую, кучерявую,—
Без ветру рябина зашаталася,
Без дождю рябина мокра стала,
Без вихрю рябина к земле клонится,
За черные кудри ловится».
«Возьми, сын, ты остру саблю,
Секи рябину под корень».
Он раз вдарил — она охнула,
Другой вдарил — она молвила:
«Не рябинушку секешь,
Секешь свою молоду жену,
А что веточки — то наши деточки».
Пришел сын да и к матери:
«Не мать ты мне, не сударыня,
Змея ты мне подколодная.
Свела ж ты мою молоду жену,
Сведи теперь меня».

КНЯЗЬ, КНЯГИНЯ И СТАРИЦЫ

И женился князь во двенадцать лет,
Он ли брал княгиню девяти годов,
Он ли жил с княгиней ровно три годы,
На четвертый год он гулять пошел.
Он гулял, гулял да ровно три годы,
На четвертый год он домой пошел.
И идё он по полю по чистому,
Встретилось ему две старицы,
И две старицы, две черноризицы,
И спрашиват князь у тех старицей:
«Вы давно ли, давно ли с моего двора,
С моего двора княженецкого?»
«Мы теперь, теперь да теперешенько
С твоего двора с княженецкого».
«А здорово ли стоит мой высок терем,
И здорово ли живут добры конюшки,
И здорово ли живут чайны чашечки,
И здорово ли пьяны питьица,
И здорово ли живут и цветны платьица,
И здорова ли живет молода жена?»
На ответ-то дёржа и те старицы:
«Твой высок терем покося́ стоит,
Добры кони да все заезжены,
И чайны чашечки да все испри́биты,
И пьяны питьица да все испри́питы,
Цветны платьица да все изношены,
Молода жена во терему сидит,
Во терему сидит, колубень[1] качат».
И не синее то море всколыбалося —
У князя сердце разгорелося.
И приходит князь к своему двору,
К своему двору да княженецкому;
Топне ворота правой ноженькой —
Улетели те ворота середи двора,
Середи двора да княженецкого.
Вышла княгиня на круто крыльцо,
В одной тоненькой рубашке без нитничка *,
В одних беленьких чулочках без чеботов.
Вынимал тут князь востру сабельку,
А срубил у княгини буйну голову.
А во терем-от заходит — колубеня нет,

[1] Колубень — колыбель.

Колубеня нет, всё пяла́ * лежа;
Сколько шито было, вдвое сплакано,
Все князя домоичек [1] дожи́дано.
Уж как тут ли князь да закручинился,
И сходил во конюшенку стоялую,—
Добры кони не езжены,
Лучше старого да лучше прежнего.
Чайны чашечки да не прибитые,
Пьяны питьица да не припитые,
Цветны платьица да не изношены.
И не сине море всколыбалося —
А у князя сердце разгорелося.
И заставал он, князь, и во чисто́м поли́
Этих старицей да черноризицей.
Вынимает князь и востру сабельку,
Он срубил у стариц буйну голову.

МАЧЕХА ГУБИТ ПАДЧЕРИЦУ

Была у батюшки родимая дочь,
У неродной мачехи постыло дитя.
Не знала мачеха, как пачерь избыть *,
Избыла пачерь единым часом.
Снарядила мачеха махонький стружок,
Привязала стружок у крут бережок,
У крут бережок, у бел камышок,
Повязала, не вязала, не прикрепливала.
Пошла пачерька к берегу гулять,
Увидала пачерька махонький стружок,
Задумала пачерька в стружке погулять,
Гуляючи-ючи рыбочку ловить:
«Ловись, рыбка малая, большая,
Не рвись, тянись, сетка шелковая».
Не рвалась, тянулась сетка шелковая,
Выплывала сетка в широ море.
Вышла мачеха на крут бережок,
Вскрикнула мачеха зычным голоском:
«Воротись, дитятко, у крут бережок,
Воротись, милое, хоть проститися».
Рада б воротиться, стружок не стоит,
Сетка шелковая в море тащит,

[1] Домоичек — домой.

Икона Георгия. XV в. Новгород.

Набивная ткань. XVII в.

Пряничная доска (хоромная). XVII в

Деревянная скульптура «Евангелист Матвей». XVIII в. Великий Устюг

Игрушки «Пляшущие крестьяне». XIX в. Сергиев посад под Москвой.

Костяная шкатулка. XVIII в. Холмогоры Архангельской губ.

Кукла «Панка». Игрушка «Конь». XIX в. Архангельская губ.

Лубочная картинка «Фома и Ерема». XVIII в.

Лубочная картинка «Коза и медведь».

Деталь вышитого подзора. XVIII в. Север.

Вышивка на полотенце. Начало XIX в.

Ларец «Теремок». XVII в. Великий Устюг.

Деталь росписи туеса. XIX в. Север.

А. А. Дыдыкин ларец «Садко». 1947 г. Палех Ивановская обл.

А. А. Дыдыкин. ларец «Садко» (крышка)

И. И. Голиков «Битва». 1928 г. Палех. Ивановская обл.

Лубочная картинка «Ермак Тимофеевич». 1868 г.

Утянула пачерьку в синё морё,
Как не всплачется злая мачеха,
Возрыдает природный отец:
«Воротись, дитя милое, хоть проститися,
Старику отцу очи закрыть».
Не слыхал батюшка, как дочь плакала,
Ветер выл, речи уносил:
«Ты не жди меня, родной батюшка,
Подождет меня злая мачеха —
Не гостьею, кукушечкой в сад.
Как раз закую — траву высушу,
Другой закую — весь сад погублю,
В третий закую — душу зановлю[1]».
По сеничкам мачеха похаживае,
Своих невестушек побуживае:
«Станьте, детушки, станьте, ластушки,
Раным с израни кукушица закукала».
Старший брат говорит: «Наб убить»;
Середний брат говорит: «Прочь отгонить»;
А меньшой брат говорит: «Постой, погоди,
Не наша ль кукушица с чужой стороны,
Не наша ль сестрица из-за моря?»

СЕСТРА-ОТРАВИТЕЛЬНИЦА

Как у нас было в зеленом саду,
Под грушею под зеленою,
Под яблоней под кудрявою,
Стругал стружки добрый молодец,
Подбирала стружки красная девушка,
Брамши стружки, она в костер клала и змею пекла,
Пепел сбила, зелье делала,
Настойку делала в зеленом вине,
Ждала в гости себе друга милого, братца родимого.
Едет брат, что сокол летит,
А к нему сестра, что змея сипит,
Встрела брата среди двора,
Чару зелена вина наливала она:
«Выпей, братец, чару моего зелена вина».
«Выпей, сестрица, поперед сама».
«Пила, братец, тебя дожидаючи,

[1] Душу зановлю — приму прежний человеческий образ.

Свою участь проклинаючи».
Капнула капля коню на гриву,
У коня грива загоралася,
Уста брата кровью запекалися,
Успел брат только сестре сказать:
«Умела, сестра, ты извести меня,
Умей схоронить брата.
Схорони меня между трех дорог,
В головах поставь поклонный крест,
В ногах привяжи ворона коня,
Обсей меня цветочками.
Стар пойдет — богу помолится,
Млад пойдет — на коне наездится,
А девушки пойдут — нагуляются».
Вечор ко мне милый пришел.
«Ты ходи, мой друг, теперь смелей,
Извела я твоего недруга, своего брата родимого».
«Когда ж ты извела брата своего,
Немудрено ж тебе и меня известь.
Оставайся ты, друг, теперь одна».
При том девушка слезно плакала:
«Извела я брата своего родного
И лишилася своего друга милого».

КНЯЗЬ РОМАН ГУБИЛ ЖЕНУ

Жил князь Роман, жену терял [1],
Терял, терзал, во Двину бросал.
У него дочка была Марьюшка,
Она слезно заплакала:
«Ты сударь, ты мой батюшка!
Ты куда девал мою матушку?»
«Ты не плачь-ка, дочка Марьюшка,
Я куплю тебе золот перстень,
Золот перстень со алмазами».
«Мне не надо золота перстня,
Золота перстня со алмазами.
Ты куда девал мою матушку?»
«Твоя мать в новой горнице,
Она белится и румянится,
Во цветно платье наряживатся».

[1] Терять — убивать.

Пошла дочь в нову горницу —
В новой горнице нету матушки,
Белильчики стоят на окошечке,
Румянички стоят на столике,
Цветно платье в золотой казне.
«Ты сударь, ты мой батюшка!
В новой горнице нету матушки.
Ты куда девал мою матушку?»
«Ты не плачи, дочь Марьюшка,
Я куплю тебе село крестьян».
«Мне не надо села крестьян,
Ты куда девал мою матушку?»
«Твоя мать в зеленом саду,
Цветочки рвет, веночки вьет».
Пошла дочь в зеленый сад —
В зеленом саду нету матушки,
Все цветочки на стебелечках.
Э, пошла дочь к своему батюшке:
«Э ты сударь, ты мой батюшка!
Ты куда девал мою матушку?
В зеленом саду нету матушки».
«Ты не плачи, дочи Марьюшка,
Твоя мати во темным лесу,
Под зеленой сосною, где волки сидят,
Где волки сидят, где львы ревут».
Пошла дочь во темный лес,
Навстречу ей волки серые,
Волки серые несут руку белую,
Руку белую с золотым перстнем.
«Вы постойте же, волки серые,
Уж вы где взяли руку белую,
Руку белую с золотым перстнем?»
«Был князь Роман, жену терял,
Терял, терзал, во Двину бросал».
«Вы подайте ж руку белую,
Руку белую с золотым перстнем».
Пришла дочка к своему батюшке:
«Ты сударь, ты мой батюшка!
В темным лесу под зеленой сосною,
Под зеленой сосною нету матушки».—
«Ох ты дочка моя Марьюшка!
Твоя мать во быстрой реке,
Во матушке во Двине-реке».

ЖЕНА МУЖА ЗАРЕЗАЛА

На заре то было, на зорюшке,
На заре то было вечернией:
Высоко́ звезда восходила —
Выше лесу выше темного,
Выше садику зеленого.
Как во городе во Ала́тыре
Случилося несчастьице,
Как несчастьице немалое:
Жена мужа поте́ряла,
Вострым ножичком зарезала,
Вынимала сердце с печенью.
На ноже сердце встрепехнулось,
Она, шельма, рассмехнулась,
Рассмехнувшись, она ужаснулась.
Взяла его за черны́ кудри,
Ударила об сыру землю,
Во холодный ле́дник спрятала,
Дубово́й доской она закрыла,
Золотым перстнём запечатала.
Сама пошла в нову́ горницу,
Закричала громким голосом:
«Ты талан ли мой, талан лихой [1],
Или участь моя горькая!
На роду ль мне так написано?»
Прилетели к ней два сокола,
Два Ивана два Иваныча:
«Ты сноха наша, невестушка,
Где наш братец Иванушка?»
«Ваш братец — охотничек,
Уехал в лес за охотою,
За куницами, за лисицами».
«Не обманывай нас, невестушка,
Вон шелко́в кушак на стене висит,
Перчаточки с шапочкой на полочке лежат».

МУЖ-РАЗБОЙНИК

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за белого березничка,
Из-за частого осинничка

[1] *Талан* — *здесь: судьба.*

Выходила красна девица
На Дунай-реку умыватися.
Умылася, умывшися набелилася,
Набелившись нарумянилась,
Нарумянившись призадумалась,
Призадумавшись слово молвила:
«Ах талан ли мой, талан такой,
Или участь моя горькая,
На роду ли мне написано,
На делу [1] ли мне досталося,
В лесу ли лесу не было,
Срубить ли мне было нечего,
В людях ли мне людей не было,
Любить ли мне было некого!
Как просватал сударь батюшка
Что за вора за разбойника,
За плута за мошенника.
Со вечера вор коня седлал,
Со полуночи вор со двора съезжал,
Ко белу свету вор домой приезжал.
Воскрикнул он громким голосом:
«Встречай меня, молода жена,
Примай коня томного *,
Сымай платье кровяное».
Убралась млада, на Дунай пошла,
На Дунай пошла платье мыть.
Всё платье перемыла,
Осталася рубашечка брата милого,
Брата милого, любимого.
Скорые ноги подломилися,
Белые руки опустилися,
Ясны очи помутилися,
Из глаз слезы покатилися.
Пришла домой да расплакалася.
«Ах ты свет да моя ладо милое!
Начто ты губил брата милого,
Брата милого, родимого?»
«Не я губил — губила ночь темная осенняя.
Не виноват я в том, жена ты моя, —
Была его встреча первая,
Встреча первая молодецкая».

---

[1] Дел — дележ.

СЕСТРА И РАЗБОЙНИКИ

Во славном городе во Киеве,
У славного царя у Владимира
Жила-была молода вдова.
У вдовушки было девять сынов,
Десятая дочь любезная —
Поили, кормили, пелегали *.
Девять сынов под разбой пошли,
Десятую дочь замуж выдали
По край моря за Морьянина.
Они прижили малого детища.
Она год живет и другой живет,
На третий год стосковалася,
Стала она Морьянина в гости звать:
«Пойдем, Морьянин-свет,
Ты к теще, а я к матушке,
Ты к шурьям, я к милым братьям».
Они день идут и другой идут,
На третий день становилися,
Нарубили огонечек малёшенек,
Пустили дымочек тонешенек.
Напали воры-разбойники,
Они Морьянина зарезали,
Морьянинка в воду бросили,
Морьянинку во полон взяли.
Как все-то разбойнички стали пить и есть,
Один-то разбойничек ни пьет, ни ест,
Ни пьет, ни ест, богу молится.
Все разбойнички спать легли,
Один-то разбойничек ни спит, ни лежит,
Господу богу молится.
И стал он у Марьянинки расспрашивать:
«Ты скажи, скажи, Морьянинка,
С какого ты села-города,
И которого отца-матери?»
Стала ему Морьянинка рассказывать:
«У славного царя у Владимира
Жила-была молода вдова,
У вдовушки было девять сынов,
Десятая дочь любезная:
Поили, кормили, пелегали.
Девять сынов под разбой пошли,
Десятую дочь замуж выдали
По край моря за Морьянина».

«Вставайте, братцы родимые!
Не Морьянина мы зарезали,
Не Морьянинка в воду бросили,
Не Морьянинку в полон взяли,—
Мы зарезали зятя любезного,
В воду бросили племянника,
Родну сестру взяли во полон».
Вставали братцы родимые,
Просили у сестры прощеньица:
«Отчего ты нам не сказалася,
Что ты нам родна сестра?»
Пошли к родной матушке,
Становились на коленки все
И просили у нее прощеньица:
«Прости нас, родна матушка,
Не знавши зарезали зятя любезного,
В воду бросили племянника,
Родну сестру взяли во полон».

ВАСИЛИЙ И СОФЬЯ

Во славном городе во Киеве
Жила-то была честная вдова,
Было у вдовушки тридцать дочерей,
И все они во спасенье пошли,
Все разъехались по пустым пустыням
И по всем монасты́рям.
Все становились по крылосам,
И все поют «господи боже».
Одна Софеюшка промолвилась:
Хотела сказать «господи боже»,
А втапоры сказала:
«Васильюшка, подвинься сюда».
Услышала Васильева матушка,
Скорешенько бежала во Киев-град,
На гривенку купила зелена вина,
На другую купила зелья лютого.
Говорит она таково слово:
«Ты Васильюшка, пей
Да Софеи не давай,
А Софеюшка пей —
Василью не давай».
А Васильюшка пил и Софеи подносил,

А Софеюшка пила и Василью подносила.
Васильюшка говорит, что головушка болит,
А Софея говорит — ретиво́ сердце щемит.
Они оба вдруг переставились[1],
И оба вдруг переславились.
Василья несут на буйных головах,
А Софею несут на белых руках.
Василья хоронили по правую руку,
А Софею хоронили по левую руку.
На Василье вырастало кипаричпо дерево́,
А с Софеи вырастала золота верба.
Они вместе вершочками свивалися
И вместе листочками слипалися.
Тут старый идет-то — наплачется,
А младыий идет — надивуется,
А малый идет-то — натешится.
Тут проведала Васильева матушка,
Кипаричпо дерево повырубила,
А золоту вербу повысушила.

ЗЛЫЕ КОРЕНЬЯ

Как злодеюшка ты лютая змея!
Как по воде ты плывешь — извиваешься,
По траве ползешь — лист-траву сушишь,
Из норы ты глядишь — укусить хотишь.
Перелестница раздушаночка красная девица!
Перелестила она доброго молодца,
Пе́релестимши она, красная девица,
К себе на пир звала.
«Как и мне-то, доброму молодцу,
Идти-то не хотелося.
На пир-то пойти — мне живому не быть,
А на пир не идти — красную девицу разгневить».
Убирается добрый молодец на веселый пир,
Скидает с себя платье цве́тное,
Надевает на себя платье черное,
Идет-то добрый молодец на веселый пир,
И берет-то он гусли звонкие.
Идет-то добрый молодец к новому терему,
И восходит он, добрый молодец,

[1] Переставиться — преставиться, умереть.

На высокий на крылец,
Выходит к нему раздушапочка красная девица,
Берет-то его, доброго молодца, за правую руку
И ведет его во высокий терем,
Сажает его за дубовый стол,
Наливает ему чару зелена́ вина.
У рюмочки по краюшкам огонь горит,
А на донушке люта́ змея лежит.
«Как ходила красна девица во зеленый бор,
В зеленом бору рыла злые кореньица.
Как я мыла-то, мыла злые кореньица во Суле-реке,
Сушила я, сушила, красная девица, на крутой горе,
Толкла я злые кореньица в ступочке,
Сеяла я злые кореньица на ситочке,
Сыпала я злые кореньица в зелено́ вино,
Зазывала я доброго молодца к себе в гости,
Подносила я доброму молодцу зелена вина».
Как с вечера у доброго молодца
Голова больно болит,
К полуночи добрый молодец переставился.

МОЛОДЕЦ И КНЯЖНА

«Где ты, мой друг, убираешься,
Убираешься, снаряжаешься?»
«Я поеду гулять, молодец,
По зеленым лугам по муравчатым».
Захватили молодца жары жаркие, всё петровские,
Лютые морозы всё крещенские,
Глубокие снежочки всё рождественски,
Захватили молодца-то во чистом поле,
Во чистом поле, по-близ города.
Как во городе все воротики позатворены,
Все немецкими замками позамкнутые,
А над ними-то караульные казачушки
порасставлены,
Караульные казачушки они крепко спят.
Как кричал молодец громким голосом —
не докликался,
Соловьем свистал — даром свист пропал,
Часовые-то казачушки не пробудилися.
Услыхала его красная девица,
Дочь отецкая, княженецкая,

Надевала она сапожечки на босы ножечки,
Кунью шубочку нараспашечку,
Брала в руки красна девица золоты ключи,
Отмыкала замочки немецкие,
Отворяла ворота железные.
Она брала молодца за бе́лы руки,
Повела его красна девица во высок терем,
Посадила молодца за дубовый стол,
За скатерти за шелковые,
За яствица за сахарные,
За пойлица разнопьяные.
Она брала золотой поднос во праву руку,
Наливала она зелена вина, зелья лютого,
Подносила красна девица добру молодцу,
А подносила, всё приказывала:
«Когда любишь меня, то ты всю выпьешь,
А как я тебя люблю, рассказать нельзя».
«Я люблю тебя, красну девушку раздушаночку,
Но боюсь тебя, как змею лютую.
Ты сведешь меня с света белого,
Как свела ты моего братца ро́дного,
Что того ли было сына-королевича».

ДЕВУШКУ ГУБИТ СОПЕРНИЦА

У лесика, у лесика у дремучего,
У ключика, у ключика у текучего
Удалой донской казак свел коня поить.
Напоимши, он добра коня стал выглаживать,
Стал выглаживать, охорашивать,
Своему добру коню стал наказывать:
«Уж ты стой-ка, мой конь, стой до той поры,
Стой до той поры — до белой зари,
До белой зари, вплоть до солнышка.
Когда красно солнышко высоко взойдет,
Молода шельма вдовушка платье мыть пойдет,
Разлапушка красна девушка за водой придет».
Как душа ли красна девица за водой сошла,
Размахнула она ведерочками широкохонько,
Почерпнула голубенькими глубокохонько,
Почерпнувши, ведерочки прочь отставила,
С молодым добрым молодцем речи баяла.
Молодая шельма вдовушка ей пригро́зила:

«Не ходить тебе, девушка, по белу свету,
Не носить тебе, девушка, платья цвѐтного,
Не любить тебе, девушка, парня бравого».
Через силу девушка ведра по́дняла,
Через велику моченьку до двора дошла.
Родимая ее матушка вышла встретила:
«Милое мое дитятко, или где была,
Или где была, или что пила?»
«Родимая моя матушка, нигде не была,
Нигде не была, ничего не пила,
С молодой только вдовушкой порассорилась».
Со вечера красна девушка разгасилася,
Ко полуночи красна девушка причастилася,
На белой заре красна девушка переставилась,
За обеденку красну девушку хоронить несут.
Наперед красной девушки идет поп с дьяконом.
Позади красной девушки идет отец с матерью,
По правую сторонушку подружки идут,
По левую сторонушку добрый молодец.
Идет добрый молодец спотыкается,
Горючими слезами обливается.
Молодая вдовушка у ворот стоит улыбается:
«Согнала я девушку со бела света во сыру землю».

МАТРОС И КРАСНА ДЕВИЦА

Как во городе во Санктпитере,
Что на матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове,
Как на пристани корабельные
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белыих, полотняныих.
Что из высока нова терема,
Из косящетова * окошечка,
Из хрустальные из оконенки
Усмотрела тут красна девица,
Красна девица, дочь отецкая,
Усмотрев, выходила на берег,
На Неву-реку воды черпати.
Почерпнувши, ведры поставила,
Что поставивши, слово молвила:
«Ах ты душечка молодой матрос!

Ты зачем рано корабли снастишь
О двенадцати тонких парусов,
Тонких, белых, полотняных?»
Как ответ держит доброй молодец,
Доброй молодец, молодой матрос:
«Ах ты гой еси, красна девица,
Красна девица, дочь отецкая!
Не своей волей корабли снащу,
По указу ли государеву,
По приказу адмиральскому».
Подняла ведры красна девица,
Поднявши, сама ко двору пошла.
Из-под каменя из-под белого,
Из-под кустичка с-под ракитова
Не огонь горит, не смола кипит —
Что кипит сердце молодецкое,
Не по батюшке, не по матушке,
Не по братце, не по родной сестре,
Но по душечке красной девушке.
Перепала ли ему весточка —
Красна девица немочна лежит,
После весточки скоро грамотка —
Красна девица переставилась.
«Я пойду теперь на конюший двор,
Я возьму коня что ни лучшего,
Что ни лучшего, самодоброго,
Я поеду ли ко божьей церкве,
Привяжу коня к колоколенке,
Сам ударюся об сыру землю:
Расступися ты, мать сыра земля,
И раскройся ты, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
Пробудися ты, красна девица,
Ты простись со мной, с добрым молодцом,
С добрым молодцом, с другом милыим,
С твоим верным полюбовником».

ДЕВУШКУ ОТДАЮТ ЗА ДРУГОГО

«Вспомни, моя любезная, мою прежнюю любовь,
Как мы с тобой, моя любезная, погуливали,
Ночи темные осенние просиживали,
Тайные речи, моя любезная, говаривали».

«Тебе, мой друг, не жениться, а мне замуж-от нейти.
Женись, женись, мой любезный, за тебя замуж пойду».
В чистом поле при раздолье новый высок терем стоит,
Во тереме во высоком девушки песенки поют,
Знать, что мою хорошую сговаривают,
Сговаривают, собирают, замуж отдают.
Середь дворца стоит крыльцо раскрашено хорошо,
С того крыльца ведут к венцу расхорошую мою,
Жених ведет за рученьку, дружко за другу,
Третий стоит — сердце болит: любил, да не взял,
Поил, кормил хорошую, всё прочил себе,
Доставалась моя хорошая иному, не мне,
Иному, не мне, не товарищу мому,
Доставалась моя хорошая лиходею моему.
«Постой, моя хорошая, поговорим мы с тобой».
«Я бы рада с тобой говорити — жених не велит».
«Хорошая, пригожая, хочь платочек урони».
«Я бы рада уронила — платка в руках нет».
«Хорошая, пригожая, с руки перстень урони».
«Я бы рада перстень уронила — в пыли запылишь».
«Постой, моя хорошая, простимся со мной».
«Я бы рада с тобой простилась — кони не стоят,
Извозчики малёшеньки не сможут сдержать,
Лакеюшки с похмельюшка головка болит».

ДОМНА И ДМИТРИЙ

Еще сватался Митрий-князь
Да на Домны Фалилеевны
Он по три года, по три зимы,
От дверей не отходучи,
Да от ворот не отъедучи.
Да как пошел, пошел Митрий-князь
Да он ко ранной заутрени,
Да к честной ранной воскресенское.
Увидала его Домнушка,
Да Домна Фалилеевна:
«Да ево Митрий идё, куты́ра идё,
Да как кутыра-то боярская,
Да как сова заозерская.
Голова-то у Митрия —
Да как котел пивоваренный,
Глаза ти у Митрия —

Да как две кошки ордастые[1],
Да как брови у Митрия —
Да как собаки горластые».
А пошел, пошел Митрий-князь,
Да как пошел, пошел Михайлович
Да ко родимой своей се́стрицы,
Да ко Ульяны Михайловны:
«Уж ты ой еси, сестрица,
Да ты Ульяна Михайловна!
Да собирай-ка беседушку,
Да созови красных девушек
Да молодых-то молодушек,
Да созови сходи Домнушку,
Да как Домну Фалилеевну,
Созови на беседушку,
Да скажи: «Митрия-то дома нет»,
А скажи: «Михайловича дома нет;
Да он ушел за охотами,
Он за утками, за гуся́ми,
Да он за белыма лебедями».
Да пошла, пошла сестрица,
Да Ульяна Михайловна,
Да собирала беседушку,
Да созвала красных девушек
Да молодых-то молодушек;
Да позвала она ведь Домнушку,
Да как Домну ту Фалилеевну:
«Да ты пойдем, пойдем, Домна, к нам,
Да ты пойдем на беседушку,
Да посидеть с красны́ма девушками
Да с молодыма молодушками».
Посылает ей матенка:
«Да ты поди, поди, Домнушка,
Да ты Домна Фалилеевна,
Да ты поди на беседушку,
Да посидеть с красныма девушками».
Говорила тут Домнушка,
Да как Домна Фалилеевна:
«Ты кормилица матенка!
Не посол идет — обман за мной».
Да говорила тут се́стрица,
Да как Ульяна Михайловна:
«Да ты пойдем, пойдем, Домна, к нам,

[1] Ордастые — полосатые.

Да ты пойдем, Фалилеевна,
Да у нас Митрия-то дома нет,
У нас Михайловича дома нет;
Он ушел за охотами,
Да он за утками, за гусями,
Да он за белыма лебедями».
Да как пошла, пошла Домнушка
Да посидеть на беседушку,
Да посидеть с красныма девушками
Да с молодыма молодушками.
Да идет, идет Домнушка,
Да идет Фалилеевна.
У ворот стоят приворотнички,
У дверей стоят притворнички,
Да сохватали тут Домнушку,
Да сохватали Фалилеевну,
Да ей за белые ручушки,
Да злачены перстни́ серебряные,
Подводили ей к Митрию,
Да подводили к Михайловичу.
Еще Митрий-князь за столом стоит,
Да со всема́ князьям, бо́ярами.
Да наливает он чару вина,
Наливает зеленого,
Да подавает он Домнушке,
Да подавает Фалилеевны:
«Да выпей, выпей, выпей, Домнушка,
Да выпей, выпей, Фалилеевна,
Да от кутыры боярское,
Да от совы ты заозерское,
От котла-то пивоваренного,
Да ты от кошки ордастое,
Да от собаки горластое».
Говорила тут Домнушка,
Да говорила Фалилеевна:
«Да ты спусти, спусти, Митрий-князь,
Да ты спусти, спусти, Михайлович,
Да ко кормилице матенке
Да как сходить к ней за платьицем:
Да перво платье рукобитное,
Да второ платье обрученное,
Да третье платье подвенечное».
Да не спускает ей Митрий-князь
Да как сходить ей ко матенке,
Да как сходить ей за платьицем,—

Да перво платье рукобитное,
Да второ платье обрученное,
Да третье платье подвенечное.
Да говорила как Домнушка,
Да говорила Фалилеевна:
«Уж ты ой еси, Митрий-князь!
Да ты спусти на могилочку
Да ко родителю батюшку
Да просить бласловеньица;
Да уж мы с тем бласловеньицем
Да будем жить красоватися,
Будем гулять-прохлаждатися».
А спустил, спустил Митрий-князь,
Да как спустил, спустил Михайлович
Да ко родителю батюшку
Да сходить на могилочку,
Да попросить бласловеньица:
Да уж мы с тем бласловеньицем
Да будем жить красоватися,
Будем гулять-прохлаждатися».
Пошла, пошла Домнушка,
Как пошла Фалилеевна,
Да пошла на могилочку.
Да брала с собой два ножичка,
Да как два друга будто милые.
Да перво́й ножичек наставила
Против сердца ретивого,
Да второй ножичек наставила
Да противо горла ревливого,
Да сама она себе тут смерть прида́ла.

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОСТРИЖЕНИЕ

Татенька с маменькой спорили всё.
Меня-то, молодешеньку, споро́дили.
Татенька-то скаже: «Заму́ж дочку отдать».
Маменька скаже: «В стари́цы постричь».
Татенька пошел да ровно за́ тридцать верст,
Маменька пошла да ровно за́ двадцать верст.
Осталась молодешенька во тереме одна.
Взглянула я в окошечко — маменька идет,
Маменька идет, за собою старца ведет,
Старец тот идет — золотой стул волокет,

Золотой стул волокет, да со ножничками.
«Садись, садись, дитятко, на зо́лотой стул».
«Молчи, молчи, маменька,— румяна смою».
«Смоешь, смоешь, дитятко, в келье живучи́,
В келье живучи да богу молючи́.
Садись-ка, са́дись, доченька, на золотой стул».
«Молчи, молчи, маменька,— белила сотру».
«Сотрешь, мое дитятко, в келье живучи.
Садись, садись, скорее на золотой стул».
«Молчи, молчи, маменька,— с подружками прощусь».
«Про́стишься, мое дитятко, в келью идучи́.
Садись, садись, доченька, на золотой стул».
«Молчи, молчи, маменька,— во горенку схожу,
Во горенку схожу да в окошечко погляжу».
«Взглянешь, моя доченька, в келье живучи».
Взглянула я в окошечко — батюшка идет,
Татенька идет, за собой князя [1] ведет,
Князь-от идет, за собой попа ведет,
Поп-то идет да золоты венцы несет.
Прибегала доченька к маменьке на лицо:
«Маменька, маменька,— татенька идет!»
Хватила меня маменька за русу́ косу́,
Бросила родимая о сыру́ землю́.
Князь тут скаже: «Чья это тут лежит русая коса?»
Татенька скаже: «Не моей ли доченьки,
Не моей ли доченьки косынька лежит?»
Князь тут молодой да пал в грязь головой,
Поп молодой по дорожке пошел домой.

ЗАМУЖНЯЯ ДОЧЬ ПТАШКОЙ ПРИЛЕТАЕТ В РОДНОЙ ДОМ

Калинку с малиною вода поняла [2],
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись с разумом, замуж отдала,
Замуж отдала за неровнюшку,
За неровнюшку, в чужу сторону,
Во чужу сторонушку, во лиху семью.
Чужая сторонушка без ветру сушит,
Чужой отец с матерью без дела бранят,

[1] Князь — здесь: жених.
[2] Понять — залить.

Посылают меня, молоду, во полночь по воду.
Зябнут, зябнут ноженьки, у ключа стоя,
Прищипало рученьки к коромыслицу,
Текут, текут слезоньки по белу лицу,
Утираю слезоньки белыим платком.
Не буду я к матушке ровно три года,
На четвертом годике пташкой полечу,
Горькой я пташечкой кукушечкою.
Сяду я у матушки в зеленом саду
На любиму яблоньку на матушкину.
Горькими слезами я весь сад потоплю,
Тяжелыми вздохами весь сад посушу,
Закукую в садике жалобнехонько,
Горькими причетами я мать разбужу.
Матушка по горенке похаживает,
Любезных невестушек побуживает:
«Вставайте, невестушки, голубки мои!
Что это за чудо у нас случилось?
Что у нас зеленый сад без ветру посох,
Без дождя без сильного садик потонул?
Что у нас во садике за пташка поет,
Жалобною песенкой сердечушко рвет,
Ретиву сердечушку назолу * дает?»
Большая невестушка возговорила:
«Что это за пташечка, пойдем поглядим»;
Середня невестушка: «Пойдем изловим»;
А малый-то братец: «Пойдем застрелим».
Жена ему молвила: «Пташечки не бей:
Пташечка кукушечка — сестрица твоя,
Прилетела горькая с чужой стороны,
Со чужой сторонушки, из лихой семьи».
«Али ты безумная? Сестрица моя —
Белая, румяная, всегда весела;
А эта, хозяюшка, худа и бледна».
«Оттого худа, бледна — в чужой стороне,
На чужой сторонушке плохое житье».

ГОСТИНЫЙ СЫН УВОЗИТ ДЕВУШКУ ОБМАНОМ

Во славном было городе Кронштадте,
Гостиный сын по улице гуляет,
И он носит красно золото на цевке [1],

[1] Цевка — здесь скорее всего имеется в виду моток золотой пряжи.

Окатистый * круглый жемчуг на атласе.
Из высокого из нового терема
Увидела душа красная девица.
«Ах ты душечка удалой доброй молодец!
Ты продай, продай красно золото на цевке,
А окатистый крупный жемчуг на атласе».
Да что взговорит удалой доброй молодец:
«Ах ты душечка, душа красна девица!
Красно золото на цевочке нечисто,
А окатистый крупен жемчуг не крупен.
Приходи, красна девица, к синю морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю,
Как в городе люди приумолкнут,
А в тереме свечки приутухнут,
И батюшка с матушкой спать лягут».
Красна девица по светлице ходила,
Она буйную свою голову чесала,
Русую свою косу заплетала.
Пошла красна девица к синему морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю.
Гостиный сын по бережку гуляет,
Он душу красну девицу дожидает,
Принимает красну девицу под ручки,
Берет ее за золоты за перстни.
Повели красну девицу во кораблик,
Посадили красну девицу на стулик,
Подносили красной девице сладкой водки,
Напоили красну девицу до пьяна.
Поизволила девица почивати
У гостиного у сына на кровати.
Гостиный сын по кораблику гуляет,
Молодым матросам повелевает:
«Ах вы свет мои бурлаки молодые!
Вы отвязывайте кораблик, не стучите,
Душу красну девицу не будите».
Середи моря девица пробудилась,
Пробудившися, девица стала плакать:
«Ахти я перед богом согрешила,
Отца и мать навеки прогневила».
Гостиный сын по кораблику гуляет,
В звончаты свои гуселички играет,
Он душу красну девицу забавляет:
«Ты не плачь, не плачь, душа красна девица.
Уж как бог нас донесет с тобой в наш город,
И я буду просить у батюшки благословленья

На тебе, на красной девице, жениться.
Как станем мы с тобой жить во любови,
Отпущу тебя к твоему батюшке побывати,
На своей тебе сторонушке погуляти».

ОБМАНУТАЯ ДЕВУШКА ГИБНЕТ

Не велела мне матушка
Мне белиться, румяниться,
На черно́ брови сурмити,
В цветное платье рядитися,
В холостую горницу хаживала,
В холостую, женатую,
С холостыми речь говаривать,
С холостыми и с женатыми.
Я не слушалась матушки,
Я белилась, румянилась,
На черно брови сурмила,
В цветное платье рядилася,
В холостую горницу хаживала,
В холостую, женатую,
С холостыми речь говаривала,
С холостыми и с женатыми.
Обманул меня молодец,
Обманул расканальский сын —
Он сказал, что нет отца, матери,
Уж как нет молодой жены,
Молодой жены с детушками.
Уж как я ль, красна девушка,
На его слова прельстилася,
С вихо́рем думу думала,
С вихорем я разгадывала.
Он повез на свою сторону,
На дороге всю правду сказал,
Всю правду, всю истинную:
«Не пугайся, красна девица,
Не пугайся, дочь отецкая!
Я хочу тебе всю правду сказать,
Всю правду, всю истинную.
У меня есть и отец, и мать,
У меня есть молодая жена,
Молода жена с детушками».
Залилась я, красна девушка,

Я своими горючьми слезами,
Во слезах слово молвила:
«Ты удалый добрый молодец,
Ты зачем же меня обманывал,
Мою молодость подговаривал?»
Он привез на свою сторону,
Как встречает его и отец, и мать,
Как встречает молода жена с детушками.
«Ты родимый родной батюшка!
Я привез вам вековую работницу,
А тебе, родна матушка,
Вековую переменщицу,
А тебе, молодая жена,
Вековую постельницу,
А вам, малым детушкам,
Вековая вам нянюшка,
А себе, добру молодцу,
Вековую разувальницу».
Залилась красна девушка
Своими горючьми слезами,
Во слезах слова молвила:
«Ты не смейся, добрый молодец,
Я отцу твоему не работница,
А матери не переменщица,
А жене твоей не постельница,
А детям твоим не нянюшка.
Ты удалый добрый молодец,
И ты дай мне вёдры дубовые,
И я пойду на Дунай-реку,
На Дунай-реку пó воду».
Почерпнула вёдры, поставила,
На все стороны помолилася,
С отцом, с матерью простилася:
«Ты прости, мой родной батюшка,
Ты еще прости, государыня матушка,
Еще прощай, добрый молодец».
Уж в первóй-то она взошла
По свой шелков пояс,
А в другой-то она взошла
По свои могучи́ плеча,
А уж в третий-то она взошла
По свою буйную голову.
Увидал добрый молодец
Со высокого терема,
Со косящетого окошечка,

Закричал он громким голосом:
«Не топись, красна девица,
Не топись, дочь отецкая,
Отвезу тебя на твою сторону,
К твоему ли к отцу, к матери,
К твоему роду-племени».

МОЛОДЕЦ УБИВАЕТ НЕСГОВОРЧИВУЮ ДЕВИЦУ

«Ой ты наш батюшко тихой Дон,
Ой что же ты, тихой Дон, мутнехонек течешь?»
«Ах как мне, тиху Дону, не мутному течи —
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,
Посеред меня, тиха Дона, бела рыбица мутит,
Поверх меня, тиха Дона, три роты прошли.
Ай первая рота шла — то донские казаки;
Другая рота шла — то знамена пронесли;
А третья рота шла — то девица с молодцом».
Молодец красну девицу уговаривает:
«Не плачь, не плачь, девица, не плачь, красная моя,
Что выдам тебя, девица, я за верного слугу,
Слуге будешь ладушка, мне миленький дружок,
Под слугу будешь постелю стлать, со мной вместе спать».
Что взговорит девица удалому молодцу:
«Кому буду ладушка — тому миленький дружок.
Под слугу буду постелю стлать — с слугой вместе спать».
Вынимает молодец саблю острую свою,
Срубил красной девице буйную голову,
И бросил он ее в Дон во быструю реку.

ИГРА В ШАХМАТЫ И ОБМЕН ЗАГАДКАМИ

По крутому по красному по бережку,
По желтому сыпучему песочку,
Стояла избушка волжаночка [1].
Во той во избе холостьба сидит,
Холостьба, братцы, сидит, неженатые —
Не много, не мало, тридцать девять человек.
Между ими сидит красна девица,

[1] Волжаночка — сплетенная из ивняка.

Играет девица с добрым молодцом
В большую игру во тавлейную,
Во те ли во тавлеи, во шахматы.
Играл молодец о трех кораблях,
А девица играла о буйной голове.
Уж как девица молодца обыграла,
Выиграла девица три корабля:
Первой тот корабль с красным золотом,
Другой тот корабль с чистым серебром,
А третий корабль с крупным жемчугом.
Сел доброй молодец задумался,
Повесил свою буйну голову,
Потупил свои очи ясные.
Что взговорит душа красна девица:
«Не печалься, не кручинься, доброй молодец,
Авось твои три корабля возворотятся,
Как меня ли, красну девку, за себя возьмешь,
Корабли твои за мной в приданые».
Ах что взговорит удалой доброй молодец:
«Пропади вся моя золота казна,
Золота казна несметная —
Не взять мне души красной девицы.
Загадаю девице загадочку
Хитру, мудру, не отгадчиву.
Ах что у нас, девица, без огня горит,
Без огня у нас горит и без крыл летит,
Без крыл у нас летит и без ног бежит?»
Да что взговорит душа красна девица:
«Уж как эта ли загадка не хитра, не мудра,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива:
Без огня у нас горит солнце красное,
А без крыл у нас летит туча грозная,
А без ног у нас бежит мать быстра река».
Ах что взговорит удалой доброй молодец:
«Загадаю девице загадочку
Хитру, мудру, не отгадчиву:
Уж как есть у меня парень поваренный —
Так разве ведь он тебя за себя возьмет».
Да что взговорит душа красна девица:
«Уж эта загадка не хитра, не мудра,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива:
Уж есть у меня девка гусятница —
Уж разве она за тебя пойдет».

ДЕВУШКА ОТСТАИВАЕТ СВОЮ ЧЕСТЬ

Как у ключика у кипучего,
У колодезя у глыбокого
Красна девица воду чéрпала,
Почерпнувши, вёдры поставила,
Поставивши, думу думала,
Думу думала, слово молвила,
Слово молвила, речь говóрила:
«Хорошо тому на свете жить,
У кого-то есть отец и мать.
У меня-то у младешеньки
Ни отца нету, ни матери,
Что однáя-то злая мачеха,
Змея лютая, подколодная.
Посылала-то меня мачеха
Во высокий терём перину стлать
Про двоих-то робят холóстых,
Что про третьего про женатого».
У нас на дворе-то смеркается —
Красной девицы с теремá нету;
У нас на дворе-то глухá полнóчь —
Красной девицы с высокá нету;
У нас на дворе-то зóря белый день —
Красна девица с теремá идет.
Что русá коса порастрепана,
Что ясны́ очи позаплаканы,
Во слезах девушка слово молвила,
Слово молвила, речь говóрила:
«Что не жаль-то мне двоих холóстых,
Что жаль-то мне одного женатого —
У женатого молода жена,
Молода жена, малы детушки».

МОЛОДЕЦ И КОРОЛЕВНА

Молодец у короля на вестях служил [1],
Что король-то его любил, жаловал,
Королевна его при себе держала.
Еще стал молодец упиватися,
При хмелю удалой похвалятися:

[1] На вестях служить — выполнять разные поручения.

«Много было хожено, погуляно,
И в красне в хороше[1] похожено,
Много красных девушек целовано.
Поцелована дочь прекрасная,
Дочь прекрасная королевская».
За досаду королю показалося,
За досадушку таку за великую,
Закричал тут король на своих верных слуг:
«Ах вы слуги мои, слуги, слуги верные,
Слуги верные и неизменные!
Вы подите далече в чисто поле,
Уж вы ройте ямы глыбокие,
Становите столбы дубовые,
Перекладинку кладите кленовую,
Вы повесьте петли шелковые,
Вы повесьте добра молодца».
Молодец палачам по рублю сулит:
«Не ведите меня позад горницы,
Поведите меня вдоль по улице,
Чтоб увидела дочь прекрасная,
Дочь прекрасная королевична».
Попросилася дочь у батюшки:
«Ты пусти, пусти, родный батюшка,
Молодецкой смерти поглядети».
Молодец на петлях качается —
Королевна под релью * кончается.

КНЯЗЬ ВОЛХОНСКИЙ И ВАНЮША-КЛЮЧНИК

Как во городе было в каменной Москве,
Как во улочке было во Дмитровской,
Жил тут, поживал тут батюшка Волхонский князь
Со своей ли то верною со княгинею.
Жил тут, поживал тут Ванюшка-ключничек.
Он не год живет со княгинею,
Он не год живет — ровно два года.
Как на третий на годочек князь-то всё доведался
Через сенную девчонку *, чрез сенную последнюю.
Как вышел-то князь на крыльцо на паратное,
Он вскричал-то громким голосом:

---

[1] В красне в хороше — в красивых хороших нарядах.

«Ах вы слуги мои верные!
Вы подите приведите Ваню-ключника,
Вы поскуйте ему скорые ноженьки,
Вы свяжите назад белые ручушки».
Посковали Ванюшке скорые ноженьки,
Как связали ему назад-то белые ручушки,
Как ведут ли-то Ванюшку под белы-то руки,
На Ванюшке коленкорова рубашка вся изорвана,
Как буйная-то головушка в трех местах проломлена,
Как у Ванюшки скорые-то ноженьки пескованы,
Как сафьянные сапожки кровью понаполнены.
Вот стоит ли-то князь на крыльце-то паратном,
Увидел же-то Ванюшка князя-то Волхонского:
«Ах ты батюшка князь ты Волхонский!
Ты прости меня большой-то виной,
Я не буду, я не стану никаких я дел-то делать».
Как вскричал князь Волхонский своим громким голосом
«Ах вы слуги мои, слуги, слуги мои верные!
Вы подите, вы возьмите заступы железные,
Вы ройте-тка копайте две ямы глыбокие,
Вы поставьте два столба высокие,
Положите переводы-то [1] дубовые,
Вы повесьте-тка две петли шелковые,
Вы сделайте крючья-то золоченые,
Три ступени тесовые,
Вы покройте-тка ступени черным сукном,
Вы ведите-тка Ванюшу на крутой-то крылец,
На крутой крылец на тесовый».
Идет ли Ванюшенька поклоняется,
Со всем добрым людям прощается:
«Прости батюшка, прости, матушка,
Прости ты меня, мать сыра земля».
Как вошел да-то Ванюшка на крутой крылец на тесовый,
Он вскричал ли тут громким голосом:
«Ах ты батюшка Волхонский князь!
Ты позволь-ка-ся мне над последним краюшком
Или песенку спеть, или на рожке сыграть».
«Вешайте вы Ванюшеньку,
Пускай Ванюшенька качается,
Моя молодая-то княгиня пущай не печалится
Как дознается моя-то верная княгиня,
То-то она попечалится».
Со печали-то, тоски на третий денек,
Как на третий на денечек верная княгиня померла.

[1] *Переводы* — *перекладины.*

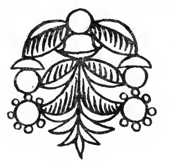
ЛЮБИЛА КНЯГИНЯ КАМЕР-ЛАКЕЯ

Время проходит, время летит,
Время проводит, ничто не льстит.
Любила княгиня камер-лакея *,
Любила она четыре года.
На пятыем году князь догадался,
На княгиню прогневился:
«Слуги мои, слуги вы верные, нелицемерные!
Вы поймайте камер-лакея,
Вы поймайте молодого,
Руки вы, ноги свяжите,
И вы бросьте в тое реку,
В тое реку во Смородинку».
Княгиня догадалась,
Молодая стосковалась,
Разболела, захотела свежей рыбы,
Свежей рыбы белужины.
«Слуги мои верные,
Слуги мои нелицемерные!
Возьмите вы шелковый невод,
Поймайте мне свежей рыбы,
Свежей рыбы белужины».
Сколько ловили — не изловили,
Только поймали белое тело,
Белое тело камер-лакея,
Камер-лакея молодого.
«Не кладите вы на землицу,
Вы положите на скамьицу,
Вы несите во светлицу,
Отворьте, откройте двери, окошки.
Подымитесь вы, буйные ветры,
Вывейте из князя душу,
Вы вложите в камер-лакея,
Вы вложите в молодого».
Ее ветры не послушались,
Из князя душу не вывевали
И в камер-лакея не вдували.
«Ох вы мои резвы ноги,
Знать-то вы ко мне не находились!
Ох вы мои белые руки,
Знать-то вы меня не наобнимались!
Ох вы мои очи ясные,
Знать-то вы на меня не нагляделись!
Ох вы мои уста сахарные,

Знать-то меня не нацеловались!
Ох вы мои цветные платья,
Знать-то мне вас не носити!
Ох вы мои черные платья,
Знать-то мне вас надевати!
Знать-то мне цветное платье скидавати,
Надевать-то мне платье черное».

СКОМОРОШИНЫ

СКОМОРОШИНЫ

Термином «скоморошины» мы объединяем довольно разнообразные по характеру песни: так называемые «шутовые старины», то есть былины-пародии, песни-новеллы комического содержания; пародийные баллады; небылицы. Общее начало, пронизывающее все эти песни,— смех. Если в классических жанрах народного эпоса смех появляется лишь изредка, составляя элемент его содержания, то для скоморошин он оказывается организующим художественным началом. Слово «скоморошина» известно в народной среде, хотя у знатоков и хранителей фольклора нет четких представлений о границах его применения. Оно, конечно, связано с воспоминаниями о скоморохах, об их веселом, озорном, исполненном юмора искусстве.

Открывающая раздел песня «Вавило и скоморохи» представляет собою народную апологию скоморошьего искусства, которое способно творить чудеса и побеждать социальное зло. Финальный эпизод воцарения крестьянского сына на престоле придает песне утопический характер.

Скоморошины принадлежат обширной сфере народной смеховой культуры, ведущей свою историю с глубокой древности. В обрядах, различных формах народного театра, в жанрах фольклорной прозы звучало острое живое слово... Было бы неверно приписывать создание скоморошин какому-либо ограниченному в социальном и культурном отношении кругу людей: это был совершенно естественный, закономерный творческий процесс, захватывающий широкие массы. В скоморошинах очень определенно дает себя знать народная точка зрения на многие стороны действительности, народная оценка общественных и бытовых явлений, облеченная в форму насмешки. Нельзя не заметить, сколь разнообразен, богат оттенками смех скоморошин. Прежде всего, в них без труда обнаруживается сильный сатирический план. В народной сатире острота социальных характеристик, резкие выпады против власть имущих, против теневых сторон быта сочетаются с насмешкой, подчас горькой. Образец такого сочета-

ния дают «Птицы»,— социальная структура заморского царства, изображенная иносказательно и насмешливо, заставляет обращаться мысленно к русской действительности времен феодального строя. Сатирические мотивы отчетливо прослеживаются в песнях о старце Игренище, о Чурилье-игуменье и Стафиде Давыдовие, где осмеиваются, лишаются ореола святости монастырские порядки и нравы.

Образчики народной шуточной, с элементами сатиры, новеллы дают песни о Терентище, о Чуриле в гостях у чужой жены: бытовые коллизии облекаются в них в форму анекдотических сюжетов с забавными ситуациями, иногда нескромными подробностями.

Песни «Дурень», «Фома и Ерема» и «Ловля филина» развивают одну из популярных тем комического фольклора — о глупцах, о людях, у которых ничего не получается или которые прилагают грандиозные усилия к пустяковым делам.

Эффект смешного в скоморошинах достигается нередко путем пародирования стиля высокого эпоса. Один тип пародии сводится к тому, что стиль героических былин, приемы, служившие изображению богатырей, богатырских сражений и тому подобного, прилагаются к персонажам отнюдь не былинным, к ситуациям самым обыденным, «низким», что и создает комический эффект. Конечно, эффект этот рассчитан на знание эпоса, на понимание несоответствия традиционных эпических описаний содержанию скоморошин (см. коммент. к песням «Из монастыря Боголюбова старец Игренище», «Чурилья игуменья и Стафида Давыдовна», «Усы»). Другой тип пародии основан на подчеркнутом снижении стиля героического эпоса, его мотивов, образов, элементов композиции. Скоморошина, как бы следуя за эпосом, «переворачивает» в комическом духе величественные описания природы, гиперболические изображения богатырей и их подвигов, нарочито показывает подчеркнуто некрасивое, уродливое, нелепое. При этом скоморошина имеет тенденцию представлять ситуацию похожей на былинную, но изображать ее в мнимо героическом духе. Блестящий пример такой пародии дает «Агафонушка» (см. коммент. к песне).

Замечательное достижение народной комической поэзии — это небылицы. Чаще всего они — короткие песенки, построенные по принципу нанизывания независимых друг от друга событий, действий, положений, по существу — совершенно абсурдных. Комизм состоит в том, что вполне обыденным предметам, животным, людям приписывается нечто алогичное, нелепое: медведь летит по небу, неся в когтях корову; курица бычка родила; щука жеребят глотает; безголосый кричит, безногий бежит и так далее. Цепь абсурдных ситуаций создает впечатление того, что мир сдвинулся.

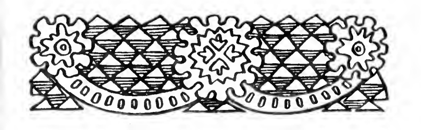
Изображение обычного в перевернутом виде — один из ста-

рейших принципов народной эстетики комического. Народной смеховой культуре издавна свойственны приемы переодевания, придания знакомому «обратного» вида и состояния, нагнетения абсурдного, комическая игра в невозможное. При этом небылицы искрятся юмором, смешат набором шуточных стихов, сплошь состоящих из одних парадоксов и нелепостей. Даже серьезным жизненным коллизиям (отношения сына и матери, мужа и жены) придается все та же шутливая форма.

Небылица трудно отделима от пародии: либо пародийные мотивы непосредствеяно включены в текст небылицы (таковы запевные стихи: «Хотите ли, братцы, старину скажу...»), либо в песне собственно небылица чередуется с пародийными эпизодами («Агафонушка»).

Народная пародия, небылица, комическая новелла стоят у истоков литературной юмористической и сатирической поэзии: русские поэты не раз обращались к фольклору, находя здесь богатейшие традиции и образцы смеховой культуры.

ВАВИЛО И СКОМОРОХИ

У честно́й вдовы да у Ненилы
А у ней было́ чадо́ Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшеницу засевати,—
Ро́дну матушку хочё кормити.
А ко той вдовы да ко Ненилы
Пришли люди к ней веселы́е,
Веселые люди не простые,
Не простые люди — скоморохи.
«Уж ты здравствуёшь, честна вдова Ненила!
У тя где чадо да нынь Вавило?»
«А уехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшеницу засевати,—
Ро́дну матушку хочё кормити».
Говорят как те ведь скоморохи:
«Мы пойдем к Вавилушку на ниву,
Он не идет ли с нами скоморошить?»
А пошли к Вавилушку на ниву:
«Уж ты здравствуёшь, чадо Вавило,
Тебе нивушка да те орати,
Еще белая пшоница засевати,
Ро́дна матушка тебе кормити!»
«Вам спасибо, люди весёлы́е,
Весёлые люди, скоморохи.
Вы куды пошли да по дороге?»
«Мы пошли ведь тут да скоморошить,
Мы пошли на инищо́ё царство [1]

[1] Инищоё царство вероятно, иноземное, чужое.

Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу.
Ты пойдем, Вавило, с нами скоморошить».
Говорило то чадо Вавило:
«Я ведь песён петь да не умею,
Я в гудок * играть да не горазён».
Говорил Кузьма да со Демьяном:
«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатый во переладец *,
А Кузьма с Демьяном припособит [1].
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
У того ведь чада у Вавила
А было́ в руках-то понюгальцё *,—
А и стало тут погудальцё;
Еще были в руках у него да тут ведь вожжи,—
Еще стали шелковые струнки.
Еще то чадо да тут Вавило
Видит — люди тут да не простые,
Не простые люди те — святые,
Он походит с нима да скоморошить.
Он повел их да ведь домой же,
Еще тут честна́ вдова да тут Ненила
Еще стала тут да их кормити:
Понесла 'на хлебы те ржаные,—
А и стали хлебы те пшоны́е;
Понесла 'на куру ту варёну,—
Еще кура тут да ведь взлетела,
На печной столб села да запела.
Еще та вдова да тут Ненила
Еще видит — люди тут да не простые,
Не простые люди те — святые,
И спускат Вавила скоморошить.
А идут скоморохи по дороге,
На гумни́ мужик горох молотит.
«Тебе бог помо́щь, да ведь крестьянин
На бело́ горох да молотити!»
«Вам спасибо, люди веселы́е,
Веселые люди, скоморохи.
Вы куды пошли да по дороге?»
«Мы пошли на и́нищоё царство

[1] Припособить — подыграть, подладиться.

Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу».
Говорил да тот да ведь крестьянин:
«У того царя да у Собаки
А окóл двора да тын железный,
А на кажной тут да на тычинке
По человечьей-то сидит головке,
А на трех ведь на тычинках
Еще нету человечьих-то тут головок:
Тут и вашим-то да быть головкам».
«Уж ты ой еси, да ты крестьянин!
Ты не мог добра нам ведь сдумать,—
Еще лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособят».
Заиграл Вавило во гудочек,
А Кузьма с Демьяном приспособил:
Полетели голубята ти стадами,
А стадами тут да табунами,
Они стали у мужика горох клевати.
Он ведь стал их тут кичигами * шибати:
Зашибал, он думат, голубят-то,—
Зашибал да всех своих ребят-то.
«Я ведь тяжко тут да согрешил ведь:
Это люди шли да не простые,
Не простые люди те — святые,
Еще я ведь им да не молился».
А идут скоморохи по дороге,
А навстречу им идё мужик горшками
торговати.
«Тебе бог помощь да те, крестьянин,
Ай тебе горшками торговати!»
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи.
Вы куды пошли да по дороге?»
«Мы пошли на инищоё царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвету,
Еще дочь его да Перекрасу».
Говорил да тот да ведь крестьянин:
«У того царя да у Собаки

А окóл двора да тын железный,
А на каждой тут да на тычинке
По человечьей-то сидит головке,
А на трех-то ведь на тычинках
Нет человечьих да тут головок:
Тут вашим да быть головкам».
«Уж ты ой еси, да ты крестьянин!
Ты не мог добра да нам ведь сдумать,
Еще лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приособит»
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приособил
Полетели куропки́ с ребáми [1],
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами [2],
Еще стали мужику-то по оглоблям-то садиться,
Он ведь стал тут их да бити
И во свой ведь воз да класти
А поехал мужик да в городочек,
Становился он да во рядочек,
Развязал да он да свой возочек,
Полетели куропки с ребами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами
Посмотрел во своем-то он возочку,
Еще тут у него одни да черепочки.
«Ой, я тяжко тут да согрешил ведь:
Это люди шли да не простые,
Не простые люди ти святые,
Еще я ведь им год не молился»
А идут скоморохи по дороге,
Еще красная да тут девица,
А она белье да полоскала.
«Уж ты здравствуёшь, красна девица,
На белó холсты да полоскати!»
«Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи.
Вы куды пошли да по дороге?»

[1] Куропки с ребáми – куропатки с рябчиками.
[2] Пеструхи с чухарями, марьюхи с косачами – различные названия тетеревов.

«Мы пошли на инищоё царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу».
Говорила красная девица:
«Пособи вам бог переиграти
И того царя да вам Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
А и дочь его да Перекрасу».
«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит»
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
А у той у красной у девицы
А были у ней холсты ти ведь холщовы,—
Еще стали шолковы да атласны.
Говорит как красная девица:
«Тут люди шли да не простые,
Не простые люди те — святые,
Еще я ведь им да не молилась»
А идут скоморохи по дороге,
А идут на инищоё царство.
Заиграл да тут царь Собака,
Заиграл Собака во гудочек,
А во звончатый во переладец,—
Еще стала вода да прибывати:
Еще хочё водой их потопити.
«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит»
Заиграл Вавило во гудочек,
И во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
И пошли быки те тут стадами,
А стадами тут да табунами,
Еще стали воду да упивати,
Еще стала вода да убывати.
«Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит»
Заиграл Вавило во гудочек,

А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Загорелось инищоё царство
И сгорело с краю и до краю.
Посадили тут Вавилушка на царство.
Он привез ведь тут да свою матерь.

ПТИЦЫ

Ди-ди-ди-ди, отчего же зима становилась?
Становилася зима да от морозов.
От зимы становилась весна красна,
От весны становилось лето тёпло,
А от лета становилась богатая осень.
Из-за синего Дунайского моря
Налетала малая птица-певица.
Садилася птица-певица
Во зеленой да во садочек,
Ко тому ли ко белому шатрочку.
Налетали малые птицы стадами,
Садилися птички рядами,
И в одну сторону да головами,
И начали птицу пытати:
«Ай же ты малая птица-певица!
И кто у нас за морем больший,
Кто за Дунайскиим меньший?»
«На море колпик [1]-от царик,
Белая колпица царица.
На море гуси бояра,
А лебедушки были княгини.
На море рябчик стряпчий,
На море жерав [2] перевозчик —
Ножки беленьки тоненьки,
Штаники синеньки узеньки,
По морю ходит и бродит,
Штаничков не омочит,
Кажную птицу перевозит,
Тем свою голову кормит.
На море дятел-от плотник,
Кажное дерево пытает,
С того ради сыт пребывает.

---

[1] Колпик — птица из разряда цапель.
[2] Жерав — журавль.

А ластушки были девицы
Утушки молодицы,
Чаюшки водоплавки,
Гагары были рыболовки,
Много-то рыбы наловили;
Рыба на горы не бывала,
Крестьяны рыбы не едали,
Всё она крестьян разоряет,
С того ради сыта пребывает.
А синочка [1] — она худая,
Часто, милая, она хворает.
Долго она не умирает,
Работы работáть не умеет,
Казаков [2] нанимать она не смыслит
А ворона — богатая птица —
В летнюю пору по суслонам,
А в зимнюю пору по ометам
Всё она крестьян разоряет,
С того ради сыта пребывает.
А воробьи были царские холопы —
Колье-жердьё подбирают
И загороды подпирают,
Всё они крестьян разоряют,
С того ради сыты пребывают.
А голубь-от на море попик,
А голубушки попадьюшки,
А сорока кабацкая женка,
С ножки на ножку ступает,
Черные чеботы топтает,
Высоко чеботы топтает,
Удалых молодцов прельщает.
Петушки — казачќи были донские,
Имеют по хозяйке и по две,
По целому да по десятку,
И не так, как на Руси крестьянин,-
Одну-то он женку имеет,
И той нарядить не умеет,
А бить-то ей, бедной, не смеет.
Курица — победная птица,
По улице ходит и бродит,
Кто ведь ей изымает [3],
Всяк яйца у ней пытает».

[1] Синочка — синичка.
[2] Казаки — здесь: батраки.
[3] Изымать — ловить.

ИЗ МОНАСТЫРЯ БОГОЛЮБОВА СТАРЕЦ ИГРЕНИЩЕ

Из монастыря да из Боголюбова
Идет старец Игренище,
Игренище-Кологренище.
А и ходит он по монастырю,
Просил честныя милостыни,
А чем бы старцу душа спасти,
Душа спасти, душа спасти,
Ее в рай спусти.
Пришел-от старец под окошечко
Человеку к тому богатому,
Просил честную он милостыню
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя.
А тот удалой господин добре
Сослал редечки горькия,
И той капусты он белыя,
А и той свеклы красныя
А с тою ли девушкой поваренною.
Сошла та девка со двора она
И за те за вороты за широкие,
Посмотрит старец Игренище-Кологренище
Во все четыре он во стороны,
Не увидел старец он, Игренище,
Во всех четырех во сторонушках
Никаких людей не шатаются, не мотаются.
А не рад-то старец Игренище
А и тое ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя,
А и рад-то девушке-чернаушке
Ухватил он девушку-чернаушку,
Ухватил он, посадил в мешок
Со тою-то редькою горькою,
И со той капустой белою,
И со той со свеклой со красною.
Пошел он, старец, по монастырю,
И увидели его ребята десятильниковы *,
И бросалися ребята они ко старцу,
Хватали они шилья сапожные,
А и тыкали у старца во шелковый мешок:
Горька редька рыхнула,

Белая капуста крикнула,
Из красной свеклы рассол пошел.
А и тута ребята десятильниковы,
Они тута со старцом заздорили,
А и молится старец Игренище,
А Игренище-Кологренище:
«А и гой вы еси, ребята десятильниковы!
К чему старца меня обидите?
А меня вам обидеть — не корысть получить.
Будьте-тко вы ко мне в Боголюбов монастырь,
А и я молодцов вас пожалую:
А и первому дам я пухов колпак,
А и век-то носить да не износить;
А другому дам камчат кафтан,
Он весь-то во тетивочку повыстеган;
А третьему дам сапожки зелен сафьян
Со темя подковами немецкими».
А и тут ему ребята освободу дают.
И ушел он, старец Игренище,
А Игренище-Кологренище,
Во убогие он свои во келейки.
А по утру раненько-ранешенько
Не изробели ребята десятильниковы,
Промежу обедни, заутрени
Пришли они ребята десятильниковы.
Ходят они по монастырю,
А и спрашивают старца Игренища,
Игренища-Кологренища.
А увидел сам старец Игренище,
Он тем-то ребятам поклоняется,
А слово сказал им ласковое:
«Вы-то ребята разумные,
Пойдем-ка ко мне, в келью идите».
Всем рассказал им подробно всё:
А четверть пройдет — другой приди;
А всем рассказал, по часам рассказал,
Монастырски часы были верные.
А который побыстрее их, ребят,
Наперед пошел ко тому старцу ко Игренищу.
Первому дал он пухов колпак:
А брал булаву в полтретья пуда,
Бил молодца по буйной голове —
Вот молодцу пухов колпак,
Век носить да не износить,
Поминать старца Игренища.

И по тем часам монастырскием
А и четверть прошла — другой пришел.
А втапоры старец Игренище
Другому дает кафтан камчатной:
Взял он плетку шелковую,
Разболок его, детину, донага,
Полтораста ударов ему в спину влепил.
А и тех-то часов монастырскиех,
Верно, та их четверть прошла,
И третей молодец во монастырь пошел
Ко тому старцу ко Игренищу,
Допрошался старца Игренища.
И завидел его старец Игренище,
Игренище-Кологренище,
А скоро удобрил и в келью взял.
Берет он полено березовое,
Дает ему сапожки зелен сафьян:
А и ногу перешиб и другую подломил.
«А вот вы, ребята десятильниковы,
Всех я вас, ребят, пожаловал:
Первому дал пухов колпак,
А и тот ведь за кельей валяется;
А другому наделил я камчат кафтан,
А и тот не ушел из монастыря;
А последнему — сапожки зелен сафьян,
А и век ему носить да не износить».

ЧУРИЛЬЯ-ИГУМЕНЬЯ И СТАФИДА ДАВЫДОВНА

Да много было в Киеве божьих церквей,
А больше того почестных монастырей,
А и не было чуднее Благовещения Христова.
А у всякой церкви по два попа,
Кабы по два попа, по два дьякона
И по малому певчему по дьячку,
А у нашего Христова Благовещенья честного
А был у нас-де Иван-пономарь,
А горазд-де Иванушка он к заутрени звонить.
Как бы русая лиса голову клонила,
Пошла-то Чурилья к заутрени.
Будто галицы летят, за ней старицы идут,
По правую руку идут сорок девиц,

Да по левую руку друга сорок,
Позади ее девиц и сметы нет.
Девицы становилися по крылосам,
Честна Чурилья в алтарь пошла.
Запевали тут девицы четью петь,
Запевали тут девицы стихи верхние,
А поют они на крылосах, мешаются,
Не по-старому поют, усмехаются.
Проговорит Чурилья-игуменья:
«А и Федор-дьяк, девий староста!
А скоро походи ты по крылосам,
Ты спроси, что поют девицы, мешаются,
А мешаются девицы, усмехаются».
А и Федор-дьяк стал их спрашивать:
«А и старицы-черницы, души красные девицы!
А что вы поете, сами мешаетесь,
Промежу собой, девицы, усмехаетесь?»
Ответ держут черницы, души красные девицы:
«А и Федор-дьяк, девий староста!
А сором сказать, грех утаить,
А и то поем, девицы, мешаемся,
Промежу собой, девицы, усмехаемся:
У нас нету дьяка-запевальщика,
А и молоды Стафиды Давыдовны,
А Иванушки-пономаря зде же нет».
А сказал он, девий староста,
А сказал Чурилье-игуменье:
«То девицы поют, мешаются,
Промежу собой девицы усмехаются —
Нет у них дьяка-запевальщика,
Стафиды Давыдьевны, пономаря Иванушки».
И сказала Чурилья-игуменья:
«А ты Федор-дьяк, девий староста!
А скоро ты побеги по монастырю,
Скоро обойди триста келий,
Поищи ты Стафиды Давыдьевны.
Али Стафиды ей мало можется[1],
Али стоит она перед богом молится».
А Федор-дьяк заскакал, забежал,
А скоро побежал по монастырю,
А скоро обходил триста келий,
Дошел до Стафидины келейки:
Под окошечком огонек горит,

[1] Мало можется — нездоровится.

Огонек горит, караул стоит.
А Федор-дьяк караул скрал,
Караулы скрал, он в келью зашел,
Он двери отворил и в келью зашел:
«А и гой еси ты, Стафида Давыдьевна,
А и царская ты богомольщица,
А и ты же княженецка племянница!
Не твое-то дело тонцы водить [1],
А твое бо дело богу молитися,
К заутрени идти».
Бросалася Стафида Давыдьевна,
Наливала стакан винца-водки добрыя,
И другой — медку сладкого,
И пали ему, старосте, во резвы ноги:
«Выпей стакан зелена вина,
Другой — меду сладкого
И скажи Чурилье-игуменье,
Что мало Стафиде можется,
Едва душа в теле полуднует *».
А и тот-то Федор, девий староста,
Он скоро пошел ко заутрени
И сказал Чурилье-игуменье,
Что той-де старицы Стафиды Давыдьевны
Мало можется, едва ее душа полуднует.
А и та-то Чурилья-игуменья,
Отпевши заутрени,
Скоро поезжала по монастырю,
Испроехала триста келий
И доехала ко Стафиды кельице,
И взяла с собою питья добрые,
И стала ее лечить-поить.

ГОСТЬ ТЕРЕНТИЩЕ

В стольном Нове-городе,
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской,
А и жил-был богатый гость,
А по имени Терентище.
У него двор на целой версте,

[1] Тонцы водить — заниматься играми, забавляться.

А кругом двора железный тын,
На тынинке по маковке,
А и есть по земчужинке;
Ворота были вальящатые,
Вереи * хрустальные,
Подворотипа — рыбий зуб.
Середи двора гридня * стоит,
Покрыта седых бобров,
Потолок черных соболей,
А и матица таволженая *,
Была печка муравленая,
Середа * была кирпичная,
А на середи кроватка стоит,
Да кровать слоновых костей,
На кровати перина лежит,
На перине зголовье * лежит,
На зголовье молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин * в хребте,
Пустился недуг к сердцу,
А пониже ее пупечка,
Да повыше коленечка,
Межу ног, килди-милди.
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«А и гой еси, богатый гость,
И по имени Терентище!
Возьми мои золотые ключи,
Отмыкай окован сундук,
Вынимай денег сто рублев,
Ты поди дохтуров добывай,
Волхи [1]-то спрашивати».
А втапоры Терентище
Он жены своей слушался —
И жену-то во любви держал.
Он взял золоты ее ключи
Отмыкал окован сундук,
Вынимал денег сто рублев
И пошел дохтуров добывать.
Он будет, Терентище,

[1] Волхи — здесь: знахари.

У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Встречу Терентищу
Веселые скоморохи.
Скоморохи — люди вежливые,
Скоморохи очес [т] ливые,
Об ручку Терентью челом:
«Ты здравствую, богатый гость,
И по имеию Терентище!
Доселева те слыхом не слыхать,
И доселева видом не видать,
А и ноне ты, Терентище,
А и бродишь по чисту полю,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая».
А и на то-то он не сердится,
Говорит им Терентище:
«Ай вы гой еси, скоморохи-молодцы!
Что не сам я, Терентий, зашел,
И не конь-то богатого завез,
Завела нужда-бедность.....
У мене есть молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сердцу,
Пониже ее пупечка,
Что повыше коленечка,
Межу ног, килди-милди.
А кто бы-де недугам пособил,
Кто недуги бы прочь отгонил
От моей молодой жены,
От Авдотьи Ивановны,
Тому дам денег сто рублев
Без единыя денежки».
Веселые молодцы догадалися,
Друг на друга оглянулися,
А сами усмехнулися:
«Ай ты гой еси, Терентище,
Ты нам что за труды заплатишь?»
«Вот вам даю сто рублев».
Повели его, Терентища,
По славному Нову-городу,

Завели его, Терентища,
Во тот во темный ряд,
А купили шелковый мех,
Дали два гроша мешок;
Пошли они во червленый ряд,
Да купили червленый вяз,
А и дубинуременчатую —
Половина свинцу налита,
Дали за нее десять алтын.
Посадили Терентища
Во тот шелковый мех,
Мехоноша за плеча взял.
Пошли они, скоморохи,
Ко Терентьеву ко двору.
Молода жена опасливая
В окошечко выглянула:
«Ай вы гой еси, веселые молодцы!
Вы к чему на двор идете,
Что хозяина в доме нет».
Говорят веселые молодцы:
«А и гой еси, молодая жена
Авдотья Ивановна!
А и мы тебе челобитье несем
От гостя богатого,
И по имени Терентища».
И она спохватилася за то:
«Ай вы гой еси, веселые молодцы!
Где его видели,
А где про его слышали?»
Отвечают веселые молодцы:
«Мы его слышали,
Сами доподлинно видели
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Голова по собе его лежит,
И вороны в .... клюют».
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«Веселые скоморохи!
Вы подите во светлую гридню,
Садитесь на лавочки
Поиграйте во гусельцы
И пропойте-ка песенку
Про гостя богатого,
Про старого .... сына,

И по именю Терентища, —
Во дому бы его век не видать».
Веселые скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запели они песенку:
«Слушай, шелковый мех
Мехоноша за плечами,
А слушай, Терентий-гость,
Что про тебя говорят,
Говорит молодая жена
Авдотья Ивановна
Про стара мужа Терентища,
Про старого .... сына —
Во дому бы тебе век не видать.
Шевелись, шелковый мех
Мехоноша за плечами,
Вставай-ка, Терентище,
Лечить молодую жену,
Бери червленый вяз,
Ты дубину ременчатую,
Походи-ка, Терентище,
По своей светлой гридне
И по середи кирпищатой
Ко занавесу белому,
Ко кровати слоновых костей,
Ко нерине ко пуховыя,
А лечи-ка ты, Терентище,
А лечи-ка ты молоду жену
Авдотью Ивановну».
Вставал же Терентище,
Ухватил червленый вяз,
А дубину ременчатую, —
Половина свинцу налита,
Походил он, Терентище,
По своей светлой гридне
За занавесу белую,
Ко кровати слоновых костей,
Он стал молоду жену лечить,
Авдотью Ивановну:
Шлык * с головы у нее сшиб.
Посмотрит Терентище
На кровать слоновых костей,
На перину на пуховую, —
А недуг-от пошевеливается

Под одеялом соболиныем.
Он-то, Терентище,
Недуга-то вон погнал
Что дубиною ременчатою,
А недуг-от непутем
В окошко скочил,
Чуть головы не сломил,
На карачках ползает,
Едва от окна отполоз.
Он оставил, недужище,
Кафтан хрущатой камки,
Камзол бабарековыи *,
А и денег пятьсот рублев.
Втапоры Терентище
Дал еще веселым
Другое сто рублев
За правду великую.

ЧУРИЛА В ГОСТЯХ У ЧУЖОЙ ЖЕНЫ

Благословляй-ко, хозяин,
Благословляй, господин,
Старину сказать стародавнюю
Про молода Чурила сына Пленковича.
Он бодро по городу погуливал,
Под ним травка-муравка не топчется,
Лазоревый цветочек не ломится,
Зелен кафтан на нем не тряхнется.
Что со вечера порошица порошила,
С полуночи выпал белый снег,
Выпал белый снег во весь белый свет.
По той-то пороше два следочка лежат,
Малым-то малы, коротешеньки.
Стары старики собиралися,
Они тем следкам дивовалися:
«Чьи это следки малешеньки,
Малым-то малы, коротешеньки?
Это молода Чурила сына Пленковича,
То он бодро по городу погуливает,
Повадился Чурила ко Перемитьеву двору».
Выходили часовы, выносили фонари,
Выходила госпожа Перемитьиха,

Берет она Чурила за белые руки, за златые перстни,
Ведет-то его в новую горницу,
Садит-то его за дубовый стол,
Поит-то его чаем, кофеем, зеленым вином.
Тут-то слуге ее, горничной, за беду стало,
За великую досаду показалося,
Пошла она барину пожаловалась:
«Ты гой еси, наш превысокий господин!
У нас в дому чудо чудится, диво деется,—
Твоя госпожа изменила тебе».
Скочил Перемитьев на резвы ноги,
Говорил он таковы слова:
«Ты гой еси, слуга, превысока госпожа!
Налей ты мне чару зелена вина в полтора ведра».
Берет Перемитьев чару единой рукой
И выпивает чару на единый дух,
Он берет со спички [1] востру сабельку,
Пошел Перемитьев в нову горенку,
Он грозно по горенке похаживает,
Чеботами во пол поколачивает,
Востру сабельку на рученьке поправливает,
На спички, под спички посматривает.
Увидел на спичке золот колпак:
«Это что? Мне не надобно!»
Подходила госпожа Перемитьиха,
Говорила она таковы слова:
«Ты гой еси, мой превысокий господин!
Я по городу ходила, по базару гуляла,
По базару гуляла и у батюшка была,
Мне батюшко пожаловал, родимый подарил,—
Хочу я тебя срядить лучше старого,
Лучше старого, лучше нового».
Он грозно по горенке похаживал,
Чеботами во пол поколачивал,
Востру сабельку на рученьке поправливал,
На грядки *, под грядки поглядывал.
Увидел на грядке шелковые перчатки:
«Это что? Мне не надобно!»
Подходила госпожа Перемитьиха,
Говорила она таковы слова:
«Ты гой еси, мой превысокий господин!
Я по городу ходила, по базару гуляла,
У матушки была,

[1] Спичка — деревянный гвоздь в стене.

Мне матушка дала, ро́дна жаловала,—
Хочу я тебя срядить лучше старого,
Лучше старого, лучше нового».
Он грозно по горенке похаживает,
Чеботами в пол поколачивает,
Востру сабельку на рученьке поправливает,
На полки, под полки поглядывает.
Увидел на полке зелен кафтан:
«Это что? Мне не надобно!»
Подходила госпожа Перемитьиха,
Говорила она таковы слова:
«Ты гой еси, мой превысокий господин!
Я по городу ходила, по базару гуляла,
У братца была, мне братец пожаловал,
Братец пожаловал, родимый подарил,—
Хочу я тебя срядить лучше старого,
Лучше старого, лучше нового».
Он грозно по горенке похаживает,
Чеботами в пол поколачивает,
Востру сабельку на рученьке поправливает,
На лавки, под лавки поглядывает,
Увидел под лавкой сафьяновы сапожки:
«Это что? Мне не надобно!»
Подходила госпожа Перемитьиха,
Говорила она таковы слова:
«Ты гой еси, мой превысокий господин!
Я по городу ходила, по базару гуляла,
По базару гуляла, у сестрицы была,
Мне сестрица подарила, родна жаловала,—
Хочу я тебя срядить лучше старого,
Лучше старого, лучше нового».
Он грозно по горенке похаживает,
Чеботами в пол поколачивает,
Востру сабельку на рученьке поправливает,
На печку, за печку поглядывает,
Увидел за печкой две свечки горят,—
То ясны очи глядят, то Чуриловы.
«Выходи-ко ты, Чурило, середи пола,
До тебя-то мне, Чурило, дела нету-ка,
Мы с тобой, Чурило, побратуемся.
Ты гой еси, княгиня, превысока госпожа!
Выходи-ко ты, княгиня, на красно крыльцо
перильчато,—
Женю я тебя, княгиня, на другом женихе,
На другом женихе — вострой сабельке».

УСЫ

Эй усы, усы проявились на Руси,
Проявилися усы за Москвою за рекой,
За Москвою за рекой, за Смородиною.
У них усики малы, колпачки на них белы,
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Ой смурые *, кафтаны, полы стеганые,
Пестрединные рубашки, золотны воротники,
С напуском чулки, с раструбами сапоги,
Ой шильцом пятки *, остры носки,
Еще окол каблучка хоть яичком покати.
Собирались усы во единый круг,
Ой один из них усища-атаманища,
Атаманища он в озямище *,
Еще крикнул ус громким голосом своим:
«Ой нуте-тка, усы, за свои промыслы!
Вы берите топоры, вы рубите вереи [1].
За Москвою за рекою что богат мужик живет,
Он хлеба не сеет, завсегда рожь продает,
Он пшеницы не пашет, всё калачики ест,
Он солоду не ростит, завсегда пиво варит,
Он денежки сбирает да в кубышечку кладет.
Мы пойдемте, усы, разобьемте мужика.
И вы по полю идите не гаркайте,
По широкому идите не шумаркайте *,
На забор лезьте не стукайте.
По соломушке идите не хрястайте,
Вы во сенички идите не скрыпайте,
Во избушку идите, всё молитовку творите».
Ой тот ли усища-атаманища
Он входит в избу, сам садится в переду,
Ничего не говорит, только усом шевелит,
По сторонушкам он посматривает.
Напырялась *, нашвырялась полна изба усов —
Ой на печи усы и под печью усы,
На полатях усы, на кроватушке усы.
Ой крикнул ус громким голосом своим:
«Ой ну-ка, хозяин, поворачивайся,
Поворачивайся, раскошеливайся.
Ты давай нам, хозяин, позавтрикати».
Ой хозяин тот несет пять пуд толокна,
А хозяюшка несет пять ведр молока.

---

[1] Вереи — здесь: легкие лодки.

И мы попили, поели, мы позавтракали.
«Ой ну-ка, хозяин, поворачивайся,
Поворачивайся, раскошеливайся.
Ты давай нам, хозяин, деньжоночки свои».
Ой хозяин тот божится: «Нету денег у меня»;
А хозяюшка ратится: «Нет ни денежки у нас»;
Одна девка за квашней: «Нет полушки за душой»;
А дурак сын на печи он свое говорит:
«Ах как-то у батьки будто денег нет,—
На сарае сундук во пшеничной во муке».
Ой крикнул ус громким голосом своим:
«Ой нуте-ко, усы, за свои промыслы!
Ой кому стало кручинно, нащепай скоро лучины,
Вы берите уголек, раскладывайте огонек,
Вы кладите хозяина с хозяюшкою».
Ой хозяин на огне изгибается,
А огонь около его увивается.
А хозяин-от дрожит, за кубышечкой бежит,
А хозяюшка трясется да с яндовочкой * несется.
Ой мы денежки взяли и спасибо не сказали,
Мы мошоночки пошили, кошельки поплели,
Сами вниз поплыли, воровать еще пошли.

ДУРЕНЬ

А жил-был дурень,
А жил-был бабин [1],
Вздумал он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Отшедши дурень
Версту, другу,
Нашел он, дурень,
Две избы пусты,
В третьей людей нет.
Заглянет в подполье,—
В подполье черти
Востроголовы,
Глаза, что часы,
Усы, что вилы,

[1] Бабин сын — шуточно-бранное выражение.

Руки, что грабли,
В карты играют,
Костью бросают,
Деньги считают,
Груды переводят.
Он им молвил:
«Бог вам в помочь,
Добрым людям».
А черти не любят,—
Схватили дурня,
Зачали́ бити,
Зачали́ давити,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Пришедши дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
А мать — бранити,
Жена — пеняти,
Сестра та — также:
«Ты глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,—
А ты бы молвил:
«Будь, враг, проклят
Именем господним,
Во веки веков, аминь».
Черти б убежали,
Тебе бы, дурню,
Деньги достались
Вместо кладу».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел дурень
Четырех братов,—
Ячмень молотят,

Он им молвил:
«Будь, враг, проклят,
Именем господним».
Бросилися к дурню
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали колотити,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Пришедши дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
А мать — бранити,
Жена — пеняти,
Сестра та — также:
«А глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил, —
Ты бы молвил
Четырем братам,
Крестьянским детям:
„Дай вам боже
По́ сту на день,
По тысячу на неделю“».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел же дурень,
Пошел же бабин
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидел дурень —
Семь братов
Мать хоронят,
Отца поминают,
Все тут плачут,
Голосом воют,
Он им молвил:
«Бог вам в помочь,
Семь вас братов,
Мать хоронити,

Отца поминати.
Дай господь бог вам
По́ сту на день,
По тысячу на неделю».
Схватили его, дурня,
Семь-то братов,
Зачали́ его бити,
По земле таскати,
В г.... валяти,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Идет-то дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
Мать — бранити,
Жена — пеняти,
Сестра та — также:
«А глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,—
Ты бы молвил:
«Прости, боже,
Благослови,
Дай, боже, им
Царство небесное,
В земли упокой,
Пресветлый рай всем».
Тебе бы, дурня,
Блинами накормили,
Кутьей напитали».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
Встречу ему свадьба,
Он им молвил:
«Прости, боже,
Бласлови,

Дай вам, господь бог,
Царство небесно,
В земле упокой,
Пресветлый рай всем».
Наехали дру́жки,
Наехали бояра[1],
Стали дурня
Плетьми стегати,
По ушам хлестати.
Пошел, заплакал,
Идет да воет,
Мать — его бранити,
Жена — пеняти,
Сестра та — также:
«Ты глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы слово
Не так же бы молвил,—
Ты бы молвил:
„Дай господь бог
Новобрачному князю *
Сужено поняти[2],
Под злат венец стати,
Закон божий прияти,
Любовно жити,
Детей сводити“».
«Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Встречу дурню
Идет старец,
Он ему молвил:
«Дай господь бог
Тебе же, старцу,
Сужено поняти,
Под злат венец стати,
Любовно жити,
Детей сводити».
Бросился старец,

[1] Дру́жки, бояра — участники свадебного обряда.
[2] Сужено поняти — взять назначенную невесту.

Схватил его, дурня,
Стал его бити,
Костылем коверкать,
И костыль изломал весь:
Не жаль старцу
Дурака-то,
Но жаль ему, старцу,
Костыля-то.
Идет-то дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
Матери расскажет,
Мать — его бранити,
Жена — журити,
Сестра та — также:
«Ты глупый дурень,
Неразумный бабин!
То ж бы ты слово
Не так же бы молвил,—
Ты бы молвил:
«Благослови меня, отче,
Святы игумен!»
А сам бы мимо».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Впредь таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
В лесу ходити,
Увидел дурень
Медведя за сосной —
Кочку роет,
Корову коверкат,
Он ему молвил:
«Благослови мя, отче,
Святы игумен,
А от тебя дух дурен».
Схватал его медведь-от,
Зачал драти
И всего ломати,
И смертно коверкать,
И ж... выел,

Едва его, дурня,
Жива оставил.
Пришедчи дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
Матери расскажет,
Мать — его бранити,
Жена — пеняти,
Сестра та — также:
«Ты глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы слово
Не так же бы молвил,—
Ты бы зауськал,
Ты бы загайкал,
Ты бы заулюкал».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел же дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Будет дурень [1]
В чистом поле,
Встречу дурню
Шишков-полковник.
Он зауськал,
Он загайкал,
Он заулюкал,—
Наехали на дурня
Солдаты,
Набежали драгуны,
Стали дурня бити,
Стали колотити,
Тут ему, дурню,
Голову сломили
И под кокору * бросили,
Тут ему, дурню,
И смерть случилась.

[1] **Будет дурень** — здесь в значении: когда оказался.

ФОМА И ЕРЕМА

Фома да Ерема были братенички,
Прокуратиннички *.
Они пили, ели сладко да носили хорошо —
Ерема носил рогожу, а Фома-то торпьё.
«Не лучше ль нам, Ерема, пашенку пахать,
Пашенку пахать, да и хлеб засевать?»
Ерема купил лошадь, а Фома-то жеребенка,
Ерема купил соху, а Фома-то борону,
У Еремы-ти не едет, у Фомы-ти не везет.
Уж и по боку ножом, еще кожу на рожон *.
«Уж и ну к черту, Ерема!» — «С этим промыслом, Фома!»
«Так не лучше ль нам, Ерема, за охотою ходить,
За охотою ходить, серых зайчиков ловить?»
Ерема купил суку, а Фома-то кобеля,
Как Фомин-от кобель серу мышь задавил.
Навстречу им злодей — медведь-лиходей,
На Ерему-то ревет, а Фому-то дером дерет.
А Ерема-то бежит не оглянется,
А Фома-то за ним порет не останется.
«Уж ты брат, постой, Еремей честной!
Уж и ну к черту, Ерема!» — «С этим промыслом, Фома!»
«Так не лучше ль нам, Ерема, обеденки служить?»
Ерема стал на крылос, а Фома-то на алтарь,
Ерема закричал, а Фома-то зазычал.
Навстречу им злодей — пономарь-лиходей,
Он Ерему-то дубиной, а Фому-то вязовой.
А Ерема-то бежит не оглянется,
А Фома-то за ним порет не останется.
«Уж ты брат, постой, Еремей честной!
Не лучше ли нам, Ерема, овинчики сушить,
Овинчики сушить да рожь молотить?»
Ерема овин садит [1], а Фома теплину валит [2],
Ерема-то колотит [3], а Фома заберег воротит [4].
Колотили-молотили да овин сожгли.
Как Ерема-то бежит не оглянется,
А Фома-то за ним порет не останется.
«Уж ты брат, постой, Еремей честной!
Уж и ну к черту, Ерема!» — «С этим промыслом, Фома!»
«Так не лучше ль нам, Ерема, при дороженьке стоять,

[1] Садить овин — наполнять овин снопами.
[2] Валить теплину — накладывать растопку.
[3] Колотить — молотить.
[4] Воротить заберег — ворошить подожженные снопы.

При дороженьке стоять да обозы разбивать?»
Ерема взял дубину, а Фома-то вязову.
Навстречу им злодей — мужик-лиходей,
Он Ерему-то дубиной, а Фому-то вязовой,
Вот Ерема-то бежит не оглянется,
А Фома-то за ним порет не останется.
«Уж ты брат, постой, Еремей честной!
Уж и ну к черту, Ерема!» — «С этим промыслом, Фома!»
«Так не лучше ль нам, Ерема, белу рыбицу ловить?»
Ерема сел в лодку, а Фома-то в ботничо́к.
Они три года ныряли, да со дна-то не бывали.

ЛОВЛЯ ФИЛИНА

Прикажи, суда́рь хозяин,
Прикажи же, господин,
Из-за лавки стать,
Поскакать, поплясать,
Да прошеньице сказать
Про Ловрентья старика,
Про Ефрема мужика.
Да Борисович Иван
Поутру рано́ вставал,
Утру-свету дожидал,
Он зоры́ не просыпал,
Он к суседу побежал,
Ко суседу ко Петру
Ко Тарасовичу.
Колотился под окном
Он толсты́м кулаком,
Всё о шестонько:
«Разбудися, мой сусед,
Да Тарасович Пе́тр!
Еще щё у нас тако́
Что удеялося,
Учинилося:
Там за Дедковой за пожней *,
За сосновым наволочком *,
За Кырой за рекой
Да там кошкою кунярка *
С собакой горьчит [1],
Пищит, верещит,

[1] Горьчить — ссориться, кричать (?).

Спредиковывает [1].
Там прежито * живут,
Две скотины бьют».
Петрушка-то встает,
Умывается,
Оболокается *,
Богу молится.
Он молитву творил
Всё исусову.
Собиралися ребята
Во единую избу,
Они садились вдруг
По скамейкам в круг,
Они думали, гадали,
Советовали.
Да Клементий Клим
Не советлив был,
Да он по полу ходил,
Не по их речь говорил.
Они били да бранили,
Взяли прочь да прогонили.
Как пошли наши ребята
Филина ловить.
Петрушка ходит — слуша,
Не филин ли сидит,
А Матюша ходит — тюкает,
Хочет со́сну валить,
А Чика ходит — чиркае,
Хочет филина стрелить.
Стрелили филина́
Из большого изо ружья,
Из оленного.
Попало филину́
По заду́ да по перу,
Филин стрепетался,
Чика ......
Филин выше поднялся
На сосну на сушину,
На самую вершину.
Под ним сук не погодился *,
Филин на землю свалился.
«Уж мы как будем, ребята,
Филина делить?»

---

[1] Спредиковывать — пугать (?).

«Да Петруше полтуши,
Матюше серы уши,
Харлану — ноги драны,
Борису — ноги лисы».
Пришел Лучка,
Взял за крылко,
Бросил о́ землю.
«Уж вы глупые ребята,
Неразумны старики!
Вам на шё его делить,
Как нельзя его варить!
Мы повесим филиночка
Ко Чикину гумёшку,
На проезжу на дорожку.
Кто ни про́йде, ни проеде,
Всяк про филина вспомяне:
„Как теперя филиночку
Не по сосенкам летать,
Как не нас же пугать“».

ХМЕЛЬ СЕБЯ ВЫХВАЛЯЕТ

Как во городе было во Казани,
Середи было торгу на базаре,
Хмелюшка по выходам гуляет,
Еще сам себя хмель выхваляет:
«Уж как нет меня, хмелюшки, лучше,
Хмелевой моей головки веселее.
Еще царь-государь меня знает,
Князья и бояре почитают,
Священники-попы благословляют;
Еще свадьбы без хмеля не играют,
И крестины без хмеля не бывают.
Еще где подерутся, побранятся,
Еще тут без хмеля не мирятся.
Один лих на меня мужик-крестьянин —
Он частешенько в зеленый сад гуляет,
Он глубокие борозды копает,
Глубоко меня, хмелину, зарывает,
В ретиво сердце тычиночки втыкает,
Застилает мои глазоньки соломкой.
Уж как тут-то я, хмель, догадался,
По тычинкам вверх подымался,
Я отростил свои ярые шишки.

Но всё лих на меня мужик-крестьянин —
Почастешеньку в зеленый сад гуляет.
Он и стал меня, хмелюшку, снимати
И со малыми ребятами щипати,
В кульё, в рогожи зашивати,
По торгам, по домам развозити.
Меня стали мужики покупати
И со суслицем во котликах топити.
Уж как тут-то я, хмель, догадался,
Я из котлика вон подымался,
Не в одном мужике разыгрался —
Я бросал их о тын головами,
А во скотский помет бородами».

АГАФОНУШКА

А и на Дону, Дону, в избе на дому,
На крутых берегах, на печи на дровах
Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подпольная,
А и широко раздолье — перед печью шесток,
Чистое поле — по подлавочью,
А и синее море — в лохани вода.
А у белого города у жорного
А была стрельба веретенная,
А и пушки — мушкеты горшечные,
Знамена поставлены — помельные,
Востры сабли — кокошники *,
А и тяжкие палицы — шемшуры *,
А и те шемшуры были тюменских баб.
А и билася, дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко жорному,
О том пироге, о яичном мушнике *.
А и билися, дралися день до вечера,
Убили они курицу пропащую.
А и на ту-то на драку, великий бой,
Выбежал сильно́й могуч богатырь,
Молодой Агафонушка Никитин сын.
А и шуба-то на нем была свиных хвостов,
Болестью опушена, комухой * подложена,
Чирьи да вереды * — то пуговки,
Сливные коросты *— то петельки.
А втапоры старик на полатях лежал,
Силу-то смечал *, во штаны .....;

А старая баба, умом молода,
Села ....., сама песни поет.
А слепые бегут спинаючи[1] глядят,
Безголовые бегут — они песни поют,
Бездырые бегут — ....,
Безносые бегут — понюхивают.
Безрукий втапоры клеть покрал,
А нагому безрукий за пазуху наклал,
Безъязыкого того на пытку ведут,
А повешены — слушают,
А и резаный тот в лес убежал.
На ту же на драку, великий бой,
Выбегали тут три могучие бога́тыри.
А у первого могучего богатыря
Блинами голова испроломана,
А у другого могучего богатыря
Соломой ноги изломаны,
У третьего могучего богатыря
Кишкою брюхо пропороно.
В то же время и в тот же час
На море, братцы, овин горит,
С репою, со печенкою.
А и середи синя моря Хвалынского
Вырастал ли тут крековист дуб.
А на том на сыром дубу крековистом
А и сивая свинья на дубу гнездо свила,
На дубу гнездо свила и детей она свела,
Сивеньких поросяточек, поросяточек полосатеньких.
По дубу они все разбегалися,
А в воду они глядят — притонути хотят,
В поле глядят — убежати хотят.
А и по чистому полю корабли бегут,
А и серый волк на корме стоит,
А красна лисица потакивает *:
«Хоть вправо держи, хоть влево, затем куда хошь».
Они на небо глядят — улетети хотят.
Высоко ли там кобыла в шебуре * летит,
А и черт ли видал, что медведь летал,
Бурую корову в когтях носил.
В ступе-де курица объягнилася,
Под шестком та корова яйцо снесла,
В осеку * овца отелилася.
А и то старина, то и деянье.

[1] Спинаючи — спиной, задом.

НЕБЫЛИЦА

Стари́ну скажу да старопрежную,
Старопрежную да стародавную.
Старика свяжу да со старухою.
Я скажу, скажу да побывальщинку,
Побывальщинку да небывальщинку.
По синю́ морю́ да жернова несё,
А по чисту́ полю да всё корабль бежит,
По подне́бесью да всё медведь летит,
На ели корова да белку злаяла,
Белку лаяла да ноги ширила.
В осеку свинья да всё гнездо свила́,
Всё гнездо свила да детей вывела.
Сын на матери всё снопы возил,
Всё снопы возил да все коно́пляны,
Родна матенка да в кореню́ была,
А молода жена да пристяжной была,
Родну матенку да попонюгивал *,
Попонюгивал да сам подсте́гивал,
Молоду жону да призадярживал,
Призадярживал да сам подтпрукивал *:
«Ну пойди, да родна матенка,
Тпру, постой, да молода жона».

КОММЕНТАРИИ

Тексты для настоящего издания взяты из наиболее авторитетных в научном отношении фольклорных сборников, причем предпочтение отдано текстам, отличающимся полнотой содержания и высокими художественными достоинствами.

Все тексты даны без сокращений и без смысловых или грамматических поправок. В единичных случаях в тексты внесены слова, возможно, пропущенные при записи, восстанавливающие смысл и ритмику стиха, и уточнены написания отдельных слов (соответствующие дополнения даны в прямых скобках). Слова, неудобные для печати, заменены точками. Редактирование касалось фонетической стороны записей и пунктуации. Все случаи применения собирателями и прежними издателями фонетической транскрипции (передача произношения, безударных гласных, ассимиляции согласных по звонкости и глухости, произношения согласных в конце слов и т. д.) заменялись общепринятыми орфографическими написаниями. Не сохранялись написания, отражающие те диалектные особенности, которые представляют узколингвистический интерес и затрудняют чтение и художественное восприятие текстов (мягкое Ш, замена Ц и Ч и другие). В то же время сохранены те фонетические особенности диалектов, которые имеют отчетливую стилистическую окраску, связаны со звучанием стиха, с рифмой, ритмикой. Полностью сохранены морфологические и синтаксические формы и местная лексика.

Пунктуация всюду пересмотрена, исправлена и унифицирована в соответствии с современным употреблением знаков препинания и с учетом специфики народного стиха.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ТЕКСТОВ

Андреев — Чернышев — Русская баллада. Предисл., редакция и примеч. В. И. Чернышева. Вступ. статья Н. П. Андреева. Л., 1936.

Астахова — Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора. Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. М.— Л., 1938. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и коммент. А. М. Астаховой. М.— Л., 1951.

Балашов — Народные баллады. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Д. М. Балашова. Общая ред. А. М. Астаховой. М.— Л., 1963.

Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. Т. I—III. М.— Л., 1949—1951.

Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. I. М., 1904; т. III. СПб., 1910.

Гуляев — Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.

Иваницкий — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Подготовка текстов, вступ. статья и примеч. Н. В. Новикова. Вологда, 1960.

Исторические песни XIII—XVI веков — Исторические песни XIII—XVI веков. Изд. подготовили Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М.— Л., 1960.

Исторические песни XVII века — Исторические песни XVII века. Изд. подготовили О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. Ответ. редактор Б. Н. Путилов. М.— Л., 1966.

Исторические песни XIX века — Исторические песни XIX века. Изд. подготовили Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973.

Исторические песни XIX века — Исторические песни XIX века. Изд. подготовили Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 4—5. М., 1862—1863.

Киреевский, Нов. серия — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Под ред. В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского. Вып. 1—2. М., 1911—1929.

Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е, дополненное, изд. подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.

Лит. наследство — Литературное наследство. Т. 79. Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968.

Мякутин — Песни оренбургских казаков. Собрал А. И. Мякутин. Т. II. Оренбург, 1910.

Ончуков — Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904.

Пропп — Путилов — Былины. В 2-х т. Подготовка текста, вступ. статья и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958.

Путилов — Народные исторические песни. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Б. Н. Путилова. М.— Л., 1962.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1—3. М., 1861—1864.

Соболевский — Великорусские народные песни, изданные А. И. Соболевским. Т. I. СПб., 1895. Т. VI. СПб., 1901.

Соколов — Чичеров — Онежские былины. Подбор былин и научная ред. текстов Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948.

Чулков — Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова. Т. I. Собрание разных песен. Ч. 1—3 с Прибавлением, 1770—1773 гг. СПб., 1913.

Языковы — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Подготовка текстов к печати, вступ. статья и коммент. А. Д. Соймонова. Т. I. Л., 1977.

БЫЛИНЫ

Илья Муромец и Соловей-разбойник.— Астахова, т. II, № 131. Зап. от П. И. Рябинина в Заонежье (Карелия) в 1932 г.

Цикл былин об Илье Муромце включает около пятнадцати сюжетов, бо́льшая часть которых не связана между собою моментами эпической биографии богатыря и взаимно не согласуется. Исключение — настоящая былина: она посвящена первым подвигам Ильи. В цикле ей предшествует сюжет о чудесном исцелении: Илья с детства не мог ходить и тридцать три года сидел сиднем, странники дали ему питье, благодаря которому он встал на ноги и обрел богатырскую силу.

Кладовал он заповедь великую...— В некоторых вариантах условие — не вынимать оружие по пути в Киев — ставит Илье его отец: «*Я* на добрые дела те благословенье дам, А на худые дела благословенья нет». Запрет на оружие объясняется иногда тем, что отъезд богатыря совпадает с церковным праздником. Тем не менее запрет всегда нарушается во имя защиты справедливости.

А попал ко городу Чернигову.— Эпизод освобождения Чернигова от осады не может быть отнесен к какому-то конкретному факту, Чернигов — один из эпических городов.

Реченька Смородинка.— В русском фольклоре обозначает рубеж, разделяющий два мира. Успешная переправа через Смородинку символизирует победу. В былинах у Смородинки нередко происходят боевые встречи богатырей с противниками.

Крест Леонидов (обычно — Леванидов). — В былинах обозначает место, где останавливаются или встречаются богатыри. Возможно, первоначальное значение — крест из ливанского кедра, особо почитаемый, священный.

Соловей-разбойник — один из самых загадочных персонажей русского эпоса. Несомненна мифологическая основа образа: это антропоморфное чудовище-птица, страж границы двух миров, способный убивать своим свистом и криком; место его обитания — огромные деревья. Вместе с тем Соловей-разбойник действует в исторических обстоятельствах

Киевской Руси, преграждая дорогу к Киеву. Своим подвигом Илья Муромец уничтожает одно из препятствий объединению русских земель.

Три поездки Ильи Муромца.— Гильфердинг, т. II, № 171. Зап. от Ф. Никитина на Выгозере (Карелия).

Старый казак...— Наименование Ильи Муромца казаком — позднее и должно было подчеркнуть вольное, независимое состояние богатыря. Эпитет «старый» обычен в приложении к Илье. В другой былине:

Ехал стар по чисту́ полю,
По тому раздолью широкому.
Голова бела, борода седа,
По белы́м груди́м расстилается,
Как скате́н жемчуг рассыпается.
Да под старым конь наюбел-бело́й,
Да ведь хвост и грив' научё-чёрна́...

Латырь-камешок (обычно «алатырь») — легендарный камень, с которым в эпосе связаны представления о предсказаниях.

Корела проклятая... Индия богатая...— См. вступ. статью к разделу «Былины».

Нет у старого да золотой казны...— В других вариантах Илья описывает свою роскошную шубу, золотой колчан и т. д. Как выразился один сказитель, богатырь такими описаниями заманивает разбойников, вызывая их на нападение.

Он прибил-прирубил всю силу неверную...— В вариантах дается иной исход: Илья Муромец на глазах разбойников стреляет из лука, и его стрела разбивает на кусочки огромный дуб; видя это, разбойники в страхе разбегаются.

«...Ты сама ложись да на ту кроватку...» — Здесь и далее в словах и действиях Ильи Муромца проявляется свойственная былинным героям эпическая прозорливость: богатырь как бы знает, какая опасность ждет его, и предупреждает ее; он знает также, что в погребе заточены жертвы колдуньи, и освобождает их. Такое знание в былине никак не мотивируется.

Бой Ильи Муромца с сыном.— Ончуков, № 1. Зап. от Е. Ф. Чуркиной (Усть-Цыльма, Печора) в начале XX в.

Кабы жили на за́ставы бога́тыри...— Имеются в виду сторожевые военные посты, охранявшие подступы к Киеву на границе со «степью». В вариантах прямо говорится:

Тут стояли могучие богатыри,
Да берегли-стерегли стольне Киев-град.

Атаманом-то стар казак...— Перечень должностей на заставе отражает, конечно, поздний опыт певцов. В перечне богатырей, наряду с известными героями, о которых есть специальные былины, упоминаются персонажи, фигурирующие в других былинах как эпизодические: *Самсон Колыбанович* (Самойлович) — см. «Илья Муромец и Калин-царь»;

Мишка Торопанишко — может быть Мишка Таракашка (в былинах «Данило Ловчанин» и «Соломан и Василий Окулович»); *Пермя Васильевич* (Пермята Иванович) и *Потанюшка Хроменький* — см. былины о Василии Буслаеве и песню о Мастрюке; *Лука* и *Матвей* — также в былинах о Буслаеве; *Скопин* — герой исторической песни XVII в.

Да и зрел он, смотрел на все стороны... — О характере пространственных описаний в былинах см. вступ. статью к разделу.

А богатырь ле там едёт... — Описание богатыря принадлежит к числу самых интересных в эпосе. С одной стороны, это враг, «нахвальщик», угрожающий Киеву. В то же время он рисуется идеальным охотником, и в его облике есть черты мифологического персонажа (связь с вещими птицами и зверями).

Дружина заговорная — дружина, которую с помощью заговоров оградили от гибели.

«Да кого же нам послать нынь за богатырём?..» — Перебор богатырей и последовательный отвод их встречается и в других сюжетах. Смысл мотива — в том, что только один богатырь может выйти на поединок, ему суждено совершить главный подвиг: здесь — это Илья Муромец.

«Уж я верный богатырь...» — богатырь настоящий, истинный.

По старо́му да по бесчестью да по великому, Подоспело его слово похвальноё... — То есть — богатырь поплатился за свою похвальбу.

«Да какой ты удалой да доброй молодец?» — Обычный в русском эпосе мотив: воины бьются, не зная друг друга, затем победитель спрашивает поверженного противника, кто он. Нередко здесь происходит узнавание братьев, богатырей одного круга и т. п.

«Уж ты чадо ле, чадо да мое милоё...» — Этот момент в былине проясняет второй сюжетный план ее. Известны версии, где этот план выступает в прямом повествовании: Илья Муромец встречает поленицу (богатырку), Златыгорку, побеждает ее в поединке, живет с нею некоторое время и покидает ее беременной. Вся эта история относится к древнейшему слою эпоса. Сын, рожденный от Ильи, отправляется на поиски отца. В былинах образ его противоречив: как сын первого русского богатыря, он наделен особенной силой и богатырскими качествами, эффектной внешностью; но он выступает как мститель за оставленную мать и за свой позор (он — безотцовщина, «приблудный») и в этой своей роли осуждается. Есть версии, где после поединка Илья, счастливый тем, что нашел сына, принимает его в свою дружину, но тот ночью пытается вероломно убить отца. В нашем варианте сын как бы впервые узнает правду и сначала убивает мать, а затем покушается на отца. В то же время очевидно, что он явился на Русь, чтобы биться с Ильей Муромцем. Превращение сына-мстителя в чужеземного нахвальщика и придание всему повествованию признаков, характерных для былин о борьбе с врагами Руси, знаменует дальнейший процесс развития сюжета о бое отца с сыном. Тема эта принадлежит мировому эпосу (среднеазиатские, иранские, кавказские, германские, кельтские версии).

Илья в ссоре с Владимиром.— Гильфердинг, т. I, № 47. Зап. от Никифора Прохорова ка Пудоге (Карелия).

Да забыл он позвать... Илью Муромца.— В других вариантах ккязь Владимир либо обходит Илью подарками, либо дает подарок, для богатыря уиизительный, либо сажает его на яеподобающе кизкое по рангу место. Все эти мотивы косят эпическк условный характер, и смысл пх — в том, что Илья Муромец как представитель народных ниаов, богатырь-крестьяник оскорблен я уяижек Владимиром. В анак протеста Илья покидает пир.

И тут-то Илья да раззадорился...— Действкя богатыря М. Горький определил как «букт против Владимкра». В вариактах Илья стреляет еще и по дворцу, таскает по земле и топчет подаренкую ему Владямиром шубу, грозит сам ствть ккязем в Киеве.

«...А пошлем-ко мы Добрынюшку Микитича...» — В ряде быляя Добрыкя выполняет разкого рода дкпломатические поручения, требующке вежественного обхождения и такта. В данном случает вступает в силу еще одяа мотивировка: Добрыня и Илья — «крестовые», то есть назвакые братья. Побратимство в былннах ценилось очень высоко, как тип отяошений, предполагающих полкое доверие, взаимкую поддержку и следованне взаимяым советам. Согласно былиям, Илья и Добрыня побратались после поединка, в котором онн бились, ке узиав друг друга («Бой Добрыкя с Ильей Муромцем»).

«...Дак послушаю я братца нунь крестового...» — В тексте Прохорова возможея пропуск: Добрыкя яе говорит Илье, зачем он явился к нему. Однако то, что Илья в своем ответе как бы повторяет пропущенные слова Добрыни, вполне в духе эпоса: богатырь знает, о чем просит его явзвакый брат.

Да приходит он к князю к Володимиру... — В яашем тексте конфликт Ильи с Владимиром кончается миром. Есть версии, где, по приказу князя, Илью заточают в тюрьму. Развяаку этой версии см. в былине «Илья Муромец и Калик-царь».

Илья Муромец и Кялин-царь.— Гильфердинг, т. II, № 75. Зап. от Т. Г. Рябнкнка в Кнжах (Карелия).

Засадил его во погреб...— См. коммент. к предыдущей былине. Дочь правителя помогает ааточениому — мотяв, обычный для эпических сюжетов миогих кародов.

И воспылал-то тут собака Калин-царь на Киев-град...— Основные мотивы этой части быляны — чужеземный царь камерея аахватить к разорнть страну, посылает ультиматум — неодкократко повторяются и варьируются в былиях, они часто встречаются твкже в эпосе других иародов. Имя царя — Калия — в истории не зафиксироваяо, в былкявх оно нередко аамекяется другими имеками, также вымышленными. Калин-царь — образ обобщающий.

«...На пяту ты дверь да поразмахивай...» — Эти слова входят в традиционную формулу, выражающую требование подчеркнуто

неуважительного отношения посла к русскому князю. В вариантах вызывающее поведение посла подчеркивается еще тем, что он въезжает не воротами, а перескакивает стену, оставляет коня «непривязана», бросает грамоту и немедленно уходит и т. д. В нашем варианте описание поездки и появления посла опущено.

«...Дай-ка мне ты поры-времечки на трú году...» — В вариантах Владимир просит отсрочки спачала на три года, потом на три месяца, потом хотя бы на три дня и не получает ее.

Так тут старыя казак да Илья Муромец Выходил он со палаты белокаменной... — В вариантах ситуация дается более сложно: Илья Муромец сначала не отвечает на призывы князя, подчеркивая свою обиду, а когда соглашается выступить против татар, то ясно выражает свою антикняжескую позицию:

«Я иду служить за веру христианскую,
И за землю российскую,
Да и за стольне Киев-град,
За вдов, за сирот, за бедных людей...
А для собаки-то князя Владимира
Да не вышел бы я вон из погреба».

Нагнано-то силы много множество... — Описание татарских полчищ в былинах принадлежит к числу самых сильных. В вариантах:

Собиралося с ним силы на сто верст...
Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от пару было от конииого
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видать луча света белого;
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живым быть.

От того ли пару лошадиного,
Скрозь того пару человечьего
Не может пропекать да й красно солнышко...

Васька-пьяница и Кудреванко-царь.— Григорьев, т. III, № 65. Зап. от А. И. Чупова в р-не Мезени в начале XX в.

Былина входит в цикл об отбитом татарском нашествии. Главное ее отличие — в том, что подвиг совершает безвестный богатырь, представитель киевских низов, и борьба его направлена не только против татар, но и против бояр.

Он сострелил Кудреванка во белом шатри... — В другой версии того же сюжета Василий, получив оружие, поднимается на стену и тремя стрелами убивает сына, зятя и дьяка татарского царя (его имя часто — Батыга). Царь требует выдать убийцу, и Василий идет к Батыге, добивается его доверия, обещая провести войско в Киев; Василий заводит татар в глухое место и уничтожает, после чего Батыга бежит, говоря, что никогда больше не придет на Русь.

«...Вы подите тепере в стольне Киев-град...» — Мотив временной измены Василия более отчетливо разработан в других вариантах, поиному развивающих сюжет: когда Батыга требует выдать виновника гибели его близких, князь Владимир созывает бояр, и те настаивают на выдаче; Василий решает отомстить им с помощью татар.

Сухмантий.— Рыбников, ч. 1, с. 26—32. Зап. от Шальского лодочника из Пудоге (Карелия) в 1860 г.

Садился Сухмантий на добра коня... Приезжал ко городу ко Киеву...— По другой (более краткой версии) Сухмантий остается на поле битвы, здесь его находит князь, смертельно раненого привозит в Киев, где богатырь умирает. В духе этой второй версии в XVII в. была сложена книжная «Повесть о Сухане». В нашей версии последовательно проведен конфликт богатыря с князем.

«Потеки, Сухман-река...» — Мотив возникновения реки из крови героя или героини принадлежит к очень древним (ср. былину «Дунай»).

Михайло Казарин и сестра.— Кирша Данилов, с. 283—286. Зап. в Сибири в XVIII в.

«О злочастная моя буйна голова...» — Весь монолог девушки представляет собою типичный плач невесты. *«Расплетать... косу... татарам»* означает, что девушке предстоит брак с одним из похитителей. Увоз девушки с целью брака — обычный мотив народных песен (см. ниже баллады о полоняниках).

«...А ты по роду мне родна сестра...» — В нашей версии остается непонятным, отчего брат и сестра, недавно расставшиеся, не узнали друг друга. Мотив угрозы инцеста — кровосмесительного брака и его предотвращения получает разъяснение благодаря более архаическим версиям сюжета и сопоставлению их с эпосом других народов. Михайло и сестра разлучены с детства, так как родители знают, что им угрожает инцест. Богатырь вырастает вдали от дома и, достигнув возраста, отправляется на поиски родных. По пути он получает предсказание о том, что ему предстоит встреча с невестой-суженой: он освобождает пленную девушку, намеревается овладеть ею или вступить в брак, но узнает, что это его сестра. В нашей версии архаический сюжет подвергся переработке в духе Киевского героического эпоса.

Добрыня и Змей.— Гильфердинг, т. I, № 5. Зап. от П. Л. Калинина в Повенце (Карелия). Текст был исполнен в составе огромной сводной былины, куда входили еще три сюжета о Добрыне.

Матушка Добрынюшке говаривала...— В былинах часто мать богатыря выступает в роли вещей предсказательницы, она предупреждает героя об опасности или запрещает ему какое-либо действие. Но истинный богатырь всегда идет наперекор предсказаниям. Судя по нашему тексту, ни мать, ни сын не знают истинной опасности — грозящей ему встречи со Змеем.

О двенадцати змея была о хоботах...— Борьба героя с фантастическим многоголовым змеем, драконом — тема мирового фольклора: она пред-

ставлена мифами, сказками, эпическими сказаниями. В былинном змее сохранились архаические черты — он способен летать, он обитает в огненной реке, его называют также Горынычем: это мифологический страж иного мира, хозяин стихий. Исторически новая черта — он страж горы, где заточены русские пленные.

Колпак да земли греческой.— Оружие, которым пользуется Добрыня, заключает символический смысл: шапка священнослужителя, пришедшая на Русь вместе с христианством из Византии, обладает особой силой в борьбе со змеем, воплощающим языческую старину.

Ухватила тут Забаву дочь Потятичну... Унесла она в пещерушку змеиную.— Похищение змеем девушки, дочери царя,— обычный мотив мифов, сказок, героического эпоса разных народов. Спасение ее — предназначенный подвиг героя, поэтому, как бы ни мотивировался выбор, павший на Добрыню, он — избранный герой, ему суждено победить змея. Судя по тексту, об этом знает его мать, она же обеспечивает ему и победу. Мотив предуказанности и неизбежной победы выражен также в небесной помощи богатырю.

«...Я бы назвала нынь другом да любимыим...» — В сказках и некоторых эпических сказаниях других народов герой становится мужем освобожденной девушки. Добрыня указывает на невозможность такого брака из-за разницы в положении их.

Добрыня Никитич, его жена и Алеша Попович.— Гильфердинг, т. II, № 149. Зап. от А. Чукова в Петрозаводске.

«...Ты зачем меня, Добрынюшку, несчастного споро́дила?..» — Жалобы Добрыни вызваны тем, что он недавно женился и тут же должен ехать в дальнюю землю по поручению князя.

А Добрыня-то случился у Царяграда.— Согласно законам эпического повествования, былина не может описывать события, происходящие одновременно в разных местах с разными персонажами, поэтому о том, что делал все эти годы Добрыня, остается неизвестным.

«...Кабы было живо мо́е чадо милое...» — Ни мать, ни окружающие не узнают Добрыню — это устойчивый мотив былины. В истоках своих он имеет то объяснение, что герой побывал в ином мире и изменился внешне. Согласно эпической традиции, герой является на свадебный пир переодетым — скоморохом, нищим.

Тут он взял свою да любиму́ семью...— Тема «муж на свадьбе своей жены» принадлежит мировому фольклору. Во многих поэмах развязка носит трагический характер — муж расправляется жестоким образом с женихом (или с женихами).

Алеша Попович и Змей Тугарин.— Кирша Данилов, с. 277—281. Зап. в Сибири в XVIII в. По-видимому, запись с пения местами чередовалась с записью с пересказа, так как отдельные эпизоды не сохраняют выдержанного стиха.

«Лучше нам ехать ко городу ко Киеву...» — Подобно Илье Муромцу

Алеша едет в Киев исполнять богатырскую службу и по пути совершает свой первый героический подвиг.

Пришел тут к ним калика перехожий... — Калики, или пилигримища, странствующие паломники, служат нередко в былинах вестниками; богатыри иногда одеваются в платье калик, чтобы остаться неузнанными. В данном случае калика — тоже богатырь.

Тугарин Змеевич.— В этом персонаже нет обычных для эпоса примет змея. В данном тексте он очень похож на Идолище. Имя Тугарин, видимо, нарицательное, со значением «насильник», «угнетатель».

«...Сем побратуемся с тобой».— Ср. аналогичный мотив в былине «Добрыня и Змей».

Несут Тугарина Змеевича...— Вторичное появление Тугарина, противоречащее логике сюжета, объясняют обычно как результат объединения в одном тексте двух различных версий былины: такое объединение принадлежит либо редактору, обрабатывавшему записи, либо певцу; в последнем случае мы должны допустить, что появление убитого Тугарина вновь ожившим не было для певца чем-то необычным.

Следующие эпизоды, вплоть до попытки Тугарина убить Алешу, совпадают с соответствующими эпизодами былины «Илья Муромец и Идолище». Как и Илья, Алеша своими репликами вызывает Тугарина на ссору и поединок.

«...Бьюсь я с ним о велик заклад...» — Следующее далее описание заклада и разделения всего общества на две партии взято из былины «Иван Гостиный сын» (см. далее).

Д у н а й.— Кирша Данилов, с. 251—255. Зап. в Сибири в XVIII в.

«...Али ты ко мне приехал По-старому служить и по-прежнему?» — Согласно другим вариантам и былине «Добрыня и Дунай», богатырь Дунай когда-то служил у литовского (ляховинского) короля и перешел затем к Владимиру. Золотая орда в нашем тексте заменила Литву.

А и тут королю за беду стало... — Гнев короля может быть объяснен либо тем, что в качестве свата к нему послан его бывший слуга, либо, чаще, тем, что князь Владимир считается недостойным женихом.

«...А и ряженый кус — да не суженому есть».— Из этих слов можно понять, что Дунай и Афросинья — суженые, «предназначенные» друг другу, но Дунай вынужден от нее отказаться в пользу Владимира. Однако, как явствует из дальнейшего развития сюжета, суженая Дуная — его младшая сестра.

И горазд он со девицею дратися... Тут они обручалися.— Весь этот эпизод восходит к весьма архаической традиции: девушка-богатырка может стать женой лишь того, кто одолеет ее в поединке: сделать это способен лишь суженый. Таким образом, брак Дуная и Настасьи является вполне нормальным с точки зрения эпических отношений. После брака девушка лишается своих богатырских качеств — Дунай отбирает у нее ее снаряжение и одевает в простое платье. Однако варианты дают и иное толкование всего эпизода, исторически более позднее: находясь на службе

у литовского короля, Дунай был в связи с Настасьей; теперь она оскорблена невниманием к ней Дуная и едет, чтобы наказать его за обиду, но, побежденная, напоминает ему о прошлом и склоняет к браку.

Бросали они жеребья... А третьею стрелою в ее угодил. — Для былин на тему героического сватовства характерно, что брак богатыря с девушкой необычного происхождения (богатыркой, колдуньей, девой-птицей и т. д.) кончается трагическим исходом. В данном сюжете причиной трагедии является хвастовство Дуная и стремление Настасьи доказать свое преимущество перед ним.

Потому быстра река Дунай слывет... — В других вариантах заключительный мотив былины выдержан в духе древних мифологических представлений, согласно которым реки образовались из крови героев:

Где пала Дунаева головушка,
Протекала речка Дунай-река,
А где пала Настасьина головушка,
Протекала речка Настасья-река.

Финал былины указывает на то, что выбор имени богатыря здесь неслучаен: эпический Дунай и связанные с ним мотивы принадлежат кругу древнейших мифологических представлений славян о великой реке, которая на протяжении многих столетий играла важную роль в их истории.

Вольга и Микула. — «Этнографическое обозрение», 1894, № 4. Зап. от И. Т. Рябинина.

Стал Вольга растеть-матереть... Убегали-то все звери во тёмны леса. — Это описание обычно для былины о Волхе — великом охотнике, маге и военном вожде, совершающем успешный поход в чужую землю. В данном сюжете это описание подчеркивает противопоставление Вольги крестьянину Микуле.

Жаловал его трёма гóродама... — Вольга здесь выступает как типичный феодал, получивший от великого князя вотчину. Названия пожалованных ему городов скорее всего вымышленные.

...поехали По этым городам да за получкою. — Вольга едет для взимания дани, для сбора податей с крестьян.

Орёт в поле ратай, понукиваёт... Со краю в край уедет — другого не видать. — Былина дает идеализированное описание пахаря, сохи, бескрайнего поля и самого процесса работы. В варианте:

Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота;
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются,
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя,
У оратая сапожки зелен сафьян...
А кафтанчик у него черна бархата.

«...Просят они грошев поддорожныих...» — Эти слова можно истолковать двояко: либо мужики насильственно взимают пошлину за провоз соли, либо Микула иронически говорит о разбое со стороны мужиков.

Садко.— Гильфердинг, т. I, № 70. Зап. от А. П. Сорокина на Сумозере (Карелия). Текст Сорокина объединяет три сюжета о Садко, которые у других сказителей встречаются как самостоятельные: о встрече Садко с водяным царем и получении богатства; о споре Садко с новгородцами и попытке выкупить все товары новгородские; о пребывании Садко в подводном царстве и благополучном возвращении домой.

Записи от Сорокина легли в основу оперы Н. А. Римского-Корсакова.

А й как не было много несчётной золотой казны...— не было у Садко денег.

А й как тут вышел царь водяной...— В основе этой части сюжета лежат мифологические представления о хозяине водной стихии, о возможности получения от него богатства. В варианте Сорокина водяной награждает Садко, восхищенный его игрой на гуслях. Более древняя мотивировка состоит в том, что герой успешно выполняет роль посредника между кем-либо и водяным (например, между Волгой и Ильмень-озером в сб. Кирши Данилова). В качестве награды может фигурировать богатый улов, золото и т. д.

«...А й как пусть побогатее меня славный Новгород...» — Апофеоз торгового могущества Новгорода — одна из идей второй части былины. Однако есть варианты, кончающиеся победой Садко: ему удается выкупить все товары и в заключение он скупает черепки — «гнилые горшки»,— последнее, что осталось от новгородского богатства.

А поехал он да по Волхову... воротил он в Золоту орду.— Замечательный пример того, как исключительно точное пространственное описание неожиданно резко нарушается.

А мы Морскому царю дани да не плачивали... остался топерь Садке да на синем мори.— Представления о необходимости выплаты дани, кормления, принесения жертвы, в том числе человеческой, мореплавателями, рыбаками морскому царю были широко распространены в прошлом, они были знакомы и новгородцам, и их потомкам на Русском Севере и в Сибири.

А как ведь проснулся Садке... да на самом дни.— Переход в подводное царство как сон и пробуждение — обычный мотив в мировом фольклоре и мифологии. Из дальнейшего повествования становится ясным, что морской царь потребовал Садко к себе не как жертву. Древнейшей мотивировкой прихода Садко в подводное царство является, видимо, то, что здесь находится его суженая. Игра Садко на гуслях (по другим вариантам — разгадывание загадок, решение трудных задач) служит подтверждением его прав жениха. Только правильный, единственный выбор невесты может вернуть Садко на землю: помогает ему сделать такой выбор святой Никола. Другое условие возвращения — воздержание от супружеских отношений. В данном тексте древние мотивы частью

сохранены, частью переосмыслены — например, инициатива брака принадлежит морскому царю, который хочет наградить гусляра и вместе с тем надеется оставить его навсегда на дне морском. Забвением исконного смысла сюжета объясняется и то, что у Сорокина Садко женат.

Василий Буслаев и новгородцы.— Кирша Данилов, с. 247—250. Зап. в Сибири в XVIII в.

Поводился ведь Васька Буслаевич Со пьяницы, со безумницы...— В вариантах поведение Василия не связывается с пьяницами и пьянством: он с малолетства обнаруживает богатырскую силу и шутит, проявляя озорство на улицах Новгорода, на «княженецком дворе» как бы без всякой цели и смысла.

Писал ерлыки скорописчаты... Убьют его, за ворота бросят.— Объявление о дружине, характер ее подбора, испытания желающих и поведение дружины описаны в пародийном духе по отношению к героическим былинам. Эти эпизоды можно трактовать как открытый вызов новгородскому обществу, всему укладу новгородской жизни со стороны Буслаева. Характерна социальная пестрота набранной дружины: *Костя Новоторженин* — видимо, из купцов; *Лука и Мосей* — дети боярские; *мужики залешана* — возможно, пришлые, из Владимиро-Суздальской земли; *семь братов Сбродовичей* — былинные персонажи.

Пришел во братшину в Никольшину... Началася драка великая.— Братчина здесь — праздничный пир, приуроченный к николину дню. Участники братчины, связанные между собою определенными отношениями, вносили свой пай (сыпь), пиршеством распоряжался специальный староста. Начальную драку можно рассматривать как довольно обычный для новгородского быта кулачный бой, своеобразное развлечение.

«...Напущаюсь я на весь Новгород битися...» — В былине традиционная кулачная драка перерастает в побоище, где Василий выступает против всего Новгорода. Смысл этих действий не вполне ясен: иногда исследователи толкуют их как проявление острого социального конфликта, в котором Василий представляет новгородские низы; возможно истолковывать их и как свидетельство удальства, молодечества богатыря, озорующего без видимой цели.

Стоит тут старец-пилигримище... А и во лбе глаз уж веку нету.— Василий обычно, вызывая на драку весь Новгород, делает исключение для одного из монастырей. *Старец-пилигримище* — видимо, представитель этого монастыря, богатырь-монах; он намерен вмешаться в драку, и поэтому Василий походя убивает его.

Понесли они записи крепкие...— Записи — договор об условиях, на которых противники Василия признают свое поражение.

«...Не упито, не уедено... А увечье навек залезено». — Жалобы дружинников Василия на то, что они не пили, не ели, не покрасовались, а уже получили увечья, в другом варианте приводятся, когда они проходят первое испытание: это больше соответствует логике повествования.

С м е р т ь В а с и л и я Б у с л а е в а.— Кирша Данилов, с. 273—276. Зап. в Сибири в XVIII в.

«...Токо ли ты, дитя, на разбой пойдешь. И не дам благословение великого...» — Материнское благословение включает также предупреждение сыну и запреты (в вариантах мать требует, чтобы Василий не совершал кощунственных поступков). Былинные коллизии строятся на том, что герой нарушает запреты и поступает вопреки предупреждениям. Таким образом, уже здесь в былине определяется характер дальнейшего поведения Василия.

«...Стоит застава крепкая...» — Препятствие на пути богатыря — застава, место, где живет фантастический страж — обычный мотив в былинах. В данном случае речь может идти о казаках-разинцах. По логике былинного повествования, казаки должны были либо пытаться задержать Василия, ограбить его, взять пошлину, либо подвергнуть его испытанию. Возможно, что таким испытанием является «чара в полтора ведра».

Будут они во Ердан-реке... — Путь в Иерусалим, описанный в былине, фактически невозможен. Плавание Василия от Новгорода до Каспийского моря воспроизводит маршруты новгородских ушкуйников, совершавших в XIV—XV вв. торгово-разбойничьи экспедиции.

Пришел во церкву соборную... Приказал выводить карабль...— Поведение Василия в Иерусалиме двойственно. Он одновременно поступает как благочестивый паломник (служит обедни, панихиду, молебен) и как нарушитель священных обычаев (купается нагим в Иордане вопреки строгим запретам). Он «не верует ни в сон, ни в чох», то есть не придает значения запретам, предзнаменованиям, предуказаниям судьбы. По словам М. Горького, «ушкуйник новгородский Васька Буслай кощунствует».

И завидел Василий гору высокую Сорочинскую...— В вариантах называется также гора Спасская, Фавор-гора, Сион-гора, то есть гора священная, что придает поведению Василия особый смысл.

Провещится пуста голова... Сломить будет буйну голову.— Двойное предупреждение дважды нарушается Василием. Череп и камень поразному символизируют мир смерти, против которого выступает богатырь.

И тут убился под каменем.— Мотив гибели богатыря необычен для русского эпоса и не может быть истолкован однозначно: Василий и осуждается за нарушение обычаев, и воспевается как герой, до конца идущий против чуждых ему сил, против судьбы.

Х о т е н.— Киреевский, вып. 4, с. 72—77. Зап. в р-не р. Онеги в середине XIX в.

А Часовой жоны то не показалося...— В вариантах этому эпизоду придана сословно-социальная окраска: *Часовая жена* — богатая боярыня, и она возмущена предложением *Блудовой жены*, не отличающейся ни богатством, ни знатностью.

То Хотёнышку не показалося... — Далее Хотен аедет себя как богатырь, мстящий за оскорбление и доказывающий свою снлу.

И отсек своему коню голову. — Эпиаод с получением жнвой н мертвой воды аосходит к волшебиым сказкам.

Мнхайло Потык. — Гильфердннг, т. I, № 39. Зап. иа Толвуе (Карелнн).

Выезжал там доброй молодец... За того я пойду в замужество. — Выезд богатыря и охота а былинах оаиачает обычно поискн невесты. Слоаа Марьи лебеди белой означают, что Потык — ее сужеиый.

«...Тому-то сесть да во сыру землю...» — Правильно, коиечно, — «другому сесть». Иа сопоставлеиия вариантов явствует, что жена Потыка хочет увлечь его а мнр смерти и там погубнть.

Выходит сó сторон калика незнакомая... — В отличие от богатырей, одевшихсн ннщими калнками, чтобы нх нельая было уаиать, *«калика незнакомая»* — настонщий калика, наделеиный вещим знаиием: он устраннет колдоаство и аоааращает Потыку челоаеческий образ. В аариантах эту роль аыполняет сантой Никола.

Берет он Михайла эту чару зелена вина. — То обстоятельство, что Михайло трижды поддается иа хитрость своей жены, свидетельствует о его эпической доверчнаостн и о беспредельиой любаи к жене.

Иаан Годнновнч. — Гильфердинг, т. II, № 188. Зап. на Выгозере (Карелин).

«...Во Киеве невеста, во Чернигове...» — В варнаитах невеста Ивана — дочь чужеземного царя.

«...За три годы Настасьюшка просватана...» — Мотна столкновения женнха с претендеитом (или с претеидентамн) обычен в аnосе многих народов; судя по вариантам, Иааи Годниович — «первый» жених, отец Настасьи иарушает прежний договор с ним, просватав дочь за чужеземного царя. Такнм образом, богатырь, забиран силой девушку, аосстаиавлнвает попранную справедлнвость.

«...Съешь мое мясо — подавишься». — Претеидент также счнтает себя закониым женихом.

А й взял-то татарина... — Характерная для былии трактоака любого врага богатырн как татарина.

Соловей Будимировнч. — Рыбииков, ч. 2, с. 184—194. Зап. от А. Сорокина на Пудоге (Карелнн) в 1860 г.

Лесы темные, подходили леса ко городу Смоленскому... — Во миогих аариантах былины есть запеа, непосредствеино с сюжетом как будто не связанный н отличающнйсн большой поэтнчиостью.

Высота лн, высота поднебесиан,
Глубота, глубота океян-море,
Шнроко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские...

Как и в публикуемом тексте, пространствениые опнсания в вариантах отличаютсн широтой и услоаиостью.

Мхи и болота к Белу-о ру,
Широки раздолья ко Опскому,
Щелья, каменья по сиверну страну,
Высоки горы Сорочинские...

С-за того ли моря... Той-то земли Веденецкия...— В картине выезда героя соединены совершенно разные места и реалии, они должны показать, что Соловей Будимирович является на Русь из чужой далекой земли.

Три кáрабля... И черными соболями заморскими.— В описании кораблей в вариантах преобладает фантастика и идеализация: они напоминают необыкновенных зверей, в украшениях преобладают ценные меха, драгоценные камни, оружие. Из исторических источников известно, что в древней Руси (как и в других странах) кораблям придавались черты зверей и птиц, особым образом украшалась передняя часть.

Около пяты да воробей летит, Около носа яицом катить.— Более точна принятая в былинах формула «под пятой». Таким образом описывается изысканная, щегольская обувь: сапоги на таких высоких каблуках, что под ними пролетит воробей, а носы такие острые, что катящееся яйцо не задержится.

Которая камочка в красном золоте нé гнется... узоры заморские...— Имеется в виду ткань, в которую вплетены золотые и серебряные нити, придававшие ей особую красоту и жесткость. Кроме того, ткань расписана «узорами заморскими».

«...сделайте три терема златовéрчатые... сделайте гостиный двор...» — Это место проясняет смысл сюжета: Соловей Будимирович является в Киев сватать племянницу князя Любаву (в вариантах — Забаву) Путятичну; как эпический жених, он должен подтвердить свои права и выполнить трудные задачи; именно этой цели служит построение чудесных теремов. «Гостиный двор» — это, конечно, поздний мотив, связанный с пониманием приезда Соловья как богатого купца ради торговых целей.

На середке идут утехи-забавы великие.— В вариантах описывается особенная красота третьего терема:

Чудо в тереме показалося:
На небе солнце — в тереме солнце,
На небе месяц — в тереме месяц,
На небе звезды — в тереме звезды,
На небе заря — в тереме заря
И вся красота поднебесная.

В этом тереме Соловей Будимирович играет на гуслях.

«...Возьми ты меня во замужество».— Мотив самопросватывания несомненно поздний. Подлинный смысл слов Любавы состоит в том, что, увидев чудесные терема, она убедилась, что Соловей — истинный жених, ее суженый. Далее Соловей исправляет ошибку Любавы, совершая обряд сватовства по всем правилам.

Поехал в свою землю Веденецкую... — Согласио иашему вариаиту былины, Соловей Будимнрович — чужеземный жепих. По другим вариантам его можно представить как русского купца, торгующего с заморскими землями.

Иван Гостииый сыи. — Соколов-Чичеров, № 270. Зап. от И. Ф. Сидорова на Кенозере (Карелин) в 1927 г.

А Иван Гостиный сын похвастал он добры́м конем. — Более соответствует логике сюжета ситуация, когда первым хвастает сам князь, который предлагает присутствующим вступить с иим в спор, и Иван принимает вызов.

Да прозакладывал с плеч да буйну голову... Три погреба с золотой казной... — Спор героя с киязем носит принципиальный характер: это столкновение представителей рааличных социальиых сил. В варнантах коллизия дана более остро: аа князн дают поручительство бояре, купцы, у Ивана поручителя не оказывается, тогда его сторону берет «владыка Черииговский».

В редких случанх княаь закладывает свою племяииицу, что указывает иа след старого мотива — герой в состязании добывает иевесту. В архаической славяиской траднции, сохраиенной в южиославнйских песнях, герой состязается в скачке с солицем, с иноземным богатырем, с врагом-насильником и др.

Ставёр Годинович. — Гильфердииг, т. II, № 151. Зап. от А. Е. Чукова в Кижах (Карелнн).

«...Приехал ты из зе́мли ляховицкия...» — Принадлежиость Ставра к чужой земле — чистан условность, Ставр и его жеиа — русские люди.

«...Я приехал к вам о доброж деле — о сва́товстве...» — Согласно другой версии былины, жена Ставра приезжает в Киев под видом «грозиого посла Золотой орды» с целью получить даиь за двеиадцать лет. В этой версии о том, что посол — женщина, говорит князю кнмгинн.

«...Ричь-поговоры всё по-женскому...» — В другой версии:

Зиаю я приметы все по-жеискому;
Она по двору идет — будто уточка плывет,
А по горенке идет — частенько ступает,
А на лавицу садится — коленца жмет,
А и ручки беленьки, пальчики тоненькн,
Дюжииа́ нз перстов не вышли все.

Последняя строка означает, что на пальцах остались следы колец.

Которыих положит, тыи с места не встают. — В вариантах еще встречается в качестве испытаиия игра в шахматы: «посол» обыгрывает киязя Владимира.

«Помнишь ли, Ставёр, да памятуешь ли...» «И я с тобою грамоте не учивался». — Жепа говорит загадками, смысл которых должеи поиять Ставёр: в образной форме она напомииает ему об их супружеских отношениях. Однако муж ие понимает иносказаиий.

Ч у р и л а П л е н к о в и ч.— Гильфердинг, т. III, № 223. Зап. от И. В. Сивцева (Поромского) на Кенозере (Карелия).

«...Дай, государь, свой пра́ведные суд... на Чурила сына Плёнковича».— Попытки ученых найти для образа Чурилы конкретно-историческую основу не увенчались успехом. То обстоятельство, что Чурила со своей дружиной нападает на людей князя, грабит их, описывается в былине скорее сочувственно, чем с осуждением.

«А йде молодцов до пяти их сот...» — Здесь и далее дружина Чурилы изображается подчеркнуто идеализированно.

«...Двор у Чурила на Поча́й на реки...» — Почай-река в былинах называется обычно как находящаяся близ Киева. Однако местоположение жилища Чурилы и его отца скорее условно: в вариантах называется река Сорога (в этом названии видят отголосок Сурожа — отсюда и отчество отца Чурилы), река Черега и др.

«...Да всё в терему-де по-небесному...» — Изображение терема Чурилы сходно с соответствующим описанием в былине о Соловье Будимировиче. Мотивы гиперболы и фантастики, в которых жилище богатыря уподобляется космосу, сочетаются с бытовыми реалиями: боярские хоромы XVII в. расписывались изображениями небесных светил.

Да по дброгу яблоку свирскому... — Драгоценные пуговицы на шубе Чурилы сделаны в виде шаров, которые назывались яблоками.

«...Да я теперь на Чурила да суда-де не дам».— Из этих слов можно предположить, что поездка Владимира к Чуриле должна была носить характер суда. Другой план всей этой коллизии: Владимир сам должен убедиться в том, что богатством и красотой богатырь Чурила превосходит его и соответствует самым высоким требованиям.

«...Да во стольники ко мне, во чашники».— Стольник — придворная должность: смотритель княжеского стола; чашник — придворный виночерпий.

А Чурило на беду и нарывается... — В сюжетном плане эти слова означают, что Чурилу ждут опасные испытания и что он решает идти им навстречу.

«...Да быть ему-де во постельниках...»— Постельник — придворный, который следил за княжеской спальней.

Да поклон отдал Чурила да и вон пошел.— Уход Чурилы можно трактовать двояко: как итог неудачной службы Владимиру или как успех богатыря, выдержавшего испытания жизни при дворе и оставшегося самим собой.

Д ю к С т е п а н о в и ч.— Гильфердинг, т. III, № 225. Зап. от И. П. Сивцева (Поромского) на Кенозере (Карелия).

Из славного города из Галича... Из той Индеи богатые...— См. вступ. статью к разделу «Былины».

Дай мне, матушко, прощенье-благословление Съездити во Киевград...— Диалог Дюка с матерью раскрывает основной смысл сюжета: Дюк едет в Киев как его противник, мать запрещает ему, предсказы-

вая гибель, яо оя, будучи нстиниым богатырем, поступает вопреки запрету.

Да одолила-де страсть Дюка Степанова... — Дюк испугался, узиав, что перед ним Илья Муромец. Эпизод этот нисколько не приннжает богатырской характеристики Дюка — напротив: он стаяовится боевым соратииком Ильи.

Бермята Васильевич — персонаж баллады «Чурила н Катерина» (см. в разделе «Баллады»).

Говорит-де Дюк ему, ответ держит... — Все последующее повествование заключает описание своеобразной борьбы Дюка с княжеским Кневом и кояечной его победы. Борьба эта включает демонстрацию Дюком фаятастическнх возможяостей его коня, превосходства над киязем в богатстве и роскошн, сопоставленне Галнча с Киевом, описание сказочного имущества матери, а также состязання Дюка с Чурилой, который в данной былияе представляет княжескне верхн Киева. Образ Дюка отчасти протнворечив: с одной сторопы, оя обладает богатырскими качествами, которые позволяют ему одержать победу; с другой — его иепомериое богатство, которым ои гордится и хвастает, не соответствует обычиым представлениям о характере богатыря.

«Да твои, сударь, горькие колачики...» — Это место разъясняется по другому варианту: в Киеве печкн кнрпичные, топятся дровами еловымн, веннчкн сосновые, от этого калачики «прнзадóхнулись». В Галнче — печки муравленые, топятся дровами дубовыми, веннчки шелковые, настлана бумага — «листы гербóвые», от этого калачнкн «не задохнутся».

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Авдотья Рязаночка.— Рыбииков, ч. 3, с. 227—229. В основе песни воспоминаиия о разгроме Рязаии при нашествнн Батыя в 1237 г., а возможно и при более поздних нашествиях — Тохтамыша в 1382 или хана Ахмета в 1472 г. Назваяие города «Казань» — поздияя замена, скорее всего яе ранее середины XVI в. «Царь турецкий» и «земля турецкая» также вошли в песню, иадо думать, ие ранее XVII в.

Щелкан.— Кирша Даинлов, с. 24—27. Зап. в Сибнри в середине XVIII в. Песня сложеяа по следам событий, связаиных с восстаинем 1327 г. в Твери против татарского баскака Чол-хана (в русскнх летопнсях — Шевкал или Щелкан).

Царь Азвяк — хан Узбек, правивший в Орде с 1313 по 1342 гг.

Шурьев царь дарил... — Здесь как будто отражена политика Орды XIII—XIV вв.: иасаждение в русских городах баскаков — ханских представителей. В таком случае русскне имеиа «шурьев» — поздняя замена певцов. В северио-русских вариаитах песии говорится, что Азвяк дарил не своих шурияов, а «жаловал селами-поместьями» русскнх князей-бояр, что также соответствует политической практнке Орды.

Земля Литовская — скорее всего эпическая замена Русской земли,

в других вариаитах просто упоминается земля дальняя. Эпизод с дорогой уздой, которую нельзя ни продать, ни поменять, ни подарить, можно предположительно разъяснить так: Щелкан — татарский «даруга», то есть сборщик дани; он отобрал у князя подарок хана, который нельзя было отдавать даруге (в песне — «друга дарить»). Упоминание «двух удалых Борисовичей» как «любимых шуринов» следует считать обмолвкой певца.

В северно-русских вариантах песни есть еще эпизод с сестрой Щелкана, Марией Дюдентьевной: она проклинает его за убийство сына и предрекает ему гибель («Остыть бы те, брателко, на вострой копье, на булатном на ножичке»).

Борисовичи — по предположению историков, тверской тысяцкий с братом.

Ни на ком не сыскалося.— Это заключение противоречит истории: карательный отряд, направленный Узбеком, опустошил и разорил город.

В з я т и е К а з а н и.— Исторические песни XIII—XVI веков, № 48. Зап. в Костромской губ. в 1877 г. Казань была взята войсками Ивана Грозного в 1552 г., причем подкоп под крепостные стены и организация взрыва имели место в действительности. Согласно вариантам, бочки с порохом должны были взорваться при сгорании свечи; перед Грозным стояла контрольная свеча: видя, что она сгорела, а взрыва нет, татары стали издеваться над царем, а он заподозрил измену.

М а с т р ю к Т е м р ю к о в и ч.— Кирша Данилов, с. 236—238. Зап. в Сибири в середине XVIII в. Иван Грозный женился на дочери кабардинского (черкесского) князя Темрюка Марии в 1561 г. Упоминание в тексте Золотой орды соответствует общему содержанию песни. О брате Марии Мастрюке известно, что он бывал в Москве. Другой брат, Михаил, был казнен в 1571 г. Никаких подтверждений происшедшему в песне исторические источники не дают. О Никите Романовиче см. коммент. к следующей песне. Два Борисовича — песенные персонажи, о них говорится также в «Щелкане» (текст из того же сборника).

В вариантах брата Марии часто зовут Кострюк (о песне см. вступ. статью к разделу).

Г н е в И в а н а Г р о з н о г о н а с ы н а.— Исторические песни XIII—XVI веков, № 206. Зап. в Кижах в 1860 г. Как и предыдущая, принадлежит к числу популярнейших исторических песен.

На Страшно́й... неделе...— События, согласно песне, происходят на пасху, что, конечно, усугубляет остроту конфликта.

...порфиру царскую из Царяграда...— Здесь в эпической форме изложена известная политическая идея XVI в., согласно которой знаки царской власти Ивана Грозного восходят — через Владимира Мономаха — к Византии.

А которой улицей ты ехал...— В вариантах более подробно воссоздается картина похода Ивана Грозного на Новгород в 1570 г. и жестокой расправы с горожанами.

Малютушка Скурлатов (Малюта Скуратов-Бельский) — видный деятель опричнины, начальник отряда царских телохранителей, жестокий палач.

Настасья Романовна — первая жена Ивана Грозного, из рода Захарьиных-Юрьевых; умерла в 1560 г. Введение ее в сюжет вопреки хронологии обусловлено отношением к ней как к доброй и кроткой царице.

Микита Романович (Никита) — брат Анастасии, воевода, участник Ливонской войны. В ряде песен фигурирует как прямой и справедливый; упоминается также в былинах среди богатырей. В вариантах Никита Романович иногда казнит Малюту либо отдает ему вместо царевича своего ключняка.

Микитина вотчина — может быть истолкована как место укрытия московского люда от опричнины. В более широком смысле выражает утопические представления об обетованной земле, где можно спастись от социального зла. (О песне см. вступ. статью к разделу).

Ермак у Ивана Грозного.— Исторические песни XIII—XVI веков, № 364. Зап. на Дону в начале XIX в. В большинстве песен о Ермаке обязательными являются мотивы сборов круга — казацкого народного собрания, обсуждения планов, упоминания о конфликте с царской властью. Есть песни, в которых продолжением является поход Ермака под Казань для помощи Ивану Грозному. О походе в Сибирь в песнях сообщается обычно так, как в данном тексте; сам же поход рассматривается как средство примирения с царем и получения от него прав на свободное владение Доном. Эти трактовки представляют собою вымысел, в основе их лежит стремление казаков обосновать свои права на Дон. Известна также песня о «пожаловании» Иваном Грозным Терека казакам.

Гришка Отрепьев.— Кирша Данилов, с. 256. Зап. в Сибири в середине XVIII в. Согласно песне, Григорий Отрепьев разоблачает сам себя серией поступков, резко противоречащих принятым нормам. Брак его с Мариной состоялся 8 мая 1608 г. в канун николина дня.

Пан Седомирский — Юрий Мнишек, воевода Сандомирский.

Марфа Матвеевна — мать царевича Дмитрия, Мария Федоровна Нагая, была пострижена в монахини под именем Марфы. В 1605 г. признала в Григории Отрепьеве своего сына.

Гибель Пожарского.— Кирша Данилов, с. 309—310. Зап. в Сибири в середине XVIII в. Сражение русских войск с татарами под Конотопом произошло летом 1659 г. Упоминания в песнях в качестве участников событий представителей разных народностей часто не соответствуют историческим фактам. Во время сражения князь С. Р. Пожарский был взят в плен; при допросе он плюнул в глаза крымскому хану, и тот велел отрубить ему голову. Заключительные эпизоды в тексте изложены прозаично, возможно, что это уже не песенная часть, а устная легенда.

Казаки и князь Репнин.— Сборник Кирши Данилова, с. 319. Зап. в Сибири в середине XVIII в. Песня сходна с разинскими; известны варианты, где имя губернатора не названо.

Песня разинцев.— Исторические песни XVII века, № 323. Зап. в Саратовской губ. в середине XIX в. Подобно другим историческим песням, здесь встречаются более поздние реалии («солдаты беглые», «молодцы беспачпортные»): они попадают в песни в процессе их длительного устного бытования, иногда замещяя первоначальные реалии, иногда становясь рядом с ними.

Степан Разин на Волге.— Исторические песни XVII века, № 304. Зап. в Уфимской губ. в конце XIX в.

Меня пушечка не во́зьмет... — В песнях и преданиях часто говорится о чудесной неуязвимости Разина.

Сынок Степана Разина.— Исторические песни XVII века, № 169. Зап. в Астрахани в середине XIX в.

Сынок — речь идет, видимо, об одном из разинских посланцев, лазутчиков, проникавших в города с различными поручениями. В песне «сынок» нарочито раскрывает себя, предупреждает губернатора о скором победном приходе Разина.

...подайте воды... со правой стороны... — Гадая на воде, Разин узнает о поимке «сынка».

Разин и казачий круг. Песня первая.— Исторические песни XVII века, № 143. Зап. в XVIII в.

Во казачий круг... не хаживал... — Имеется в виду войсковой круг «домовитых» казаков, сохранивший верность правительству: песня ведется как бы от его лица. Ему противостоят «голутвенный» круг, на который опирался Разин.

Песня вторая.— Исторические песни XVII века, № 154. Зап. на Тереке в начале XX в. Известны царские грамоты на Дон с требованием задержки и выдачи Разина. В 1670 г. такую грамоту привез Евдокимов, и Разин обвинил его в том, что она не царская, а поддельная.

Есаул сообщает о казни Разина.— Исторические песни XVII века, № 341. Зап. в XVIII в.

Стрелецкий круг.— Исторические песни XVIII века, № 43. Зап. на Тереке в конце XIX в. Входит в цикл песен о подавлении стрелецкого мятежа и казни стрельцов осенью 1698 г. Судьба стрельцов в этом цикле изображается с явным сочувствием.

Стрелецкий круг — эта картина воссоздана по аналогии с песнями о Ермаке и Разине. Главным в песнях цикла является конфликт стрельцов с царем. В других вариантах атаман идет к царю с повинной, обещает исполнить со стрельцами любую службу, но царь остается непреклонным.

Некрасов уводит казаков.— Исторические песни XVIII века, № 121. Зап. у уральских казаков в конце XIX в. Входит в обширный цикл, посвященный восстанию на Дону под руководством К. Ф. Булавина в 1707—1708 гг. и уходу большой группы казаков под предводительством И. Некрасова на Кубань, а позднее — в 1740 г.— в Турцию.

Сорок тысяч.— С Некрасовым ушло две тысячи казаков.

...перелазили Дунай... — В устье Дуная (в Добруджу) часть некрасовцев переселилась с Кубани в 1740 г., уходя от преследований царских войск. К некрасовцам на Дунай бежали крепостные крестьяне и казаки.

Казачий круг. — На Кубани Некрасов создал казачью военную общину со своими законами и нормами.

Ты прислал к нам... Долгорукова. — Письмо казаков возвращает к событиям, послужившим основанием восстания. В 1707 г. на Дон явился с отрядом полковник Ю. В. Долгоруков, чтобы вернуть в Россию беглых крестьян. Он был убит. Вспыхнувшее восстание было жестоко подавлено войсками под начальствованием майора В. В. Долгорукова. Видимо, в песне речь идет о действиях, главным образом, этого последнего.

Побегу я, православный царь, ко Игнатьюшке... — Известно, что Петр Первый неоднократно обращался к турецкому султану с просьбой о выдаче казаков, обосновавшихся за Кубанью.

Война с королем шведским. — Путилов, с. 220—221. Зап. в Саратовской губ. в конце XIX в. Во многих военно-исторических песнях XVIII—XIX вв. центральным оказывается тематический мотив: царь или полководец спрашивает совета, сначала у бояр, князей, генералов и т. д., потом у простых солдат. Именно солдаты выступают как истинные патриоты, готовые отстоять город или штурмом взять крепость (ср. также следующую песню).

...хотел шведский король в гости побывать... — Изображение предстоящего сражения как встречи и угощения «гостей» также типично для народных песен.

Под славным городом под Орешком. — Путилов, с. 223—224. Зап. в XVIII в. Русская крепость *Орешек* — в истоках Невы — в течение 90 лет находилась в руках у шведов и называлась Нотебургом; была взята русскими войсками осенью 1702 г., как писал Петр Первый, «по жестоком и чрезвычайном, трудном и кровавом приступе»; была переименована в Шлиссельбург.

Царь Петр в земле Шведской. — Исторические песни XVIII века, № 207. Зап. в Нижегородской губ. в конце XVIII в.

Стекольное государство — от народного названия Стокгольма Стекольным. Вся история с посещением Швеции Петром Первым вымышлена (см. вступ. статью к разделу).

Петр Первый и молодой драгун. — Путилов, с. 210—211. Зап. на Урале в 30-е гг. XIX в. Некоторые мотивы этой песни (вызов, борьба, награда победителя) напоминают песню «Мастрюк Темрюкович» (см. выше).

Взятие Берлина. — Исторические песни XVIII века, № 299. Зап. в Тульской губ. во второй половине XIX в. Входит в цикл песен о Семилетней войне (1756—1762).

Пруцкой король — прусский король Фридрих II. В момент описываемых событий находился с армией в Силезии.

«...Доставалась моя укрепушка Царю белому... енаралу Краснощеко-

му».— Берлин был занят русскими войсками в начале октября 1760 г., то есть при Елизавете, и оставлен через несколько дней в связи с приближением армии Фридриха.

Федор Иванович Краснощеков — казачий генерал; во время наступлении на Берлин преследовал силы пруссаков до Потсдама. Его отец — *Иван Матвеевич Краснощеков* — герой ряда исторических песен XVIII в. Мотив взятии в плен королевы вымышлен.

Сражение с армией короли прусского.— Исторические песни XVIII века, № 370. Зап. в Симбирской губ. в 30-е гг. XIX в. Входит в цикл песен о Семилетней войне. Фактическая ее основа — сражение при Гросс-Егерсдорфе в августе 1757 г., одно из самых значительных и ожесточенных в войне. Генерал А. В. Лопухин командовал левым крылом русской армии, в критический момент сражения повел солдат в атаку, был схвачен пруссаками, солдаты отбили его, но он умер на поле битвы от ран.

Что Потемкин-генерал...— В связи с неоправданным отступлением русской армии после битвы и из-за тяжелого положения войск распространялись слухи об измене. Командующий С. Ф. Апраксин был смещен и предан суду. В вариантах песни называются имена разных военачальников. Упоминание Потемкина здесь — явный анахронизм.

Взятие Измаила.— Исторические песни XVIII века, № 466. Зап. у оренбургских казаков в конце XIX в. В XVIII в. русские войска дважды брали турецкую крепость Измаил на левом берегу Килийского рукава Дуная, считавшуюся неприступной: в июле 1770 г. под командованием Н. В. Репнина и в декабре 1790 г. под командованием А. В. Суворова. В третий раз крепость была взята во время войны 1806—1812 гг. Из текста песни неясно, к какому из этих событий она относится. Песня принадлежит к числу тех, которые дают обобщенное изображение событий, позволяя различные конкретные приурочении.

На поле турецком.— Исторические песни XVIII века, № 448. Зап. у донских казаков в середине XIX в. Как и предыдущая, песня в обобщенной поэтической форме отражает многочисленные битвы в русско-турецких войнах XVIII в.

Зоргин-генералушка — возможно генерал С. Г. Зорич, участник войны 1768—1774 гг. *Иван Краснощеков* — бригадир Донского казачьего войска, воспетый в ряде песен, участник многих войн и походов, погиб в 1742 г. в русско-шведской войне.

Пугачев на Яике.— Путилов, с. 264. Зап. в Симбирской губ. в 30-е гг. XIX в.

В тем сударыня простила...— В некоторых вариантах песни более подробно говорится о событиях, предшествовавших на Яике Крестьянской войне под руководством Пугачева: в 1772 г. произошло восстание яицких казаков, вызванное злоупотреблениями со стороны казачьих старшин и притеснениями, которым подвергалось простое казачество. Восстание было подавлено. В первых строчках песни речь идет о казаках — участни-

ках этого восстания и устанавливается его прямая связь с движением Пугачева.

Под Гурьев поднялся.— Войска Пугачева Гурьев не осаждали.

Под Яик поднялся.— Войска Пугачева длительное время осаждали Яицкий городок, который так и не был ими взят.

Мелка пташка со гнезда...— Имеется в виду, вероятно, простой люд на который опирался Пугачев. По поводу этой песни (в другом варианте) сохранилось замечание казака, исполнявшего ее: «...Смолоду-то я не очень любил петь ее: солдатска она! Солдаты же, чтоб их одрало, ...и приплели тут «донского казака — Емельяна Пугача». А по-нашему... он был не Пугач, а настоящий Петр Федорович».

Пугачев кручинится.— Путилов, с. 265—266. Зап. в Оренбургском крае в 40-е гг. XIX в. Пугачев, потерпевший поражение, уподоблен здесь герою многих лирических песен и баллад, которому предуказана гибель, он прощается с жизнью, с близкими, оплакивает свою судьбу. Такое уподобление заключает в себе поэтически выраженное глубокое сочувствие народа к Пугачеву.

Пугачев и Панин.— Путилов, с. 266. Зап. в Симбирской губ. в 30-е гг. XIX в.

Граф Панин.— П. И. Панин, генерал-аншеф, во время восстания был последним главнокомандующим войсками в Оренбургском и Поволжском крае. Схваченного Пугачева привезли к нему в Симбирск. По сохранившимся воспоминаниям, Пугачев держал себя с Паниным вызывающе. А. С. Пушкин в «Истории Пугачева» рассказывает об их встрече и разговоре. «Кто ты таков? — спросил он у самозванца.— «Емельян Иванов Пугачев»,— отвечал тот.— «Как же смел ты, вор, назваться государем?» — продолжал Панин.— «Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает». ...Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клок бороды».

Все московски сенато́ры не могут судити.— Возможно, эти слова означают, что Пугачева, «законного» царя Петра III, не могли судить.

Кутузов готовит отпор Наполеону.— Исторические песни XIX века, № 36. Зап. у донских казаков во второй половине XIX в. В былинах и исторических песнях разного времени варьируется тема: вражеский царь (хан, военачальник, чужеземный богатырь) присылает ультиматум, требуя сдать город: русский царь (князь) растерян, его успокаивает богатырь, полководец, обещая организовать отпор. Такое начало в пространных песнях обычно указывает на победное завершение конфликта. В нашей песне готовность к отпору выражена в форме традиционного мотива «угощения» врага.

«Разорёна путь-дороженька...» — Исторические песни XIX века, № 92. Зап. в Симбирской губ. в 30—40-е гг. XIX в. Песню можно воспринимать как поэтическое осмысление итогов войны 1812 г.:

разорение, причиненное французами, бегство армии Наполеона, прославление Москвы, восстановленной после пожара.

На бумажке списана... — Видимо, имеются в виду лубочные картинки с изображением Москвы, распространявшиеся по России.

Урень — село в Симбирской губ.

Сражение с французами.— Исторические песни XIX века, № 105. Зап. в Свердловской обл. в 1946 г. О генерале Платове см. коммент. к сл. песне. Песня дает характерный пример соединения в одном сюжете обобщающей картины войны с единичным батальным эпизодом. Видимо, в ней отразились действия казачьих отрядов при отступлении французов, в частности — при переправе через Березину.

Платов в гостях у француза.— Исторические песни XIX века, № 136. Зап. в Барнауле в середине XIX в. Самая популярная песня в цикле, посвященном Отечественной войне 1812 г.

Платов Матвей Иванович (1751—1818) — атаман Донского казачьего войска, герой Отечественной войны. В первый период войны отличился во главе казачьего кавалерийского корпуса, прикрывавшего отступление русских войск, затем организовал ополчение донских казаков и руководил действиями казачьих войск в течение всей войны. Платов фигурирует и в других песнях цикла, а также в песнях о русско-турецкой войне и в преданиях о войне 1812 г. (см. вступ. статью к разделу).

Семеновцы в крепости.— Исторические песни XIX века, № 173. Зап. в Вологодской губ. во второй половине XIX в. Традиционная сюжетная тема известна в русском песенном фольклоре с XVI в.: часовой, казак, солдат плачет у гроба царя, жалуется на теперешнюю судьбу, вспоминает о прошлом; его речь содержит мотивы похоронных причитаний. В разных песнях тема эта приобретала конкретное историческое содержание. В данной песне к Екатерине II обращаются солдаты, заточенные в Петропавловской крепости: несомненно, речь идет о последствиях восстания Семеновского полка в 1820 г., а жалобы связаны с условиями службы, вызвавшими восстание.

Аракчеев всю Россию разорил.— Исторические песни XIX века, № 241. Зап. близ Саратова в середине XIX в. Первая часть песни (до характеристики Аракчеева) представляет вариацию традиционной песенной темы: мóлодцы, казаки, солдаты плывут в лодке, бранят князя, воеводу за злоупотребления и притеснения.

Аракчеев — барин дворянин... — А. А. Аракчеев (1769—1834), всесильный временщик при Александре I. Снискал печальную славу организацией военных поселений и жестокими порядками в них.

Все дороженьки порыл... Березками усадил... — военные поселенцы должны были исполнять изнурительные и часто бессмысленные работы по рытью и очистке канав; березами были усажены главные улицы военных поселений, посадки надо было поливать каждое утро.

Граф палаты себе склал... — Характеристика Аракчеева как стяжателя и разорителя России перешла из более ранних песен XVIII в.

БАЛЛАДЫ

Марья Юрьевна.— Пропп — Путилов, т. II, с. 106—111. Зап. в Архангельской губ. (на Мезени) в начале XX а. О сюжете см. вступ. статью к разделу «Бвллады».

Нет оснований считать имена персонажей историческими и искать для иих прототипов.

Земля Литовская, Ножовская.— В песне это название условное, для баллады не имеет значения, что татарин оказывается царем Литовской земли; далее та же земля пазвапа как место обитания князя Романа.

«...Ты привел себе да сопротивницу...» — Из этих слов матери Возьяка явствует, что целью его набега было добывание жены. В героическом зпосе — русском, южнослааянском и других нередко изображается вражеский набег ради увоза женщины; Возьяк квк бы не зиает, зачем оп привез Марью Юрьевну, и только мать рвзъясняет ему зто.

«Ты ссеки у него да буйну голову, Я тогда тебе буду молода жена».— В эпических песнях о жене-изменнице похищенная иногда доброаольно становится женой похитителя и помогает ему а борьбе с ее прежним мужем. В балладе Марья Юрьевна оказыаается мнимой изменницей и обманывает Возьяка. Для повествования характерно, что после отъезда Возьяка о нем больше не упоминается и предполагаемого поединка его с Романом не происходит.

«...Не сронила ты с главы да золотых венцей...» — Описание фантастического бегства Марьи Юрьеаны напоминает волшебные сказки, в которых природа обычно помогает героям спастись от преследователей.

Девушкв спасается от татар.— Исторические песни XIII—XVI веков, № 4. Зап. в Орлоаской губ. в конце XIX в.

Да лелим мне лелим! — Припев, характерный для песен различиого содержания; смысл слоа неясен.

...приехал царь Крымской...— Это имя связыаает песию с аременами набегов крымских ханов на Русь (XVI—XVII вв.), однако сюжет ее вернее относить ко временам татарского ига. И способ, каким брат надеется спасти сестру, и чудесные превращения девушки, на месте гибели которой вырастают леса, горы, возникает море и становится церковь, указыаают на архаический характер песни.

Брат спасает сестру из татарского плена.— Пропп — Путилов, т. II, с. 277—278. Зап. а Куйбышевской обл. а 1939 г.

«Уж ты брат ли мой, братец...» — Эпизоды спасения деаушки должны быть соотнесены с былиной о Казврине, где зти мотивы разработаны более полно. Мотив «брат спасает полонянку, не зная, что оиа — его сестра», встречается в балладах украинских, южнославянских, западнославянских, венгерских. Изаестиа русская аерсия, что спасителем выступает богатырь Добрыня.

Деаушка бежит из татарского плена.— Пропп — Пути-

лов, т. II, с. 279—280. Зап. на Иртыше в 70-е гг. XIX в. О песне см. вступ. статью к разделу «Баллады».

Мать-полонянка.— Лит. наследство, с. 403—404. Зап. под Москвой в середине XIX в. Одна из самых популярных песен о татарском полоне. Прекрасный вариант ее («Что в поле за пыль пылит») был записан М. Ю. Лермонтовым.

Младый турчанин.— Первоначальная версия, несомненно, та, в которой в полон уводят татары, «турецкая» редакция скорее всего появляется в XVII в., еще позднее в вариантах песни появляются среднеазиатские реалии. Сюжетные параллели известны в фольклоре украинском и польском.

Молодец расправляется с татарами.— «Донские областные ведомости», 1875, № 84.

Молодец бежит из неволи.— Мякутин, т. II, с. 88. Зап. в Оренбургской губ. в конце XIX в.

На Литовском рубеже.— Кирша Данилов, с. 337—338. Зап. в Сибири в XVIII в. В балладе переплетаются мотивы реально-исторические и фантастические, эпические. Упоминание литовского рубежа и Смоленска, подчеркнутое наименование героя дворянином указывают на то, что текст данной редакции песни сложился не ранее второй половины XVII в. Мотив вещего коня и эпизод поединка героя с трехруким Чудом связывает песню с древнерусским богатырским эпосом. Как и в былинах, в балладе поединок оканчивается победой героя, но в отличие от былин молодца берут в плен и он гибнет — согласно предсказанию коня.

Поединок казака с турком.— Лит. наследство, с. 535. Зап. в Симбирской губ. в 30-е гг. XIX в. В былинах, исторических песнях и балладах вызов на поединок обычно исходит от представителя вражеского войска, который хвастает своей непобедимостью и бросает оскорбительные слова по адресу русской силы. Былинный или песенный герой, выходя на поединок, рассчитывает не только показать свое воинское превосходство над врагом, но и отстоять честь своего войска.

Пашня — место кровавой битвы.— Соболевский, т. I, № 435. Зап. у уральских казаков в конце XIX в. В вариантах наименование места меняется: *При усть было тихого Дунаю: Между Курой и Малкой...*— Это указывает на тенденцию к установлению более или менее определенных связей сюжета с историческими событиями.

Молодец после кровавой битвы.— Андреев — Черньшев, № 49. Зап. у донских казаков в начале XIX в.

Завещание раненого молодца.— Соболевский, т. I, № 381. Зап. в начале XIX в. Очень популярная в прошлом песня. В вариантах мотивы завещания могут меняться. Есть варианты, где молодец обращается к жене со словами: «Хочет — во вдовах сидит, хочет — замуж идет».

Мать, сестра и жена оплакивают убитого.— Соболевский, т. I, № 365. Зап. в Архангельской губ. во второй половине

XIX в. Песня широко известна также с зачином: «Ах ты поле мое, поле чистое!» В вариантах более принята (и более соответствует замыслу песни) другая формула плача жены: «Молода жена плачет — что роса падет; Красно солнышко взойдет — росу высушит».

Сестры находят убитого брата.— Киреевский, Нов. серия, № 1775. Зап. в Калужской губ. в 30—40-е гг. XIX в. Баллада характерна соединением в ней темы семейного конфликта (отец изгоняет сына) и темы гибели героя вдали от дома.

Состязание коня с соколом.— Лит. наследство, с. 533—534. Зап. в Симбирской губ. в 30-е гг. XIX в. Мотив состязания в скорости встречается в былинах и сказках. Бытовой основой баллады является, по словам В. И. Чернышева, время, «когда занимались культурой ловчих соколов и ездовых коней» (Андреев, с. 459). В балладе, однако, образам коня и сокола и их состязанию придается символический смысл: конь воплощает силу могучую, но и целеустремленную, сокол — страсть к битвам и вольной жизни.

«Ты прости, прости...» — По уговору, спор шел «о буйных головушках» — следовательно, сокол проиграл коню свою жизнь. В одном варианте конь отвечает: «Я тогда-то прощу, когда кровь пущу, Когда кровь пущу во сыру землю, Сизы перышки по синю морю».

Три брата мечут жребий о солдатчине.— Иваницкий, № 245. Зап. в Вологодской губ. в XIX в.

«Что не со́ ста душ...» — В России в XVIII—XIX вв. (до 1874 г.) армия комплектовалась путем рекрутской повинности, которая касалась так называемых податных сословий, в первую очередь крестьян. Правила и нормы набора неоднократно менялись, брали из расчета один рекрут на определенное число «душ», то есть мужчин. Со ста душ один рекрут брался в середине XVIII в. С пятидесяти, двадцати пяти рекрутский устав набора не предполагал: преувеличение в песне имеет целью заострить ситуацию либо указать на явное злоупотребление власти.

Были три сына... все споженены.— В этой ситуации предусматривалось правилами, что в рекруты должен идти бездетный, если же все имели детей, то дело решалось волей родителей или жребием либо добровольным соглашением братьев. Сравнительно с принятым обычаем ситуация в песне предельно заостряется и драматизируется.

И спустили они по жеребью... Светлым камушком ко дну пошел.— Жеребьевка в песне напоминает аналогичную ситуацию в былине «Садко» (см. раздел «Былины»).

Добрый молодец записан в солдаты.— Кирша Данилов, с. 336. Зап. в Сибири в XVIII в.

Бегство солдат.— Киреевский, Нов. серия, № 2697. Зап. в средней России в 30—40-е гг. XIX в. Первоначальная сюжетная основа баллады — бегство невольников из плена, татарского или турецкого. Позднее ее мотивы и образы получили переадресовку, героями песни стали беглые солдаты.

Чистое поле, дикая степь, камыш-трава — разговор с нею беглецов, мотив *камыш-трава будит невольников* — все это сохранилось от старой песни. Самое существенное в новой обработке — трагический финал: солдатам не удается спастись, и их расстреливают за побег.

Мать не принимает беглого солдата.— Андреев — Чернышев, № 89. Зап. в средней России во второй половине XIX в. Баллада — образчик чисто поэтической разработки острой бытовой и психологической коллизии: реальные обстоятельства и мотивировки отсутствуют. Песня редкая.

Муж-солдат в гостях у жены.— Балашово, с. 163—165. Зап. в Саратовской губ. в середине XIX в. Мотив принадлежит к числу очень древних и встречается в сказках, в героическом эпосе, в мифологии. В нашей балладе он обработан в реально-бытовом плане.

Под Можайским воевали... — Этими словами ситуация песни связывается с событиями 1812 г.

Молодец и река Смородина.— Кирша Данилов, с. 157—160. Зап. в Сибири в XVIII в. О песне см. вступ. статью к разделу «Баллады».

Утонул... Во Москве-реке, Смородине. — Удвоение названий мест, рек, нередко не имеющее смысла, встречается в песнях. Сибирские певцы соединили с эпической рекой Смородиной далекую от них реальную Москву-реку.

Горе.— Рыбников, ч. 1, с. 470—471. Зап. в Карелии в 60-е гг. XIX в. О песне см. вступ. статью к разделу «Баллады». Помимо краткой версии, представленной нашим текстом, известны версии пространные, в которых подробно рассказывается история жизни молодца до того момента, как к нему пристает Горе: он отправляется из дому на дальнюю сторонушку погулять, пропивает все деньги, одежду, становится бедняком, работает у купца много лет, возвращает на заработанные деньги свое состояние, но вновь всё пропивает, бежит — и здесь-то его настигает Горе.

В лаптишечки Горе пообулося... — В пространной версии пропившегося молодца обувают в «лапотки липовые», одевают в «рогоженку подержану». Таким образом, в нашей версии Горе как бы принимает вид самого молодца. Картина погони также варьируется: молодец летит ясным соколом, Горе за ним — черным вороном, молодец — серым волком, Горе — собакою.

Литературная параллель к песням — «Повесть о Горе-Злочастии» (XVII в.).

Молодец и худая жена.— Рыбников, ч. 2, с. 264—267. Зап. в Карелии в 1861 г. Баллада представляет собою северно-русскую разработку популярной фольклорной темы «Молодец уходит из дому» (см. предшествующие песни). Первая часть песни — «Молодец на чужбине» совпадает с соответствующей частью баллады «Молодец и королевна» (см. ниже), однако всё внимание в нашей песне отдано возвращению молодца: изображение судьбы крестьянки, оставшейся без мужа, сирот-

ства детей составляет внутренний смысл баллады. В соответствии с эпической традицией герой возвращается неузнанным, узнавание здесь, как часто и в других сюжетах, происходит по обручальному кольцу.

Играли часто во шахматы... — В былинах напоминание мужа об игре в шахматы есть метафора супружеской жизни; в нашей песне ответ жены означает, что она либо не понимает истинного смысла этой метафоры, либо забыла о прежней жизни.

Т р а в н и к.— Кирша Данилов, с. 351—352. Зап. в Сибири в XVIII в. О песне см. вступ. статью к разделу «Баллады».

По словам В. И. Чернышева, «песня, очевидно, из игровых или плясовых, в которой история... травника наглядно передается в танце» (Андреев — Чернышев, с. 466). В песнях этого типа часто нет последовательного развертывания сюжета с плавными переходами, сюжет движется дискретно, «перепрыгивая» от одного эпизода к другому без достаточных внешних мотивировок. Эта особенность придает «Травнику» некоторую загадочность и недоговоренность: три главных эпизода (Травник попадает в силок, Травник оказывается в тюрьме, его избивает тесть) между собою слабо связаны, хотя и составляют важные моменты характеристики героя.

П р а в е ж.— Исторические песни XIII—XVI веков, № 297. Зап. в Южной Сибири в середине XIX в.

...в граде Киеве... — Видимо, Киев здесь — под влиянием былин; обычно в вариантах — «в матушке каменной Москве».

Правят с молодца казну да монастырскую.— Согласно нормам древнерусского права, молодца наказывают батогами, пока он не вернет долга (в данном случае — награбленной казны).

Уж как брал-то я сырой дуб посередь его...— Здесь молодец уподоблен Илье Муромцу, который аналогичным образом расправляется с разбойниками.

«...Уж я клал тое казну... во царев кабак» — пропивал. В вариантах еще добавляется, что молодец поил «голь кабацкую» и одевал нищих. После таких слов Иван Васильевич велит заплатить молодцу за каждый удар и особо — за бесчестье. Согласно древнерусскому праву, вознаграждение за бесчестье, то есть действие, причинившее обиду или оскорбление, «татям и разбойникам» не полагалось. В песне, таким образом, царь освобождает молодца от всех обвинений.

С у д ь б а с о к о л а.— д о б р о г о м о л о д ц а.— Балашов, с. 261. Зап. на Алтае в середине XIX в.

«...Поднимусь-то я, млад ясен сокол, высокошенько...» — Песня построена по принципу параллелизма судьбы сокола и молодца. В тексте прямой параллели к словам сокола нет, но она естественно подразумевается, что усиливает свободолюбивый и героический пафос песни.

К а з а ч ь я в о л ь н и ц а н а В о л г е.— Чулков, ч. II, № 131. Зап. в XVIII в.

Заедает вор-собака наше жалованье... Что верхи не золочены.— Известны версии песни, в которых речь идет о князе Гагарине, реже —

о князе Репнине. Известно, что московский дворец Гагарина в начале XVIII в. славился роскошью. *М. П. Гагарин* — сибирский губернатор, отличавшийся особенным казнокрадством. Был казнен в 1821 г.

Преследуемые казаки покидают товарища.— Чулков, ч. III, № 78. Зап. в XVIII в.

До соборища бурлацкого...— Одно из значений слова «бурлак» — вольный бродяга.

Девушку похищают.— Соболевский, т. I, № 246. Зап. в конце XVIII в.

Понизовые бурлаки — здесь, как и в предыдущей песне, вольные люди, удалые молодцы.

Напоили красну девицу допьяна.— Мотив «девушку завлекают на корабль, опаивают, увозят» встречается в былинах.

Девица в плену у разбойников.— Чулков, ч. III, № 93. Зап. в XVIII в.

Ты взойди, взойди, красное солнышко... Во сыром бору стоючи...— Сходные мотивы постоянны в песнях, связанных с движением Степана Разина (см. выше в разделе исторических «Песню разинцев»).

Она плачет, что река льется...— В других версиях девушка пересказывает и толкует грозный сон, предвещающий гибель разбойникам.

Вор Копейкин.— Языковы, т. I, № 334. Зап. в Симбирской губ. в 30-е гг. XIX в.

Копейкин.— Предания и песни о разбойнике Копейкине были, видимо, широко распространены в Поволжье. Их знал Н. В. Гоголь, использовав в «Повести о капитане Копейкине» в I т. «Мертвых душ».

«...Нехорош-то мне, братцы, сон приснился...» — Мотив сновидения, предсказывающего гибель, постоянно является в песнях удалых, разбойничьих, в балладах. В отличие от былин, где герой идет навстречу предсказаниям и обычно побеждает, в песнях нашего типа предсказание сбывается или должно сбыться.

«...Не ты ли меня, крушинушка, сокрушила?..» — Замечательный пример метафоризации реалии и игры словами.

Горы Змеины — горы Змеевы, Змиевы упоминаются в песнях о Разине: здесь преследователи Разина поджидают его, собираются убить.

Вор Гаврюшка.— Балашов, с. 275—276. Зап. в Саратовской губ. в середине XIX в.

«...Первая погонюшка — злые татары... Третьей-то погонюшке я покорюся».— В песне отчасти переосмыслены мотивы, характерные для песен о бегстве из татарского плена. Ответ Гаврюшки товарищам можно толковать следующим образом: он спасется от чужеземных преследователей, но перед своими он бессилен.

Бегство молодца-разбойника.— Соболевский, т. VI, № 398. Зап. в Самарской губ. в 60-е гг. XIX в.

Мать князя Михайла губит его жену.— Пропп — Путилов, т. II, с. 306—309. Зап. на Пинеге (Архангельская губ.) в начале

XX в. Очень популярная в прошлом баллада, особенно среди исполнительниц женщин. О песне см. вступ. статью к разделу «Баллады». Баллады о преследовании невестки свекровью, падчерицы мачехой содержат в своих сюжетах как обязательный мотив — отсутствие /отъезд и запоздалое возвращение мужа.

Девушка-рябиника.— Андреев — Чернышев, № 246. Зап. в Курской губ. во 2-й половине XIX в. Мотив колдовского обращения в дерево очень древен и имеет мифологические истоки; он постоянно встречается в сказках, но там заклятие обычно снимается благодаря действиям героя или героини, в балладах же оно имеет трагический исход.

Он раз вдарил — она охнула... — Здесь мы имеем дело с балладным переосмыслением мифологического представления, согласно которому превращенное существо продолжает сохранять человеческое начало, способно чувствовать, говорить. В вариантах от одного из ударов у дерева начинает течь кровь.

Князь, княгиня и старицы.— Пропп — Путилов, т. II, № 310. Зап. в Карелии в 1871 г. Малолетний возраст супругов — подробность, характерная лишь для данного варианта, и сюжетного значения не имеет: обычно речь идет о молодом муже, находившемся в долгом отсутствии. В вариантах чаще всего клевещет мать героя, она обвиняет жену сына в том, что та «коней распродала», «соколов распустила», «меды повыпила», «золоту казну порассыпала». В конце песни сын проклинает мать.

Вынимал тут князь востру сабельку... — Крутость и беспощадность решений — характерная черта поведения многих персонажей в балладах; столь же обычны быстрые переходы от жестокости к раскаянию, осознание трагичности ошибок, собственной вины.

Мачеха губит падчерицу.— Андреев — Чернышев, № 231. Зап. на Алтае в середине XIX в. В основе первой части баллады лежит сюжет свадебной песни: рассказ о том, как родная мать «сбыла» дочь, посадив ее на кораблик, символически воспроизводит выдачу девушки замуж. Во второй части (девушка кукушкой прилетает домой) повторяется эпизод другой баллады о посещении дочкой, выданной далеко замуж, родного дома (см. с. 342).

Сестра-отравительница.— Лит. наследство, с. 559—560. Зап. в Тульской губ. в 30-е гг. XIX в. Известен целый цикл песен об отравлении девушкой брата или возлюбленного (см. далее с. 333) сознательно либо по ошибке. В первой части баллады в подробностях воспроизводится процедура изготовления зелья: колдовской характер ее подчеркивается ролью огня и наличием змеи.

Капнула капля коню на гриву... — Этот мотив в песнях служит обычно формой разоблачения отравительницы: в других вариантах молодец успевает догадаться о злых намерениях сестры, не выпивает вино и убивает девушку.

«...Схорони меня между трех дорог...» — Вся эта развернутая поэти-

ческая формула обычиа для песен о гибели воина вдали от дома, для удалых песен, исторических песен о Разине.

«...Оставайся ты, друг, теперь одна». — Балладиая версия древнего эпического мотива: любовннк побуждает женщину погубить брата илн мужа, а затем отказывается от нее, боясь, что оиа н его погубит.

Князь Роман губил жену. — Киреевский, вып. 5, с. 104—105. Зап. в 30-е гг. XIX в. Одна из очень популярных в прошлом баллад, известная в иескольких различиых версиях. В той версии, которая представлена нашим текстом, убийство жеиы никак не мотнвируется.

...во Двину бросал. — В большинстве вариантов иазывается эпическая река Смородииа.

Ты куда девал мою матушку? — Текст баллады в значнтельной степени состоит из диалога дочерн и отца и последовательного обиаружения обмана: подобное построение характерио и для других баллад и может считаться существеииой особеиностью их поэтики. Другая распространенная версия представлеиа текстами «Донской казак коня поил, жеиу губил»: действие происходит у колодца, у ключа; жена просит отложить убийство до полуиочи, когда «дети спать улягутся»; вопросы о матери задают отцу дети.

Жеиа мужа зарезала. — Лит. иаследство, с. 192—193. Зап. А. С. Пушкиным, возможно — в Болдине. В иекоторых вариантах поступок жены мотивируется тем, что убитый был «постылый муж». Особеияое достоинство нашего текста — редкое по глубине раскрытие психологического состояния героини: оиа одновременно торжествует н страдает. Вторая часть в более полных вариаитах содержит целую серию вопросов и ответов: жеиа говорит, что муж уехал иа ярмарку, ушел в сад гулять; кровь в избе — от белой рыбы, которую она чистила; в конце коицов жеиа признается в преступлеиии и предлагает иаказать ее.

Муж-разбойник. — Чулков, ч. III, № 170. Зап. в XVIII в. Эта н следующая баллада принадлежат к разбойиичьим песням. В отличие от песен удалых, где разбойная жизнь выступает как сииоиим жизни вольной, а герои воплощают стремление к свободе и борьбе с поработителями, собствеино разбойничьи песии повествуют о трагических последствиях, к которым приводит разбойная жизнь: жертвами ее оказываются близкие люди, родные, в конце концов и сами разбойиики осознают меру своих преступлений. В данной песие муж-разбойиик оправдывает свой поступок тем, что он действовал согласно принятому в их среде обычаю: первый встреченный должен быть убит. Этот мотив широко представлен в мировом фольклоре и литературе.

Сестра и разбойники. — Лит. иаследство, с. 187—188. Зап. А. С. Пушкиным в с. Михайловском в 1824—1825 гг. Одна из очень популярных в прошлом баллад. Общую характеристику см. в коммент. к предшествующей песие.

В сказках и в былииах аналогичные ситуации заканчиваются благо-

получной развязкой. Трагические последствия неузнавания — один из поэтических способов осмысления и раскрытия драматических жизненных коллизий в балладах.

Василий и Софья.— Пропп — Путилов, с. 324—325. Зап. в Карелии в 1871 г. О песне см. вступ. статью к разделу «Баллады».

Злые коренья.— Балашов, с. 104—105. Зап. у донских казаков в середине XIX в. Отсутствие ясных мотивировок позволяет по-разному толковать характер коллизии. Можно предположить, что девушка — колдунья-волшебница (уподобление ее змее), которая хочет прельстить, а затем погубить доброго молодца. Добрый молодец догадывается о намерениях девушки, но сам обрекает себя на гибель.

По сравнению с прежними публикациями текста здесь сдвинуты границы прямой речи девушки, что вносит в смысл заключительной части свои оттенки.

Молодец и княжна.— Балашов, с. 106—107. Зап. у донских казаков в 70-е гг. XIX в. Тематически баллада частично связана с предыдущей. Почему княжна хочет отравить молодца — неясно; неизвестно также, что предшествовало этому эпизоду. В вариантах песни девушка, впускающая молодца в город,— его прежняя милая, но здесь нет мотива отравления. Заключительные слова молодца напоминают развязку баллады «Сестра-отравительница»: герой не верит девушке, так как она уже отравила одного.

...жары... петровские, морозы... крещенские...— Имеется в виду петров день — 29 июня по ст. стилю и крещенье — январь: поэтическая формула указывает на длительность странствий молодца.

Девушку губит соперница.— Балашов, с. 165—166. Зап. в Саратовской губ. в середине XIX в.

Через силу девушка ведры по́дняла... На белой заре... переставилась...— Видимо, вдова-соперница воздействовала на девушку заговором или колдовским действом, которое сразу же имело эффект.

Матрос и красна девица.— Чулков, ч. I, № 178. Зап. в XVIII в. Традиционная для русского песенного фольклора тема разлуки любящих в нашей балладе разработана в единстве с темой тяжелой матросской службы. Реалия позволяют отнести события песни к Петровскому времени и увидеть в ней косвенное, поэтически выраженное осуждение условий жизни простых людей в строящемся Петербурге. В варианте, также записанном в XVIII в., о девушке говорится, что она работала на фабрике, «полотно ткала».

Девушку отдают за другого.— Киреевский, Новая серия, № 1574. Зап. в Московской губ. в 30-е гг. XIX в. Тема песни — о насильственной выдаче замуж — принадлежит к чрезвычайно распространенным в русском фольклоре и разрабатывается преимущественно в лирическом плане. Наша песня занимает промежуточное положение между лирической песней и балладой. В ответах девушки выражено осознание ею безнадежности ситуации и решимость покориться судьбе. В вариантах

иногда более отчетливо звучит обещание девушки не забывать любимого и сожаление о прошлом.

Домна и Дмитрий.— Григорьев, т. I, № 117. Зап. на Пинеге (Архангельская губ.) в начале XX в. от выдающейся сказительницы М. Д. Кривополеновой. Баллада на тему нежеланного брака, которому девушка сопротивляется до конца. Смысл коллизии, не вполне ясно выраженный в этом тексте, тот, что вопрос о свадьбе считается уже решенным, и, устраивая встречу с Домной, Дмитрий хочет показать ей, что, несмотря на нелюбовь к нему, она станет его женой; одновременно он демонстрирует свою власть над нею. Просьбы Домны отпустить ее — сначала за платьями, а затем на могилу к отцу — как бы знаменуют ее покорность, заключая вместе с тем второй смысл, который раскрывается в финале. Подчеркнуто отрицательная и насмешливая характеристика внешности Дмитрия не просто раскрывает отношение Домны к нелюбимому жениху, но и, несомненно, заключает социальный смысл: жених-князь уподоблен пародийно былинному чудовищу. Социальная острота сюжета особенно усилена в той версии баллады, где в роли нежеланного жениха выступает царь Иван Грозный: он безуспешно сватается к Домне через посредников, затем завлекает ее к себе и сам уговаривает ее выйти за него; встретив решительный отказ девушки, царь отрубает ей голову и сам затем оплакивает ее смерть.

Насильственное пострижение.— Пропп—Путилов, т. II, с. 312—313. Зап. в Карелии в 20-е гг. XX в. В балладе резко противопоставлены две возможных судьбы девушки — замужество и монашество. В балладе предельно упрощена процедура пострижения, которая в действительности происходила гораздо сложнее. Как обычно, смысл происходящего и состояние героини раскрывается через диалог, в данном случае — с матерью. В вариантах ответы матери более подчеркивают трагический характер ситуации: румяна ей предстоит смывать «горючими слезами», цветное платье — заменить «черной рясочкой» и т. д. Известны две основные версии развязки: согласно одной, отец с женихом являются с опозданием — девушка уже пострижена; по второй — мать, видя приближение жениха, убивает дочь; публикуемый текст, несомненно, принадлежит к этой версии, но слова жениха о косе могут быть истолкованы и как свидетельство состоявшегося пострижения.

Замужняя дочь пташкой прилетает в родной дом.— Андреев — Чернышев, № 189. Зап. в Саратовской губ. в середине XIX в. Песня была очень популярна у восточных и западных славян, в ряде мест она исполнялась как свадебная во время девичника. В более полных версиях говорится о том, что мать, выдав дочь замуж на чужую сторону, не разрешила ей возвращаться домой семь лет; таким образом, отправляясь в родной дом, дочь нарушает запрет. В данном тексте эта коллизия, по-видимому, разрешается в словах дочери о том, что она полетит к матушке *на четвертом годике*, то есть по истечении определенного срока.

Горькими причетами я мать разбужу.— Для балладного повествования характерен неоговариваемый переход от изложения намерений к ситуации, явившейся следствием их исполнения: поэтому далее следует сразу изложение событий после прилета пташки-дочери.

Гостиный сын увозит девушку обманом.— Чулков, ч. III, № 60. Зап. в XVIII в. Увоз девушки обманом — одна из популярнейших тем мирового фольклора. Эта баллада, несмотря на обилие бытовых реалий и конкретную локализацию, в основе своей восходит к былинным разработкам темы: похититель (идолище, посол царя, купец) хитростью завлекает женщину на корабль и увозит в свою землю, дальнейшие события разворачиваются вокруг спасения похищенной. В балладе, однако, нет противопоставления мира русского и «чужого» и, видимо, развязка конфликта мыслится как благополучная.

Обманутая девушка гибнет.— Киреевский, Нов. серия, № 1462. Зап. в Москве в 30-е гг. XIX в. Сюжет баллады в первой своей части воспринимается как вполне бытовая история, вторая же часть («Он привез на свою сторону») носит условно-вымышленный характер: ключ к объяснению ее — в поэтической традиции. В фольклоре славянских народов известны песни о чужеземце, который силой или обманом увозит девушку; она должна стать невольницей (работницей) в его доме либо женой. Девушка, спасаясь от этой участи, бросается в реку (в текстах нередко упоминается Дунай). Эти типовые ситуации переработаны в балладе и составляют ее сюжетный подтекст.

Молодец убивает несговорчивую девицу.— Чулков, ч. I, № 129. Зап. в XVIII в. Зачин о Доне — один из самых поэтических в русском песенном фольклоре — придает сюжету особую значительность и эмоциональность.

«...то девица с молодцом».— В варианте девушку везет «большой-набольший», видимо, командир, начальник, следовательно, человек, стоящий на высокой сословной ступени. Из контекста явствует, что девушка либо досталась ему в плен, либо увезена силой или хитростью (см. предшествующие тексты). Развязка песни оригинальна для данного сюжета.

Игра в шахматы и обмен загадками.— Чулков, ч. III, № 57. Зап. в XVIII в. Песни о состязаниях между молодыми людьми, очень популярные в фольклоре многих народов, содержат прямые либо скрытые мотивы предстоящего брака: состязание — это форма испытания одной из сторон или обнаружения суженой (суженого). Своеобразие баллады заключается в том, что герой ее не хочет вступать в брак с девицей. В балладе объединены две сюжетные темы, которые обычно составляют содержание различных песен. Первая — игра, в которой побеждает девушка.

Игра тавлейная. Тавлея — расчерченная доска для игры в кости, а также в шашки или шахматы. В песнях указание на характер игры имеет условный смысл. Обычно песни, соответствующие первой части данной

баллады, завершаются словами молодца, который отказывается взять девицу в жены. В балладе сюжет продолжается второй темой — загадывания загадок: герой не может просто отказаться от брака и совершает второй круг испытаний, надеясь, что девица не отгадает его загадок. В русском фольклоре известно два типа песен с загадками: в одних загадываются загадки космогонические — о солнце, реке, камне, звездах, деревьях; в других происходит взаимный обмен невыполнимыми задачами: например, на просьбу молодца напоить его коня посреди моря девица отвечает просьбой сшить ей сапожки из желтого песка.

Девушка отстаивает свою честь.— Киреевский, Нов. серия, № 1380. Зап. в Новгороде в 30-е гг. XIX в. Редкий образчик баллады, где о главных драматических событиях говорится не в форме прямого повествования или рассказа участника, а в форме лирической реплики, из которой можно лишь догадываться о том, что произошло ночью в тереме. В одном варианте девушка сообщает матери, что она убила гостей.

Молодец и королевна.— Киреевский, вып. 5, с. 164. Зап. в 30-е гг. XIX в. Баллада дает образцовый пример того, как большое жизненное содержание, драматический конфликт передаются в максимально сжатой форме. Частично перекликается с сюжетом «Молодец и худая жена» (см. с. 307), а также с былинами о Дунае (см. былину «Дунай», а также следующую балладу).

Князь Волхонский и Ванюша-ключник.— Киреевский, вып. 5, с. 147. Зап. в 30-е гг. XIX в. Сюжет баллады сходен с предыдущим, но он более приближен к русскому быту. Песня была очень популярна в прошлом. Полностью сохраняя основную сюжетную коллизию, многочисленные варианты дают свою разработку отдельных эпизодов и мотивов. Так, о связи слуги с княгиней князь узнает на пиру, где он хвастает умом, смиренностью и верностью жены. В облике и поведении Ванюши-ключника подчеркивается героическое начало: идя на допрос к князю, он одевается подчеркнуто богато и красиво, идет «что сокол летит», при допросе не только не раскаивается, но и гордится своим успехом. Есть тексты, заканчивающиеся тем, что князь раскаивается в содеянном.

В позднейшем репертуаре (со второй половины XIX в.) широкую популярность приобрела песня о Ваньке-ключнике, созданная по мотивам народной баллады поэтом Вс. Крестовским.

Любила княгиня камер-лакея.— Киреевский, вып. 5, с. 180. Зап. в 30-е гг. XIX в. Сюжетно баллада примыкает к двум предыдущим, но своеобразие ее в том, что на первом плане здесь — переживания и судьба княгини. Ее любовь воспета как сильное чувство, заключительный ее монолог исполнен в форме причитания, здесь использованы и мотивы причети невесты, прощающейся со своей молодостью.

«...Надевать-то мне платье черное».— Вероятно, означает решение княгини уйти в монастырь.

СКОМОРОШИНЫ

Вавило и скоморохи.— Григорьев, т. I, № 85 (121). Зап. иа реке Пииеге от М. Д. Кривополеновой. Текст уникален н может рассматриваться как редчайший образец героической скоморошины, в которой сатирические и пародийяые мотивы составляют лишь фон.

Кузьма н *Демьян* — святые, пользовавшнеся большой популярностью в иародиой среде: с ними был связан праздиик Кузмиикн, с которого, как считалось, иачииалась зима; Кузьма н Демьян представлялнсь «божьими кузиецами» и покровителями ремеслеииков.

Полетели голубята ти стадами... Полетели куропки с ребами...— Мотив магического вызывания птиц, возможно, связан в скоморошине с представлениями о Кузьме и Демьяне как покровителях птиц (Кузминки — «курячий праздник»).

Еще красная да тут девица...— Согласно тем же распростраиеиым в прошлом представлениям, Кузьма и Демьян считались покровителями девушек (Кузмиики были «праздииком девиц»).

Птицы.— Гильфердииг, т. III, № 280. Зап. на Кенозере (Карелия). О песпе см. вступ. статью к разделу «Скоморошяиы».

На море рябчик стряпчий...— Стряпчнй — чиновник, занимающийся, в частиостн, взысканием судебиых исков. В связн с зтой последней функцией в вариаите говорнтся:

Ястреб иа море стряпчий —
С богатого двора берет по куренку,
Со вдовы с сироты берет по две и по три,—
То éсть великая в яем иеправда.

Из моиастыря Боголюбова старец Игренище.— Кирша Данилов, с. 325—326. Зап. в Сибири в XVIII в.

Из монастыря да из Боголюбова...— Боголюбов моиастырь фнгурирует в былииах и нсторических песиях как святое место. В скоморошине он явяо высмеивается.

Игренище-Кологренище.— Прозвище старца заключает комическнй смысл: Игренище — вероятно, от названия масти лошадей (ягреннй — рыжий); Кологренище — по-видимому, от слова кологривый, имеющий косматую гриву.

А чем бы старцу душа спасти...— Противоречие между этнми благочестивыми намереииями и реальиым поведением старца определяет сатирический характер песни.

Ухватил он девушку-чернаушку... Из красной свеклы рассол пошел.— Похищение девушки, ее спасение нли гибель — традициониые мотивы высокой зпической поззии (былияы, баллады). Здесь они даются в комическом духе. Девушка-чериавушка — персонаж ряда былии (см. «Василий Буслаев и иовгородцы»).

Они тута со старцом заздорили...— В былинах эта формула обычио относится к персонажам, которые затем терпят поражение.

«...А и я молодцов вас пожалую...» — Одариванне как метафора наказания, расправы часто встречается в исторических песнях. Здесь расправа старца с десятильннковыми предстает одновременно в богатырской форме (булава «в полтретья пуда») н пародийно-юморнстнческой.

Чурилья Игуменья и Стафнда Давыдовна.— Кирша Данилов, с. 340—341. Зап. в Сибири в XVIII в.

Как бы русая лиса... и сметы нет.— Здесь пародируются былинные описання движення татарских полчищ под Киевом.

Запевали тут девицы четью петь... стихи верхние...— Имеются в внду богослужебные песнн в честь празднка благовещения.

Караул скрал — то есть захватил караульщнка.

Гость Терентище.— Кирша Данилов, с. 230—232. Зап. в Сибири в XVIII в. В тексте шуточиой песин-новеллы разнообразные былиниые реминисценции. Пародийно-комическнй эффект вызывает несоответствие эпических описаний, реалий нзображаемым в песне событиям и отношениям.

В стольном Нове-городе... Середа была кирпичная...— Начало песнн воспроизводит зачииы былин н идеализированные описання жилнща былнnных героев (например, Чурилы Пленковича).

Да кровать слоновых костей...— Аналогнчное опнсание есть в варнантах былнны о Соловье Будимировиче.

Доселева те слыхом не слыхать...— Так обращается эпическое чудовище к явившемуся богатырю.

Да купили червленый вяз... Половина свинцу налита...— Таким же червленым вязом Василнй Буслаев испытывает желающнх вступить в его дружину («Василий Буслаев и новгородцы»).

Чурила в гостях у чужой жены.— Гуляев, № 27. Зап. на Алтае в 50-е гг. XIX в.

Про молода Чурила сына Пленковича.— См. былины «Чурнла Пленковнч» и «Дюк Степановнч», где этот же персонаж выступает как богатырь. Песня-новелла о Чуриле сюжетно с этими былннами не связана. В русском фольклоре есть песнн на аналогнчный сюжет, где действует безымянный добрый молодец.

Увидел на спичке золот колпак... Увидел под лавкой сафьяновы сапожки...— В вариантах муж спрашнвает, откуда конь, седло («на рынке купила»), что «в лукошке войлочком накрыто» («черная овечка барана родила») н т. д.

«...Мы с тобой, Чурило, побратуемся».— Есть варнанты, где муж убнвает Чурилу, а Катерина от горя кончает с собой: атн тексты выдержаны в былииной манере. В безымянных версиях жена призиается, что «сиротннушку нашла», хотела его «призреть» и хорошо проводить.

Усы.— Чулков, ч. III, № 199. Зап. в XVIII в.

Усы — здесь разбойная вольиица. Событня в песне относятся, скорее асего, ко второй половине XVII в.

За Москвою за рекой... — В других вариантах действие приурочивается к Пермскому краю, к Приуралью либо вообще не локализуется.

На них шапочки собольи... — Идеализированное описание нарядов, исполненное в стиле исторических песен о народных героях, является показателем того, что отношение к усам — сочувственное.

...богат мужик живет... — То, что нападение совершается на богатого мужика, составляет один из главных мотивов песни.

Д у р е н ь.— Кирша Данилов, с. 324—344. Зап. в Сибири в XVIII в.

А жил-был дурень... — Сюжет о набитом дураке, который говорит и делает все невпопад, следуя даваемым ему советам, известен в народной сказке. Песенная форма его, скорее всего,— более поздняя.

Ф о м а и Е р е м а.— Пропп — Путилов, т. II, с. 434—435. Зап. во второй половине XIX в. Сюжет о неудачливых братьях, которые, за что бы ни брались, всюду терпели неудачу, известен также в форме народных сказок, обработан в рукописных повестях (с XVII в.) и в лубочных картинках. Имена Фомы и Еремы стали нарицательными.

Л о в л и ф и л и н а.— Астахова, т. II, № 218. Зап. на Пинеге в 1927 г. Е. М. Чуркина, 88 лет, исполнила скоморошину скороговоркой. Другая исполнительница назвала песню «скокливой», имея в виду, что она сопровождалась приплясыванием. О том же говорит и зачин песни.

«...Еще щё у нас такó Что уделлося...» — Здесь пародируются формулы исторических песен, имеющие в виду значительные события (см., например, начало песни о Щелкане).

«...Там за Дедковой за пожней...» — В варианте:

Там запыркало за лигой,
Там за Детковой за пожней,
За сосновым наволоком,
Там пищит-верещит,
Там не кошка ле курнё,
Не собака ли ревё —
Верно, скотину дерё...

Петрушка-то встает... Молитву творил... — Пародийно используется описание сборов богатыри.

Они садились вдруг... Советовали. — Здесь пародируется обычное для исторических песен описание казачьего круга, обсуждающего важные дела.

Филина ловить. — Исполнительница всюду произносила «хилин».

«Уж мы как будем, ребята, Филина делить?» — Пародируется ситуация, встречающаяся в былинах и исторических песнях: делят захваченную добычу, полон, сокровище и т. п.

Х м е л ь с е б я в ы х в а л я е т.—Соболевский, т. I, № 501. Из песенника 1791 г.

Как во городе было во Казани... Хмелюшка по выходам гуляет... — Аналогичное начало встречается в песнях о богатом добром молодце, гуляющем по базару, а затем похищающем девицу, или о бурлаках —

вольных людях, гуляющих по Волге. Подобные поэтические ассоциации, можно думать, входят в замысел песни о хмеле.

Еще сам себя хмель выхваляет... Еще тут без хмеля не мирятся.— Это русская версия международной песенной темы о могучей силе растения, применяемого при изготовлении вина или пива, о почитании его всеми сословиями.

Один лих на меня мужик-крестьянин...— В картинах мнимой борьбы хмеля с крестьянином поэтически изображается разведение хмеля, сбор его, употребление в деле и, наконец, торжество его над пьяными мужиками.

Агафонушка.— Кирша Данилов, с. 301—303. Зап. в Сибири в XVIII в.

Высока ли высота потолочная... А и синее море — в лохани вода.— Пародия на один из вариантов былинного зачина:

Высока ли высота поднебесная,
Глубока глубота окияи-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Непровские...

А у белого города у жорного... Убили они курицу пропащую.— Здесь пародируются типичные сюжеты военно-исторических песен и былин. В другом тексте:

Подралась Устюха с Настюхою
Толстыми большими мутовками,
Стрельба у них была корчежками,
Зарезали горшки плошками.
Стреляли они ко славному ко городу ко Пече,
Никого они не ранили, только в полон брали,
А круглый пирог во осаде сидел
В славном во городе во Крупенике.

А и шуба-то на нем была свиных хвостов...— Обычно в былинах у богатыря — роскошная шуба соболиная, одна пола ее стоит пятьсот рублей, а всей шубе цены нет; такие же дорогие пуговицы и петли:

Петелки ты вплетены шелковеньки,
Пуговки ты вливаны да золоченые.

А втапоры старик на полатях лежал... А и резаный тот в лес убежал.— Все это место — типичная небылица.

Блинами голова испроломана...— В былине о Чуриле Пленковиче у охотников-рыболовов «булавами буйны головы пробиваны».

А и середи синя моря Хвалынского.— Отсюда и до конца идет небылица.

А и то старина, то и деянье— традиционное завершение в героических былинах.

Небылица.— Астахова, т. II, № 215. Зап. на Пинеге в 1927 г.

СЛОВАРЬ
РЕДКИХ, УСТАРЕВШИХ И МЕСТНЫХ СЛОВ

Бабаички, бабайки — весла, служащие для управлення судами.
Бабереко́вый — из баберека, шелковой парчи.
Базыка, базыга — старый хрыч; *базыкова* — прилагательное от «базыка».
Баса — краса; украшение.
Безвременье — несчастье, беда.
Безопальное (слово) — не грозящее наказаньем, опалой.
Безуглая — бесприютная.
Блады — молодой.
Божатушка — крестная мать.
Большина — должность.
Бродучий след — след по рыхлой, вязкой почве; отчетливый.
Бунчук — знак власти атамана.
Буса — большая лодка.

Вальячная — литая, резная, красивой работы.
Варовинны (вожжн) — веревочные.
Великодённая — пасхальная.
Вереда — болячка.
Вереи — столбы.
Волочайка — потаскушка.
Воск ярый — белый, чистый.
Вызнять, вызнимать, выздымать — поднять, поднимать.
Вырушить — сбросить.

Глуздырь — птенец, который еще не может летать.
Голь — голытьба, бедняки.
Гость — купец.
Гридня — покои, приемная комната в княжеских палатах.
Грядка, грядочка — подвесная жердь в избе для одежды.
Гудок — музыкальный инструмент, смычковый, трехструнный.
Гужель, кужель, кудель — пучок льна или пеньки, приготовленный для пряжи.

Гужик — петля для оглобли.
Гусёлышки яровчаты — гусли из явора, чииары.

Десятильники — сборщики пошлин (десятой доли) с монастырей и церквей.
Доброхот — доброжелатель, радетель.
Дочи гостиная — дочь купеческая.
Дрань — крупио смолотый солод; также мука крупного помола.
Дядина, вотчина — род, происхождение.

Епанечка — безрукавная шубка, накидка.

Жаровчато — высокое.
Жуко́винья — перстии.

Забедно — обидно.
Задёрнуть — приготовить, собрать.
Зазорко — зазорно, досадно.
Заколодеть — быть завалеиу колодьем, то есть деревьями, сучьями.
Замураветь — зарасти травой.
Заочно — заглазно.
Заплывчивый — обидчивый, вспыльчивый.
Зголовье — подушка.
Златоверчатый — златоверхий.
Зобать — есть, глотать.

Избыть — извести, избавиться.
Извихнуться — выскочить из насадок, изогнуться.
Изменяться — покидать, оставлять (?).

Камер-лакей — слуга во внутренних покоях дворца.
Камка хрущатая — шелковая ткаиь с узорами из кругов, возможно также хрустящая, шуршащая; *камчатна* — из камки.
Канун — мед, пиво, брага, сваренные к праздику.
Кармазинный — из ярко-алого сукиа.
Кичига — верхняя (короткая) палка цепа.
Княгиня обручная — иевеста.
Князь новобрачный — жених.
Кобели меделянские — одна из самых крупиых пород собак.
Кодол — цепь, каиат.
Кокора — дерево с вывернутым наружу корнем.
Кокошник — женский головной убор.
Коломенки — большие тяжелогрузные суда.
Комони — коии.

Комуха — лихорадка.
Копейцо брусоменчато — копье четырехгранное, особо прочное.
Корзни — валежник.
Косевчато, косерчато, косящатое — из дощатых косяков.
Косица — висок.
Кочета — колышки в бортах лодок вместо уключин.
Крековистый (дуб) — кряжистый, крепкий.
Кропкое — ломкое, хрупкое.
Кунярка — по-видимому, куяица.
Купáв — купавый, красивый, гордый.
Куревá — пыль, дым.
Куяк — вид доспехов: нашитые на сукно, бархат металлические пластины.

Лач — ларец.
Ложня — спальня.

Матица таволженая — поперечный брус, поддерживающий потолочную настилку, из таволги (род ивняка).
Мирнóй — находящийся в мире, дружбе.
Муравленая (печь) — покрытая глазурью, поливаная.
Муржемецкое (копье), *мурзамецкое, бурзомецкое* — восточное (от слова «мурза»).
Мушник — хлеб или пирог без начинки.

Наволочек — низкий берег, вдающийся в море или озеро.
Назем — навоз.
Нáзола — досада, огорчение.
Након — раз, прием.
Налучье — чехол для лука.
Напуск — нападение, натиск.
Напырять, напыряться — натолкать, натолкаться.
На пяту — настежь; *пята* — шип в гнезде, на котором ходит дверь.
Наступчивый — выступающий твердой поступью.
Невыходы — невыплаченная двнь.
Неладом — враждебно, грубо.
Неумильные (поступки) — невежливые, неприятные.
Нитничек — платье.
Нонь, нунь, нынь — ныяче.

Обезвечить, обезвичить — искалечить, обидеть, обобрать.
Óбжи — оглобли у сохи.
Оболокаться — одеваться.
Оболочкать — расщепить, разбить.

Огнёвушка — болезнь, жар.
Одёр — кровать.
Озямище, азям — цветной долгополый кафтан.
Окатистый — крупный, круглый.
Омёшик — лемех.
Опричь, опришно — кроме.
Орать — пахать.
Орленые — имеющие клеймо, знак, герб.
Осек — огороженное место в лесу, в поле и т. д., куда не пускают скот.
Оскольздиться — поскользнуться, оступиться.
Отзываться — возражать.
Отпереться — отказаться.
Очестливый — учтивый, почтительный.

Падовый — идущий под уклон.
Паробок — слуга, отрок, товарищ богатыря.
Пелегать — лелеять.
Пельки — женские груди.
Переборный — отборный.
Переладец — вероятно, то же, что гудок.
Перепахнуть — пронестись.
Перецки — персты, пальцы.
Перёное (крылечко) — окруженное перилами.
Печатная сажень — казенная, с клеймом, мерная, в три аршина.
Плотничек — обычно потничек, подстилка под седло.
Плутивца — поплавки.
Повалечное, от слова «валёк» — сбор за мытье белья на плоту.
Револька — поблажка, послабление.
Погодиться — подходить, выдерживать.
Подколенные (князья) — младшие.
Подпрукивать — останавливать.
Пожня — сенокосный луг.
Позумент — тесьма, шитая золотом, серебром.
Показаться — поправиться.
Покляпая — кривая, наклоненная.
Полатный брус — один из брусьев, на которые настилаются полати.
Полестися — попаститься, поласкаться.
Полохаться — беспокоиться, пугаться.
Полочки, подполочки, подзорушки — полотнища, подвесные каймы на шатре.
Пол-середа — часть пола в комнате, особо настланная.
Полтеи — разрубленные половины тел.
Полудновать — жить, держаться.
Поляковать — ездить в поле, воевать.

Поляница, поленица — богатырка или, в собирательном смысле, богатырство.

Помятушиться — исчезнуть.

Понюгальце — кнут.

Попонюгивать — погонять.

Поселича — жилье, поселение.

Потакивать — поддакивать, угодничать.

Пошкотили — пошкодили, навредили.

Правеж — взыскание долга с публичным наказанием; *править* — взыскивать.

Правильна перушка — правильное перо, особого вида крайнее в крыле птицы.

Прежито — зажиточно.

Прелестник — прельститель, соблазнитель.

Приспешники — слуги.

Проклажаться — наслаждаться, тешиться.

Прокуратиннички — проказники, шутники, плуты, обманщики.

Прыскучий (зверь) — дикий.

Пялá — пяльца для рукоделья.

Пята — тупой конец стрелы.

Разрывчатый (лук) — тугой.

Раскутаться — раскрыться; также — рассыпаться.

Рассвистать — разбросать.

Ратай — пахарь.

Рель — перекладина.

Рогозиночки — одежда из рогожи.

Рожон — кол, заостренный шест.

Росстань — место, где расходятся дороги, перекресток.

Рыбий зуб — моржовая кость.

Сверстаться — поравняться.

Сголзануть — соскользнуть, свалиться.

Сграбиться — схватиться.

Сенная девчонка — служанка.

Середа — см. пол-середа.

Сиповочка — дудка, свирель.

Скурлат-сукно — цветное сукно, возможно, пурпурного цвета.

Сливная короста — сплошная сыпь.

Смечать — считать.

Смурый — темно-серый.

Сокрутиться — переодеться.

Соловая (кобыла) — светло-желтая.

Сопротивница — невеста, пара.

Сорочинские — сарацинские, обычный эпитет в русском эпосе при обозначении чужеземных предметов и персонажей.

Соян — сарафан особого покроя.

Сподобляться — приготовляться.

Споряду — без перерыва.

Ста́мет, стамед — шерстяная ткань.

Стегно — бедро.

Столочить — помять.

Столько — только.

Стопочка — деревянный гвоздь в стене, служащий вешалкой.

Стоснуться — стосковаться.

Сыпь — доля в складчине.

Сыть — еда, корм.

Тавлеи — старинное название игорных костей или шашек.

Тать-подорожник — вор, грабитель на дорогах.

Тетивка — веревка у основания неводов.

Томный — истомленный, усталый.

Тони — закидки, тяги невода, сети.

Торженый — выщипанный, выдерганный.

Укладен (нож) — стальной.

Украинка, украина — окраина, также местность.

Урочный — условленный.

Утин — боль в пояснице.

Фузея — старинное ружье.

Цивье, цевьё — ручка, рукоять.

Цоловальник, целовальник — сиделец в кабаке; *чумак* — в том же значении.

Чебурак — тяжелая гиря на бурлацкой лямке; *чебурацкий* — прилагательное от «чебурак».

Чембур — повод.

Черкальское (седелышко) — обычно черкасское, черкесское.

Чернедь — чернь, простолюдины.

Шалыга — дубина, посох, кнут с тяжелым привеском на конце; то же *шелепуга*.

Шебур — зипун, балахон.

Шемшур — головной убор замужней женщины.

Шильцом пятки — высокие, острые каблуки.
Шлык — женский головной убор.
Шумаркать — разговаривать громко.

Щапить, басить — щеголять, красоваться.
Щапливая (походка) — щегольская, нарочито мелкая.
Щепетко — нарядно, щегольски.

Яндова, яндовочка — братина, медный сосуд для пива, браги, меда.
Ярлык — грамота, послание.
Ярое — здесь огненное; *ярое зелье* — порох.
Ячное (пиво) — ячменное.

СОДЕРЖАНИЕ

БАЛЛАДЫ

СКОМОРОШИНЫ

Русская народная поэзия. Эпическая поэзия:
Р 89 Сборник/Вступ. статья, предисл. к разделам, подг. текста, коммент. Б. Путилова.— Л.: Худож. лит., 1984.— 440 с., ил.

В книге представлены былины, исторические песни, баллады, сатирические песни, небылицы,— все эти жанры входят в сокровищницу устной народной эпической поэзии.

Р $\frac{4702010100\text{-}072}{028(01)\text{-}84}$ 37-84 ББК 84.Р1

РУССКАЯ
НАРОДНАЯ
ПОЭЗИЯ

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Редактор *Г. Антонова*
Художественный редактор *В. Куприянов*
Технический редактор *М. Шафрова*
Корректор *А. Борисенкова*

ИБ № 3009

Сдано в набор 06.02.84. Подписано в печать 13.08.84. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Бумага кн.-журн. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 23,1 + альбом 0,84 = 23,94. Усл. кр.-отт. 26,88. Уч.-изд. л. 27,02 + + альбом = 27,69. Тираж 200 000 экз. Изд. № ЛП-58. Заказ № 1290.
Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

